

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

Москва

№5(50) 2016

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора:

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризона (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Михнева Р. – доктор исторических наук, Исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России.

Барабанов О.Н. – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Булатов А.С. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО МИД России.

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, директор центра региональных политических исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО МИД России.

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор аналитического Центра ИМИ МГИМО МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России.

Кудрявцев О.Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

Ноздрёва Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО МИД России.

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО МИД России.

Подберёзкин А.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО МИД России.

Стрельцов Д.В. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России.

Сумский В.В. – доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН ИМИ МГИМО МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Хенкин С.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Холопов А.В. – доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России.

Шаклеина Т.А. – доктор политических наук, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО МИД России.

Редколлегия:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO-University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Scientific Council:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO-University.

Barabanov O.N. – Doctor of Political Sciences, professor of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Integration Processes, MGIMO-University.

Bulatov A.S. – Doctor of Economic Sciences, Head of the World Economy Department, Russian Foreign Ministry MGIMO.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO-University.

Busygina I.M. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, Director of the Center for Regional Political Studies at Institute of International Studies, MGIMO-University.

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, head of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of the Analytical Center at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

Khenkin S.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kholopov A.V. – Doctor of Economic Sciences, Dean of International Economic Relations Faculty, MGIMO-University.

Kirillov V.B. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO-University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO-University.

Kudryavtsev O.F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and National History Department, MGIMO-University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University.

Legoyda V.R. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO-University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO-University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO-University.

Orlov A.A. – PhD in Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO-University.

Pechatnov V.O. – Doctor of Historical Sciences, Head of Department of History and Politics in Europe and America, MGIMO-University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO-University.

Podberezkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University.

Salyghin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO-University.

Shakleina T.A. – Doctor of Political Sciences, Head of Department of Applied Analysis of International Issues, MGIMO-University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Sumsky V.V. – Doctor of Historical Sciences, Director of the ASEAN Centre at MGIMO-University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO-University.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO-University.

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO-University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO-University.

Svishchev A.V. – PhD in Economics, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO-University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)										
	Вестник МГИМО- Университета		КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ 1										
	На 2016 год по месяцам												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда													
		(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому				(фамилия, инициалы)									
	ДОСТАВочная КАРТОЧКА		66009										
	на журнал		(индекс издания)										
	ПВ	место	литер										
	Вестник МГИМО-Университета												
Стои- мость		подписки		Количество комплектов		1							
		переадресовки руб.											
		На 2016 год по месяцам											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда													
		(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому				(фамилия, инициалы)									

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 21,375 усл. п.л. Заказ № 1557.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies: 2000.

Содержание

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Лебедева М.М., Харкевич М.В. – Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований	7
Истомин И.А. – Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении	20
Солянова М.В. – Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях	34
Никитин А.И. – Эволюция изучения проблематики конфликтов в контексте международной безопасности в постсоветской России	48
Колдунова Е.В. – Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина	63
Никитина Ю.А. – Российские исследования проблематики постсоветского пространства: приоритеты в выборе терминологии и структуры учебных курсов	70
Фридман О. – «Гибридная война» понятий	79
Остроменский М.П. – К теории партизана К. Шмитта: социально-политическая эвентуальность появления партизана	86
Скиженок А.В. – Культурно-религиозное измерение внешней политики России на рубеже XVII–XVIII вв.	94
Шестопад А.В., Литвак Н.В. – Научная дипломатия. Опыт современной Франции	106
Проничкин С.В. – Поддержка науки в Японии: организационные формы и финансовые механизмы.	115
Новикова В.М. – Научная политика в Испании: государственные программы и восприятие науки в обществе	128
Грачёв Е.Н. – Концептуальные основы и механизм реализации молодёжной политики ЕС	136
Жизнин С.З., Тимохов В.М. – Международные рынки изотопов	145
Валькова Д.Л. – Оценка рисков электросетевых компаний России иностранными инвесторами.	158

РЕЦЕНЗИИ

Артеев С.П. – Субгосударственные акторы в системе международных отношений	167
--	-----

Table of Contents

RESEARCH ARTICLES

Lebedeva M.M., Harkevich M.V. – Theory of International Relations In The Mirror of Contemporary Russian International Studies	7
Istomin I.A. – Evaluation of The International System In Russian Official Discourse and Academic Analysis ..	20
Soljanova M.V. – The Problem of World Order in Western IR Studies.....	34
Nikitin A.I. – Evolution Of Conflict Studies In The International Security Context In Post-Soviet Russia.	48
Koldunova E.V. – World Regional Studies as a Research Framework and Academic Discipline	63
Nikitina Ju.A. – Russian Research and Higher Education Syllabi On Post-Soviet Space: Priorities In Terminology And Structure of Courses	70
Fridman O. – A «Hybrid War» of Terms	79
Ostromenskij M.P. – K. Schmitt's Theory of Partisan: Socio – Political Eventuality of Partisan.....	86
Skizhenok A.V. – The Cultural and Religious Dimension of The Foreign Policy Of Russia At The Turn Of 17th and 18th Centuries.....	94
Shestopal A.V., Litvak N.V. – Science Diplomacy: French Experience.....	106
Pronichkin S.V. – The Support of Science In Japan: Organizational Forms And Financial Mechanisms	115
Novikova V.M. – Science Policy in Spain: National Programs and Public Perception of Science	128
Grachjov E.N. – Conceptual Bases and Implementation of the EU Youth Policy	136
Zhiznin S.Z., Timohov V.M. – International Isotopes Markets.....	145
Val'kova D.L. – Evaluation of Risks Related To Russian Power Grid Companies by Foreign Investors	158

BOOK REVIEWS

Arteev S.P. – Third Level of International Relations: Characteristics of Sub-State Actors	167
--	-----

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.М. Лебедева, М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

В статье рассматривается эволюция западных теорий международных отношений в постсоветской России, анализируется картина мира российских исследований, а также их рефлексия относительно эпистемологических оснований российской школы ТМО. В России продолжается плюрализация теоретических подходов, при этом на пути к доминирующей теории либерализм постепенно уступает место реализму. Популярность набирает конструктивизм, а теория постмодернизма остается без последователей. Российские международные исследования структурируются давней дискуссией об идентичности России, особенно о месте "Европы" в России и наоборот. Условные «западники» продолжают спорить с условными «славянофилами». Порой эти споры выливаются в требование поиска самостоятельных национальных теоретических оснований российской школы международных отношений, обостряя тем самым проблему эпистемологического релятивизма. В качестве таких оснований могут быть использованы русская духовная философия, тартуско-московская школа семиотики, русская культурология, постколониальная традиция в отечественной исторической науке.

Ключевые слова: теория, Россия, эпистемологический плюрализм, национальные школы.

Западные теории международных отношений в России

Российские международные исследования довольно разнообразны в плане их теоретических оснований. Появившаяся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. тенденция к плюрализации международных исследований, о которой писали А.П. и П.А. Цыганковы [63], продолжает действовать и сегодня. Однако ситуации всё же отличаются. На начальных этапах становления российских международных исследований, когда происходил отход от марксизма-ленинизма, а также под влиянием перестройки в международных отношениях, во-первых, резко выросло разнообразие теоретических подходов. Тогда это было непривычно, сегодня разнообразие подходов – в общем, обычное явление. Во-вторых, в начальный период стала отчетливо прослеживаться либеральная ориентация. Нельзя сказать, что либерализм был тогда доминирующим направлением. Но он оказался заметным в исследованиях международных отношений в России. Возможно, отчасти это объясняется тем, что ранее либерализм был вообще не характерен для советской научной традиции.

В 1998 г. в Москве, в МГИМО была проведена международная конференция, посвященная 350-летию заключения Вестфальского мира. Проблематика политической организации современного мира, в основу которой были положены мирные договоры 1648 г. была новой для российских исследователей. Многие доклады, представленные на ней, были ориентированы на неолиберальный подход. В конце 1990-х – самом начале 2000-х гг. в рамках либеральной традиции печатаются статьи по глобализации [27, 33, 59], демократическому миру [28], негосударственным акторам мировой политике [32, 30], демократическим транзитам [39, 45], вопросам российско-американских отношений и проблемам безопасности [29], другим вопросам.

Российские либералы обращают внимание на прозрачность национальных границ и взаимозависимость мира, на активную деятельность негосударственных акторов на мировой арене, на роль международных институтов в мировой политике и т.п.

В целом либеральное направление в России – неоднородно. Причем, работы, выполненные в либеральной традиции, можно классифицировать по разным параметрам, в частности, А.П. и П.А. Цыганковы выделяют модернизаторов, ориентированных на западные ценности, институты и т.п.; институционалистов, выступающих за включение России в международные

институты и их реформирование; социал-демократов, которые также склонны поддерживать идею включения России в международные институты, но кроме этого отмечающие российское своеобразие [63].

Впрочем, либерализм не един и в других странах. Либерализм, ориентированный на восприятие целостности мира, взаимозависимости его частей в большей степени, чем другие теоретические течения, является «космополитичным». Поэтому, отчасти, можно согласиться с Цыганковыми, что либерализм, в том числе российский либерализм, в наибольшей степени остается наиболее независимой теорией [62], но только в том смысле, что он в меньшей степени ориентируется на национальную специфику. В то же время, поскольку мир живет в «западной» (Вестфальской) модели мира, то он отражает её черты. В этом отношении трудно говорить о какой-то зависимости теоретических подходов, разве что о «зависимости» от реальности. Кстати, реализм, неомарксизм, и другие подходы также являются западными и поэтому тоже являются «зависимыми».

За 25-летний период истории постсоветской России либеральное направление эволюционировало, став менее радикальным по ряду вопросов. Так, если в 1990-х гг. в России нередко предлагались идеи тесного сближения с европейскими и евроатлантическими структурами, частичный отказ от суверенитета¹, то в настоящее время подобных работ практически нет. Когда речь идет о месте России в современном мире, в основном, обсуждаются вопросы взаимоотношения России и Запада, а не включение России в западные структуры². Проблемы экологии и климата³, вопросы безопасности [20], политической организации мира [31] и другие вопросы – также в фокусе дискуссий, затрагивающих внешнеполитические вопросы.

Либерализм не стал распространенным теоретическим подходом в российских международных исследованиях. Довольно скоро он начал явно вытесняться другими подходами. В начале 2000-х гг. особой популярностью стала пользоваться *геополитика*. Надо сказать, что первоначально российская *геополитика* в ряде случаев имела мало общего с соответствующим теоретическим течением на Западе. Появившийся в конце 1990-х гг. учебник К.С. Гаджиева «Геополитика», выдержавший несколько изданий, а также и его учебник «Введение в геополитику» [17, 18], хотя и содержали главы по истории развития *геополитики*, по существу были учебниками по международным отношениям, выполненными, скорее, в реалистской традиции.

¹ Россия в поисках стратегической стабильности. «Круглый стол» 14.02.2002. Фонд «Либеральная миссия». Available at: <http://www.liberal.ru/articles/832>

² Россия в глобальном мире и как этот мир влияет на Россию. «Круглый стол» 16.05.2013. Фонд «Либеральная миссия». Available at: <http://www.liberal.ru/articles/6145>.

³ Фонд Либеральная миссия. «Круглый стол» «Мир на пороге зеленой революции» 05.04.2016. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7030>

Внимание к геополитике со стороны российских авторов, как представляется, обусловлено, прежде всего, самим термином, который, если отвлечься от его идеологического наполнения, предполагал рассмотрение географического фактора в политике. В советский период геополитика, как термин, так и теория, были под негласным запретом, поскольку в свое время получили официальное признание в фашистской Германии. Кроме того, геополитика противоречила положению марксизма-ленинизма о классовом характере международных отношений, что фактически сводило к минимуму географический фактор. В конце XX столетия снятие в стране запретов на использование различных теоретических подходов к международным отношениям привлекло внимание среди прочих и к геополитике. Но не это всё же было главным фактором бурного развития геополитических исследований в России. Во многом её географическое положение, а именно, большая протяженность территории, расположенность как в Европе, так и в Азии, сыграли основную роль в том, что геополитика оказалась привлекательна для российских авторов. К тому же, ряд профессиональных групп, в частности, военные видели политику во многом в её географическом измерении.

Спектр авторов, пишущих в рамках геополитики, довольно широк: от достаточно одиозного, хотя и часто цитируемого А. Дугина, до умеренных авторов, которые отчасти отошли от геополитики, сделав акцент на политико-экономические связи евразийского региона. Географическое положение России сделало привлекательным геополитику для представителей евразийского направления. Однако, как замечает А.П. Цыганков, российские геополитики, несмотря на свое отрицательное отношение к Западу, активно заимствуют западные теории [47].

В целом геополитика в России, пережив бум в начале 2000-х гг. в значительной степени с фокусом на военно-стратегические аспекты, сегодня не представляет собой целостного течения. В то же время публикуются статьи по геополитике и выходят монографии. Однако то, что понимается под термином «геополитика» в современных российских исследованиях оказывается весьма расплывчатым.

Со второй половины 2010-х гг. *реализм*, пожалуй, становится преобладающим теоретическим подходом в российских международных исследованиях. Хотя, как и другие направления в теориях международных отношений, он также разнообразен и зачастую принимает формы, которые его сближают с либерализмом и иными теоретическими конструкциями. В рамках реализма выполнено абсолютное большинство работ по анализу двухсторонних отношений [48, 16], проблем международной безопасности и отношения России и НАТО [50], а также вопросам миропорядка.

Разумеется, реализм в России возник не в 2000-х гг. Его корни в советском периоде, когда формировался «интуитивный реализм». В конце 1980-х – начале 1990-х гг. несмотря на всплеск либерализма, реалистское направление продолжало существовать и перешло от «интуитивного реализма» к тем формам, которые существуют в современном мире. Развитие либерализма побудило представителей реализма в начале 1990-х гг. обратить «внимание на то, что произошло смешение двух близких, но, в сущности, совершенно не тождественных понятий – политико-ценностных ориентаций Российской Федерации и российского национального интереса» [49].

Проблема мирового порядка является одной из центральных в работах реалистов и широко обсуждается в литературе. Реалисты видят мировой порядок исключительно как конфигурацию ведущих государств мира. Отсюда большое внимание уделяется критериям лидерства на мировой арене, политике ведущих государств, распределению зон влияния и т.п. [36, 46].

Интересно, что, начиная с 1990-х гг. фиксировалась однополярность мира и подчеркивалась несостоятельность такой системы международных отношений, в связи с чем формулировалась идея перехода к многополярной системе. Необходимость построения многополярного мира неоднократно заявлялась Е.М. Примаковым [42], а затем получила развитие во многих работах российских политиков и исследователей. Требование многополярности звучало довольно чётко. Так, Д. Рогозин писал, что: «если мир будет сохраняться как однополярный, он будет просто уничтожен.... Поэтому в перспективе мир может быть только многополярным» [43]. Интересно, что ориентация на желаемое будущее фактически сближает позиции реалистов с либералами, особенно с теми, кто в начале XX в. говорил о необходимости разоружения, создания международных организаций для укрепления мира и т.п.

Надо сказать, что такое «размывание» теоретических подходов довольно типично в прикладных исследованиях. Например, в работах Е.М. Примакова, которые в основном выдержаны в реалистской традиции, появляются сюжеты, связанные, в частности, с неомарксизмом. Так, он обосновывает многополярность на основе марксистского тезиса о развитии производительных сил. Согласно, Е.М. Примакову именно развитие производительных сил формирует мировые центры Китая, Индии и России. Когда же он пишет о том, что современные центры взаимозависимы. В этом отношении многополярность, согласно Е.М. Примакову, не несёт в себе противопоставление центров, а также не предполагает их непременно конфронтацию [41]. Здесь проявляется либеральное направление. Вряд ли стоит обвинять Е.М. Примакова в эклектизме. Очевидно, что реальность всегда богаче любого теоретического направления,

на что обратили внимание в свое время П. Каценштайн и Р. Сил [53]. Поэтому, анализируя реальность, Е.М. Примаков прибегал к разным теоретическим подходам.

При определении внешнеполитического курса России дискуссия внутри реалистского направления разворачивается о том, как в географическом отношении должны быть расставлены приоритеты: должна ли Россия в большей степени ориентироваться на СНГ, Китай и другие страны Востока, или США и Западную Европу? [58].

Неомарксизм, понимаемый в самом широком смысле (включая современный марксизм-ленинизм), в российской политической науке в большей степени проявляется при анализе внутривнутриполитической ситуации, но и в международных исследованиях можно обнаружить неомарксистскую направленность.

Корни российского неомарксизма лежат отчасти в советском периоде, но это только отчасти. Марксизм-ленинизм является особым направлением, нетождественным марксизму, а по оценкам отдельных исследователей марксизм как метод анализа имел вообще мало общего с марксизмом-ленинизмом [25]. Например, Е.М. Примаков возражает против тезиса марксизма-ленинизма о неизбежности мировой революции и непримиримых противоречиях между государствами с различными политическими устройствами [41].

Итак, в российских международных исследованиях, можно проследить противопоставление марксизма и марксизма-ленинизма. Тем не менее некоторые авторы, особенно те, кто выступает с резкой критикой «перестройки», а также российских реформ, последовавших после 1991 г., продолжают следовать многим классическим принципам марксизма-ленинизма. Так, Н.С. Леонов исходит из наличия непримиримых противоречий между социализмом и капитализмом и продолжающейся холодной войне Запада против России [35].

В то же время А.Н. Косолапов указывает, что системный анализ и принцип историзма, взятые из марксизма, являются важными инструментами для анализа современных международных отношений [25].

При проведении прикладных работ прослеживается марксистская ориентация в анализе ряда проблем, таких как например, отношения между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом» [14]. Есть также работы, выполненные в рамках мир-системного анализа и теории зависимости, но все они не образуют mainstream российских международных исследований.

Прикладных исследований по международным отношениям, выполненных в пост-модернистских традициях, в России крайне мало. Хотя есть ряд интересных работ, которые в той или иной степени отражают пост-модернистское направление [57, 21]. В последние годы популярность стал приобретать конструктивизм.

Картина мира российских исследователей-международников

Представления о теоретических направлениях и дискуссиях в российских международных исследованиях будет неполным, если из него исключить более общую картину мира российских исследователей. На необходимость такого широкого рассмотрения теоретических позиций ученых указывали, в частности Х. Алкер и Т. Бирстекер [52], а из российских авторов – А.П. Цыганков [47]. Представляется, что для России картина мира исследователей, занимающихся изучением международных отношений, является особенно важной, поскольку традиционно в ней ведутся споры между западниками и славянофилами, т.е. между западной ориентацией, и теми, кто выступает за самобытный путь развития России. Эта хорошо показано в работах А.П. Цыганкова [60]. Однако проблема не ограничивается географической ориентацией российских исследователей и их пониманием современной роли государства: являются ли они государственниками (ориентированными на сильное государство), или нет, о чём писал А.П. Цыганков [61]. Очевидно, что «западники» придерживаются в основном либеральных традиций в международных исследованиях, в то время как реалисты представлены, главным образом, «государственниками» («державниками»), а для славянофилов характерна евразийская ориентация, что отражает взгляды как реалистов, так и геополитиков.

Картина мира российских исследователей международных отношений представлена более широкой палитрой красок, чем только цивилизационных. В неё входят, прежде всего, представления о политической организации современного мира. Российские исследователи, не зависимо от теоретической направленности или цивилизационных взглядов, почти одинаково воспринимали политическую организацию современного мира. Она воспринимается ими через национальные государства с их суверенитетами. Отсюда большое внимание в российских исследованиях уделяется проблеме национального суверенитета [22, 23]. В этом отношении российские исследования хорошо отражают тот факт, что Россия в классификации государств – Вестфальские, довестфальские и поствестфальские – относится к категории Вестфальских государств.

Вопросы Вестфальской системы мира, которые интенсивно обсуждались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в исследованиях второй половины 2010-х гг., оказались на периферии исследовательского интереса. Подобных работ немного [31]. Изучение межгосударственных отношений, государств-лидеров определяет основные исследовательские направления. Данная ситуация обусловлена во многом бурным развитием реализма в России. Этот mainstream повлек за собой и то, что проблема трансформации политической организа-

ции мира сводится к поиску новой структуры межгосударственных отношений после распада биполярной системы, что является одной из наиболее обсуждаемых проблем в современных российских международных отношениях. Примечательно, что не только реалисты заняты обсуждением структуры межгосударственных отношений, но также и те, кто позиционировал себя, скорее, как представители либерального направления [8, 9, 10].

При рассмотрении проблем глобального управления представители либерального направления также нередко воспринимают его с точки зрения укрепления исключительно международных институтов [7], хотя есть и работы, в которых подчеркивается необходимость системы многоуровневого глобального управления, причем как представителями либерализма и конструктивизма [34], так и теми, кто чаще придерживается реалистской ориентации в международных исследованиях [4].

На восприятие картины политической организации мира влияет базовое образование российских исследователей. Особенно явно это проявлялось в 1990-х – начале 2000-х гг., когда происходило становление российских международных исследований. А.Д. Богатуров выделил две школы в российской науке: политико-социологическую (мирополитическую) и историко-международную. Представители первой школы являлись в основном выпускниками и сотрудниками философского, социологического, психологического факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. Представители второй школы – исследователи, получившие образование в МГИМО и на исторических факультетах различных университетов страны [13]. В последующие годы это деление на две школы стало размываться: такое образование перестало быть ключевым критерием водораздела.

Мирополитическая школа инициировала дискуссии в российских журналах о предметных областях мировой политики и международных отношений. Если в американской и европейской литературе между этими дисциплинами нет четких различий, и оба понятия используются как часто синонимы, то в российской политической науке было предложено их различать: международные отношения как традиционные межгосударственные отношения, а мировая политика – как более широкое понятие, включающая в себя весь комплекс взаимодействия на мировой арене [30]. Были и другие попытки определения понятия мировой политики, например, предлагалось её понимать в качестве «нерасчлененной суммы внешних и внутренних политик» [13]. П.А. Цыганков даёт следующие характеристики мировой политики. Во-первых, мировая политика подчеркивает наличие феномена транснационализации. Причем, как он отмечает, происходит не только воздействие внутреннего мира во внешний, но и обратный процесс: проникновение внешнего

во внутригосударственные отношения. Во-вторых, мировая политика указывает на активность негосударственных акторов, образующих сетевые взаимоотношения. В-третьих, в фокусе мировой политики оказывается «многообразные проявления взаимозависимости и признаки формирования управляемого мирового сообщества» [64, с. 16].

Ещё один из параметров картины мира исследователей определяется тем, воспринимается ли ими мир как целостное образование, или преимущественно как совокупность регионов [44], которые взаимодействуют между собой и в значительной степени конкурируют [19]. Большинство международных исследований в России в настоящее время, скорее, представлено вторым направлением. Причины в том, что, во-первых, традиционно, региональные исследования были широко представлены в национальной науке. Особенно были развиты восточные исследования. В настоящее время большое внимание уделяется Китаю [15], Индии [37], другим странам АТР, безусловно, в центре внимания российских исследователей США и Европа, а также страны постсоветского пространства. В последние годы больше интереса стало проявляться к Латинской Америке. В связи с событиями «арабской весны» резко возросло количество публикаций по Ближнему Востоку и странам Северной Африки. В меньшей степени в фокусе внимания оказываются страны африканские страны к югу от Сахары, за исключением, пожалуй, Южной Африки. Во-вторых, в практическом плане (а международные исследования в России в значительной степени ориентированы на практику), изучение стран и регионов более востребовано, нежели общие рассуждения о развитии международных отношений и глобальных проблемах. В-третьих, в современном мире выстраиваются новые объединения, одним из инициаторов или центром которых является Россия: БРИКС, Евразийский экономических союз, ШОС, ОДКБ и другие. Соответственно, эти объединения привлекают внимание исследователей, в том числе, и в сравнительном ракурсе [6, 40, 5, 26]. В значительной части все этих исследований различные аспекты рассматриваются через определение места и роли России.

Рефлексия теоретических подходов в работах российских исследователей

Внимание непосредственно к теоретическим подходам, осмысление теоретических подходов является заметной частью научного дискурса российских международных исследований. Однако этот дискурс охватывает не большой круг российских ученых.

Причин интереса к теоретическим вопросам несколько. Отсутствие в прошлом не только исследований по теоретическим проблемам, но и даже знакомства с зарубежными работами по теориям международных отношений, безусловно, породил серию публикаций по изложению

основных теоретических направлений, которая была направлена на освоение зарубежного опыта. Кроме того, сильные философские традиции в России явились хорошей основой для восприятия теоретических работ по международным отношениям российскими исследователями. Наконец, важным в развитии теоретических исследований является личностный фактор. Целый ряд отечественных авторов, в том числе Т.А. Алексеева, В.Н. Конышев, А.А. Сергунин, А.П. Цыганков, П.А. Цыганков и ряд других задают тон дискуссии.

Что касается небольшого круга российских исследователей, вовлеченных в обсуждение теоретических вопросов, то и это объясняется наследием прошлого. В советских период фактически единственным формой представления материала по международным отношениям было эссе, не предполагающее обсуждение теоретических подходов. Для многих современных авторов этот формат по-прежнему остался единственным. Впрочем, теоретические работы вряд ли могут где-либо и когда-либо иметь массовый характер. Большинство исследований по международным отношениям, как в России, так и в мире все же представлено прикладными работами.

В рамках теоретических направлений исследований российских авторов А.П. Цыганков выделяет две группы: универсалистов и изоляционистов. Первые видят необходимость интеграции российских международных исследований в западные. Вторые рассматривают такой путь как неприемлемый, ведущий фактически ликвидации российской специфики и российских теоретических исследований. Эти два направления отражают ценностные ориентиры «западников» и «почвенников» [47]. А.П. Цыганков исходит из того, что российская теория международных отношений не может развиваться, с одной стороны, без взаимодействия с общемировой наукой, с другой – без обращения к анализу русской мысли.

В выделении «западников» и «почвенников», а также общемировой науки и «русской мысли» содержится более глубокая проблема эпистемологического универсализма/партикуляризма в общественных науках в целом. В ТМО этот вопрос обострился после становления и развития в ней постпозитивизма [54]. Существование различных национальных школ в теории международных отношений можно интерпретировать теперь по-другому. Это либо национальные сообщества ученых, которые тем не менее объединены общим пониманием науки (как правило позитивистским), либо это «национальные» версии общественной науки как таковой. Если первый вариант, тогда в каждой стране и нации можно искать и находить своих «реалистов», «либералов», «конструктивистов». Они будут цитировать общемировых (как правило, американских) авторов, пользоваться общемировыми методами поиска и проверки

ответов на исследовательские вопросы (как правило, позитивистскими). Если интерпретировать национальные школы вторым способом, тогда следует говорить о «русской теории международных отношений», «французской теории международных отношений» и т.д., подразумевая, что национальные школы – это по сути парадигмы, которые характеризуются в том числе обнаруженной Т. Куном межпарадигмальной несовместимостью. Любопытно, что популярная сейчас в России концепция «полицентричности» (ранее «многополярности») иногда понимается в отечественных исследованиях как всеобъемлющая характеристика современного мира, т.е. она относится не только к политической, но в том числе и к эпистемологической сфере [55]. Таким образом, призыв к взаимодействию с мировой наукой и к использованию русской мысли может означать как дополнение универсальных парадигм, таких как реализм и либерализм, результатами исследований кейсов с российской эмпирикой (что обычно ожидается нашими западными коллегами), а также поиском либеральных или реалистских идей у русских мыслителей, так и построение национальной школы международных отношений на самостоятельном парадигмальном основании и объявление эпистемологического суверенитета России в ТМО с требованием к другим государствам соблюдения межпарадигмального равноправия и взаимного эпистемологического уважения. К первой позиции скорее тяготеют «западники», ко второй – «почвенники». Путь «почвенников» гораздо сложнее «западников», поэтому последние продвинулись дальше первых. Мы можем говорить о российских либералах и реалистах, но утверждать, что существует российская парадигма ТМО пока преждевременно.

Следует отметить, что поиск русской парадигмы ТМО может осуществляться только на постпозитивистских началах, т.к. позитивизм универсален. В этом смысле хорошим подспорьем может оказаться русская духовная философия [12], тартуско-московская школа семиотики [38] и культурология. Потенциал для российской парадигмы ТМО также содержит в себе постколониальная традиция. С одной стороны, с помощью этой традиции можно описывать отношения между Россией и Западом [56], так и политическую историю самой России, с другой [51].

В качестве примера возможного вклада отечественной культурологии можно привести исследования М.М. Бахтина, его представления о диалоге. Понятие «диалог» является одним из наиболее распространенных понятий в международных отношениях. Однако нередко здесь оно используется для обозначения обмена информацией, заявлений позиций, встреч представителей и т.п. Подобный «диалог» порой не только не ведёт к взаимопониманию, но иногда обостряет конфликт. Принципиально

иное понимание диалога содержится в работах М.М. Бахтина. Для него он выступает прежде всего как взаимовлияние и взаимоизменения участников общения. М.М. Бахтин пишет: «Утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект – таков принцип мировоззрения Достоевского» [11, с. 11]. Применительно к международным отношениям и мировой политике диалог по своей сути является противоположностью различных манипулятивных технологий. Он не может быть односторонним, он всегда имеет «двухстороннее движение». Диалог требует времени и знаний своей, а также другой культуры. А его результат – изменение обоих субъектов.

Удивительно, но на этот факт мало кто обращает внимание в международных исследованиях. Даже те авторы, которые подчёркивают необходимость не только силового взаимодействия на международной арене, часто исходят из того, что воздействие является односторонним. В лучшем случае говорится о необходимости обратной связи с партнером по диалогу. Изменения обоих субъектов в ходе диалога практически выпадает из анализа.

Логическим продолжением подхода к теории МО, как совокупности знаний и представлений не только российской культуры но и в целом человечеством, является направление предложенное Т.А. Алексеевой. Она видит теорию международных отношений как часть современной политической мысли, поэтому ее разработка не может быть в отрыве от политической философии и в целом от политической теории [1]. Более того, теория должна вобрать в себя знания даже из естественных наук. Именно по этой причине в фокусе анализа Т.А. Алексеевой, А.П. Минеева, И.Д. Лошкарёва [2] оказалась одна из последних книг А. Вендта, посвященная гипотезе «квантового разума» [65].

Таким образом, теоретические исследования развиваются в России. Здесь вряд ли стоит говорить о слишком затяжном этапе овладения мировым теоретическим наследием или быть критично настроенным относительно отсутствия теоретических направлений, разработанных в России. Можно, наверное, лишь констатировать, что Россия имеет хороший потенциал для вклада в общемировую теорию международных отношений.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. Москва: Аспект Пресс, 2015. 623 с.
2. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №3. С. 7-16.
3. Ильин М.В., Кудряшова И.В. (ред.). Асимметрия мировой системы суверенитета. Зоны проблемной государственности. Москва: МГИМО, 2011. 248 с.
4. Афонцев С.А. Будущее глобального управления. Москва: РСМД, 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2517#top-content (Дата проверки 08.08.2016 г.)
5. Афонцев С.А., Лебедева М.М. (ред.). Россия в современных интеграционных процессах. Москва: МГИМО, 2014. 312 с.
6. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели зарубежной интеграции в зарубежной Европе и тихоокеанской Азии. Москва: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
7. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. Москва: МГИМО-Университет, 2006. 256 с.
8. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть I). // Полис. Политические исследования. 2012. № 3. С. 36-44
9. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Часть II. Качественные параметры. // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 63-73
10. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть III). Функционирование международной системы. // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 148-158
11. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
12. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
13. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1. С. 16-33.
14. Боришполец К.П. Разрыв между Югом и Севером // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. Москва: Издательство «Просвещение», 2004. С.311-333.
15. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. Москва: Муравей, 2004. 608 с.

■ Исследовательские статьи

16. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. Москва: Московский общественный научный фонд, 1999. 412 с.
 17. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Москва: Логос, 2000. 257 с.
 18. Гаджиев К.С. Геополитика. Москва: Международные отношения, 1997. 383 с.
 19. Громыко А. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 5-14.
 20. Загорский А.В. Разговоры об угрозе со стороны НАТО не имеют под собой реальной военной основы. Россия и Запад: Внешняя политика Кремля глазами либералов / под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. С. 10-18.
 21. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 127-140.
 22. Ильин М.В., Кудряшова И.В. Суверенитет. Трансформация понятий и практик. Москва: МГИМО, 2008. 228 с.
 23. Кокошин А.А. Реальный суверенитет. Москва: Издательство «Европа», 2006. 180 с.
 24. Кортунов С.В. Россия на пути к мировому лидерству // Безопасность Евразии. 2008. № 4. С. 7-35;
 25. Косолапов Н.А. Россия и новый мировой порядок в отсутствие левой альтернативы // Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: Пер Се. 2005. С.175-200.
 26. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Западном полушарии. Москва: МГИМО, 2014. 318 с.
 27. Кувалдин В. Б. Глобализация: рождение мегаобщества // Постиндустриальный мир и Россия / Хорос В.Г., Красильщиков В.А. (ред.). Москва, Эдиториал УРСС. 2001. С. 105-116;
 28. Кулагин В.М. Мир в ХХI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica (Гипотеза демократического мира в контексте альтернатив мирового развития) // Полис. 2000. № 1. С. 23-37.
 29. Кулагин В.М. Россия – США. Кое-что начинает получаться // Международная жизнь. 2001. № 12. С.10-18.
 30. Лебедева М.М. Мировая политика. Москва: Аспект Пресс, 2003. 351 с.
 31. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО, 2016. № 2. С. 125-133.
 32. Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития / М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев (ред.). М.: Экономика, 2001. С. 152-169.
 33. Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76-84.
 34. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. Москва: МГИМО-университет, 2013. 219 с.
 35. Леонов Н.С. Холодная война против России. Массово-политическое издание. Москва: Издательство Эксмо Алгоритм, 2010. 240 с.
 36. Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. М.: Красанд, 2010. 352 с.
 37. Лунев С.И. Индийская цивилизация в глобализирующемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 74-83.
 38. Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе //История и типология русской культуры. 2002. С. 5-20.
 39. Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. Москва: МГИМО, 1999. 54 с.
 40. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. Том 17. № 2 (97). С. 45-53.
 41. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. Москва: Российская газета, 2009. 240 с.
 42. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. Москва: Мысль, 2002. 200 с.
 43. Rogozin D.O. Новые измерения международной безопасности и проблемы урегулирования в Афганистане. После 11 сентября (сборник статей и документов). Москва. Совет по внешней политике. Комитет Государственной Думы по внешней политике. 2001. URL: <http://velikoross.org/wp-content/uploads/2014/05/mir-posle-11-sentyabrya-2001.pdf> (Дата проверки 08.08.2016 г.)
 44. Семененко И.С. (ред.). Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2-х томах. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 648 с.
 45. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999. 146 с.
 46. Темников Д.М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // Международные процессы. 2003. № 2. С. 80-90.
 47. Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: Какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65-83.
-

48. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). Москва: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
49. Шаклеина Т.А., Богатуров А.Д. Место реализма в российских исследованиях международных отношений. Российская наука международных отношений: новые направления // Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М: Пер Се. 2005. С. 123-146.
50. Штоль В.В. Армия «нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. 384 с.
51. Эткин А. М. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
52. Alker H., Biersteker Th. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire // International Studies Quarterly. 1982. Vol. 28, No. 2. Pp. 121–142.
53. Katzenstein P., Sil R. Eclectic Theorizing in the Study and Practice of International Relations. Oxford Handbook of International Relations, Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 110-130.
54. Lapid Y. The third debate: On the prospects of international theory in a post-positivist era //International Studies Quarterly. 1989. Vol. 33. No. 3. Pp. 235-254.
55. Makarychev A., Morozov V. Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // International Studies Review. 2013. Vol. 15, no. 3. Pp. 328-350.
56. Neumann I. B. Russia and the idea of Europe: a study in identity and international relations. Psychology Press, 1996.
57. Sergeev V.M., Akimov V.P., Lukov V.B., Parshin P.B. Interdependence in a Crisis Situation. A Cognitive Approach to Modelling the Caribbean Crisis // Journal of Conflict Resolution. 1990. Vol.34. No. 2. Pp. 179-207.
58. Shakleina T.A., Bogaturov A.D. The Russian Realist school of International Relations // New Directions in Russian International Studies / Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005.
59. Trenin D. The End of Eurasia. Washington, D.C.: Carnegie Moscow Center, 2001. URL: <http://jozefdarski.pl/uploads/zalacznik/7134/dmitritrenin-theendofeurasiarussiaontheborderbetweengeopoliticsandglobalization2002.pdf>
60. Tsygankov A.P. Funding a Civilizational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy // Geopolitics. 2007. T. 12. № 3. Pp. 375-399.
61. Tsygankov A.P. Whose World Order? Russia's perception of American ideas after the Cold War. Notre Dame, Ind., 2004.
62. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR // International Political Sociology. 2007. Vol. 1, Issue 4. Pp. 307-324.
63. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Dilemmas and Promises of Russian Liberalism/ Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Verlag, 2005. Pp. 83-106.
64. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. New Directions in Russian International Studies: pluralization, Westernization, and isolationism. New Directions in Russian International Studies / Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005. Pp. 13-35.
65. Wendt A. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Об авторах

Лебедева М.М. – д.полит.н., к.псих.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: world-politics@mgimo.ru.

Харкевич М.В. – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharekvich@mail.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41004

THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MIRROR OF CONTEMPORARY RUSSIAN INTERNATIONAL STUDIES

Marina M. Lebedeva, Maxim V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the evolution of Western theories of international relations in the post-Soviet Russia, it analyzes the world view of Russian international scholars, as well as their reflection on the epistemological foundations of the probable Russian IR school. It states that pluralization of theoretical approaches continues in Russia, while liberalism is gradually giving up to realism on the way to the dominant theory. Constructivism is gaining popularity and postmodernism remains without followers. Russian international studies are structured by a long-standing debate about the identity of Russia. "Westerners" continue to argue with "Slavophiles." Sometimes these arguments translate into a cry for building independent national school of international relations, thereby exacerbating the problem of epistemological relativism. The bases for the school may be found in Russian spiritual philosophy, the Tartu-Moscow school of semiotics, Russian cultural studies, postcolonial tradition of national historical science.*

Key words: theory, Russia, epistemological pluralism, national schools.

References

1. Alekseeva T.A. *Sovremennaiia politicheskaiia mysl' (20-21 vv.). Politicheskaiia teoriia i mezhdunarodnye otnosheniia* [Modern political thought (XX-XXI centuries.). Political theory and international relations]. Moscow: Aspect Press, 2015. 623 p. (In Russian).
2. Alekseeva T.A., Mineev A.P., Loshkarev I.D. «Zemlia smiateniia»: kvantovaia teoriia v mezhdunarodnykh otnosheniakh? ["Land of confusion": the quantum theory in international relations?] *MGIMO Review of International Relations*. 2016. No 3. Pp. 7-16. (In Russian).
3. Il'in M.V., Kudriashova I.V. (Eds.). *Asimetriia mirovoi sistemy suvereniteta. Zony problemnoi gosudarstvennosti* [The asymmetry of the global system of sovereignty. Areas of concern statehood]. Moscow: MGIMO-University Press, 2011. 248 p. (In Russian).
4. Afontsev S.A. *Budushchee global'nogo upravleniia* [The future of global governance]. Moscow: RCFR, 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2517#top-content (In Russian).
5. Afontsev S.A., Lebedeva M.M. (red.). *Rossiia v sovremennykh integratsionnykh protsessakh* [Russia in the modern integration processes]. Moscow: MGIMO-University Press, 2014. 312 p. (In Russian).
6. Baikov A.A. *Sravnitel'naia integratsiia. Praktika i modeli zarubezhnoi integratsii v zarubezhnoi Evrope i tik-hookeanskoi Azii* [Comprehensive integration. Practice and foreign models of integration in Europe and overseas Asia Pacific]. Moscow: Aspect Press, 2012. 256 p. (In Russian).
7. Barabanov O.N., Golitsyn V.A., Tereshchenko V.V. *Global'noe upravlenie* [Global governance]. Moscow: MGIMO-University Press, 2006. 256 p.
8. Baranovskii V. G. Osnovnye parametry sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii (Chast' I). [Basic parameters of the modern system of international relations (Part I)]. *Polis. Political studies*. 2012. No 3. Pp. 36-44. (In Russian).
9. Baranovskii V. G. Osnovnye parametry sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii. Chast' II. Kachestvennye parametry [Basic parameters of the modern system of international relations. Part II. Qualitative parameters]. *Polis. Political studies*. 2012. No 4. Pp. 63-73. (In Russian).
10. Baranovskii V. G. Osnovnye parametry sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii (Chast' III). Funktsionirovanie mezhdunarodnoi sistemy [Basic parameters of the modern system of international relations (Part III). The functioning of the international system] *Polis. Political studies*. 2012. No. 5. Pp. 148-158. (In Russian).
11. Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Literature, 1972. 470 p. (In Russian).
12. Berdiaev N.A. *Russkaia ideia: Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea: The main problems of Russian thought of the 19th century and early 20th century]. Moscow: Azbuka-Attikus, 2015. 320 p. (In Russian).
13. Bogaturov A.D. *Poniatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse* [The concept of world politics in the theoretical discourse] *International processes*. 2004. No 1. Pp. 16-33. (In Russian).

14. Borishpolets K.P. Razryv mezhdu lugom i Severom [The gap between the South and the North]. *Contemporary International Relations and World Politics*. Ed. A.V. Torkunov. Moscow: Education Publisher, 2004. Pp. 311-333. (In Russian).
15. Voskresenskii A.D. Kitai i Rossiia v Evrazii: istoricheskaiia dinamika politicheskikh vzaimovliianii [China and Russia in Eurasia: historical dynamics of political interferences]. Moscow: Ant, 2004. 608 p. (In Russian).
16. Voskresenskii A.D. Rossiia i Kitai: teoriia i istoriia mezhgosudarstvennykh otnoshenii [Russia and China: theory and history of interstate relations]. Moscow: Moscow Public Science Foundation, 1999. 412 p. (In Russian).
17. Gadzhiev K.S. Vvedenie v geopolitiku [Introduction to geopolitics]. Moscow: Logos, 2000. 257 p. (In Russian).
18. Gadzhiev K.S. Geopolitika [Geopolitics]. Moscow: International Relations, 1997. 383 p. (In Russian).
19. Gromyko A. Rossiia, SShA, malaia Evropa (ES): konkurentsii za liderstvo v mire polititsentrichnosti [Russia, the United States, a small Europe (EU) competition for leadership in the world polycentric] *Modern Europe*. 2015. 4 (64). Pp. 5-14. (In Russian)
20. Zagorskii A.V. Razgovory ob ugroze so storony NATO ne imeiut pod soboi real'noi voennoi osnovy. Rossiia i Zapad: Vneshniaia politika Kremliia glazami liberalov [Talking about the threat from NATO are without a real military base. Russia and the West: the Kremlin's foreign policy through the eyes of the liberals]. Ed. by M. Kliamkin: Fund "Liberal Mission", 2009, pp 10-18. (In Russian).
21. Il'in M.V. Politicheskii diskurs: slova i smysly [Political Discourse: Words and Meanings] *Polis. Political studies*. 1994. № 1. Pp. 127-140. (In Russian).
22. Il'in M.V., Kudriashova I.V. Suverenitet. Transformatsiia poniatii i praktik [Sovereignty. The transformation of concepts and practices]. Moscow: MGIMO-University Press, 2008. 228 p. (In Russian).
23. Kokoshin A.A. Real'nyi suverenitet [Real sovereignty]. Moscow: "Europe" Publishing House, 2006. 180 p. (In Russian).
24. Kortunov S.V. Rossiia na puti k mirovomu liderstvu [Russia on the path to global leadership] *Security of Eurasia*. 2008. No 4. Pp 7-35. (In Russian).
25. Kosolapov N.A. Rossiia i novyi mirovoi poriadok v otsutstvie levoi al'ternativy [Russia and the new world order in the absence of a left alternative] *Russian science of international relations: new directions*. Ed. A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Moscow: Per Se. 2005. Pp.175-200. (In Russian).
26. Kostyunina G.M. Integratsionnye protsessy v Zapadnom polusharii [Integration processes in the Western Hemisphere]. Moscow: MGIMO-University Press, 2014. 318 p. (In Russian).
27. Kuvaldin V. B. Globalizatsiia: rozhdenie megaobshchestva [Globalization: birth megaobshchestva] in *Postindustrial'nyi mir i Rossiia* [Post-industrial world, and Russia] Ed. by Horos V.G., Dyers V.A. Moscow, URSS Publ. 2001. Pp 105-116. (In Russian).
28. Kulagin V.M. Mir v 21 v.: mnogopolusnyi balans sil ili global'nyi Pax Democratica (Gipoteza demokraticeskogo mira v kontekste al'ternativ mirovogo razvitiia) [The world in 21: multipolar balance of power or global Pax Democratica (hypothesis of a democratic peace in the context of global development alternatives)]. *Polis*. 2000. № 1. Pp. 23-37. (In Russian).
29. Kulagin V.M. Rossiia – SShA. Koe-cto nachinaet poluchat'sia [Russia - USA. Something starts to turn] *International Affairs*. 2001. № 12. Pp.10-18. (In Russian).
30. Lebedeva M.M. *Mirovaia politika* [Global politics]. Moscow: Aspect Press, 2003. 351 p. (In Russian).
31. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoi organizatsii mira: "ideal'nyi shtorm" [The system of political organization in the world, "the perfect storm"] *MGIMO Review of International Relations*. 2016. No 2. Pp. 125-133. (In Russian).
32. Lebedeva M.M. Formirovanie novoi politicheskoi struktury mira i mesto Rossii v nei [Formation of a new political structure of the world and Russia's place in it] in *Megatrendy mirovogo razvitiia* [World Development Megatrends] Ed. by M.V. Ilyin, V.L. Inozemtsev (eds.). Moscow: Economics, 2001. Pp 152-169. (In Russian).
33. Lebedeva M.M., Mel'vil' A.Iu. «Perekhodnyi vozrast» sovremennogo mira ["Transitional Age" of the modern world] *International Affairs*. 1999. № 10. Pp. 76-84. (In Russian).
34. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Kasatkin P.I. *Global'noe upravlenie* [Global governance]. Moscow: MGIMO-University Press, 2013. 219 p. (In Russian).
35. Leonov N.S. *Kholodnaia voina protiv Rossii. Massovo-politicheskoe izdanie* [The Cold War against Russia. Mass-political publication]. Moscow: Eksmo Publishing algorithm, 2010. 240 p. (In Russian).
36. *Liderstvo i konkurentsii v mirovoi sisteme: Rossiia i SShA* [Leadership and Competition in the global system: Russia and the United States] Ed. By A.D. Bogaturov, T.A. Shakleina. Moscow: KRASAND, 2010. 352 p. (In Russian).
37. Lunev S.I. Indiiskaia tsivilizatsiia v globaliziruiushchemsya mire [Indian civilization in a globalizing world] *World Economy and International Relations*. 2003. No 3. Pp. 74-83. (In Russian).
38. Lotman M.Iu. Semiotika kul'tury v tartusko-moskovskoi semioticheskoi shkole [Semiotics of culture in the Tartu-Moscow school of semiotics] *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture]. 2002. Pp. 5-20. (In Russian)

■ Исследовательские статьи

39. Mel'vil' A.Iu. *Vneshnie i vnutrennie faktory demokraticeskikh tranzitov* [External and internal factors of democratic transitions]. Moscow: MGIMO-University Press, 1999. 54 p. (In Russian).
 40. Nikitina Iu.A. ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeistviia v sfere regional'noi bezopasnosti [CSTO and SCO as a model of interaction in the sphere of regional security] *Security Index*. 2011. Vol. 17. No. 2. Pp. 45-53. (In Russian).
 41. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaia blizorukost'* [World without Russia? Where does the political short-sightedness]. Moscow: The Russian newspaper, 2009. 240 p. (In Russian).
 42. Primakov E.M. *Mir posle 11 sentiabria* [The world after September 11th]. Moscow: Thought Publ., 2002. 200 p. (In Russian).
 43. Rogozin D.O. *Novye izmereniia mezhdunarodnoi bezopasnosti i problemy uregulirovaniia v Afganistane. Posle 11 sentiabria* [New dimensions of international security and the settlement of the problem in Afghanistan. After September 11]. Moscow: The Council on Foreign Relations. The State Duma Committee on Foreign Relations. 2001. URL: <http://velikoross.org/wp-content/uploads/2014/05/mir-posle-11-sentyabrya-2001.pdf> (In Russian).
 44. Semenenko IS (Eds.). *Global'nyi mir: k novym modeliam natsional'nogo i regional'nogo razvitiia* [The global world: new models of national and regional development]. In 2 vols. Moscow: IMEMO, 2014. 648 p. (In Russian).
 45. Sergeev V.M. *Demokratiia kak peregovornyi protsess* [Democracy as a process of negotiations]. Moscow: MONF Publ., 1999. 146 p. (In Russian).
 46. Temnikov D.M. *Poniatie mirovogo liderstva v sovremennom politicheskom diskurse* [World leadership concept in today's political discourse] *International processes*. 2003. No. 2. Pp. 80-90. (In Russian).
 47. Tsygankov A.P. *Rossiiskaia teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii: Kakoi ei byt'?* [Russian theory of international relations: What's it to be?] *Comparative Politics*. 2014. No. 2. Pp. 65-83. (In Russian).
 48. Shakleina T.A. *Rossii i SShA v novom mirovom poriadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991-2002)* [Russia and the United States in the new world order. Discussions in the political and academic communities of Russia and the United States (1991-2002)]. Moscow: Institute of USA and Canada Studies, 2002. 445 p. (In Russian).
 49. Shakleina T.A., Bogaturov A.D. *Mesto realizma v rossiiskikh issledovaniakh mezhdunarodnykh otnoshenii*. [Place of realism in Russian studies in international relations] *Rossiiskaia nauka mezhdunarodnykh otnoshenii: novye napravleniia* [Russian science of international relations: new directions] Ed. by A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Moscow: Per Se. 2005. Pp 123-146. (In Russian).
 50. Shtol' V.V. *Armiia «novogo mirovogo poriadka»* [The army of the "new world order"]. Moscow: OGI, 2010. 384 p. (In Russian).
 51. Etkind A. M. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Polity, 2011.
 52. Alker H., Biersteker Th. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savoir Faire. *International Studies Quarterly*. 1982. Vol. 28, No. 2. Pp. 121-142.
 53. Katzenstein P., Sil R. *Eclectic Theorizing in the Study and Practice of International Relations. Oxford Handbook of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 110-130.
 54. Lapid Y. The third debate: On the prospects of international theory in a post-positivist era. *International Studies Quarterly*. 1989. Vol. 33. No. 3. Pp. 235-254.
 55. Makarychev A., Morozov V. Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR. *International Studies Review*. 2013. Vol. 15, no. 3. Pp. 328-350.
 56. Neumann I.B. *Russia and the idea of Europe: a study in identity and international relations*. Psychology Press, 1996.
 57. Sergeev V.M., Akimov V.P., Lukov V.B., Parshin P.B. Interdependence in a Crisis Situation. A Cognitive Approach to Modelling the Caribbean Crisis. *Journal of Conflict Resolution*. 1990. Vol.34. No. 2. Pp. 179-207.
 58. Shakleina T.A., Bogaturov A.D. The Russian Realist school of International Relations in *New Directions in Russian International Studies*. Ed. by Andrei P. Tsygankov, Pavel A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005.
 59. Trenin D. The End of Eurasia. Washington, D.C.: Carnegie Moscow Center, 2001. URL: <http://jozefdarski.pl/uploads/zalacznik/7134/dmitritrenin-theendofeurasiarussiaontheborderbetweengeopoliticsandglobalization2002.pdf>
 60. Tsygankov A.P. Funding a Civilizational Idea: "West," Eurasia," and "Euro-East" in Russia's Foreign Policy. *Geopolitics*. 2007. Vol. 12. No. 3. Pp. 375-399.
 61. Tsygankov A.P. *Whose World Oder? Russia's perception of American ideas after the Cold War*. Notre Dame, Ind., 2004.
 62. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR. *International Political Sociology*. 2007. Vol. 1, No. 4. Pp. 307-324.
-

63. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. *Dilemmas and Promises of Russian*. Stuttgart: Verlag, 2005. Pp. 83-106.
64. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. New Directions in Russian International Studies: pluralization, Westernization, and isolationism in *New Directions in Russian International Studies*. Ed. by A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005. Pp. 13-35.
65. Wendt A. *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

About the authors

Marina M. Lebedeva – Ph. D. (Psychology), Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO-University. E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

Maxim V. Kharkevich – PhD in Political Science, Associate Professor of World Politics, MGIMO-University. E-mail: kharkevich@mail.ru.

This article was prepared with the support of the grant number 16-23-41004 RHF.

РЕФЛЕКСИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

И.А. Истомин

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ.
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье проводится сравнение российского официального и экспертного внешнеполитических дискурсов на примере осмысления одной из важнейших характеристик глобальной системы – соотношения центров силы и принципов выстраивания отношений между ними. Автор предпринимает попытку выявить действительный и возможный вклад исследователей в отечественный внешнеполитический процесс. Концептуальные документы и программные выступления руководства страны конструируют «полицентричный мир» в качестве самостоятельной аксиологической ценности, лежащей в основе её внешней политики. При этом до конца 2000-х гг. его построение представлялось как желательная, но отдалённая перспектива. С конца десятилетия возрастают ожидания относительно её реализации и, одновременно, начинают проявляться свидетельства более критического отношения к ней. Для большей части российского экспертного сообщества характерно признание прескриптивного значения полицентричной организации системы при одновременном позитивном ожидании его формирования как почти неизбежной перспективы. При этом игнорируются западные теоретические построения, которые ассоциируют с возникновением множества центров силы повышение нестабильности мирового порядка. Статья демонстрирует, что и в политическом руководстве, и в экспертном сообществе под «полицентричным миром» понимается специфическая версия международной системы (исторически относительно редкая), которая может быть обозначена как «концерт». Она предполагает не только наличие паритета силовых потенциалов группы государств, но и отсутствие серьёзных противоречий между ними. Одновременно в российском исследовательском сообществе присутствует и критическая традиция, заостряющая риски децентрализации системы. Между тем в большинстве случаев отечественные авторы выделяют ограниченный набор игроков, способных к проецированию влияния на глобальном уровне (не более трёх-четырёх). В российских исследованиях международной системы сохраняется плюрализм мнений относительно направлений эволюции международного порядка. В то же время за рамками публикуемых работ остаётся ряд фундаментальных вопросов организации международных взаимодействий.

Ключевые слова: международная система, внешнеполитический дискурс, эпистемические сообщества, полицентричный мир, однополярность, исследовательское сообщество, политический дискурс, внешняя политика, Россия, США, центры силы, ведущие мировые державы, соотношение сил.

Каналы воздействия исследовательского сообщества на внешнюю политику страны отследить непросто. Зачастую они носят закрытый характер или влияние осуществляется косвенно – через посредников. Тем не менее сам факт перетекания моделей осмысления, онтологических представлений и конкретных рекомендаций из экспертных кругов в практику национального поведения имеет многочисленные подтверждения [39]. Частным, но ярким примером из недавнего отечественного опыта представляется фактический отказ в официальном дискурсе от словоупотребления «многополярный мир» в пользу «полицентричной системы» – терминологическое уточнение на протяжении длительного времени отстаивавшееся российскими международниками [1, с. 22-29].

Наблюдаемый переток побуждает заниматься сопоставительным анализом картин мира практиков, вовлечённых в формулирование и реализацию российской внешней политики, и исследователей, занимающихся осмыслением международных процессов. В настоящей статье делается попытка провести сравнение на частном примере осмысления одной из важнейших характеристик глобальной системы – соотношения центров силы и принципов выстраивания отношений между ними.

Подобный анализ предпринимается на базе положений конструктивистской парадигмы теории международных отношений, выявляющих зависимость политического поведения игроков от идейных структур, формирующихся в процессе intersubjectивных практик осмысления материальных характеристик международной среды. Непосредственные теоретические основания работы составляет теория «эпистемических сообществ» П. Хааса, утверждающая, что в процессе социальных взаимодействий формируются группы внутренних и внешних экспертов, разделяющих общие нормативные убеждения, стандарты валидности и представления о причинно-следственных связях [39]. Поддерживаемый ими эпистемический консенсус транслируется в систему принятия политических решений и задаёт идейные рамки осуществления внешней политики государства.

В статье представлена характеристика современного и желаемого состояний международной среды в российских официальных документах. После этого анализируются наиболее заметные отечественные публикации по изучаемой тематике с целью выявления степени согласованности взглядов политического руководства и экспертного сообщества, а главное того вклада, который последнее может внести в дополнение картины мира представителей государственной власти.

При изучении отечественных подходов к осмыслению современного состояния и пер-

спектив эволюции международной системы также рассматриваются теоретические разработки западных (преимущественно американских) авторов. Учитывая, что подходы США к вопросам глобального регулирования – главный объект критики Москвы, сопоставление с ними представляется полезным для выявления возможных пробелов в аргументации российских авторов.

В отечественной литературе нет недостатка в дискурсивных исследованиях внешнеполитического сознания [19]. Имеются и солидные хрестоматии, позволяющие провести сопоставление позиций различных авторов [7]. Вместе с тем попыток структурированного сравнения официального и экспертного дискурсов относительно состояния международной системы в последнее десятилетие не предпринималось¹.

В настоящей работе предпринимается попытка реконструкции двух дискурсивных практик (официальной и экспертной) и их сопоставления. Наряду с определением степени согласованности относительно состояния международного порядка, автор стремится к выявлению добавочных знаний в работах отечественных авторов, которые могут дополнить или скорректировать представления политического руководства страны в отношении структуры международной системы.

Дилеммы организации международной системы во внешнеполитических выступлениях

Ключевым инструментом ретрансляции российской официальной позиции выступают регулярно обновляемые концепции внешней политики. Кроме того, государственный подход к объяснению современного состояния международной среды находит отражение в программных выступлениях политического руководства страны. Анализ этих документов позволяет выявить как устойчивые структуры национального внешнеполитического дискурса по вопросам формирования международного порядка, так и динамику эволюции их восприятия.

После распада Советского Союза в основе российской внешнеполитической идеологии утвердилось представление о желательности построения полицентричного (или многополярного) мира [3, с. 60]. С его становлением связывалась демократизация международного порядка. Обеспечение адекватного представительства многочисленных интересов всё более разнородного мира определяется в качестве условия достижения справедливости в нём [27, с. 3].

Таким образом, во внешнеполитическом дискурсе полицентричной организации международной системы придаётся аксиологическое значение. Вместе с тем подобное отношение

¹ Сопоставление на материале 1990-х – начала 2000-х гг. см. [34, с. 50-92], [5, с. 10-13].

вскрывает представление о «многополярности/полицентричности» как о сложном явлении, а не просто примерном равенстве потенциалов группы государств. В действительности под ним понимается специфический тип политического порядка, который в исторической литературе именуется «концертом» [2, с. 3-18].

Наряду с наличием сопоставимых центров силы, такая форма организации международной системы предполагает высокую кооперативность [45]. В российских внешнеполитических выступлениях неоднократно подчеркивался примат взаимовыгодного сотрудничества между государствами как важнейшей характеристики полицентричной системы. В качестве исторического примера практически во воплощении такого рода организации мира рассматривался «европейский концерт», который обеспечивал стабильность в международных отношениях на протяжении значительной части XIX столетия [40, с. 38-70].

Оценка степени соответствия международной системы заявленному идеалу с течением времени претерпевала существенные изменения. Российское внешнеполитическое мышление чутко реагировало на изменение международной среды, стремясь сопрягать прагматику отражения реального положения дел с ориентацией на достижение желаемого положения. В этой связи Москва в официальных выступлениях никогда открыто не признавала однополярности как политической реальности, при этом сохраняя за собой право критиковать Вашингтон за проведение гегемонистского курса [27, с. 4-6].

Подобное противоречие преодолевалось за счёт представления амбиций США как не имеющих реальных оснований. Тем не менее в Концепции внешней политики 2000 г. – в период, когда Соединённые Штаты находились на пике международного влияния и авторитета – при характеристике современного положения отмечалось, что «усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН» [14].

По следам войны в Югославии, решение о начале которой принималось странами НАТО в отсутствие мандата Совета Безопасности ООН [11], с доминированием Соединённых Штатов связывались перспективы дестабилизации международной системы: «Стратегия односторонних действий может дестабилизировать международную обстановку, провоцировать напряженность и гонку вооружений, усугубить межгосударственные противоречия, национальную и религиозную рознь» [14].

Ко второй половине 2000-х гг. провальные результаты интервенции Соединённых Штатов

в Ираке и вхождение Америки в полосу финансово-экономического кризиса привело к тому, что характеристика развития международной системы изменилась кардинально. Стремительный экономический рост «восходящих» стран, в число которых входила и Россия, позволил рассчитывать на реализацию идеала «концерта» – об этом президент страны прямо заявлял в 2007 г. на международной конференции по безопасности в Мюнхене: «...*надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется – меняется за счёт динамичного развития целого ряда государств и регионов... Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность. В этой связи серьёзно возрастает роль многосторонней дипломатии. Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны, а применение силы должно быть действительно исключительной мерой так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств*» [29].

В то же время сохранение существенно-го преобладания США в мировом хозяйстве, конвенциональных вооруженных силах и международных институтах заставляло Москву сохранять большую долю осторожности в оценках. В этой связи обновленная версия Концепции внешней политики 2008 г. утверждала, что происходит «*наращивание экономического потенциала новых центров глобального роста, связанное в том числе с более равномерным распределением ресурсов развития вследствие либерализации мировых рынков. Экономический подъём в таких странах и регионах конвертируется в их политическое влияние, при этом дальнейшее развитие получает тенденция к полицентричному миропорядку*» [15]. Таким образом, переход к желаемому «концерту» рассматривался по-прежнему как возможность, а не уже достигнутый результат.

Развитие финансово-экономического кризиса, дальнейшее сокращение разрыва потенциалов между США и другими крупными игроками, успехи в развитии формата БРИКС позволили Москве в последующие годы более уверенно определять новый формат международной системы. Концепция внешней политики 2013 г. в этой связи утверждает: «*Международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы*» [16].

Если в предыдущих версиях документа в качестве безальтернативной тенденции мирового развития рассматривалась глобализация, в новой редакции на первый план выдвинута регионализация, которая увязывается с усиле-

нием незападных держав: «В условиях децентрализации глобальной системы управления укрепляется её региональный уровень как основа наряду с ООН - полицентричной модели, воплощающей многообразие мира, его неоднородность и многоукладность. Новые центры экономического роста и политического влияния всё чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах» [16].

Вместе с тем в 2010-х гг. процесс децентрализации международной системы, который ранее рассматривался в качестве исключительно позитивного явления, начинает связываться с рядом политических рисков. Сразу после тезиса о переходе к полицентричному миру Концепция 2013 г. признает: «Этот процесс проходит не просто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. Международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится всё более труднопредсказуемым» [16].

Ранее в российских внешнеполитических выступлениях не раз отмечалось расширение спектра новых вызовов и угроз, рост волатильности международной среды, снижение прогнозируемости политических взаимодействий, но эти явления рассматривались отдельно – как несвязанные с перспективами становления полицентричной системы. Напротив, министр иностранных дел С.В. Лавров в статье 2007 г. предостерегал: «совершенно неоправданно ставить знак равенства между многополярностью и заряженностью на конфронтацию. Да, появляются новые «центры силы». Они соперничают друг с другом, в том числе и за доступ к природным ресурсам. Так было всегда, и ничего фатального в этом нет. Неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, складывающееся в дополнение к международным институтам, прежде всего к ООН, позволяет приблизиться к решению проблемы управляемости в современном мире» [23, с. 10].

В 2016 г. глава российского дипломатического ведомства расставлял акценты по-другому: «Даже в случае, если бы идея построения многополярного мира получила универсальную поддержку, её реализация была бы крайне трудным делом, представляла бы собой задачу беспрецедентной сложности, предполагающую выход на принципиально новый уровень ответственности, дальновидности и политической воли» [22].

Ещё более определено относительно рисков нестабильности, связанных непосредственно с трансформацией системы, высказался президент В. Путин в Валдайской речи 2014 г.: «Вместе с тем формирование так называемого полицентричного мира, тоже хотел бы обратить на это внимание, уважаемые коллеги, само по себе не укрепляет стабильность, скорее даже напротив. Задача достижения глобального равновесия превращается в достаточно сложную

головоломку, в уравнение со многими неизвестными» [28].

Таким образом, не отказываясь от восприятия полицентричного мироустройства в качестве желаемой модели, Москва с конца 2000-х гг. скорректировала представление о её стабилизирующем эффекте на международные отношения. По мере нарастания децентрализации мирового порядка всё более явно стали проступать недостатки практической реализации идеальной схемы, связанные с особенностью её самой, а не с экзогенными переменными (такими как единоличное противодействие США).

Первоначально, основные риски перераспределения сил связывались практически исключительно с попытками Запада закрепить или сохранить собственное доминирование и расхождения этих устремлений с объективными тенденциями мирового развития. Последние же заявления российского руководства сигнализируют признание фундаментальных проблем на пути построения международного «концерта».

Нарастание противоречий между верой в аксиологическую ценность полицентричной системы и осознанием практических сложностей в её реализации расширяет возможности для вклада отечественного исследовательского сообщества в их объяснение и поиска таких способов преодоления, которые могли бы быть взяты на вооружение политическим руководством страны.

Концептуальные проблемы организации полицентричной системы в исследовательских работах

Имплицитные пробелы и противоречия в осмыслении текущего и желаемого состояния международной системы в официальном дискурсе открывают поле работы для исследователей. Их конструктивный вклад в повышение информированности российского внешнеполитического сознания может быть связан с решением фундаментальных концептуальных и эмпирических проблем осмысления наблюдаемых и вероятных изменений.

В первую очередь, он может заключаться в теоретическом объяснении преимуществ и недостатков полицентричной системы, тем самым способствуя научному подкреплению сложившихся идеологических представлений или подталкивая к их корректировке. Вторых, анализ текущих международных процессов может способствовать подтверждению или опровержению утвердившейся гипотезы о переходном положении мира на пути к международному «концерту».

В западной исследовательской литературе на протяжении второй половины XX столетия отсутствовало согласие относительно того, какой тип распределения потенциалов в мире был бы оптимальным для поддержания стабильности. В то время как теоретики «баланса сил»

ратовали за биполярную модель [48], представители «теории силового транзита» [43, 44] считали, что сохранению системного порядка больше всего способствует наличие гегемонии. В то же время они были согласны в том, что наименее предпочтительная форма политической организации – полицентричный мир.

Предположение о его структурной нестабильности обуславливалось предположением о повышении уровня неопределенности по мере увеличения числа держав, обладающих сопоставимыми потенциалами. В условиях отсутствия гарантий выполнения игроками ранее взятых на себя обязательств и наличия множества альтернативных возможностей для создания коалиций, адекватная оценка соотношения сил, а значит, и выбор оптимальной политической стратегии, становится затруднительными [37].

Кроме того, по мере расширения группы сопоставимых центров силы вероятность совпадения их интересов снижается, а значит, сокращается переговорное поле для достижения компромисса между всеми влиятельными участниками международной системы. При этом западные авторы не исключают, что структурные недостатки полицентричной системы могут сглаживаться консолидацией перед общей угрозой (риски должны быть столь высокими, чтобы у государств пропал соблазн занять позицию «безбилетника») или искусной дипломатией [36], [45].

В российских научных публикациях подобная структурная логика впрямую практически не упоминается и детально не рассматривается². Игнорирование неудобных для Москвы положений западной теории оставляет отечественную политическую позицию незащищённой перед лицом возможной критики. В то же время в российском экспертном дискурсе обсуждение последствий децентрализации международной системы включает точки зрения, существенно расходящиеся с официальной государственной позицией.

Существенную долю публикаций отечественных специалистов составляет критика политики одностороннего доминирования Соединённых Штатов. Её обоснование весьма схоже с риторикой политического руководства страны. В первую очередь, США обвиняют в подрыве основ международного порядка в рамках стратегии односторонних действий и дестабилизации отдельных стран и целых регионов в результате попыток реализации собственной идеологической программы [30], [33, с. 7].

Полицентричная система представляется в качестве альтернативы, которая позволила бы ограничить гегемонистские устремления одной державы и их разрушительные последствия. При этом в подобной позиции нередко присутствует логическая аберрация. Признание Соединёнными Штатами необходимости

соотносить свои действия с позицией других держав представляется предпосылкой установления полицентричного порядка. Между тем, в случае расхождения интересов Вашингтона и иных игроков в рамках реалистской логики только наличие эффективного силового баланса способно удержать его от односторонних действий.

В то же время отечественный специалист В. Никонов ещё в первой половине 2000-х гг. отмечал, что стремление Вашингтона к единоличному доминированию вступает в противоречие с тенденцией к усилению других государств [26]. Таким образом, угрозы стабильности связываются с расхождением объективных процессов и внешнеполитических устремлений Вашингтона. Схожая логика, как было показано раньше, характерна и для российской официальной риторики.

Отдельные отечественные авторы выделяют различные события в качестве «точки расхождения» американских ожиданий построения моноцентрического мира и реальности: в то время как для одних в качестве таковой выступают теракты 11 сентября 2001 г. [18], для других – результаты авантюры в Ираке [4]. Впоследствии, как было отмечено выше, этот тезис был взят на вооружение российским политическим руководством.

В работах, посвящённых вопросам организации международной системы, также присутствует влиятельный нормативный компонент. Значительное место во многих из них уделяется принципу справедливости, который полицентричный порядок воплощает в большей степени, чем альтернативные модели. Подобный тезис наиболее явно представлен в работах сторонников маргинальных в научном плане концепций, таких как идеолог евразийства А. Дугин [10]. Вместе с тем в имплицитной форме он остаётся весьма распространённым в отечественных публикациях.

Несмотря на богатый пласт публикаций, отстаивающих предпочтительность полицентричной системы организации мира, в них практически отсутствует ответ на наиболее острые тезисы западной критики подобного типа порядка. В то же время в них содержится указание на деструктивные последствия игнорирования интересов растущего числа влиятельных игроков – оно уже сегодня приводит к усилению конфликтности в системе [8].

Одновременно, в отечественных исследованиях присутствует и интеллектуальная традиция, представители которой предупреждают о дестабилизирующих последствиях децентрализации международной системы [9, с. 165]. Её радикальным выражением становится предположение о «хаотизации» мира, которая формирует растущие риски, в том числе для России [12].

² Исключение составляет [31, С. 166].

Несмотря на то, что рост энтропии представляется более широким явлением, связанным не только с перераспределением влияния между государствами на мировой арене, его компонентом выступает и риск обострения конкуренции между ведущими центрами силы [4, с. 5]. С ней связывается снижение управляемости в международной системе и перспективы расширения дефицита власти. Подобные оценки вписываются в логику западных теорий международного порядка, хотя и не содержат однозначной увязки нестабильности с полицентричной моделью, которая присутствует у ряда неореалистов.

В качестве ответа на вызовы обострения международной конкуренции ряд авторов ещё в 1990-х и начале 2000-х гг. предлагал идею консолидации новых возвышающихся держав вокруг уже существующей западной коалиции [21, 20, 13]. Значимым результатом подобного сближения стало бы приобщение развивающихся стран и России к наиболее успешным в глобальном масштабе экономическим, политическим и социальным моделям, а также доступ к технологиям. По мнению других специалистов, оно бы создало возможности для противодействия растущим новым нетрадиционным вызовам.

В одних работах подобная перспектива обозначается в качестве модифицированной «биполярности» (где одним из полюсов выступают антисистемные негосударственные игроки). В других – в качестве «полицентричной однополярности». Схожая идея консолидации держав на основе противодействия террористическим, экстремистским, финансовым, экологическим, климатическим вызовам постулируется более оптимистично оценивающими возможности полицентричной системы экспертами. Они выражают уверенность, что межправительственные противоречия в современных условиях уступают по значимости место новым вызовам, имеющим негосударственную природу [26, 8].

В то же время такие оценки, согласующиеся с российской официальной позицией, не получили системного обоснования. Они принимались в качестве данности. Между тем, в зарубежной литературе присутствует объяснение фокусирования правительств в последнее десятилетие на негосударственных вызовах в качестве временной aberrации в условиях временного снижения конкурентности международной среды.

Государства могли позволить себе уделять непропорционально большое внимание вызовам «третьего порядка», исходящим от нестабильности в бедных странах в связи с существенным диспаритетом в распределении

потенциалов [47]. По мере децентрализации международной системы, в рамках этой логики, будет происходить восстановление традиционных межгосударственных дилемм безопасности. Более того, даже в условиях существенной асимметрии потенциалов «большая глобальная коалиция», возникшая после терактов 11 сентября 2001 г. просуществовала меньше двух лет. После этого попытки балансирования в отношениях между государствами вновь стали усиливаться³.

Высказываемые опасения критиков требуют внимания и ответа со стороны приверженцев идеи построения системы «концерта», так как подрывают центральные положения обоснования возможности его формирования. Вместе с тем это не единственное слабое звено представлений о перспективах возникновения полицентричного мира. Не меньшее значение для оценки его реализуемости имеет дискуссия относительно степени перераспределения потенциалов в современном мире. По этому вопросу представители отечественного исследовательского сообщества отметились в последние годы рядом разработок.

Российские подходы к оценке потенциалов центров силы

Представители российского политического руководства неоднократно обращали внимание на перераспределение экономического богатства как предпосылку расширения влияния незападных государств, прежде всего, участников БРИКС. Между тем, описание современного состояния как переходного на пути построения полицентричного порядка ставит вопрос о возможных сроках завершения перестройки международной системы.

Подобные оценки могли бы предложить представители экспертного сообщества путем выявления адекватных критериев сопоставления центров силы, сравнения их текущих потенциалов и перспектив изменения. Анализ соотношения возможностей выступает традиционным предметом дискуссии американских специалистов. В США преобладает стремление выявить единый интегральный показатель, который позволил бы обеспечить наилучшие возможности сравнения государств. Зачастую в качестве таковых используется измерение валового внутреннего потенциала.

В последнее время также находят применение и более сложные критерии. В частности, Национальный разведывательный совет при подготовке долгосрочных прогнозов обращает внимание, в первую очередь, на размер экономики, военные расходы, демографический ресурс и научно-технологические возможности

³ Даже те исследователи, которые пишут о растущей роли негосударственных игроков, признают, что государства сохраняют ведущую роль в политической системе мира (см. [24]). логичным следствием этого становится представление, что именно они как наиболее влиятельные субъекты представляют наибольшую угрозу друг для друга, даже если существуют и другие виды угроз.

[38, с. 16-17]. На основании этих показателей они приходят к выводу о сохранении американского преобладания в мире до середины 2030-х гг., после чего США в качестве ведущей державы сменит Китай.

Альтернативные попытки сопоставления центров силы связаны со стремлением не столько дать точную количественную оценку, сколько предложить содержательное объяснение распределению сил в мире. В частности, они представлены в недавней публикации У. Уолфорта и Ст. Брукса. Американские авторы выделяют контроль над общими пространствами (такими как мировой океан, воздушные пространства, киберсфера) в качестве основы американского доминирования в мире [49].

Сокращение разрыва между США и входящими странами (прежде всего, Китаем) в обладании различными ресурсами, по мнению Уолфорта и Брукса, не меняют этой фундаментальной характеристики современной среды. В результате, по их прогнозам, американоцентричный мир сохранится на ближайшие десятилетия, а полицентричная система так и останется утопией.

Уолфорт и Брукс, как и ряд других западных авторов [42], не видят противоречия между неудачами США на международной арене в 2000-х гг. и сохранением однополярности. Даже существенное ресурсное преобладание и контроль над общими пространствами не гарантируют гегемону желаемого преобладания в удалённых регионах мира и чужеродных социумах. В то же время его власть проявляется не только в том, что он делает, но и в том, что он не даёт делать другим.

В этом отношении позиция западных приверженцев идеи моноцентричного порядка сильно отличается от оценок российских авторов, которые, обращая внимание на провалы американской политики, делают вывод о неспособности единоличного доминирования США. За пределами весьма ограниченной группы публицистов представления американских специалистов о гегемонии остаются весьма консервативными⁴.

Несмотря на утверждение в отечественном исследовательском сообществе гипотезы о сравнительном ослаблении Соединённых Штатов, отдельные специалисты согласны с зарубежными коллегами, что гегемонистский порядок, пусть и в ослабленном виде, сохраняется [6]. В то же время, как отмечалось ранее, большинство экспертов убеждены в эволюции международной системы в полицентричную.

Большая часть российских авторов, публикующих работы по проблемам организации международной системы, приводят перечни

игроков, которые они относят к числу глобальных центров силы. Между этими списками наблюдается множество пересечений.

Тем не менее, в последние годы отечественные специалисты разработали ряд альтернативных подходов к выявлению и сопоставлению центров силы в современной международной системе. Наибольший интерес представляют концепция великодержавности Т.А. Шаклеиной; модель глобальной иерархии, предложенная научным коллективом ИМЭМО в рамках стратегического прогноза до 2030 г.; оценки перспектив нового мирового «концерта» транснациональной исследовательской группы при участии А.И. Никитина.

Т.А. Шаклеина при выделении ныне существующих и потенциальных центров силы предложила учитывать ряд материальных и нематериальных параметров (размеры территории, населения, экономики, уровень развития вооружённых сил, науки, культуры, образования). С некоторыми модификациями они соответствуют традиционным категориям ресурсов в международных отношениях. В то же время она обращает внимание на ряд специфических параметров: исторический опыт участия в мирорегулирующей деятельности, а также желание и волю действовать глобально. Таким образом, наряду с реалистскими категориями Т.А. Шаклеина использует конструктивистскую методологию интересующих субъектов взаимодействия [35, с. 51-74].

На основе экспертной оценки автор заключает, что из всех государств, претендующих на великодержавный статус, сбалансированным потенциалом, основанным на высоких показателях по каждому из параметров, характеризуются лишь Соединённые Штаты. Россия и Китай демонстрируют высокие результаты по большинству выбранных критериев. При этом в отношении воли к участию в глобальном управлении последнего Т.А. Шаклеина высказывает сомнения.

Бразилия, Индия и Япония обладают лишь ограниченными возможностями влияния на мирорегулирование, и потому их отнесение к числу великих держав на обозримую перспективу представляется проблематичным. Европейский союз в связи с его коллективной природой и дефицитом централизма в принятии решений Т.А. Шаклеина не рассматривает, а отдельные европейские государства, по её мнению, не располагают достаточным потенциалом в соответствии с заявленными параметрами материальной мощи.

Предложенные оценки весьма схожи с выводами научного коллектива Института мировой экономики и международных отношений

⁴ Один из крупнейших американских теоретиков Дж. Миршаймер вообще заявляет о невозможности глобальной гегемонии, но он также соглашается с асимметричным состоянием современного мира, в котором США, выступая однозначным лидером в Западном полушарии, препятствуют возникновению аналогичных доминирующих государств в других регионах [41].

[32]. Вместе с тем последние признают коллективную субъектность Европейского союза, что расширяет число глобальных игроков. В соответствии с выявляемой ими неформальной иерархией выделяется четыре уровня центров силы. На верхней ступени глобальной иерархии находятся Соединённые Штаты, выступающие экономическим и технологическим лидером, а также сильнейшей в военном плане державой.

На втором уровне крупнейших мировых центров силы располагаются Европейский союз и Китай, приближающиеся по своему экономическому потенциалу к Соединённым Штатам. Третий уровень составляют региональные лидеры, а на четвёртом – находятся группы стран, обладающих ограниченными возможностями влияния на глобальные процессы. По мнению авторов прогноза, Россия балансирует между второй и третьей ступенями международной иерархии и в этом отношении её положение остается неустойчивым.

Различия в оценках Т.А. Шаклеиной и представителей ИМЭМО могут объясняться сравнительным весом военно-политических и экономических параметров в их анализе. Этим обосновывается неодинаковое положение России – в одном исследовании она фактически находится ближе всех к Соединённым Штатам, в другом – ей угрожает выпадение из круга глобальных игроков.

Сопоставление корректности методологий двух исследований осложняется преимущественно качественным характером оценок, их опорой на экспертное суждение, а не непосредственно на верифицируемые количественные данные, а также отсутствие весовой дифференциации используемых критериев. Между тем, показательным оказывается согласие различных исследователей относительно крайне ограниченного набора глобальных центров силы (фактически трёх, по оценкам Т.А. Шаклеиной, четырёх – в работе ИМЭМО) при наличии широкого круга региональных игроков.

Подобные оценки входят в противоречие с заявляемым российским политическим руководством тезисом о демократическом характере формирующейся полицентричной системы. По сути, речь идет о «триумвирате», в крайнем случае – о «тетрархии». Подобный мир представляется гораздо менее эгалитарным, чем международный порядок XIX столетия, в котором пять ведущих держав (Австро-Венгрия, Британия, Пруссия/Германия, Россия и Франция) при участии трех региональных центров силы (Италия, США, Япония) доминировали в системе, состоявшей всего из нескольких десятков стран.

Отличный подход к определению потенциальных центров силы XXI в. предложила международная группа экспертов в рамках разработки нового «концерта» [17], [25]. Результатом их работы стала система критериев, в которой гораздо меньшее значение играют материаль-

ные источники силы, и существенно большее внимание уделяется конструктивистским и институционалистским категориям признания и вовлеченности в работу международных организаций.

Тем не менее, почти половину из используемых параметров составляют материальные критерии численности населения, размера территории, валового национального продукта и военных расходов. Кроме них учитывается постоянное и непостоянное членство в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций, участие в «группе двадцати», вклад в осуществление миротворческих операций ООН, влияние в регионе своего нахождения. Наконец, последним значимым параметром, по мнению авторов, выступает внутренняя стабильность в стране.

На основе этих критериев формируется картина, существенно отличающаяся от ранее приведённых. Высокие показатели по всем параметрам демонстрируют Бразилия, Европейский союз и Индия. Кроме того, к участию в глобальном «концерте» авторы считают необходимым привлечь еще семь стран, соответствующих большей части заявленных критериев (КНР, Россию, США, Индонезию, Мексику, Саудовскую Аравию, Японию). Также значимый международный потенциал по разным основаниям приписывается Австралии, Аргентине, Египту, Канаде, Турции, ЮАР, Южной Корее.

Исходя из этих оценок, число потенциальных участников нового мирового «концерта» может варьироваться от 10 до 17 стран, представляющих более половины мирового населения, более двух третей производства, и более 80% военных расходов планеты. А.И. Никитин в статье по итогам проекта отмечает возможность институционализации этой группы государств в регулярно действующую ассоциацию, а с течением времени, возможно, и организацию.

Таким образом, подготовленное международно-группой исследование ближе других подходит к разработке полноценной модели возможного полицентричного порядка. Предложенные параметры организации международной системы в полной мере соответствуют идеологическим постулатам, лежащим в основе российского официального дискурса. Вместе с тем и сформированный список возможных участников, и предполагаемый формат их взаимодействия весьма схожи с уже существующей «группой двадцати».

Между тем, опыт этой неформальной ассоциации не выглядит обнадеживающим. За время своей работы она позволила добиться согласования ряда позиций между странами и проведения некоторых реформ системы международного регулирования. Тем не менее, её деятельность не исключает возникновения острых конфликтов между ведущими державами (достаточно обратить внимание на напряженные отношения между Китаем и Японией, Россией и

■ Исследовательские статьи

Западом). Более того, в сфере развития институтов глобального управления встречи «группы двадцати» характеризуются снижающейся результативностью.

Российские разработки в области оценки потенциалов игроков на международной арене отличаются от западных существенно большей многомерностью, неготовностью сводить всё многообразие ресурсов политического влияния к одному интегральному показателю. Такой подход обогащает анализ, но одновременно затрудняет сопоставление стран и делает проблематичной верификацию выводов.

Трансформация международной среды в последние полтора десятилетия, которая заключается в децентрализации мировой системы при одновременном обострении противоречий между ведущими державами, представляет вызов российскому внешнеполитическому мышлению. Официальная позиция Москвы на протяжении всего постсоветского периода заключалась в отстаивании необходимости перехода к полицентричному (многополярному) миру. Со второй половины 2000-х гг. в её политических выступлениях фиксируется всё большая уверенность в поступательном развитии этого процесса. Тем не менее, увеличивается признание растущей конкуренции в международном взаимодействии.

Вклад российского исследовательского сообщества во внешнеполитический процесс мог бы состоять в объяснении наблюдаемых противоречий и путей их преодоления. В западной науке о международных отношениях было сформулировано предположение о принципиальной нестабильности полицентричной системы. Согласие с корректностью выводов зарубежных коллег означало бы постановку под сомнение соответствия нормативных установок российского руководства интересам страны.

На деле значительную часть отечественных разработок составляет критика гегемонистского порядка без достаточной рефлексии недостатков полицентричного мира. Одновременно в российском исследовательском сообществе присутствует и критическая традиция, заостряющая риски децентрализации системы. Тем не менее, отечественные исследователи до сих пор не смогли обосновать консолидирующий потенциал глобальных угроз для преодоления

противоречий между государствами, несмотря на неоднократное воспроизведение этой гипотезы.

Наконец, предлагаемые оценки соотношения потенциалов при всей их многомерности характеризуются достаточной аморфностью и недостаточным вниманием к дифференциации материальных потенциалов. В частности, в российских работах вариативность выделяемых критериев часто измеряется в рамках качественного оценивания (достаточность – недостаточность для глобального, регионального или иного статуса).

Между тем, если сопоставить затраты на оборону за последние десять лет, по данным Стокгольмского института мира, США опережают Китай почти в пять раз, Россию – в десять [46]. Если же добавить к американскому потенциалу военные расходы их союзников (государств-членов ЕС и Японии), становится очевидным, что современный мир остаётся чрезвычайно несбалансированным. Аналогичный анализ можно провести в отношении не только материальных потенциалов, но и институциональных позиций.

Во многих организациях (прежде всего, во Всемирном банке, МВФ, региональных финансовых институтах) возможности членов оказывать влияние на принятие решений существенно различаются. Соответственно, необходимы более тонкие инструменты анализа, чем модели, построенные на выделении только «минимального порога отсечения» участников клуба.

В российских исследованиях международной системы сохраняется плюрализм мнений относительно направлений эволюции международного порядка. В то же время за рамками публикуемых работ остаются многие (в том числе, фундаментальные) вопросы организации международных взаимодействий. Это ограничивает возможности интеллектуального влияния отечественного экспертного сообщества на внешнюю политику страны.

Развитию отечественных исследований международной системы способствовало бы большее внимание к теоретическим разработкам в этой области и стремление к повышению верифицируемости аналитических выводов, что позволило бы сделать их более убедительными.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. К пониманию миропорядка (эволюция концепций) // Прогнозы и стратегии. 01/2008-01/2009. С. 22-29.
2. Батюк В. И. Российско-американское партнёрство в постбиполярной системе международных отношений // США – Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 9. С. 3-18.
3. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Т. 5. №. 1. С. 54-69.
4. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. №4. С. 5-15.

5. Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. №1. С. 6-23.
6. Богданов А. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. №3. С. 8-22.
7. Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002: хрестоматия. В 4 т. М.: РОССПЭН, 2002. 537 с., 445 с., 489 с., 535 с.
8. Гаджиев К. К полицентрическому миропорядку // Полис. Политические исследования. 2007. №4. С. 8-23.
9. Гаджиев К. Принципы самоорганизации полицентрического миропорядка // Власть. 2012. №6. С. 162-166.
10. Дугин А. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.
11. Ельцин Б.Н. Заявление Президента Российской Федерации. 24.03.1999. // Журнал "Дипломатический вестник", апрель 1999 год. Официальные материалы. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/5391756565aad624c325688700436c5e!OpenDocument (дата проверки 26.10.2016).
12. Караганов С. Недалекое будущее: Податливый и опасный мир. 26.02. 2007. URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/n_8063 (дата проверки 26.10.2016).
13. Коновалов А.А. Мир не должен быть многополярным // Россия в глобальной политике, 16.09.2008. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2008-09-16/16_peace.html (дата проверки 26.10.2016).
14. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 года. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3> (дата проверки 26.10.2016).
15. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 15 июля 2008 года. // Администрация Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата проверки 26.10.2016).
16. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата проверки 26.10.2016).
17. «Концерт великих держав» XXI века – многосторонний диалог великих держав в пост-трансатлантическую эпоху / под ред. А.И. Никитин. М.: МГИМО-Университет, 2015. 79 с.
18. Кортунов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77-94.
19. Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 207-222.
20. Кременюк В.А. Россия вне мирового общества // Международные процессы. 2006. №4. С. 52-61.
21. Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или Pax Democratica? // Полис. Политические исследования. 2000. №1. С. 23-37.
22. Лавров С.В. Выступление на XXIV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 9 апреля 2016 года. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2217269 (дата проверки 26.10.2016).
23. Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007. №2. С. 8-20.
24. Лебедева М.М. Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила // «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М.Лебедевой. М.: Голден Би, 2008. 284 с.
25. Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: концерт или конфронтация? // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 44-59.
26. Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. №1. С. 78-99.
27. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.
28. Путин В.В. Выступление на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года. // Администрация Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата проверки 26.10.2016).
29. Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. // Администрация Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата проверки 26.10.2016).

■ Исследовательские статьи

30. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. №3. С. 27-37.
31. Сирота Н.М. Деполяризация и полицентризация политической структуры мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №5. С. 164-168.
32. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. ак. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. 480 с.
33. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. №4. С. 6-19.
34. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 443 с.
35. Шаклеина Т.А. Россия и США в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
36. Alexandroff A. Before the War: Three Styles of Diplomacy // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict / ed. by R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2015. 290 p.
37. Christensen T., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: predicting alliance patterns in // International Organization. 1990. Vol. 44. No. 2. Pp. 137-168.
38. Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council. Pp. 16-17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (дата обращения 19.04.2016).
39. Haas P.M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination // International organization. 1992. Vol. 46. No. 01. Pp. 1-35.
40. Lo B. Russia and the New World Disorder. Washington: Brookings, 2015. 336 p.
41. Mearsheimer J. Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 561 p.
42. Nye J.S. Is the American Century Over? Malden: Polity Press, 2015. 146 p.
43. Organski A.F.K. World Politics. New York: Knopf, 1958. 461 p.
44. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
45. Rosecrance R. Allies, Overbalance and War // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict / ed. By R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2014. Pp. 45-56.
46. SIPRI Military Expenditure Database 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (дата обращения 01.05.2016).
47. Stein A.A. Power Politics and Powerless // Back to Basics: State Power in a Contemporary World / ed. By M. Finnemore, J. Goldstein. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 219-248.
48. Waltz K.N. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
49. Wohlforth W., Brooks St. The Once and Future Superpower // Foreign Affairs. 2016. No. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (дата обращения 28.04.2016)

Об авторе

Истомин Игорь Александрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО. E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41004.

EVALUATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM IN RUSSIAN OFFICIAL DISCOURSE AND ACADEMIC ANALYSIS

I.A. Istomin

Moscow State Institute of International Relations, MFA RF. 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo, 76.

Abstract: *The article draws a comparison between Russian official and expert foreign policy discourses, focusing on representations of the power balance and relations between major states as the defining features of international system. The author attempts to identify actual and potential contribution of academics in the Russian foreign policy thinking. Conceptual documents and programme statements of national leadership elevate the notion of 'polycentric world' as a value in itself, which guides national actions on international arena. Although, until the late 2000s its rise was perceived as a welcome, but*

remote prospect, since the U.S. failures in Iraq and Afghanistan as well as global financial crisis expectations regarding it construction increased. They are accompanied, however, by a more critical appraisal of the concept. The mainstream Russian expert community shares normative appreciation of the polycentric global system as an intrinsic good. It also nourishes expectations of its emergence with almost inevitable certainty. Most of the time, it does not take into account concerns incorporated in the Western IR theories, regarding destabilizing effect of competition between multiple centers of power. The article demonstrates that both Russian political leadership and expert community perceive polycentric system as an international 'great power concert', which is just one and relatively rare form of it. It requires not only virtual parity in capabilities of several players, but also the lack of serious disputes among them. Meanwhile, in the Russia academic community there is a place for a critical tradition, which associates current decentralization of the international system with its chaotization and weakening governance. In recent years this approach gains additional prominence. However, the Russian debates on global order lacks more elaborated discussion regarding sources of power in international system as well as explanation of the binding ties, which would facilitate creation of concert rather than competition among emerging powers.

Key words: international system, foreign policy discourse, epistemic communities, polycentric world, unipolarity, academic community, political discourse, foreign policy, Russia, USA, centers of power, great powers, balance of power.

References

1. Batalov E.Ia. K ponimaniuu miroporiadka (evoliutsiia kontseptsii) [Towards Understanding of the World Order (Evolution of the Concept)]. *Proгнозы i strategii – Forecasts and Strategies*, 01/2008-01/2009, pp. 22-29. (In Russian)
2. Batiuk V. I. Rossiisko-amerikanskoe partnerstvo v postbipoliarnoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [Russian-American Partnership in a Post-Bipolar System of International Relations]. *SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – U.S. – Canada: Economy, Politics, Culture*, 2010, no. 9, pp. 3-18. (In Russian)
3. Bogaturov A. Tri pokoleniia vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii [Three Generations of Russian Foreign Policy Doctrines]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2007, vol. 5, no. 1, pp. 54-69. (In Russian)
4. Bogaturov A.D. Liderstvo i detsentralizatsiia v mezhdunarodnoi sisteme [Leadership and Decentralization in International System]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2006, no. 4, pp. 5-15. (In Russian)
5. Bogaturov A.D. Mezhdunarodnyi poriadok v nastupivshem veke [International Order in the New Century]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2003, no. 1, pp. 6-23. (In Russian)
6. Bogdanov A. Amerikanskaia gegemoniia i faktory sistemnoi nestabil'nosti v XXI veke [American Hegemony and Factors of System Instability in 21st Century]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2014, vol. 12, no. 3, pp. 8-22. (In Russian)
7. *Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991-2002: khrestomatiia* [Foreign Policy and Security of the Current Russia, 1991-2002: Reader]. In 4 Vol. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002. 537 p., 445 p., 489 p., 535 p. (In Russian)
8. Gadzhiev K. K politsentricheskomu miroporiadku [Towards Polycentric World Order]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2007, no. 4, pp. 8-23. DOI: 10.17976/jpps/2007.04.02 (In Russian)
9. Gadzhiev K. Printsipy samoorganizatsii politsentricheskogo miroporiadka [Principles of Self-Organization of the Political World Order]. *Vlast' – Power*, 2012, no. 6, pp. 162-166. (In Russian)
10. Dugin A. *Teoriia mnogopoliarnogo mira* [Theory of Multipolar World]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie Publ., 2013. 532 p. (In Russian)
11. El'tsin B.N. *Zaiavlenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Statement of the President of the Russian Federation]. 24.03.1999. Available at: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/5391756565aad624c325688700436c5e!OpenDocument (Accessed 26.04.2016) (In Russian)
12. Karaganov S. Nedalekoe budushchee: Podatlivyi i opasnyi mir [Recent Future: Amenable and Dangerous World]. *GlobalAffairs.ru*, 26.02.2007. Available at: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/n_8063 (Accessed 24.04.2016) (In Russian)
13. Konovalov A.A. Mir ne dolzhen byt' mnogopoliarnym [World Should Not Be Multipolar]. *NG-Politika*, 16.09.2008. Available at: http://www.ng.ru/ng_politics/2008-09-16/16_peace.html (Accessed 21.04.2016) (In Russian)
14. *Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdenaia Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putiny 28 iyunia 2000 goda* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, signed by the President of the Russian Federation V.V. Putin. June 28, 2000]. Available at: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3> (Accessed 20.04.2016) (In Russian)

■ Исследовательские статьи

15. *Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdenaia Prezidentom Rossiiskoi Federatsii D.A. Medvedevym 15 iulia 2008 goda* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, Signed by the President of the Russian Federation D.A. Medvedev. June 15, 2008]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (Accessed 20.04.2016) (In Russian)
16. *Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdenaia Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putiny 12 fevralia 2013 goda* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, signed by the President of the Russian Federation V.V. Putin. February 12, 2013]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (Accessed 20.04.2016) (In Russian)
17. «Kontsert velikikh derzhav» XXI veka – mnogostoronniy dialog velikikh derzhav v post-transatlanticheskuiu epokhu [‘Great Power Concert’ of the 21st Century – Multilateral Dialogue of the Great Powers in the Post-Transatlantic Age]. Ed. by A.I. Nikitin. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2015. 79 p. (In Russian)
18. Kortunov S.V. Stanovlenie novogo mirovogo poriadka [Emergence of the New World Order]. *Mezhdunarodnaia zhizn' - International Life*, 2002, no. 6, pp. 77-94. (In Russian)
19. Kosolapov N.A. Vneshnepoliticheskoe soznanie: kategorii i real'nost' [Foreign Policy Thinking: Category and Reality]. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays of Theory and Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO Publ., 2002. Pp. 207-222. (In Russian)
20. Kremeniuk V.A. Rossiia vne mirovogo obshchestva [Russia outside of World Society]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2006, no. 4, pp. 52-61. (In Russian)
21. Kulagin V.M. Mir v XXI veke: mnogopoliusnyi balans sil ili Pax Democratica? [World in the 21st Century: Multipolar Balance of Power or Pax Democratica?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2000, no. 1, pp. 23-37. (In Russian)
22. Lavrov S.V. Vystuplenie na XXIV Assamblee Soveta po vneshnei i oboronnoi politike, Moskva, 9 apreliia 2016 goda [Statement at XXIV Assembly of the Council for Foreign and Defense Policy, Moscow, April 9, 2016]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2217269 (Accessed 18.04.2016) (In Russian)
23. Lavrov S.V. Nastoiashee i budushchee global'noi politiki: vzgliad iz Moskvy [Present and Future of Global Politics: Moscow View]. *Rossiia v global'noi politike - Russia in Global Politics*, 2007, no. 2, pp. 8-20. (In Russian)
24. Lebedeva M.M. Politicheskaya sistema mira: proiavleniia «vniesistemnosti» ili novye aktory – starye pravila [Political System of the World: Reflections of “non-systematic” issues or New Actors – Old Rules]. «Privatizatsiia» mirovoi politiki: lokal'nye deistviia – global'nye rezul'taty [“Privatization” of the World Politics: Local Actions – Global Results]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Golden Bi Publ., 2008. P. 53-66. (In Russian)
25. Nikitin A.I. Novaia sistema otnoshenii velikikh derzhav XXI veka: kontsert ili konfrontatsiia? [New System of Relations among Great Powers of the 21st Century: Concert or Confrontation]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2016, no. 1, pp. 44-59. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.04 (In Russian)
26. Nikonov V.A. Nazad, k kontsertu [Back to the Concert]. *Rossiia v global'noi politike - Russia in Global Politics*, 2002, no. 1, pp. 78-99. (In Russian)
27. Primakov E.M. Mezhdunarodnye otnosheniia nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International Relations on the Eve of the 21st Century: Problems, Prospects]. *Mezhdunarodnaia zhizn' - International Life*, 1996, no. 10, pp. 3-13. (In Russian)
28. Putin V.V. Vystuplenie na Zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» 24 oktiabria 2014 goda [Statement at the Meeting of the International Discussion Club “Valdai” October 24th 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (Accessed 16.04.2016) (In Russian)
29. Putin V.V. Vystuplenie na Miunkhenskoi konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti [Statement at Munich Security Conference]. 10.02.2007. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Accessed 16.04.2016) (In Russian)
30. Simoniia N.A., Torkunov A.V. Novyi mirovoi poriadok: ot bipoliarnosti k mnogopoliusnosti [New World Order: from Bipolarity to Multipolarity]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2015, no. 3, pp. 27-37. DOI: 10.17976/jpps/2015.03.03 (In Russian)
31. Sirota N.M. Depoliarizatsiia i politsentrizatsiia politicheskoi struktury mira [Depolyarization and Emergence of the Polycentrism in the World Political Structure]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki - Historic, Philosophic and Legal Sciences, Culture and Art Studies. Theoretical and Practical Issues*, 2013, no. 5, pp. 164-168. (In Russian)
32. *Strategicheskii global'nyi prognoz 2030. Rasshirennyi variant* [Strategic Global Forecast 2030. Extended Version]. Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr Publ., 2011. 480 p. (In Russian)
33. Shakleina T.A. Liderstvo i sovremennyi mirovoi poriadok [Leadership and Current World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 6-19. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.1 (In Russian)
34. Shakleina T.A. Rossiia i SShA v novom mirovom poriadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991-2002) [Russia and the U.S. in the New World Order. Discussion in Political and Academic

- Communities of Russia and the U.S. (1991-2002)]. Moscow: Institut SSHA i Kanady RAN, 2002. 443 p. (In Russian)
35. Shakleina T.A. *Rossiia i SSHA v sovremennom mire* [Russia and the U.S. in Contemporary World]. Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p. (In Russian)
 36. Alexandroff A. Before the War: Three Styles of Diplomacy. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. Ed. by R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2015. 290 p.
 37. Christensen T., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: predicting alliance patterns in. *International Organization*, 1990, vol. 44, no. 2, pp. 137-168.
 38. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. National Intelligence Council. Pp. 16-17. URL: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (Accessed 19.04.2016)
 39. Haas P.M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination. *International organization*, 1992, vol. 46, no. 01, pp. 1-35. <http://dx.doi.org/10.1017/S0020818300001442>
 40. Lo B. *Russia and the New World Disorder*. Washington: Brookings, 2015. 336 p.
 41. Mearsheimer J. *Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 561 p.
 42. Nye J.S. *Is the American Century Over?* Malden: Polity Press, 2015. 146 p.
 43. Organski A.F.K. *World Politics*. New York: Knopf, 1958. 461 p.
 44. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
 45. Rosecrance R. Allies, Overbalance and War. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. Ed. By R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2014. Pp. 45-56.
 46. *SIPRI Military Expenditure Database 2015*. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (Accessed 1.05.2016)
 47. Stein A.A. Power Politics and Powerless. *Back to Basics: State Power in a Contemporary World*. Ed. by M. Finnemore, J. Goldstein. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 219-248.
 48. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
 49. Wohlforth W., Brooks St. The Once and Future Superpower. *Foreign Affairs*, 2016, no. 3. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (Accessed 28.04.2016)

About the author

Igor Istomin – PhD, Senior Lecturer, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University.
E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru.

This article was prepared with the financial support of grant №16-23-41004 RHF.

ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М.В. Солянова

Институт США и Канады РАН, 123995, Москва, Г-69, ГСП-5 Хлебный пер. 2/3.

Статья «Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях» представляет собой изучение одного из самых обсуждаемых вопросов в науке о международных отношениях – мирового порядка. Дискуссии по вопросу структуры миропорядка ведутся в различных странах, как на государственном уровне, так и в экспертном сообществе. Некоторые исследователи настаивают на том, что после окончания холодной войны, то есть прекращения существования биполярной модели международных отношений, мир стал однополярным, другие утверждают, что рост количества центров силы и необходимость многостороннего подхода в решении глобальных проблем (терроризм, распространение оружия массового поражения, экологические и климатические проблемы) говорят о становлении многополярности. Вместе с тем, следует признать, что в настоящее время отсутствует общепризнанный теоретико-понятийный аппарат, что затрудняет не только исследование мирового порядка, но делает невозможным поиск общих подходов международного сообщества в решении проблем, связанных с глобальным развитием, новыми вызовами и угрозами. Автор данной статьи стремится исследовать и проанализировать различные теоретические направления (неореализма, неолиберализма, интституционализма, неомарксизма и др.) и концепции, чтобы составить целостную картину структуры мировой системы, её основные характеристики и предложить читателям своё видение понятия «мировой порядок».

В статье отмечается, что многомерная структура современной системы международных отношений, сложившаяся после окончания холодной войны, настолько сложна, что ни одна из концепций не может претендовать на точную интерпретацию мирового порядка. Современная система отличается от систем прошлых столетий. Характеристики, присущие ей (с одной стороны, возрастающая глобальность процессов в экономике, политике, культуре и т.д., с другой, тяготение к концепции «национального государства», закрытию границ, дезинтеграции), требуют новых подходов к изучению мирового порядка, факторов его становления, а также составляющих его элементов. Мировая система динамично развивается, и ни одна из существовавших ранее концепций миропорядка не в состоянии точно описать процессы, происходящие сегодня в мире.

Ключевые слова: мировой порядок, полюс, полярность, международные отношения, однополярность, многополярность, биполярность, США, глобализация, КНР, баланс сил, международная безопасность.

Окончание холодной войны, то есть эпохи биполярности стало началом процесса формирования нового мирового порядка. В связи с кардинальным изменением расстановки сил на мировой арене перед исследователями и специалистами в области международных отношений встали совершенно новые вопросы, требующие фундаментального изучения. При теоретическом исследовании мирового порядка важно рассматривать систему в целом, то есть совокупность взаимодействий и взаимосвязей субъектов на мировой арене. Системный подход позволяет изучить международные отношения как целостную упорядоченную структуру, основанную на сохранении «баланса сил». Анализ исторического развития мирового порядка как системы требует применения синергетического подхода, который даёт возможность изучить весь процесс трансформации структуры международных отношений. С целью изучения научных трудов западных экспертов в области международных отношений важно использование операционно-прикладных методов, в частности сравнительного анализа. Анализ источников способствует глубокому исследованию теоретико-методологических направлений изучения международных отношений, предложенных западными аналитиками концепций миропорядка, что даёт возможность определения его сути, основных тенденций развития современной мировой системы, а также прогнозирования будущей её структуры.

Многие политологи, теоретики и специалисты в области политики определяют современные международные отношения как «постмеждународные», т.к. они сменили межгосударственные отношения, составляющие суть международного взаимодействия. Так, Дж. Розенау, американский специалист в области международных отношений, один из самых влиятельных исследователей в сфере международных отношений, профессор политических наук в Университете Дж. Вашингтона, выдвинул идею «постмеждународной политики». Дж. Розенау указывал на изменение всех структурных процессов международных отношений вследствие увеличивающегося разрыва между классическим «государственно-центричным» миром и современным «полицентричным», характеризующимся возрастающим числом «акторов вне суверенитета».

Становление современной системы международных отношений из-за стремительно меняющихся условий в мире, как поддающихся прогнозу, так и тех, которые невозможно спрогнозировать заранее, носит неоднозначный характер. Существует множество потенциальных возможностей и вариантов её развития, что порождает дискуссии об определении этой системы как в научных кругах, так и среди политиков: однополярность, многополярность, бесполярность, однополярность с элемента-

ми многополярности или совершенно новая мировая система, кардинально отличающаяся от всех существующих ранее международных систем.

Западные парадигмы мирового порядка

Множество теорий мирового порядка затрагивают важнейшие вопросы его структуры, отношений между акторами международных отношений, а также между центрами силы и остальными субъектами. Например, сторонники реализма и связанного с ним неореализма (Б. Бузан [12], К. Уолтц [35], Дж. Миршаймер [30]) представляют мировой порядок в качестве игры с нулевой суммой, то есть взаимодействие центров силы носит конфронтационный, противоборствующий характер, так как каждый субъект стремится защищать свои национальные интересы, которые зачастую сталкиваются с национальными интересами других субъектов. Такое взаимодействие одного или нескольких центров силы и определяет структуру системы международных отношений и контуры её развития.

По мнению представителей реализма (Э. Карр, Р. Нибур, Дж. Кеннан, Г. Моргентау и др.), государства обязаны в первую очередь обеспечивать национальные интересы и безопасность. Все конфликты в международной жизни возникают как следствие противоречий, связанных с защитой национальных интересов. Сотрудничество возможно только при их сходе. Во внешнеполитической деятельности государство должно, прежде всего, ориентироваться на собственные интересы, в том числе: повышение авторитета на международной арене, безопасность и экономическую стабильность. Если в классическом реализме в качестве акторов мировой политики рассматривались только государства, то в неореализме учитываются и межгосударственные структуры (союзы, альянсы, межправительственные организации и т.д.).

Таким образом, основными векторами формирования миропорядка являются: однополярная модель (где полюсом являются Соединённые Штаты) или многополярная модель (где центрами силы выступают США, ЕС, Япония, БРИКС), а также суть внутрисистемного взаимодействия центров силы - «концерт держав» наподобие «Европейского концерта великих держав» XIX в. или межблоковое противостояние времен холодной войны. Вместе с тем характер взаимодействия субъектов международных отношений предполагает растущее противодействие со стороны других как государственных, так и негосударственных акторов (в том числе террористических группировок), которые, используя различные методы давления на мировое сообщество (террористические акты, угрозу применения ОМП), будут оказывать деструктивное влияние на всю систему миропорядка, негативно сказываясь на её стабильности и безопасности.

Представители другого направления теории международных отношений рассматривают формирование мирового порядка в качестве игры с ненулевой суммой, то есть основным фактором глобальной стабильности и безопасности выступают международные институты, которым державы делегируют часть государственного суверенитета. Стабильность мирового порядка, таким образом, основывается на добровольном взятии обязательств по соблюдению международных норм и правил поведения на мировой арене (неолиберализм (Р. Кохейн [22]), конструктивизм (А. Вендт [4]), институционализм).

Сторонники либерализма (А. Смит, Дж. Ст. Милль и др.) в своих трудах придерживаются взглядов, противоположных взглядам реалистов. С точки зрения либералов, международное сотрудничество должно быть направлено на предотвращение войн и экономическое процветание. Межправительственные организации и международные режимы должны регулировать все межгосударственные отношения. Окончание холодной войны стало началом новых политических процессов, нашедших отражение в обновленной либеральной школе, получившей название «неолиберализм» или «либеральный институционализм» (структурный либерализм), в рамках которой возникло несколько направлений. Так, например, С. Краснер является представителем теории международных режимов, уделяющих особое внимание международным институтам и механизмам регулирования, М. Дойль и Б. Рассет — теории демократического мира, а Р. Кохейн и Дж. Най — концепции комплексной взаимозависимости, рассматривающей политику как результат многочисленных контактов как государственных, так и надгосударственных (включая неформальные контакты политической элиты) по многочисленным каналам связи.

Но вопросы становления современной системы международных отношений, взаимодействия её субъектов не столь однозначны, а зачастую противоречивы. История показала, что казалось бы незыблемые принципы, установленные международными институтами (например, самоопределение, территориальная целостность, невмешательство в дела суверенного государства), трактуются державами по-своему, так, как это необходимо для достижения сиюминутных внешнеполитических (или внутриполитических) целей. Такое поведение не только не укрепляет систему международной безопасности, но расшатывает основу мирового порядка, повышая риск возникновения конфликтов как на региональном, так и на глобальном уровне.

Существует наиболее радикальный вариант развития миропорядка, рассматриваемого как объединение всего человечества в единую систему взаимодействия всех акторов (государственных и негосударственных) на основе

справедливости и гуманизма (неомарксизм (И. Валлерстайн [1]), анархизм, транснационализм (Б. Бади) и др.). Ключевыми факторами, способствующими формированию такого общества, являются глобальные угрозы (экологические и гуманитарные), которым ни одна держава не сможет противостоять по отдельности, и, следовательно, придётся отказаться от государственного суверенитета во имя формирования «Всемирной федерации» либо полного отказа от всех атрибутов государственной власти. Важно отличать мировой порядок от международного порядка. Часто эти два понятия путают или подменяют одно другим, что кажется неприемлемым. «Международный порядок» подразумевает определённый тип межгосударственной организации и может рассматриваться без мирового порядка. Тогда как «мировой порядок» предполагает существование определённых механизмов межгосударственного взаимодействия, то есть международный порядок.

Западные исследователи о роли США в мировом порядке

Основные дискуссии в академических и экспертных кругах после окончания холодной войны ведутся между глобалистами и изоляционистами по вопросам ослабления влияния США (ухода с мировой арены, чтобы решать в первую очередь внутриполитические задачи) или возрастания глобального американского доминирования. При этом основным доводом в пользу возрастающей роли США является тенденция неуправляемости международных процессов, хаотичности. Таким образом, теоретики, отстаивающие идею безоговорочного лидерства Америки, апеллируют к идее стабильности однополярной модели и крушения системы безопасности, в случае ухода США с мировой арены. Изоляционисты, напротив, подвергают критике идею американского глобального доминирования, подтверждая свою позицию «перенапряжением» (П. Кеннеди) в связи с возрастанием дестабилизационных процессов в мировой системе, усилением антиамериканских настроений, а также рядом внешнеполитических неудач, например, в Афганистане и Ираке.

Спектр сторонников изоляционизма достаточно широк и затрагивает вопросы, связанные с понятием государственного суверенитета, либерально-демократическими принципами, превалированием внутриполитического развития над внешней политикой. Одним из самых влиятельных направлений является реализм (К. Уолтц, Дж. Миршаймер, С. Уолт), сторонники которого выражают несогласие с проводимой американской внешней политикой, не отвечающей национальным интересам США (например, вторжение в Ирак подвергалось резкой критике). Вместе с тем, реалисты не склонны совсем отказываться от проведения активной внешней политики, особенно это

касается случаев, когда появляется серьёзная угроза национальной безопасности, например, террористическая угроза, распространение ОМП, нестабильность на региональном уровне. Но осуществление внешнеполитической стратегии должно учитывать внутренние ресурсы, в том числе экономические (концепции «избирательной вовлеченности» Р. Арта, «оффшорного балансирования» Дж. Миршаймера и С. Уолта). Теоретики настаивают на повышении региональной стабильности за счёт «подъёма» региональных держав (учитывая, что региональные интересы таких стран не противостоят интересам США), например Израиля и Турции. Что касается «подъёма» КНР, то эксперты видят негативные последствия китайского развития и даже возможность возникновения войны между двумя державами. И Россия в данном контексте рассматривается ими в качестве необходимого балансира китайскому влиянию в регионе.

Так, Дж. Миршаймер критически относится к однополярной модели международных отношений, указывая на временное состояние однополярности, которое приведет к появлению противодействия, противостояния Соединённым Штатам. Современную систему «несбалансированной многополярности» [30] он называет одним из самых опасных с точки зрения мировой стабильности и безопасности периодов.

Глобалисты отстаивают важность американского лидерства как военного, так и политического. Теоретики различных направлений (реалисты (С. Брукс), либералы (Дж. Най), институционалисты (Дж. Айкенбери) сходятся в том, что необходимо сохранить доминирование США на мировой арене. При этом рядом экспертов отстаивается концепция «глубокой вовлечённости» во все ключевые регионы мира с тем, чтобы укрепить стабильность системы международных отношений. В качестве основного довода стабильности однополярной модели теоретики указывают на беспрецедентную экономическую и военную мощь США, достижения которой другими державами представляются невозможным и бессмысленным. Так что другие субъекты международных отношений скорее будут стремиться развивать и укреплять сотрудничество с Соединёнными Штатами.

Вместе с тем, некоторые эксперты отмечают, что однополярная система неизбежно вызовет противодействие со стороны других держав, а также рост напряжённости и конфликтности на региональном уровне (Н. Монтейро). Говоря об однополярности как необходимой модели системы международных отношений, Н. Монтейро [31], однако, не считает её безопасной, поэтому для Соединённых Штатов важно поддерживать военно-стратегический статус-кво и одновременно расширять глобальное экономическое сотрудничество. Такую стратегию автор назвал «оборонительным приспособлением» (*defensive accomodation*).

Главным доводом в пользу этой теории и несостоятельности концепции «оффшорного балансирования» является неспособность таких региональных держав, как Южная Корея и Япония противостоять «подъёму» КНР без участия Соединённых Штатов, которым так или иначе придется принимать участие в решении региональных противоречий и конфликтов.

Консервативное направление внешнеполитической мысли традиционно рассматривает демократизацию как часть национальных интересов США, которые включают также укрепление глобального доминирования, в том числе в военной сфере, а также способность применять силу в любом регионе мира. Вместе с тем, среди сторонников данного направления есть эксперты, которые призывают к умеренной внешнеполитической активности и выбору целей, исходя из возможностей и ресурсов для их достижения (Г. Нау), налаживанию диалога с «державами-агрессорами» с использованием экономических и политических методов, но при необходимости апеллируя к силе, укреплению и расширению военных альянсов (в том числе НАТО). В некотором смысле данная позиция пересекается со взглядами либерального, институционального направления, представители которого отмечают необходимость для продвижения американских ценностей развития и укрепления международных институтов, но без использования «жёсткой силы» (Дж. Най). Основной целью внешней политики является продвижение демократии в мире, при достижении которой система международных отношений станет безопасной и стабильной. Одним из важных направлений в данном случае является расширение деятельности международных экономических институтов (МВФ, Всемирный банк), развитие рыночной экономики, которые станут гарантами обеспечения глобальной безопасности (Э. Гарцке) вследствие постепенного вовлечения «незападных» государств. Несмотря на те или иные различия во взглядах, большинство экспертов сходятся в одном — в необходимости сохранения американского лидерства, которое рассматривается как гарантия стабильности мировой системы.

Вместе с тем не представляется возможным не только определить общие подходы мирового развития, но и выработать общую концепцию мирового порядка. Этот процесс осложняется объективными факторами, например, отсутствием общей картины мира в регионах и странах из-за разного исторического развития, наличием иногда несовместимых цивилизационных, культурных, идеологических противоречий и нежеланием поиска компромисса. Разные подходы к пониманию, что собой представляют международные отношения, мировой порядок, центр силы и полюс; того, по какому вектору должны развиваться международные отношения, отсутствие общей научно-терминологической базы – всё это колоссально за-

трудняет возможности формирования теории общемировой системы.

Различные вопросы развития международных отношений, формирования нового миропорядка и системы международной безопасности, а также влияния и роли ведущих держав, в частности Соединённых Штатов, в глобальных процессах анализировались известными американскими специалистами в области международных отношений, такими как: Б. Бжезинский [11], Г. Киссинджер [6], Дж. Розенау [33], Р. Кейган [20], Р. Кохейн [23], К. Уолтц [34], Дж. Най [32], Дж. Айкенбери [17], Ч. Купчан [28], И. Валлерстайн [2], Г. Реймонд и Ч. Кегли [21], У. Уолфорт [36], С. Хантингтон [15], Р. Хаас [14], Ю. Хабермас [9], Н. Хомски [13], Ф. Закария [38], Ч. Краутхаммер [26] и др.

Однополярная модель, по мнению американских аналитиков, представляет собой мировую систему, имеющую только один центр силы. Например, Ч. Кегли и Г. Реймонд отмечают, что однополярная система — это система, в которой одна страна «наделена преобладающей силой» [21, р.3]. Американский политолог Кристофер Лэйн определяет однополярность следующим образом: «Я определяю однополярную систему, как такую систему, в которой геополитически преобладает одна держава, ибо обладает достаточно значительными возможностями, чтобы предотвратить формирование превосходящей и уравновешивающей её коалиции, направленной против неё» [29, р. 5].

В интервью электронному изданию «Шпигель» [5] Г. Киссинджер утверждает, что исторически по-настоящему мирового порядка никогда не существовало, и говорить можно лишь о «региональном порядке». Вопросы формирования мирового порядка, само понятие «миропорядок», его историческое значение Г. Киссинджер рассматривает в книге, вышедшей в свет в 2014 году — «Мировой порядок» [25]. В работе автор приходит к выводу, что подлинно мирового порядка не существовало, можно говорить лишь о региональном порядке, а сам термин подразумевает Вестфальский мирный договор 1648 г., который положил конец военным действиям в Европе. Данный договор имел колоссальное значение для становления европейской стабильности и безопасности, при этом не оказал существенного влияния на другие страны и континенты.

Современная система международных отношений всё больше подвержена неопределённости, хаосу, нестабильности, потере баланса сил и государственного управления и контроля, что является основной угрозой глобальной стабильности. По мнению Г. Киссинджера, после Второй мировой войны считалось, что новый мировой порядок может быть основан на американском идеализме и европейской концепции баланса сил. Однако, история показала, что такой взгляд не нашёл поддержки во многих регионах мира из-за различного исторического,

культурного и мировоззренческого развития стран. Только принципы, лежащие в основе Вестфальских договорённостей, способны играть эффективную роль в обеспечении мирового порядка и стабильности, но лишь в случае их общего признания всеми субъектами международных отношений. Не только региональные государства, но и сами Соединённые Штаты, *de jure* выступающие неким гарантом Вестфальского порядка, также нарушают его принципы, например, принцип невмешательства во внутренние дела других стран, который они считают устаревшим. Частичное признание или использование Вестфальской системы ставит под сомнение возможность формирования по-настоящему глобального мирового порядка.

Вестфальские договорённости, по мнению представителей «британской школы» (М. Уайт, М. Бэнкс, Дж. Бертон, Х. Булл), стали началом нового этапа в межгосударственном сотрудничестве. По их мнению, именно с этого момента международное общество (включающее суверенные государства, разделяющие минимум общих ценностей и норм) и межгосударственные нормативные структуры, созданные в его рамках, значительно укрепились. Государства имеют доминирующее влияние на принятие норм, в рамках которых осуществляется международная деятельность. В свою очередь данные нормы оказывают серьёзное влияние на деятельность государств, т.к. легитимность определяется признанием государством международных норм.

В отличие от представителей «британской школы», конструктивисты и исторические институционалисты, имеющие похожий критический взгляд на международную легитимность, считают, что международные нормы, оказывающие колоссальное влияние на государства, могут быть созданы и без участия этих государств.

По мнению Г. Киссинджера, глобальные проблемы современности могли бы решаться на уровне специально созданного руководящего комитета ведущих держав, как это было в XIX в., когда существовал Европейский концерт держав. Взаимодействие таких государств должно строиться на базе принципов, заложенных в Вестфальских договорённостях, то есть уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела, нерушимость границ и соблюдение международного права. Перечисленные принципы, или ценности, Вестфальской системы могли бы стать неким сводом правил, основой регулирования взаимодействия держав на глобальном уровне. Но история международных отношений показала, что приверженность вестфальским принципам не является общепринятой, признанной всеми субъектами мировой политики в качестве неотъемлемых начал внешнеполитической деятельности. Вместе с тем их легитимность является неизбежной основой формирования

мирового порядка и поддержания международной стабильности и безопасности. Изменение баланса сил и нарушение вестфальских принципов, так или иначе, ведёт к серьёзным сдвигам в мировой системе и даже краху миропорядка. Так, биполярная система международных отношений распалась вследствие прекращения существования одного из её полюсов – СССР, и, следовательно, кардинального изменения баланса сил. Крах биполярной модели мирового порядка и переход к однополярности в лице оставшегося полюса – Соединённых Штатов Америки – существенно повлияло на формирование мировоззрения в самих США, на развитие западноцентричного восприятия системы международных отношений.

По мнению Г. Киссинджера, единственным решением вставших перед мировым сообществом проблем является создание мирового порядка, состоящего из региональных порядков, функционирующих на базе системы общепризнанных принципов и правил, международном сотрудничестве, а также концепции баланса сил. На практике же такое согласование позиций труднодостижимо, так как не существует общей концепции будущего миропорядка. Позиции субъектов международных отношений по вопросам ценностей, идеологий, баланса сил, направления развития мирового порядка часто имеют антагонистический характер. Вестфальские принципы, по крайней мере, на сегодняшний день, не являются всеобъемлющими и отнюдь не разделяются всеми участниками мировой политики. Существуют альтернативные представления о мире, не соотносящие себя с западными ценностями – исламский мир, индуизм, конфуцианство, которые имеют своё видение устройства мирового порядка, принципов его формирования и развития. Демократические ценности, защита прав человека, свободный рынок признаны универсальными, однако очевидно, что эти принципы таковыми не являются и истолковываются в разных регионах мира по-разному. Помимо прочего, парадоксальным является отсутствие подхода к определению, казалось бы, общих глобальных угроз – терроризм, распространение ОМП, экологические проблемы и т.д. Так, нет общего определения, какие организации являются террористическими, а какие нет. В одних странах отдельные организации признаны террористическими и запрещены, в других они считаются сепаратистами или оппозиционными группами. Одни государства стремятся к получению ядерных технологий и ядерному оружию, считая это своим национальным правом и способом обеспечения безопасности, другие считают такое поведение враждебным и говорят об угрозе безопасности на региональном и глобальном уровнях. Отсутствие общей понятийной базы даже по вопросам современных вызовов и угроз, несомненно, значительно затрудняет любые возможности для поиска и достиже-

ния компромисса в мировом сообществе, выработки эффективных механизмов борьбы с такими вызовами.

Многие исследователи и специалисты в области международных отношений не выражают оптимизма по поводу будущей роли США на мировой арене. Так, американский профессор международных отношений, глава Европейского отдела в Совете по международным отношениям, Чарльз Купчан в книге «Закат Америки. Уже скоро» [7] выступает противником гегемонии Соединённых Штатов, и считает неизбежным тот факт, что лидирующая роль США в мире пойдёт на спад вследствие увеличения количества новых акторов международных отношений, а также развития других стран до статуса великих держав. Кроме того, автор не без оснований отмечает, что в истории существует много примеров того, как самые великие державы и империи рано или поздно теряли свое доминирование на мировой арене.

Интересен также взгляд известного британского географа, экономиста, автора теории «геоэкономического моноцентризма», П. Дж. Тейлора [8] относительно будущей роли США как мирового гегемона. По мнению автора, история геополитики насчитывает три цикла гегемонии, каждая из которых прекращала своё существование в результате смены циклов развития мировой экономики: середина XVII в. – гегемония Нидерландов; середина XIX в. – гегемония Британии; середина XX в. – гегемония США. Рассматривая данные циклы гегемонии, П. Дж. Тейлор утверждает, что в конечном итоге Соединённые Штаты также утратят своё мировое господство. Автор считает это такой же неизбежностью, как завершение эпохи гегемонии Нидерландов и Британии.

Учитывая факторы геополитического развития современного мира, представляется интересным и важным проблема определения места и роли США в процессе формирования нового мирового порядка, а также влияния на его развитие. Соединённые Штаты, будучи важным субъектом международных отношений, а также обозначая своё лидирующее положение в мировом сообществе, имеют значительные геополитические возможности и ресурсы, которые они могут использовать для обеспечения глобальной стабильности и безопасности.

Говоря о необходимости влияния именно США, а не какой-либо другой страны на решение глобальных вопросов С. Хантингтон заявляет: «Постоянное международное главенство Соединённых Штатов является самым важным для благосостояния и безопасности американцев и для будущего свободы, демократии, открытых экономик и международного порядка на земле» [16, р. 83].

Другой известный аналитик, К. Уолтц, в статье «Глобализация и американская мощь» [34] «самым счастливым» государством в современной системе международных отношений

называет Соединённые Штаты, которые относительно независимы от других стран, а также имеют политические возможности не только для «оказания давления на других», но и для помощи. Кроме того, именно США создали нормы и институты, в рамках которых функционирует международная экономика. Что касается роли Соединённых Штатов в военной сфере, то она является «определяющей». В качестве примера автор приводит цитату Т. Фридмана, что международные отношения систематизированы «наличием американской мощи и желанием Америки использовать эту мощь против тех, кто стал бы угрожать системе глобализации». Вместе с тем, К. Уолтц уверен, что ситуация глобального доминирования США в мире является «неестественной», и в будущем баланс сил должен измениться в сторону уменьшения такого доминирования.

Новые «центры силы» как альтернатива американскому доминированию

Сторонники «реалистичного либерализма» считают, что окончание биполярной эпохи стало началом появления новых центров силы в различных регионах мира и такое развитие мировых процессов противоречит идеям сторонников американской гегемонии по созданию однополюсной модели мира под руководством США, которые и будут определять как число полюсов, так и региональных лидеров, руководствуясь национальными интересами.

В модели «региональной однополярности» Ч. Купчан выделяет три зоны: Северная Америка – лидер США; Восточная Азия – лидеры Китай и Япония; Европа – лидеры Германия и Франция [27]. Военная и экономическая мощь лидеров является гарантией развития центростремительных тенденций в этих регионах. Права и обязанности лидеров и подчиненных государств определяются на основе консенсуса. При этом могут быть использованы как методы поощрения, так и методы давления и наказания.

Сторонники полицентричной или многополюсной модели мира в отличие от Ч. Купчана считают, что на мировое развитие способны оказывать влияние (кроме США, Германии, Франции, Китая, Японии) и такие страны как Россия, Индия, Иран, Бразилия, Южная Африка, Нигерия, а также Великобритания, Южная Корея, Саудовская Аравия, Пакистан, Аргентина, Украина.

В 1996 г. с идеей создания региональных режимов безопасности во главе с ведущими региональными государствами выступал специалист по проблемам внешней политики США Ч. Мейнс. Он выступал против расширения НАТО и трансформации её в организацию по регулированию мировых процессов и обеспечению глобальной безопасности. Ч. Мейнс, признавая особое положение Соединённых Штатов, тем не менее, критически относится к концепции однополюсного мира, считая, что

баланс между ведущими мировыми державами (полюсами силы) является основой международных отношений.

В книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» [2], И. Валлерстайн высказывает мнение о том, что миру в период с 1990 г. по 2025-2050 гг. не будет хватать стабильности и легитимности из-за кризиса мировой системы. Одной из причин такого положения, по мнению автора, является потеря Соединёнными Штатами статуса державы-гегемона. После окончания холодной войны, при потере роли США как державы-гегемона, наиболее очевидными претендентами на роль нового государства-гегемона И. Валлерстайн называет Японию и Европейское Сообщество. Автор делает предположение, что через 50-75 лет после окончания холодной войны Япония в качестве морской и воздушной державы будет соперничать с ЕС, что теоретически может привести к «тридцатилетней (мировой) войне», победу в которой одержит Япония.

Сегодня, по мнению автора, мы живем в период «великого мирового беспорядка», характеризующегося: упадком государственности, что ведет к росту напряжённости и нестабильности в межгосударственной системе; распространением ядерного оружия; ростом кризисов и конфликтности; увеличением числа пандемий и появлением новых болезней. Однако после 2050 или 2075 г., мировая система будет совершенно иной, «мы будем жить в каком-то новом строе или новых строях, в какой-то новой исторической системе или системах», характеризующихся «относительным миром, стабильностью и легитимностью». И. Валлерстайн сделал предположение, что в период с 2000 по 2025 гг. мир будет иметь биполярную, уравновешенную структуру (с одной стороны Япония с США и Китаем, а с другой стороны ЕС с Россией).

В своей книге «Конец знакомого мира: Социология XXI века» И. Валлерстайн, рассматривая вопрос «возвышения Восточной Азии» с начала 70-х гг. [3], обращает внимание на влияние этого процесса на эволюцию мировой системы в XXI в. По мнению автора, существует два возможных пути развития мировой системы: она будет развиваться на традиционных основах и вступит в «новую волну циклических изменений»; возникнет новая мировая система в результате достижения прежней системой кризисной точки и последующей радикальной трансформации всей структуры. Современную систему И. Валлерстайн определяет как переживающую структурный кризис, и, следовательно, «полного развертывания нового цикла гегемонии» в ближайшее время не произойдет. Самым вероятным развитием событий, автор считает состояние «бифуркации», «хаотический» характер мировой системы, когда даже краткосрочные прогнозы невозможно четко сформулировать из-за «одновременного существования множества решений».

Вопрос «подъёма» азиатских государств рассматривается многими экспертами, в том числе в контексте формирования современного мирового порядка. Главным претендентом на роль геополитического соперника США многие исследователи называют Китай, который может не только догнать по экономическому развитию, но «даже перегнать» их. У. Уолфорт и С. Брукс [37] утверждают, что экономическое развитие КНР растёт и «опережает американские показатели за много лет». Однако суммарной экономике стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) экономика Китая ещё долго будет уступать. Такой же прогноз можно сделать и в отношении военной мощи Китая. КНР не в состоянии не только сейчас, но и в ближайшем будущем достичь военных расходов ОЭСР.

Если борьба в XXI в. развернётся между КНР и США, преимущество будет на стороне Китая. А если между КНР и западной системой, то победит Запад [18]. Так, Дж. Айкенбери отмечает, что «подъём Пекина не обязательно должен повлечь за собой болезненную смену мирового лидера», т.к. современная международная система имеет ряд особенностей, которые могут способствовать скорее присоединению к ней, чем её разрушению: она исключает всякую дискриминацию, построена на общепризнанных правилах и нормах открытой рыночной системы; основывается не на доминировании одного государства, а «коалиции держав, группирующихся вокруг Соединённых Штатов» (таким образом, переход власти в традиционном смысле (от державы-гегемона к «государству, находящемуся на подъёме») затруднителен, и равновесие сохраняется); функционирует на базе многосторонних, общепризнанных, глобальных и региональных институтов и правил, принципов суверенности государств и верховенства закона, способствующих развитию глобального сотрудничества.

Если Соединённые Штаты намерены сохранить лидирующее положение в мире, они должны учитывать «подъём Китая» и принять меры к укреплению существующей системы с тем, чтобы КНР стремился не к оппозиции, а к интеграции. Рассуждая о периоде, когда завершится «однополярный момент», Дж. Айкенбери говорит о необходимости создать институты и правила, защищающие интересы Америки, независимо от того, как будет распределена мощь через 10, 50 или 100 лет, т.е. укрепить западноцентричную систему, предложить Китаю значительные стимулы для интеграции [18, р. 2].

К сожалению, эти принципы в современном мире часто не работают, а система международного права переживает глубокий кризис, развитию которого способствовали действия многих субъектов международных отношений. Сегодня право не играет главенствующую роль над силой и существует в международных документах и договоренностях, а

на практике применяется для обоснования политики «двойных стандартов». Соответственно западноцентричная система, выстроенная на верховенстве права, также переживает кризис, разрешить который можно только, во-первых, признав существующие проблемы и, во-вторых, предприняв совместные усилия по его разрешению. Только коллективное осознание и действия смогут предотвратить переход системы к анархии и хаосу, которые возникнут с большой вероятностью, так как никем не было предложено альтернативной объективно действенной концепции развития миропорядка.

Другой исследователь, Ф. Закария говорит о формировании «постамериканского мира» и убеждён, что период безоговорочного лидерства Соединённых Штатов в экономической, финансовой и культурной сферах практически закончен из-за набирающего силу процесса «подъёма остальных». США неминуемо ждёт спад, если они не пересмотрят свою внешнеполитическую стратегию, роль, которую они играют в меняющемся мире. Период экспансионистской политики США завершился, и новая американская стратегия должна сосредоточиться на восстановлении мощи страны, снизив активность своей внешней политики. Такая стратегия, однако, не является изоляционистской и позволит другим субъектам международного сообщества активизировать свою внешнюю политику с целью обеспечения региональной стабильности.

Вместе с тем, например, уход из Афганистана спровоцирует геополитический вакуум, что приведёт к необходимости для региональных держав (Китай, Индии, России) заполнить его, формируя безопасный баланс сил в регионе. За передачу ответственности в отношении Афганистана выступил также Зб. Бжезинский в интервью П. Джею [19], а также Г. Киссинджер в своей статье «Как уйти из Афганистана, не создавая новый конфликт» [24], предлагая возложить обязанность по стабилизации ситуации в регионе на региональные державы и страны ШОС.

Американский аналитик Томас Барнетт в своей статье «Новые правила: новый мировой порядок – следующее поколение» [10] также доказывает, что геополитическое соперничество за влияние в Афганистане приведёт к взаимному ослаблению региональных держав, и потери их роли не только на глобальном, но и региональном уровне. По мнению автора, данный факт можно проследить в истории XX в. на примере Великобритании, Японии, Германии, СССР. Автор выделяет два возможных сценария развития современных международных отношений: противостояние США и Китая либо противоборство между Китаем и Индией. С выводом войск из Афганистана, возможность разворачивания открытого американо-китайского противоборства снижается до нуля, так же как и противостояние с Западом в целом.

Современный миропорядок и тенденции его развития

Обобщая работы разных исследователей, можно сказать, что под многополярностью часто подразумевается мировая система, при которой одновременно действуют несколько центров силы с сопоставимыми потенциалами (силовыми, экономическими, идеологическими, политическими и т.д.). Однополярность же представляет собой систему, при которой существует только один центр силы, лидер, обладающий превосходящей силой и занимающий высшее положение в структурной иерархии мировой системы. Вместе с тем, описание мирового порядка только на базе классических принципов международных отношений (территория, суверенитет, безопасность) не будет отвечать современным реалиям, так как описание мирового пространства как межгосударственного не даёт его объективной оценки. Необходимо учитывать глобальные тенденции современного мира, например, массовую миграцию людей, трансграничные потоки капиталов, такие возрастающие угрозы, как распространение оружия массового поражения, международный терроризм, экологическая, продовольственная проблемы. Решения такого рода глобальных вызовов нуждаются в многостороннем подходе, в сотрудничестве всех участников международной жизни, выработке общего подхода, даже если это потребует частичного отхода от национальных интересов отдельного государства. Очевидная необходимость многостороннего подхода приводит многих исследователей к выводу, что современный мир приобрёл черты многополярности. Вместе с тем данные понятия имеют разную смысловую нагрузку. Некоторые исследователи, в частности сторонники концепции многополярности, проводят исторические параллели современной международной ситуации с Европой середины XVII в. Однако процессы, происходящие сегодня в политической мировой структуре, являются более масштабными, сложными и значительными. Многополярная модель международных отношений теоретически способна быть устойчивой в случае, если полюса такой системы будут обладать одинаковым силовым, военным, экономическим, геостратегическим потенциалом. Но, очевидно, на практике такая ситуация труднодостижима, так как невозможно достичь развития разных стран до одинакового уровня.

История общественно-политической мысли – это процесс диалектической смены различных идей и концепций, отражающих потребности конкретной исторической эпохи, следовательно, процесс появления новых идейных конструкций, заменяющих идеи или идеологии, не отвечающие современным требованиям, неизбежен. Так, если принципы политического реализма не удовлетворяют потребностям времени, то их сменяет полити-

ческий идеализм, провозглашающий мобилизационные идеи справедливого и совершенного устройства мира.

Современное глобальное сообщество с его глобальной экономикой, быстроразвивающимися коммуникациями между народами нуждается в абсолютно новых механизмах и нормах, способных обеспечить его безопасное и стабильное развитие. Сегодня при анализе полярности мировой системы нужно исследовать взаимодействие и взаимозависимость субъектов не только на межгосударственном, но и на межцивилизационном уровне. Указанное взаимодействие имеет положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, оно может предоставить колоссальные возможности для формирования новых связей, отношений, сотрудничества и диалога, а с другой стороны, может стать причиной новых, непредвиденных кризисов, конфликтов и противостояний на религиозной, культурной, идеологической, мировоззренческой почве. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, необходимо пересмотреть основы, принципы и нормы, на которых сформирована мировая политика (международно-правовые нормы, морально-этические принципы, культурные ценности и др.), и выработать механизмы регулирования взаимодействия как государственных, так и негосударственных участников международной жизни.

Международные отношения сегодня характеризуются более сложной структурой, системой субъектов мировой политики, углублением их культурной, идеологической, мировоззренческой, социальной, политической, экономической, научно-технической разнородности, стиранием границ между внутривнутриполитической и внешнеполитической сферами. Одновременно с этим появляются общие угрозы и вызовы, затрагивающие всё большее число участников международной жизни. С одной стороны, глобализация продолжает своё развитие, затрагивая всё большее число стран и регионов, с другой стороны, нарастает некое сопротивление быстрому росту взаимозависимости, перевешивание в противовес глобализирующемуся миру идеи национального государства, то есть восприятия международных процессов, исходя только из национальных интересов. Это порождает нарастание и углубление противоречий не только между конкретными странами, но и целыми регионами, что существенно затрудняет эффективное взаимодействие и международное сотрудничество в борьбе с новыми угрозами, стоящими перед человечеством.

По мнению автора статьи, теоретически мировой порядок представляет собой сложную форму сочетания взаимодействия субъектов, с одной стороны, и общепризнанной идеи международного развития, с другой, то есть такую реорганизацию международных отношений, которая способствовала бы снижению

конфронтации и минимизации возможности возникновения ядерной войны и экологической катастрофы. Такой миропорядок состоит из международной, политической, правовой, экономической, информационной, экологической, ценностно-культурной систем. А его элементами выступают принципы равноправия участников мировой политики (что исключает любое проявление гегемонии), взаимовыгодного сотрудничества, глобальной справедливости и безопасности, общих, признанных всеми субъектами, международно-правового, экономического пространств, доступа к информации, верховенства общечеловеческих ценностей. Миропорядок представляет собой постоянное развитие его структуры, элементов и составляющих частей. Так называемые концепции биполярности, однополярности и многополярности являются лишь его состояниями, характеристиками в данный промежуток времени (десяток, может сотню лет). Мировой порядок - это глобальная система взаимоотношений субъектов как государственных, так и негосударственных, которые в определённый период приобретают черты той или иной «полярности».

Данное определение, на взгляд автора, наиболее полно отражает суть миропорядка, так как любая структура мировой системы не является статичной, она находится в постоянном движении, составляющие её элементы перманентно подвержены изменениям. Цикличность этих изменений демонстрирует, что, несмотря на различность и разнообразие её причин, этот процесс постоянен и будет продолжаться и в будущем. Независимо от факторов, порождающих эволюцию структуры системы, однополярность трансформируется в многополярность, многополярность в биполярность, а биполярность в однополярность. Например, однополярность, существовавшая в 1800-1815 гг. (когда Франция играла ведущую роль) в 1815 г. трансформировалась в многополярность (так называемый «концерт держав») и продлилась с 1816 г. по 1890 г., а в конце XIX в., вследствие формирования германо-австрийского блока и блока Антанты, видоизменилась в биполярную модель, которая действовала с 1891 г. по 1914 г. После Первой мировой войны начался однополярный период мирового порядка (1918-1936 гг.), когда существенную роль стали играть США. В 1937 году, вследствие формирования коалиций (СССР, Соединённые Штаты и Англия; Германия, Италия и Япония) мировая система приобрела черты многополярности и просуществовала до 1941 г. Окончание Второй мировой войны стало началом биполярности (западный и советский блоки), а распад СССР привёл к структурным изменениям в системе и появлению однополярной модели. Хотя перманентная эволюция структуры мировой системы представляется некоей константой мирового развития, нельзя не учитывать возможность

появления каких-либо иррациональных факторов, способных скорректировать прогнозы и аналитические разработки исследователей миропорядка.

Такая структура, которая бы отвечала всем требованиям человечества, разделённого границами, континентами, культурными, мировоззренческими различиями, имеющего разное представление о свободе и справедливости (даже у жителей одной страны эти понятия могут нести различную смысловую нагрузку и далеко не всегда одинаково трактуются и гражданами, и лидерами государств), может быть сформирована только при условии достижения баланса двух составляющих – порядка и свободы. При этом порядок должен включать в себя распределение власти и комплекс договорённостей о правилах, устанавливающих рамки действий, и балансе сил, необходимым для сдерживания амбиций отдельных субъектов международных отношений в случае нарушения правил. При выработке общепринятых принципов формирования структуры мирового порядка трудность представляет отсутствие согласия в различных регионах по поводу самого понятия порядка. Например, если одно региональное государство имеет военное преимущество, это может спровоцировать мировой кризис, хотя и обеспечивает стабильность в регионе.

Такие системы регулирования международных отношений, как Вестфальская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская к началу 1990-х гг. перестали носить универсальный, организующий характер. На рубеже XX-XXI вв. стало очевидно, что классические теоретико-методологические разработки (например, марксизм, реализм, либерализм) не отвечают реалиям формирующейся международной системы и взаимодействующих в рамках данной системы акторов.

Американское лидерство постепенно прекращает своё существование, а другого лидера, способного нести глобальную ответственность, на данный момент не существует, то есть ни одна держава не будет доминировать – ни Соединённые Штаты, ни Китай, который имеет потенциал доминирования максимум на региональном уровне, ни Бразилия, которая также не способна оказывать глобальное влияние, хотя и имеет многие характеристики потенциально великой державы (развитая демократия, богатые природные ресурсы, геополитическое положение). Таким образом, выступающие против мирового доминирования США вместе с тем не в состоянии предложить какую-либо альтернативную идею вследствие невозможности сформировать общие подходы к проблеме будущего мирового порядка, а возрастающая анархичность системы международных отношений, её нестабильность и неуправляемость приобретают угрожающие масштабы для всего мирового сообщества. При формировании подлинного миропорядка проблемы быстро меняющихся

■ Исследовательские статьи

мировых процессов, усложнения структуры, перераспределения международного влияния, дестабилизации и разбалансировки являются действительно сложными, требующими всестороннего подхода, системного анализа и взаимодействия как государственных, так и негосударственных субъектов мировой политики. Помимо перечисленных выше традиционных вызовов, ключевое значение имеет проблема единства мира как целостной геополитической категории. Основной характеристикой современных международных отношений является их глобальность, что, несомненно, нашло отражение на трансатлантических взаимоотношениях и показало необходимость формирования новых связей для решения основной проблемы – безопасности. Одной из главных особенностей современной мировой системы является увеличивающийся, многообразный, не поддаю-

щийся управлению круг акторов, способных оказывать влияние на развитие международных отношений, что не было свойственно ни одной существовавшей ранее миросистеме. Неупорядоченная, неконтролируемая система субъектов негативно сказывается на стабильности мирового порядка. Объективные реалии современной структуры системы международных отношений повышают необходимость ответственно подходить к любым шагам как внешнеполитическим, так и внутривнутриполитическим, действиям и высказываниям, реформировать как национальные внешнеполитические ведомства, так и международные и наднациональные институты с тем, чтобы иметь возможность адаптироваться к быстро изменяющимся условиям на мировой арене, ставить действительно реализуемые цели и задачи и эффективно отвечать на возникающие вызовы и угрозы.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева (Россия), Ж. Коэн-Хуттера (Швейцария). М.: Интеллект, 1998. 272 с.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века // Возвышение Восточной Азии, или Мировая система в XXI веке. М.: Логос, 2004. 368 с.
4. Вендт А. Четыре социологии международной политики // Международные отношения: социологические подходы / Отв. ред. П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 1998. 352 с.
5. Киссинджер. Достигнем ли мы мирового порядка через хаос или понимание? // ИА REGNUM, 13.11.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/1866603.html> (дата проверки: 20.10.2016).
6. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцова. М.: Ладомир, 2002. 352 с.
7. Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. / Пер. с англ. Б. Сыркова. М.: АСТ, Люкс, 2004. 636 с.
8. Тейлор А., Якобсен, Г.-А. Вторая мировая война: Два взгляда. М.: Мысль, 1995. 560 с.
9. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. О.И. Величко и Е.Л. Петренко. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 192 с.
10. Barnett T. The New Rules: The New World Order-After-Next // World Politics Review. 25.07.2011. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9568/the-new-rules-the-new-world-order-after-next> (дата проверки: 20.10.2016).
11. Brzezinski Z. Between the Two Ages. N.Y., Penguin Books, 1976. 352 p.
12. Busan B., Jones C., Little R. The Logic of Anarchy: Neorealism to structural Realism. N.Y., New Directions in World Politics, 1993. 267 p.
13. Chomsky N., Achcar G. Perilous Power. The Middle East and US Foreign Policy. Dialogues on Terror, Democracy, War, and Justice. Routledge, 2006. 288 p.
14. Haass R.N. The Squandered Presidency: Demanding More from the Commander-in-Chief // Foreign Affairs. May/June 2000. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-05-01/squandered-presidency-demanding-more-commander-chief> (дата проверки: 20.10.2016).
15. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Mar./Apr. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower> (дата проверки: 20.10.2016).
16. Huntington S.P. Why International Primacy Matters // International Security. 1993. Vol. 17, no. 4. Pp. 68-83.
17. Ikenberry J. America's Imperial Ambition // Foreign Affairs. 2002. Sept./Oct. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2002-09-01/americas-imperial-ambition> (дата проверки: 20.10.2016).
18. Ikenberry J. The Rise of China and the Future of the West. Can the Liberal System Survive? // Foreign Affairs. January/February 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2008-01-01/rise-china-and-future-west> (дата проверки: 20.10.2016).

19. Brzezinski Z. The Afghan War and «The Grand Chessboard» // The RealNews.com, 13.01.2010. URL: http://therealnews.com/t2/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=74&jumival=4695#newsletter1 (дата проверки: 20.10.2016).
20. Kagan R. The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998. No. 111. URL: <http://carnegieendowment.org/1998/05/31/benevolent-empire-pub-275> (дата проверки: 20.10.2016).
21. Kegley C., Raymond G. A Multipolar Peace? Great Powers Politics in the 21st Century. N.Y.: St. Martin's Press, 1994. 320 p.
22. Keohane R. Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond // Political Science: The State of a Discipline. Washington, 1983. Pp. 158-203.
23. Keohane R.O., Nye Jr. Globalization: What's New? What's Not? (And So What?) // Foreign Policy. 2000. No. 118. Pp. 104-119.
24. Kissinger H. How to exit Afghanistan without creating wider conflict // The Washington Post, 07.07.2011. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/how-to-exit-afghanistan-without-creating-wider-conflict/2011/06/06/AG9ydPLH_story.html (дата проверки: 20.10.2016).
25. Kissinger H. World Order. New York: Penguin Press, 2014. 432 p.
26. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. No. 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment> (дата проверки: 20.10.2016).
27. Kupchan Ch. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. 1998. No. 2. Pp. 40-79.
28. Kupchan Ch. Life after Pax Americana // World Policy Journal. 1999. Vol. 16, No. 3. Pp. 20-27.
29. Layne Ch. The Unipolar Illusion. Why New Great Powers Will Rise // International Security. Spring, 1993. Vol. 17. No. 4. Pp. 5-51.
30. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton, 2001. 555 p.
31. Monteiro N. Theory of Unipolar Politics. // Cambridge Studies in International Relations, 2014. 260 p.
32. Nye J. The New Rome Meets New Barbarians: How America Should Wield Its Power // The Economist, 23.03.2002. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1172/new_rome_meets_the_new_barbarians.html (дата проверки: 20.10.2016).
33. Rosenau J.N. Governance in the Twenty-First Century // Global Governance. Winter 1995. Vol. 1, No. 1. Pp. 13-43.
34. Waltz K. Globalization and American Power // The National Interest. Spring 2000. No. 59. Pp. 46-56.
35. Waltz K. Theory of International Politics. Reading, 1979. 256 p.
36. Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. Summer 1999. Vol. 24. No. 1. Pp. 5-41.
37. Wohlforth W., Brooks S. The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States // Foreign Affairs. – May/June 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (дата проверки: 20.10.2016).
38. Zakaria F. The Challenges of American Hegemony // International Journal. Winter, 1998/1999. Vol. 54. No. 1. Pp. 9-27.

Об авторе

Солянова Мария Викторовна – лаборант-исследователь в Центре российско-американских отношений Института Соединённых Штатов Америки и Канады Российской академии наук.
E-mail: solyanova.maria@gmail.com.

THE PROBLEM OF WORLD ORDER IN WESTERN IR STUDIES

M.V. Solyanova

Institute for the U.S. and Canadian studies of the Russian academy of sciences, 123995, Moscow, G-69, Khlebny per. 2/3.

Abstract: *The article "Problem of world order in modern Western studies" is the study of one of the most debated issues in the science of international relations – world order. Discussion of the structure of world order is underway in various countries, both at the state level and in the expert community. Some researchers insist on the fact that after the end of the cold war, the collapse of the bipolar model of international relations, the world has become unipolar. Others argue that the increase in the number of centers of power and the need for a multilateral approach to solving global problems (terrorism, proliferation of weapons of mass destruction, environmental and climate issues) talking about the formation of multi-*

polarity. However, it should be recognized that currently no widely accepted theoretical and conceptual apparatus, which complicates not only the study of the world order, but makes it impossible to search for common approaches of the international community in solving the problems associated with global development, new challenges and threats. The author of this article seeks to research and analyze the various theoretical paradigms (neo-realism, neo-liberalism, institutionalism, neo-marxism, etc.) and concepts to form a coherent picture of the structure of the world system, its main features and to offer readers the vision of the concept of "world order".

Thus, the article notes that the multidimensional structure of the modern system of international relations established after the end of the cold war is so complex that none of the concepts can claim to accurate interpretation of the world order. The modern system differs from systems of the past centuries. Characteristics inherent in it (on the one hand, the increasing global processes in economy, politics, culture, etc., on the other, the attraction to return to the concept of "nation state", the closure of borders, the disintegration), require new approaches to the study of world order, factors of its formation and its components. The world system is dynamic and none of the previously existing concepts of world order are not able to accurately describe the processes occurring in the world today. For example, a bipolar model is formed based on the principle of "balance of power", a unipolar system exists on the basis of the dictates of the powers, and a multipolar – subject to the availability of the political equilibrium. It becomes obvious that the constantly changing conditions in the global arena require a whole new approach to the formation of a genuine world order. While each country will be guided by their own ideas of the world development plan focused on their interests, often in conflict with the global balance of power, to speak of a stable, efficient, safe development is impossible.

Key words: world order, pole, polarity, international relations, unipolarity, multipolarity, bipolarity, USA, globalization, China, balance of power, international security.

References

1. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem: sovremennoe sistemnoe videnie mirovogo soobshchestva [Analysis of world-systems: the current systemic vision of the world community]. *Sotsiologiya na poroge XXI veka: novye napravleniya issledovaniy* [Sociology at the threshold of the XXI century: new directions of research]. Ed. by S.I. Grigor'ev, Zh. Koenen-Khutter. Moscow, Intellect Publ., 1998. 272 p. (In Russian).
2. Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. / Transl. by P. M. Kudiukin, ed. by B. Iu. Kagarlitskiy. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2001. 416 p. (In Russian).
3. Wallerstein I. *The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Univ. Of Minnesota Press Publ., 2001. 288 p. (Russ. ed.: Vallerstain I. Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka / Vozvyshenie Vostochnoi Azii, ili Miro - sistema v XXI veke. Moscow, Logos Publ., 2004. 368 p.)
4. Vendt A. Chetyre sotsiologii mezhdunarodnoi politiki [Four sociologies of international policy]. *Mezhdunarodnye otnosheniia: sotsiologicheskie podkhody* [International relations: sociological approaches]. Ed. by P.A. Tsygankov. Moscow, Gardariki Publ., 1998. 352 p. (In Russian).
5. Kissindzher: «Dostignem li my mirovogo poriadka cherez khaos ili ponimanie?» [Whether we reach the world order through chaos or understanding?]. *IA REGNUM*, 13.11.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/1866603.html> (Accessed: 20.10.2016). (In Russian).
6. Henry Kissinger. *Does America Need a Foreign Policy?: Toward a New Diplomacy for the 21st Century*. Simon & Schuster, 2001. 352 p.; 1st ed. (Oct. 18). (Russ. ed.: Kissindzher G. Nuzhna li Amerike vneshniaia politika? K diplomatii dlia XXI veka. Transl., ed. by V.L. Inozemtsov. Moscow, Ladomir Publ., 2002. 352 p.)
7. Kupchan Charles A. *The End Of American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century*. Vintage, 2003. 416 p. (Russ. ed.: Kapkhen Ch. Zakat Ameriki. Uzhe skoro. Transl. by B. Syrkov. Moscow, AST, Liuks Publ., 2004. 636 p.)
8. Jacobsen H.-A. 1939-1945. *Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Documenten*. Darmstadt, Wehr-und-Wissen Verlagsgesellschaft, 1959. 552 S. (Russ. ed.: Teilor A., Iakobsen, G.-A. Vtoraia mirovaia voina: Dva vzgliada. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 560 p.)
9. Jürgen Habermas. *Der gespaltene Westen. Kleine politische Schriften*. Verlag: Suhrkamp Verlag, 2004. 208 S. (Russ. ed.: Khabermas Iu. Raskoloty Zapad. Transl. by O.I. Velichko, E.L. Petrenko. Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir» Publ., 2008. 192 p.)
10. Barnett T. The New Rules: The New World Order-After-Next. *World Politics Review*, 25.07.2011. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/9568/the-new-rules-the-new-world-order-after-next> (Accessed: 20.10.2016).

11. Brzezinski Z. *Between the Two Ages*. N.Y., Penguin Books, 1976. 352 p.
12. Busan B., Jones C., Little R. *The Logic of Anarchy: Neorealism to structural Realism*. N.Y., New Directions in World Politics, 1993. 267 p.
13. Chomsky N., Achcar G. *Perilous Power. The Middle East and US Foreign Policy. Dialogues on Terror, Democracy, War, and Justice*. Routledge, 2006. 288 p.
14. Haass R.N. The Squandered Presidency: Demanding More from the Commander-in-Chief. *Foreign Affairs*. 2000. May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2000-05-01/squandered-presidency-demanding-more-commander-chief> (Accessed: 20.10.2016).
15. Huntington S. The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*. 1999. Mar./Apr. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower> (Accessed: 20.10.2016).
16. Huntington S.P. Why International Primacy Matters. *International Security*, vol. 17, no. 4 (Spring, 1993), pp. 68-83.
17. Ikenberry J. America's Imperial Ambition. *Foreign Affairs*. 2002. Sept./Oct. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2002-09-01/americas-imperial-ambition> (Accessed: 20.10.2016).
18. Ikenberry J. The Rise of China and the Future of the West. Can the Liberal System Survive? *Foreign Affairs*. January/February 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2008-01-01/rise-china-and-future-west> (Accessed: 20.10.2016).
19. Interview with Zbigniew Brzezinski. The Afghan War and «The Grand Chessboard». *The RealNews.com*, 13.01.2010. URL: http://therealnews.com/t2/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=74&jumival=4695#newsletter1 (Accessed: 20.10.2016).
20. Kagan R. The Benevolent Empire. *Foreign Policy*, 1998, No. 111. Summer. URL: <http://carnegieendowment.org/1998/05/31/benevolent-empire-pub-275> (Accessed: 20.10.2016).
21. Kegley C. and Raymond G. *A Multipolar Peace? Great Powers Politics in the 21st Century*. N.Y.: St. Martin's Press, 1994. 320 p.
22. Keohane R. Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond. *Political Science: The State of a Discipline*. Washington, 1983. Pp. 158-203.
23. Keohane R.O., Nye Jr. Globalization: What's New? What's Not? (And So What?). *Foreign Policy*, no. 118 (Spring, 2000), pp. 104-119.
24. Kissinger H. How to exit Afghanistan without creating wider conflict. *The Washington Post*, 07.07.2011. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/how-to-exit-afghanistan-without-creating-wider-conflict/2011/06/06/AG9ydPLH_story.html (Accessed: 20.10.2016).
25. Kissinger H. *World Order*. New York: Penguin Press, 2014. 432 p.
26. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, vol. 70, no. 1. America and the World 1990/1991. 1991. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment> (Accessed: 20.10.2016).
27. Kupchan Ch. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity. *International Security*, no. 2, 1998, pp. 40-79.
28. Kupchan Ch. Life after Pax Americana. *World Policy Journal*, vol. 16, no. 3 (Fall, 1999), pp. 20-27.
29. Layne Ch. The Unipolar Illusion. Why New Great Powers Will Rise. *International Security*, vol. 17, no. 4 (Spring, 1993), pp. 5-51.
30. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton, 2001. 555 p.
31. Monteiro N. Theory of Unipolar Politics. *Cambridge Studies in International Relations*, 2014. 260 p.
32. Nye J. The New Rome Meets New Barbarians: How America Should Wield Its Power. *The Economist*, 23.03.2002. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1172/new_rome_meets_the_new_barbarians.html (Accessed: 20.10.2016).
33. Rosenau J.N. Governance in the Twenty-First Century. *Global Governance*, vol. 1, no. 1 (Winter 1995), pp. 13-43.
34. Waltz K. Globalization and American Power. *The National Interest*, no. 59 (Spring 2000), pp. 46-56.
35. Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, 1979. 256 p.
36. Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World. *International Security*, Summer 1999, vol. 24, no. 1, pp. 5-41.
37. Wohlforth W., Brooks S. The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States. *Foreign Affairs*. May/June 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (Accessed: 20.10.2016).
38. Zakaria F. The Challenges of American Hegemony. *International Journal*, vol. 54, no. 1 (Winter, 1998/1999), pp. 9-27.

About the author

Solyanova Maria Victorovna – research assistant in the Center for Russian-American relations, Institute for the U.S. and Canadian studies of the Russian academy of sciences.
E-mail: solyanova.maria@gmail.com.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А.И. Никитин

Московский государственный институт международных отношений МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье рассматривается становление и развитие в России конфликтологии как политологической субдисциплины на стыке политологии и исследований международных отношений и международной безопасности. Выделяются этапы становления отечественной конфликтологии, анализируется социальный запрос на конфликтологические исследования, рассматривается влияние зарубежных и международных институтов и исследований, как из стран СНГ, так и из дальнего зарубежья. Рассматривается поворотное значение «нового политического мышления» эпохи Горбачёва для изменения отношения Москвы ко многим международным конфликтам, а также для пересмотра теоретических принципов анализа конфликтов, которые отныне не сводятся к классовым и идеологическим противоречиям. Внедрение более плюралистических понятий «социально-политической модели» и «миропорядка» вместо категории «общественно-экономические формации» позволило по-новому моделировать международные отношения, в том числе выделять конфликты между странами одной социальной системы. Всплеск межэтнических и сепаратистских конфликтов в первой половине 1990-х гг. привёл к становлению «практически ориентированной конфликтологии», отражавшей политические интересы конфликтующих сторон в конфликтах в Карабахе, Грузии/Абхазии, Грузии/Южной Осетии, Молдове/Приднестровье. На рубеже 1990-х и 2000-х гг. в России происходит становление теоретической системной конфликтологии, уже довольно тесно переплетённой с мировой конфликтологической теорией. Далее в статье рассматривается роль в становлении конфликтологии как субдисциплины разных институтов системы Академии наук, ассоциаций политологов и конфликтологов, отечественных и зарубежных фондов и исследовательских центров, включая РСМД, СВОП, Российский Пагуошский комитет, ЦПМИ, Московский центр Карнеги, РИСИ, ИСК РАН и др. Выделяются в качестве отдельного направления исследования конфликтов на постсоветском пространстве со стороны зарубежных институтов и центров (женевского ЮНИДИР, стокгольмского СИПРИ, парижского Института безопасности Европейского союза, британского Королевского института международных отношений). Рассматривается взаимодействие российских и швейцарских учёных на базе женевских институтов GCSP и DCAF. В заключение формулируются проблемные области и теоретические поля российской конфликтологии как политологической субдисциплины.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, постсоветские конфликты, СНГ, миротворческие операции, международная безопасность, конфликтологический дискурс.

**Проблематика конфликтов
и международной безопасности
в позднесоветский период**

В настоящее время в контексте изучения и преподавания в России проблематики международных и внутренних конфликтов никто не сомневается в существовании таких факторов возникновения конфликтов на постсоветском пространстве, как межэтнические противоречия, национализм, социально-экономическое неравенство, религиозный экстремизм и др. В советский период, вплоть до периода перестройки, весь этот комплекс противоречий, да и сам факт наличия внутриполитических конфликтов, замалчивался и отрицался. В целом проблематика международной безопасности трактовалась в позднесоветский период (1970-1980-е гг.) как проявление противостояния капиталистической и коммунистической общественно-экономических формаций (ОЭФ), а высшей формой международного конфликта считалась вполне вероятная мировая ядерная война между общественно-политическими системами и группами стран, их олицетворяющими. СССР, обладавший ядерным оружием, рассматривался в качестве силы, сдерживавшей угрозу такой войны.

Теория классовой борьбы проецировалась на международные отношения в форме поддержки революционного насилия, революционных и национально-освободительных движений. СССР оказывал военную, экономическую и политическую помощь социальным силам в зарубежных странах, заявившим целью переход к социализму: сформировалось понятие «страны социалистической ориентации». Ряд конфликтов в мире развивающихся стран также объяснялся противоречиями этапа деколонизации в 1950-1970-е гг., то есть внутренних противоречий империалистического и постимпериалистического этапов развития капитализма. Вооружённые конфликты в мире развивающихся стран (Вьетнам, Афганистан, Ангола и др.) представлялись опосредованными проявлениями (проекциями) противоречий двух «лагерей» стран во главе с СССР и США, часто при полном игнорировании реальной региональной специфики этих конфликтов и участвовавших в них сил.

При этом утверждалось, что хотя в мире социализма и стран социалистической ориентации конфликты возможны в силу неполной развитости принципов социалистического устройства, однако в СССР как стране «развитого социализма» нет и не может быть серьёзных внутренних конфликтов, вызванных межклассовыми, межклановыми, межэтническими или межрелигиозными противоречиями. Конфликтология как научная дисциплина отсутствовала как в научной литературе, так и в сфере преподавания; рассмотрение конфликтов относилось к курсам исторического материализма и научного коммунизма.

**«Новое политическое мышление»:
формирование новой
конфликтологической парадигмы**

Начиная с 1986 г., после прихода к власти нового советского руководства во главе с М.С. Горбачёвым и постепенного разворачивания политики перестройки и гласности, установки начали меняться. Была сформулирована концепция «нового политического мышления в международных отношениях» [13]. Строго говоря, это была не стройная концепция, а совокупность поначалу разрозненных суждений и оценок, более открыто и реалистично осмысливавших реалии современного мира. В частности, получили новое развитие концепции «разрядки международной напряжённости» и «мирного сосуществования» противостоящих систем: «Мы готовы соревноваться с капитализмом исключительно на почве мирной, созидательной деятельности. Поэтому мы за развитие политического диалога и взаимодействия с капиталистическими странами, за широкое развитие взаимовыгодных торгово-экономических, научно-технических и культурных связей... Мы готовы, - заявляло новое советское руководство, - договариваться не только о прекращении гонки вооружений, но и о самых крупных их сокращениях – вплоть до всеобщего и полного разоружения» [13, с. 112]. Как известно, в 1986 г. руководители СССР и США М.С. Горбачёв и Р. Рейган в Рейкьявике всерьёз обсуждали (хотя и не приняли) план полной ликвидации ядерного оружия двух стран за десятилетний период до 1996 г.

Следует признать, что формула «мирного сосуществования» досталась «в наследство» от прежнего этапа преодоления открытого противоборства социально-политических систем и идеологий. Как и «разрядка международной напряжённости», она была шагом вперёд от предшествовавшей формулы «непримиримой борьбы двух систем», но в условиях постепенного окончания холодной войны ненужным образом подчёркивала разделённость, расколотость мира и временность мирного сосуществования (ведь сама формула советских времен не означала отказа от стремления к «победе» над Западом в отдалённой перспективе).

Большую роль в разработке принципов нового политического мышления в международных отношениях сыграла группа советников Горбачёва по международным вопросам, включавшая А.Н. Яковлева, Ф.М. Бурлацкого, Г.Х. Шахназарова, Г.А. Арбатова и др. Следует отметить, в частности, интересную новацию Шахназарова по разработке и внедрению понятий «миропорядок» и «социально-политическая модель», предложенную им в книге «Грядущий миропорядок» [45]. Эти понятия были призваны заменить концепцию противоборствующих общественно-экономических формаций (социалистической и капиталистической систем) как стержня всех международных от-

ношений. Предлагалось видеть мир как гораздо более плюралистичное сочетание многих (реально, десятков) относительно уникальных социально-политических моделей, а не двух общественно-экономических формаций (ОЭФ). Понятие социально-политической модели, в отличие от ОЭФ, учитывало не только социально-классовые, но и национальные, культурные, страновые, региональные особенности обществ (например, арабских стран или стран Юго-Восточной Азии). Оно позволяло гораздо более дифференцированно рассмотреть социалистические страны не просто как «сателлитов» СССР, а как носителей разных политических, региональных, этнических традиций (без чего с трудом объяснялась, скажем, специфика Югославии или КНР как социалистических стран с весьма особой позицией). Выделение многих социально-политических моделей в мироустройстве позднесоветского периода позволяло также не складывать в единую «капиталистическую» корзину все развитые западные страны, а обосновать дифференцированный подход во внешней политике. Совокупность уникальных, плюралистических страновых или региональных социально-политических моделей трактовалась как «миропорядок» и предполагалось, что могут существовать не две версии мироустройства (доминирование капитализма или социализма в мировом масштабе), а многие модели миропорядка.

Г.Х. Шахназаров в тот период возглавлял Советскую ассоциацию политической науки (САПН), и новые подходы довольно быстро стали объектом широких научных дискуссий. В 1988 г. большая делегация САПН во главе с Шахназаровым, представив ростки нового политического мышления на Вашингтонском конгрессе Международной ассоциации политической науки (МАПН) [56], привлекла большое внимание политологов всего мира к меняющимся подходам советских учёных к международным отношениям и конфликтам.

Уникальный научно-общественный проект «Прорыв. Становление нового мышления» был осуществлён в период перестройки большой группой советских и американских учёных и общественных деятелей под эгидой Комитета советских учёных за мир, против ядерной угрозы (структура Академии наук СССР) и американского общественного движения Beyond War [49]. После десятилетий конфронтации это было первое совместное исследование проблем мира и конфликтов, осуществлённое большой группой советских и американских учёных и одновременно изданное в СССР и США (что также было новацией) на русском и английском языках значительными тиражами (по 30 тыс. экземпляров). В проекте, длившемся два года, участвовали А.А. Громыко (директор Института Африки), Т. Тейлор (один из создателей американского ядерного оружия), академики Б.В. Раушенбах и Н.П. Бехтерева, С.П. Капица,

политологи А.Ю. Мельвиль и А.И. Никитин, социолог С.К. Рощин, американские профессора из Стэнфордского, Йельского, Калифорнийского и других университетов. Результаты исследования, ориентированные на глубокую перестройку отношений Восток-Запад, были распространены в двух странах в ходе широкой кампании общественных презентаций. Советские и американские авторы совместно посетили более 30 университетских городов в США (от Орегона и Калифорнии до Вашингтона) и СССР (от Новосибирска до Москвы и Калининграда), проводя публичные дебаты в американских и советских университетах, в теле- и радиостудиях. Взаимный интерес американской и советской научной общественности к развитию контактов и новых подходов в тот период был чрезвычайно высок.

Следует отметить также происходившую в тот период методологическую переориентацию зарождавшейся советской конфликтологии под влиянием критического ознакомления советских исследователей с глобалистикой и футурологией – научными областями, которые ранее опровергались как «буржуазные учения». Институт системных исследований Советской академии наук (в тот период им руководил академик Д.М. Гвишиани) стал впервые внедрять системные исследования и компьютерное моделирование в международных отношениях. Серьёзным результатом этих моделирований стало, в частности, опубликованное в 1988 г. исследование о компьютерном моделировании (с использованием западных и советских моделей) потенциальных последствий глобального ядерного конфликта, получившее название концепции «ядерной зимы». Исследовательское подразделение МГИМО, имевшее тогда формат Проблемной лаборатории под руководством И.Г. Тюлина, провело первые серии компьютерного моделирования международных конфликтов.

Волна конфликтов ранних 90-х гг. и социальный запрос на «практически-ориентированную конфликтологию»

1990-1992 гг. стали периодом повсеместного обострения социально-политических, территориальных и межэтнических конфликтов на территории распадавшегося Советского Союза, которые затем в разных формах, в том числе и в форме гражданских войн, продолжились на протяжении 1990-х гг. Сама политическая практика заставляла признать наличие в обществе разнотипных конфликтов, которые требовали изучения и объяснения. В республиках стали приходить к власти силы и движения, менявшие направленность развития, внедрявшие представления о «национальных интересах», отличных от общесоветских, и ставившие вопрос о независимости от центрального советского руководства. 10 ноября 1989 г.

Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О несоответствии некоторых законодательных актов союзных республик Конституции СССР». Обозначились всё более глубокие политические, правовые, экономические, идеологические противоречия центра и региональных элит. 12 июня 1990 г. съезд народных депутатов РСФСР утвердил «Декларацию о суверенитете», провозгласив на территории России верховенство республиканских органов власти и республиканских законов над законодательством СССР. Аналогичные декларации о суверенитете были волной приняты в большинстве союзных республик. Формальный распад Советского Союза произошёл в декабре 1991 г., однако он не привёл к немедленному образованию полутора десятков полноценных новых независимых государств. Начался относительно длительный (до десятилетия) период «полураспада» инфраструктуры бывшей советской государственности и медленного, последовательного формирования параметров суверенитета новых независимых государств (ННГ). Этот период характеризуется нарастанием конфликтности во многих регионах постсоветского пространства – Таджикистане, Абхазии и Южной Осетии (Грузия), Карабахе (Азербайджан), Приднестровье (Молдавия), а также в ряде регионов молодого российского государства – в Чечне, Дагестане, Северной Осетии, Ингушетии, Татарстане и др.

В сфере международной безопасности возникла принципиально новая ситуация, когда в силу распада СССР прекратили своё действие большинство заключённых ранее международных договоров и соглашений, компоненты ядерной инфраструктуры бывшего СССР оставались разделёнными на территории четырёх государств, многие контингенты вооружённых сил бывшего СССР, переподчинённые России, размещены (теперь без правового основания) на территориях бывших республик, а бывшие общие внешние границы СССР большинство республик ещё не готовы были взять под собственную охрану, но уже не давали Москве их контролировать. Россия вмешалась с применением вооружённых сил (на разных правовых основаниях) в конфликты в Таджикистане, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье. Федеральные власти России с помощью вооружённых сил разняли конфликт между Северной Осетией и Ингушетией на собственной территории, начали военные действия в Чечне, позже в Дагестане и других «горячих точках».

Политикам, парламентариям, дипломатам, военным в первой половине 1990-х гг. пришлось заняться проблематикой конфликтов в контексте национальной и международной безопасности раньше, чем научное сообщество смогло комплексно осмыслить и с научной методичностью описать развернувшиеся конфликты.

Исследования конкретных региональных конфликтов в ННГ

Конфликтологические исследования, осуществлявшиеся по ходу разворачивания ряда международных и межэтнических, территориальных и иных конфликтов на постсоветском пространстве (таджикский, карабахский, грузино-абхазский, грузино-осетинский, грузино-российский, молдавско-приднестровский, позже конфликты вокруг «цветных революций» в Киргизстане, Украине и др.) можно условно назвать «практически-ориентированной конфликтологией». В своём большинстве это не были исследования классического исторического или политологического плана – историческая дистанция была слишком невелика, а для «холодного» анализа классической шахматной расстановки политических сил конфликты были слишком «горячими». Политики интересовались у аналитиков текущей социологической, экономической, военно-политической информацией, которую можно было непосредственно использовать для принятия сиюминутных решений, а нередко аналитики «навязывали» такую информацию политикам, не желавшим их слушать. Однако по совокупности в такого рода анализах, обзорах и работах сложилась достаточно многомерная научная конфликтогенная карта постсоветского пространства. Поскольку урегулирование самих конфликтов на постсоветском пространстве и их последствий растянулось до настоящего времени, отметим не только ключевые работы «практически-ориентированной конфликтологии» первого постсоветского десятилетия, но и продолжающие их более современные работы. В настоящее время большинство этих работ включены в контекст преподавания, используются в учебном процессе, но рождались они как «прикладная основа» для сформировавшейся позже отечественной теоретической системной конфликтологии.

Ярким примером являются работы посла РФ В.Н. Казиминова, полномочного представителя президента РФ по Нагорному Карабаху и сопредседателя Минской группы ОБСЕ от России, который много лет был практически включён в посредничество между армянской и азербайджанской сторонами по урегулированию карабахского конфликта. Он не только опубликовал ряд аналитических работ по данному конфликту [15], но и создал открытый для публичного доступа интернет-сайт¹, на котором разместил обширную подборку документов и аналитических материалов-рекомендаций по ходу урегулирования данного конфликта. Документами этого сайта пользовались дипломаты конфликтующих сторон в ходе переговорного процесса.

Практические предложения по принципам и даже конкретному предлагаемому тек-

¹ <http://www.vn.kazimirov.ru/docs.htm>

сту договора между государствами Южного Кавказа по урегулированию конфликтов внёс в российский дискурс бывший посол ЕС в России М. Эмерсон (он возглавлял Центр европейских политических исследований в Брюсселе), разославший в МИД РФ и руководству Грузии, Армении и Азербайджана «Пакт стабильности для Кавказа» [35]. Данный документ и содержащиеся в нём предложения стали предметом специального совещания в российском МИД, а также острой дискуссии среди конфликтологов.

Ряд обзорных работ по абхазскому, осетинскому, дагестанскому конфликтам опубликовал известный политолог, автор учебников политологии К.С. Гаджиев [7], в данном случае выступивший как аналитик-регионовед. Серию практически ориентированных рекомендаций по политике в конфликтных регионах выпустил Институт стран СНГ, возглавляемый К. Затулиным [3]. По конфликтам в Афганистане, Таджикистане, Узбекистане, Киргизстане опубликовал более десятка монографических исследований востоковед А.А. Малашенко [24]. Он регулярно посещал соответствующие конфликтные регионы и интервьюировал представителей конфликтующих сторон.

При участии военных наблюдателей, непосредственно участвовавших в миротворческих операциях на Балканах в составе российского компонента и контингентов ООН, были подготовлены публикации по боснийскому и косовскому конфликтам [30]. Непосредственные участники переговорного процесса по статусу Приднестровья подготовили и опубликовали документы и рекомендации по молдавско-приднестровскому урегулированию [36]. Научные сотрудники Института востоковедения РАН опубликовали десятки работ по конфликтам на Кавказе и в Центральной Азии, которые позже составили хрестоматийные тома, представляющие разнообразную конкретную информацию о протекании данных конфликтов и используемые ныне в преподавании, как, например, книга «Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе» [42].

Названные работы составляют лишь малую часть массива исследований и публикаций, которые можно отнести к категории «практически-ориентированной конфликтологии». Но именно подобные работы составили основу для формирования ядра отечественной конфликтологии в контексте проблематики международной безопасности.

Становление системной российской конфликтологии

Исторические и политологические (а также, в немалых количествах, публицистические) работы по конфликтам появлялись с самого начала постсоветского периода, однако системное («учебниковое») представление и развитие теории конфликтов и начал конфликтологии сформировалось в России позже, после сере-

дины 1990-х гг. Как самостоятельная учебная дисциплина, фактически субдисциплина, выделенная из общей политологической проблематики, конфликтологические учебные курсы начали преподаваться сначала в Москве в МГИМО и МГУ им. М.В. Ломоносова, затем в РУДН, РГГУ, Санкт-Петербургском университете, Дальневосточном университете во второй половине 1990-х гг. Отметим те исследования и учебники, которые оказали наибольшее влияние на содержание преподавания проблематики конфликтологии в российских университетах и высших учебных заведениях.

К первым системным представлениям основ конфликтологии в постсоветской научной литературе следует отнести учебники П.А. Цыганкова «Международные отношения с обширным разделом по проблемам войн и конфликтов» [44, см. также более поздние публикации 28, 27], Д.М. Фельдмана «Политология конфликта» [43], М.М. Лебедевой «Политическое урегулирование конфликтов» [23, см. также 17, 22].

Системное изложение проблематики международных конфликтов и конфликтов в постсоветских ННГ может быть найдено в ряде глав учебников МГИМО «Современные международные отношения» 1999 г., «Современные международные отношения и мировая политика» 2004 г., «Современные международные отношения» 2012 г. [40, 41] (несмотря на схожие названия, все три учебника подготовлены разными широкими коллективами авторов).

Обзор российских и зарубежных конфликтологических трудов хрестоматийного формата был выпущен в 2002 г. в Москве и Нижнем Новгороде под редакцией М.М. Лебедевой и Д.М. Фельдмана [38]. Профессор МГУ Б.В. Коваленко издал ряд обобщающих конфликтологических работ, включая учебник «Политическая конфликтология» [16]. В Санкт-Петербурге вышел учебник «Политическая конфликтология» С.А. Ланцова [39], используемый ныне в учебных курсах ряда столичных и региональных университетов. А.Д. Богатуров систематизировал вопросы взаимосвязи экономических и политических измерений современных конфликтов [48]. Несомненное значение для развития конфликтологии в России имел учебник «Современная международная безопасность» В.М. Кулагина [20].

Специфика межэтнических конфликтов стала объектом исследований научного сотрудника Института востоковедения РАН И.Д. Звягельской [14]. Ряд значимых работ по вопросам методов урегулирования конфликтов издал исследователь из МГУ А.В. Манойло [25]. Миротворческие операции ООН и СНГ, роль военных операций в урегулировании конфликтов исследовали А.И. Никитин, Ю.Е. Фёдоров, А.В. Демурико, О.Н. Хлестов [33].

Л.И. Никовская, автор ряда конфликтологических работ [21], стала одним из ини-

циаторов создания российской Ассоциации конфликтологов, проводящей регулярные научные школы и конференции. Под редакцией Л.И. Никовской Российская ассоциация политической науки выпустила коллективную работу «Мировые процессы, политические конфликты и безопасность» [29].

Ряд конфликтологических учебников вышли в региональных издательствах и университетах. Среди них можно отметить изданную в Воронеже «Политическую конфликтологию» А.В. Глуховой и В.С. Рахманина [10], опубликованные в Краснодаре книги В.М. Юрченко и И.В. Юрченко, работы казанских конфликтологов [9], изданный в Белгороде учебник А.А. Брагина и И.С. Максимова [6], опубликованный Ставропольским университетом методологический обзор В.А. Авксентьева по этнической конфликтологии [2] и др. В силу региональной специфики самостоятельные конфликтологические школы сформировались в Дальневосточном федеральном университете (проблематика Северо-Восточной Азии, межкорейских конфликтов, российско-японских и российско-китайских отношений); университетах Краснодара, Ростова, Ставрополя (проблематика конфликтов юга России, Северокавказского региона и Южного Кавказа); Калининградском университете им. И. Канта (проблематика конфликтов в северном и балтийском регионах, отношений с ЕС и НАТО); университетах Татарстана (межэтнические и межрелигиозные конфликты, включая проблематику ислама).

Конфликтологические исследования в России получили широкое развитие в группе институтов системы Российской академии наук (РАН), изучающих международные отношения и зарубежные страны в региональном аспекте, таких как Институт Африки (ИАФ РАН), Институт Европы (ИЕ РАН), Институт Дальнего Востока (ИДВ РАН), Институт Латинской Америки (ИЛА РАН), Институт США и Канады (ИСК РАН), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН). Данные институты сосредоточены на изучении региональных конфликтов на разных континентах и в разных регионах, соответствующих специализации исследовательских центров. Проблематика межэтнических, межрелигиозных (и связанных с ними комплексных социально-политических) конфликтов изучается в Институте востоковедения (ИВ РАН), Институте этнологии и антропологии (ИЭА РАН), Институте славяноведения (ИСл РАН). Собственная школа конфликтологических исследований (как по конфликтам на постсоветском пространстве, так и в дальнем зарубежье) сло-

жилась в Российском институте стратегических исследований (РИСИ) в период, когда институт возглавлял известный российский историк и политолог Е.М. Кожокин. РИСИ не входит в систему Академии наук, а подчинён Администрации Президента РФ, с чем связана более практическая ориентация его исследований.

Помимо названных государственных научно-исследовательских учреждений следует отметить конфликтологический потенциал ряда негосударственных исследовательских организаций (в статусе НПО, фондов, научных учреждений и пр.). Наиболее системно проблематику современных международных конфликтов освещает Российский совет по международным делам (РСМД)², выпускающий регулярные аналитические доклады, «Рабочие тетради» и монографии на русском и ряде иностранных языков. РСМД выпустил исследования по карабахскому, абхазскому, осетинскому, приднестровскому, украинскому, ливийскому, сирийскому и другим конфликтам.

Ежегодные доклады по вопросам международной политики, включающие обзор российской политики в конфликтах, осуществляет Совет по внешней и оборонной политике (СВОП)³.

Среди других значимых исследовательских центров преимущественно или частично конфликтологической специализации следует отметить Центр политических и международных исследований (ЦПМИ), осуществивший несколько десятков международных проектов по конфликтологической проблематике и издавший соответствующие книги, Институт стратегических оценок, Институт современного развития (ИНСОР), Федерацию мира и согласия, Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН, Центр европейской безопасности (действовавший в ИНИОН РАН).

Ряд конфликтологических проектов в России осуществили действующие или действовавшие в России зарубежные исследовательские центры и организации: Московский центр Карнеги⁴, Филиал Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в РФ, Филиалы Фонда им. Ф. Эберта и Фонда К. Аденауэра в РФ.

Учебники из стран СНГ в российском преподавании

За годы, прошедшие после распада Советского Союза, в большинстве новых независимых государств, в частности, в государствах СНГ сложились собственные школы исследований в области международных отношений и международной безопасности, часто ориентированные на иные, чем в России, методологические и политические подходы и образцы. На политологов

² <http://russiancouncil.ru/>

³ Составителями докладов СВОП выступают Ф.А. Лукьянов и С.А. Караганов.

⁴ Работающие в Московском центре Карнеги российские политологи Д.В. Тренин, А.А. Малашенко и др. опубликовали ряд серьёзных исследований афганского, ливийского, сирийского, чеченского, российско-грузинского и др. конфликтов.

■ Исследовательские статьи

большинства стран Центральной Азии (прежде всего, на университетскую науку Казахстана и Киргизии) начали оказывать воздействие китайские университеты и исследовательские центры (пекинский Институт международных исследований при ЦК КПК, Шанхайская академия общественных наук и др.), с которыми у них установились научные связи. В Узбекистане заметно влияние турецких учебных заведений, особенно с того времени, как обучение и повышение квалификации узбекских военных стало осуществляться при участии турецких военных академий. Прямое влияние турецких и иранских государственных исследовательских центров (например, расположенного в Анкаре Центра НАТО по повышению квалификации в сфере борьбы с терроризмом и тегеранского Института политических и международных исследований) прослеживается и в исследованиях, осуществляемых в Азербайджане. В странах ГУАМ (прежде всего, в Украине и Грузии) сильно влияние американских институтов, фондов и исследовательских центров. В силу этого в учебном процессе в России студентам и аспирантам нечасто рекомендуются учебники или исследования, выпущенные в странах СНГ. Отметим лишь некоторые из работ авторов стран СНГ, которые включены в литературу, рекомендуемую программами ведущих российских университетов.

Наиболее близки к российским подходам учебные издания белорусских и казахстанских политологов. В частности, российским студентам в ряде курсов рекомендуется учебник «Конфликтология» белорусского автора Е.М. Бабосова [4], в курсах по международной безопасности и региональным конфликтам учебники казахстанского алмаатинского университета авторов К.И. Байзаковой [5] и Р.А. Нуртазиной [34]. В целом ряде российских курсов рекомендуются учебники и книги, разработанные армянскими коллегами, в частности под редакцией руководителя Ассоциации политической науки Армении профессора, генерала Г.С. Котанджяна. Рекомендуются и учебные пособия азербайджанских политологов – весьма широкий по охвату международной проблематики учебник по международным отношениям А.М. Гасанова [8] и учебное пособие по международным организациям А.Н. Аббасбейли [1]. С развитием конфликта в Украине учебники киевских политологов, которые десятилетием ранее довольно широко рекомендовались к изучению в российских вузах, исчезли из списков рекомендуемой литературы, однако в программах остались отдельные издания восточно-украинских авторов [26].

Исследования зарубежных учёных в российском конфликтологическом дискурсе

Для многих зарубежных исследователей и институтов разных стран конфликты на

постсоветском пространстве стали объектом профессионального изучения. С самого начала 1990-х гг. в регионах конфликтов в Центральной Азии, на Кавказе, в Молдавии можно было встретить немецких, шведских, американских, французских и др. исследователей, проводящих интервью с представителями конфликтующих сторон, взаимодействующих с миссиями ООН и ОБСЕ в регионах, пытающихся разобраться в сути конфликта и политической обстановке. Появилось немало качественных зарубежных исследований о постсоветских конфликтах, причём ряд таких исследований был выполнен в прямом взаимодействии с российскими политологами и конфликтологами. Некоторые из таких исследований так и остались «обращёнными на Запад», ориентированными на зарубежного читателя. Однако целый ряд работ вошёл в российский научный, а иногда и политический дискурс.

Прежде всего, отметим ежегодные обзоры состояния постсоветских конфликтов, публиковавшиеся в Ежегодниках Стокгольмского института по исследованию проблем мира (СИПРИ). Данные Ежегодники (каждый объёмом свыше тысячи страниц, выпускаются издательством Oxford University Press) чрезвычайно тщательно выверяются с точки зрения фактологии и источников, публикуют в основном хорошо проверенную информацию. Многие политики и даже военные разных стран используют материалы СИПРИ в качестве документального источника. В России Институт мировой экономики и международных отношений РАН ежегодно переводит ключевую часть каждого Ежегодника и, добавив российские комментарии (особенно часто они добавляются как раз по вопросам конфликтов на постсоветском пространстве), публикует отдельным изданием на русском языке [12]. Данные публикации на протяжении многих лет являются незаменимым источником при составлении и изучении любых конфликтологических учебных курсов.

Широкое хождение в российских университетах приобрели многочисленные работы, составленные или написанные Бруно Коппитем – бельгийским исследователем, который давно работает в контакте с российскими (и грузинскими, молдавскими и др.) учёными над проблематикой изучения конфликтов [18]. Работы Коппитера постоянно переводятся на русский язык, под его руководством в России изданы книги по правовым аспектам войн и конфликтов, аналитика по конфликтам в Грузии [11] и др. Совместно с бывшим послом ЕС в России М. Эмерсоном он опубликовал на русском языке книгу «Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии» [19] – нетрудно догадаться, что под «европейской периферией» имеется в виду в том числе постсоветское пространство.

Давно и детально изучает постсоветские конфликты расположенный в Париже меж-

дународный Институт проблем безопасности Европейского союза. Институт этот – не просто исследовательский: он призван вырабатывать практические рекомендации для проведения политики безопасности и внешней политики ЕС. Среди работ, выполненных в этом институте и прочно вошедших в российский научный дискурс, следует отметить работы по конфликтам в СНГ ирландского исследователя Д. Линча [53] и молдавско-румынского исследователя Р. Попеску [55]. Хорошо известны российским конфликтологам и работы по центрально-азиатским конфликтам и деятельности СНГ, выпущенные шведской/американской исследовательницей Л. Джонсон, англичанином Р. Аллисоном [50], голландцем Я. ван дер Лейном (они обычно издаются шведским институтом СИПРИ или лондонским Королевским институтом международных исследований).

Среди институтов разных стран, которые последовательно изучают конфликты на постсоветском пространстве и взаимодействуют с российским конфликтологическим сообществом, следует отметить сеть международных центров Карнеги (США), включая Московский центр Карнеги, Брукингский институт, немецкий Фонд Ф. Эберта, Франкфуртский институт по исследованию проблем мира (PRIF, ФРГ), Французский институт международных исследований (IFRI) и парижский Центр стратегических исследований (CRS), британский Королевский институт международных отношений (RIIS) и др.

Что касается теоретической конфликтологии, то реальное влияние на развитие отечественной конфликтологии оказали и широкое распространение в России получили работы Дж. Ная [54], Б. Бузана, С. Такера, классика «скандинавской» конфликтологической школы Й. Гальтунга [52] – они переведены и широко используются в преподавании в России.

Взаимодействие со швейцарскими институтами в сферах изучения международной безопасности и конфликтологии

Заметное воздействие на российские исследования в сферах международной безопасности, изучения и урегулирования конфликтов оказали швейцарские и расположенные в Швейцарии международные институты и центры. Разумеется, влияние швейцарских научных партнёров не сильнее влияния немецких или американских научных центров, хотя в чем-то и сопоставимо с ними, но в настоящей статье вопрос взаимодействия со швейцарскими институтами рассматривается подробно в связи с тем, что в настоящее время исследователи МГИМО осуществляют совместный со швейцарскими коллегами исследовательский проект.

Прежде всего, следует отметить российское взаимодействие с расположенными в Женеве

институтами системы ООН, в частности, широкое использование в учебных программах в России научных докладов и публикаций Института по изучению проблем разоружения (UNIDIR). Доклады, подготовленные международным коллективом исследователей ЮНИДИР [например, 57, 51] (в который в разные годы входили и российские исследователи, и в котором постоянно присутствуют исследователи швейцарские) по проблемам ограничения ядерных вооружений, запрещения противопехотных мин, ограничений обычных вооружений, запрещения химического оружия, запрещения ядерных испытаний и др. постоянно входят в круг рекомендуемой российскими университетами справочной литературы. В силу активной деятельности в России Ассоциации содействия ООН, Информцентра ООН в РФ, а также информационно-политики Департамента международных организаций и Департамента по нераспространению и контролю над вооружениями российского МИД исследования и издания ведущего исследовательского института системы ООН есть в библиотеках всех центральных и региональных российских университетов.

Определённое распространение в российском научном сообществе получили труды Женевского института по исследованию проблем мира (GIPRI). Однако наибольшее влияние на российские политико-академические круги оказала деятельность двух швейцарских институтов (оба с широким международным участием): GCSP и DCAF.

Женевский центр политики в области безопасности (Geneva Center for Security Policy) создавался как международный центр повышения квалификации дипломатов и военных. Система обучения в нём представляет собой среднесрочные (от месяца до шести месяцев) курсы лекций и занятий, проводимых для весьма смешанной международной аудитории (слушатели обычно представляют два десятка или более стран), причём занятия проводят преподаватели и приглашённые практики (политики, военные) также из многих стран. Создавая подобный международный центр, нейтральная Швейцария вступила в негласное «состояние» за превращение в общеевропейский «хаб» для дипломатов и военных с такими в чём-то аналогичными по назначению центрами, как Оборонный колледж НАТО (Рим, Италия), Центр им. Дж. Маршалла (США-ФРГ), системами школ и конференций под опекой британского МИД «Уилтон-парк» и «Дитчли-парк». Все эти центры, включая GCSP, адресуют свои образовательные курсы «взрослым» слушателям; фактически, это системы повышения квалификации для руководителей подразделений национальных политических, дипломатических, военных ведомств и сотрудников международных организаций. Россия выступила одним из соорганизаторов GCSP, и в его штате

работал ряд бывших российских дипломатов. В первые годы работы центра российский парламент, другие ведомства, а также Министерство обороны РФ направляли на образовательные программы GCSP своих функционеров. Кризисы 1999 и 2008 гг. в отношениях России с Западом прервали регулярность этой практики. Однако научные издания GCSP достаточно широко представлены в библиотеках российских университетов и научно-исследовательских институтов.

Большую теоретическую и практическую роль сыграло появление в Швейцарии во второй половине 1990-х гг. (по инициативе швейцарских министерств иностранных дел и обороны) Центра по демократическому контролю над вооружёнными силами (DCAF). В первое пятилетие своей деятельности DCAF сосредоточился на проблемах реформирования комплекса безопасности восточноевропейских и постсоветских стран, особенно создания системы гражданского (политического) контроля над вооружёнными силами (включая доктринальные и правовые вопросы, а также практическое реформирование вооружённых сил, полиции, пограничных и специальных служб). Страны Восточной Европы и Балтии, которые проходили в тот период болезненный процесс переориентации своих армий и спецслужб с социалистических на западные принципы и стандарты, воспользовались практической помощью DCAF в подготовке нового законодательства, доктрин, уставов, превратив Женевский центр в форум для консультаций «старого Запада» и «нового Запада» по военно-правовым и военно-социальным вопросам.

Страны СНГ, прежде всего, Россия и Украина, также широко сотрудничали и сегодня взаимодействуют с DCAF, однако процесс этого взаимодействия был не столь однозначным, как в случае молодых членов НАТО. Российских парламентариев, а также министерства и ведомства силового цикла в 1990-е гг. интересовали практические вопросы реформирования военного сектора. После путча 1993 г., когда вооружённые силы оказались расколоты между ориентацией на президента страны или, альтернативно, на Верховный Совет (парламент), остро встал вопрос о создании системы политического и гражданского контроля над военной организацией государства, чтобы исключить в дальнейшем возможность выступления военных (или их части) в качестве самостоятельной (по отношению к государственной власти) политической силы. Вопросы о соотношении гражданской и военной сфер, праве и пределах контроля общества над армией ставила и разгоревшаяся война в Чечне и других регионах Северного Кавказа. Обострился вопрос использования российских вооружённых сил в конфликтных точках СНГ – от Таджикистана до Приднестровья. В тот период российскими исследователями совместно с DCAF был осуществлён ряд актуальных

международных изданий: «Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ», «Законодательство в сфере военно-гражданских отношений», «Миротворческие операции, парламенты и законодательство» и др. В экспертном взаимодействии с Женевским DCAF был разработан принятый вскоре Межпарламентской ассамблеей СНГ Модельный закон «О гражданском контроле над военной организацией государства».

По линии DCAF неоднократно прибывали в Россию делегации для участия в мероприятиях российского парламента, Межпарламентской ассамблеи СНГ, Штаба по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ (позднее – Объединённый штаб ОДКБ), а также в мероприятиях структур ОДКБ. Стоит отметить несколько выступлений перед российскими парламентариями и военными депутата Сената Нидерландов В. ван Экелена с результатами проведённого под его руководством сравнительного анализа полномочий, процедур и практики парламентского надзора за оборонной сферой в странах-членах НАТО [47], а также обращённые к российским парламентариям работы консультанта Центра DCAF, заместителя генерального секретаря Межпарламентского союза К. Пинтат [37].

Впоследствии DCAF расширил географию своей деятельности, начав взаимодействовать с парламентами, министерствами, военными структурами и научными сообществами не только европейских стран, но и стран Восточной Азии, Латинской Америки, Африки. В фокус внимания DCAF попали вопросы регулирования деятельности частных военных и охранных компаний. Швейцарский центр также всерьёз занялся анализом конфликтных узлов в разных регионах, в частности, в бывшей Югославии, а затем и странах Южного Кавказа, в Центральной Азии, в связи с чем продолжает взаимодействие с политологами и конфликтологами России и других новых независимых государств.

Проблемные области и тематические поля российской международно-политической конфликтологии

Таким образом, в итоге двух с половиной десятилетий развития в постсоветский период отечественная конфликтология выстроила собственную структуру. Её первым краеугольным камнем оказалось непростое и небыстрое признание самого факта существования и значительных масштабов ранее латентных, скрытых или замалчиваемых конфликтов на постсоветском пространстве. Вторым краеугольным камнем стало признание укоренённости значительной части разгоревшихся конфликтов в ошибках политики советского периода, а также запоздалое признание неудач прежней национальной и социальной политики и открытое обсуждение межэтнических, межрелигиозных

и политических межгрупповых противоречий в советском и постсоветском обществах как основы большинства конфликтов. Наконец, третьим важнейшим основанием становления отечественной конфликтологии стал пересмотр после распада СССР целей и средств внешней политики страны, новая оценка друзей, врагов и угроз на международной арене. Впрочем, этот третий компонент подвергся новой переоценке после двух постсоветских десятилетий в связи со стремлением к возвращению России роли глобальной державы с особой «незападной» моделью цивилизационного развития.

В процессе своего становления отечественная конфликтология охватила следующие проблемные области и тематические поля:

- анализ старых и новых факторов и параметров конфликтогенности в международной среде в период после окончания холодной войны и распада Советского Союза;
- исследование конфликтогенной роли межэтнических и межрелигиозных противоречий;
- анализ новой геополитической картины и геополитических тенденций постсоветского пространства;
- рассмотрение форм постсоветской интеграции (СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС и др.) с точки зрения их потенциала по предотвращению и урегулированию конфликтов;
- вопросы внешнего вмешательства вне региональных держав и международных ор-

ганизаций в конфликты, включая роль ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС и ряда мировых держав;

- роль и пределы применения военной силы в современных конфликтах;
- проблемы соотношения силы и права в конфликтах, легитимности и международно-правовой обоснованности политики стран, в том числе России, в конфликтных регионах;
- вопросы баланса между суверенностью государств и необходимостью международного вмешательства;
- рассмотрение конфликтных узлов сквозь призму проблематики терроризма - контртерроризма;
- изучение переговоров и других форм и методов урегулирования конфликтов;
- конкретные регионоведческие конфликтологические исследования, посвящённые прикладному анализу конфликтов в конкретном страновом и региональном контекстах как на постсоветском пространстве, так и в дальнем зарубежье.

В целом можно констатировать, что на протяжении последних двух с половиной десятилетий в России произошло становление отечественной международно-политической конфликтологии как вполне сформировавшейся субдисциплины на стыке общей политической теории (политологии) и международных исследований, и эта субдисциплина включена в обширное поле международного научного и политического взаимодействия.

Список литературы

1. Аббасбейли А.Н. Азербайджан в системе международных и региональных организаций: учеб. пособие / Под ред. И. Шукюрова. Баку: Азернешр, 1999. 256 с.
2. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология в поисках научной парадигмы. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 268 с.
3. Александров М.В. Битва за Кавказ, 2004-2008. М.: Институт стран СНГ, 2010. 679 с.
4. Бабосов Е.М. Конфликтология: учеб. пособие. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2000. 464 с.
5. Байзакова К.И. Внешняя политика Республики Казахстан: учебник / Под общ. ред. К.И. Байзаковой. Алматы: Казак Ун-ті, 2006. 301 с.
6. Брагин А.А., Максимов И.С. Регулирование этнических конфликтов: предупреждение и разрешение. Научно-практическое пособие. Белгород: БЮИ, 2008. 100 с.
7. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003. 463 с.
8. Гасанов А.М. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана: учебник. Баку: Serq-Qerb, 2007. 904 с.
9. Гатиятуллина Д.А. Социология межэтнических отношений: учебно-методическое пособие для вузов. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2010. 128 с.
10. Глухова А.В., Рахманин В.С. Политическая конфликтология. Воронеж: ВГУ, 2002. 295 с.
11. Грузины и абхазы: путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерса и др. М.: Весь мир, 1998. 247 с.
12. Ежегодник СИПРИ 2014. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 764 с.
13. За новое политическое мышление в международных отношениях. Внешнеполитические аспекты перестройки: документы и материалы. М.: Политиздат, 1987. 575 с.
14. Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008. 160 с.
15. Казимиров В.Н. Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. М.: Международные отношения, 2009. 455 с.

■ Исследовательские статьи

16. Коваленко Б.В. Политическая конфликтология: учеб. пособие / Б.В. Коваленко, А.И. Пирогов. М.: Ижица, 2002. 400 с.
 17. Конфликты в современном мире / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. 156 с.
 18. Коппиртерс Б. Разрешение конфликта после грузинско-российской войны 2008 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 89-104.
 19. Коппиртерс Б., Эмерсон М. Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. М.: Весь мир, 2005. 238 с.
 20. Кулагин В.М. Современная международная безопасность: учебное пособие для вузов. М.: КноРус, 2012. 432 с.
 21. Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России / Отв. ред. Л.И. Никовская. М.: Ключ-С, 2012. 352 с.
 22. Лебедева М.М. Мировая политика: учебник. 3-е изд. М.: Кнорус, 2014. 256 с.
 23. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1999. 271 с.
 24. Малащенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: РОССПЭН, 2012. 117 с.
 25. Манойло А.В. Технологии несилowego разрешения современных конфликтов / Под ред. А.И. Петренко. М.: Горячая линия — Телеком, 2008. 392 с.
 26. Международная и европейская безопасность и Украина: учебное пособие / Отв. ред. А.В. Крапивин. – Донецк: Вебер, 2008. – 433 с.
 27. Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Юрайт, 2016. 290 с.
 28. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: учебное пособие / Под ред. П.А. Цыганкова. 3-е изд., испр., и доп. М.: Альфа-М, 2013. 335 с.
 29. Мировые процессы, политические конфликты и безопасность / Отв. ред. Л.И. Никовская. М.: РАПН, РОССПЭН, 2007. 248 с.
 30. Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М.: ЦВСИ МО РФ, 2001. 376 с.
 31. Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М.: Навона, 2010. 232 с.
 32. Никитин А. И. Миротворческие операции. Концепции и практика. М.: МОНФ, 2000. 168 с.
 33. Никитин А.И., Хлестов О.Н., Федоров Ю.Е., Демуренко А.В. Миротворческие операции в СНГ. М.: МОНФ, 1998. 76 с.
 34. Нуртазина Р.А. Национальная безопасность Республики Казахстан: учеб. пособие. Алматы: Бастау, 2014. 352 с.
 35. Пакт стабильности для Кавказа. Консультативный документ специальной группы СЕПС по проблемам Кавказа. Брюссель: Центр европейских политических исследований (CEPS), 2000. 48 с.
 36. Переговорный процесс между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова в документах. Издание второе, переработанное, дополненное / Под ред. Н. В. Штански (на русском и английском языках). Бендеры: Полиграфист, 2014. 482 с.
 37. Пинтат К. Современные миротворческие операции и роль национальных парламентов // Миротворческие операции, парламенты и законодательство. М.: Эслан, 2004. С. 172-179.
 38. Политическая конфликтология: работы российских и зарубежных авторов: хрестоматия / Под общ. ред. М.М. Лебедевой, С.В. Устинкина, Д.М. Фельдмана. М. - Н. Новгород, МГИМО(У) МИД РФ; Нижегородский гос. ун-т, 2002. 312 с.
 39. Политическая конфликтология: учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. 319 с.
 40. Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. 991 с.
 41. Современные международные отношения: учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.
 42. Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИВ РАН, 2013. 215 с.
 43. Фельдман Д.М. Политология конфликта: учеб. пособие. М.: Стратегия, 1998. 112 с.
 44. Цыганков П.А. Международные отношения: учеб. пособие. М.: Новая школа, 1996. 320 с.
 45. Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. М.: Международные отношения, 1988. 235 с.
 46. Штански Н. Политика России в процессе нормализации молдавско-приднестровских отношений: анализ экспертных оценок // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4. С. 91-97.
 47. Экелен ван В. Роль парламентов в демократическом контроле над военной сферой // Миротворческие операции, парламенты и законодательство. М.: Эслан, 2004, 236 с.
 48. Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред А. Д. Богатуров. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 336 с.
-

49. Breakthrough. Emerging New Thinking. Soviet and Western Scholars Issue a Challenge to Build a World Beyond War. Executive editors C. Barnes, A. Nikitin. New York, Moscow: Walker and Company, 1988. 281 p.
50. Central Asian Security. The New International Context / Ed. by R. Allison and L. Jonson. London: Royal Institute of International Affairs; Washington: Brookings Institution, 2001. 279 p.
51. European Security in the 1990s: Challenges and Perspectives. Geneva: UNIDIR, 1995. 230 p.
52. Handbook of Peace and Conflict Studies / Ed. by C. Webel and J. Galtung. NY.: Routledge, 2007. 406 p.
53. Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS: the Cases of Moldova, Georgia and Tajikistan. - Basingstoke: Macmillan, 2000. 265 p.
54. Nye J.Jr., Welch D. A. Understanding Global Conflict and Cooperation: An Introduction to Theory and History (9th Ed.). London: Pearson, 2013. 384 p.
55. Popescu N. EU Foreign Policy and Post-Soviet Conflicts. Stealth Intervention. Abingdon: Routledge, 2010. 176 p.
56. Program of the World Congress of the International Political Science Association (IPSA). Washington D.C., 1988. 688 p.
57. Rana S. Small Arms and Intra-State Conflicts. Geneva: UNIDIR, 1995. 52 p.

Об авторе

Никитин Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России, почётный президент Российской ассоциации политической науки, член научного совета при Совете Безопасности РФ и Научно-экспертного совета ОДКБ.
E-mail: an@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РГНФ № 16-23-41004.

EVOLUTION OF CONFLICT STUDIES IN THE INTERNATIONAL SECURITY CONTEXT IN POST-SOVIET RUSSIA

A.I. Nikitin

Moscow State Institute of International Relations, MFA RF. 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo, 76.

Abstract: Article analyses formation and development of the conflict studies in Russia as a sub-discipline within political sciences, on the edge between political theory and studies of international relations and international security. Article defines stages of formation of conflict studies in Russia, analyzes social request for studies of conflicts, considers influence of foreign and international institutes and research, both from the CIS and from other foreign countries, onto the conflict studies in Russia. Author postulates turning of the "New Political Thinking" paradigm elaborated by Gorbachev that allowed reconsidering Moscow's attitude towards various conflicts and rethinking of theoretical principles of conflict analysis, that are not anymore limited to class struggle and ideological contradictions. Introduction of more pluralistic concepts of "socio-political model" and "world order" instead of Marxist category of "socio-economic formation" led to remodeling of international relations along new lines, as well as study contradictions within one social system. Splash of inter-ethnic and separatist conflicts in the first half of the 1990s led to shaping of "practically oriented conflict studies" reflecting political interests of conflict sides in conflicts in Karabakh, Georgia/Abkhazia, Georgia/South Ossetia, Moldova/Transnistria. On the eve of 1990s-2000s formation of theoretical systemic conflict studies as a discipline took place, and this discipline was already quite strongly interfaced with international and foreign conflict studies theory. Article considers role of various institutes of the Russian Academy of Science, research centers including Russian Council on International Affairs, Council on Foreign and Defense Policy, Russian Pugwash Committee, Center for Political and International studies, Moscow Carnegie Center, Russian institute for Strategic Studies, Institute for the USA and Canada Studies, etc. As a separate direction of studies article tackles studies of post-soviet conflicts by foreign institutes and centers, like UNIDIR (Geneva), SIPRI (Stockholm), EU ISS (Paris), British Royal institute of International Affairs. Interaction of Russian and Swiss scientists on the basis of Geneva-based GCSP and DCAF attracts special attention. In conclusion typical issues in focus, as well as theme fields of the Russian conflict studies as a sub-discipline within political sciences are formulated.

Key words: conflict, conflict studies, post-Soviet conflicts, CIS, peacekeeping operations, international security, discourse on conflicts.

References

1. Abbasbeili A.N. *Azerbaidzhan v sisteme mezhdunarodnykh i regional'nykh organizatsii* [Azerbaijan in the system international and regional organizations]. Ed. by I. Shukjurov. Baku, Azerneshr, 1999. 256 p. (In Russian).
2. Avksent'ev V.A. *Etnicheskaia konfliktologiya v poiskakh nauchnoi paradigmy* [Ethnic conflictology in search of a scientific paradigm]. Stavropol', SGU Publ., 2001. 268 p. (In Russian).
3. Aleksandrov M.V. *Bitva za Kavkaz, 2004-2008* [The fight for the Caucasus]. Moscow, Institut stran SNG, 2010. 679 p. (In Russian).
4. Babosov E. M. *Konfliktologiya* [Conflictology]. 2d ed. Minsk, TetraSistems, 2000. 464 p. (In Russian).
5. Baizakova K.I. *Vneshniaia politika Respubliki Kazakhstan* [Foreign policy of the Republic of Kazakhstan]. Ed. by K.I. Baizakova. Almaty, Kazak Un-ti Publ., 2006. 301 p. (In Russian).
6. Bragin A.A., Maksimov I.S. *Regulirovanie etnicheskikh konfliktov: preduprezhdenie i razreshenie* [Regulation of ethnic conflicts: prevention and resolution]. Belgorod, BJUL Publ., 2008. 100 p. (In Russian).
7. Gadzhiev K.S. *Geopolitika Kavkaza* [Geopolitics of the Caucasus]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2003. 463 p. (In Russian).
8. Gasanov A.M. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia i vneshniaia politika Azerbaidzhana* [Contemporary international relations and foreign policy of Azerbaijan]. Baku, Serq-Qerb Publ., 2007. 904 p. (In Russian).
9. Gatiatullina D.A. *Sotsiologiya mezhetnicheskikh otnoshenii* [Sociology of ethnic relations]. Kazan', Kazan. gos. tehnol. un-t Publ., 2010. 128 p. (In Russian).
10. Glukhova A.V., Rakhmanin V.S. *Politicheskaia konfliktologiya* [Political conflictology]. Voronezh, VGU Publ., 2002. 295 p. (In Russian).
11. *Gruziny i abhazy: put' k primireniu* [Georgians and Abkhazians: path to reconciliation]. Ed. by B. Koppitersa i dr. Moscow, Ves' mir Publ., 1998. 247 p. (In Russian).
12. Ezhegodnik SIPRI 2014 [SIPRI Yearbook 2014]. Vooruzheniia, razoruzhenie i mezhdunarodnaia bezopasnost'. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2015. 764 p. (In Russian).
13. Za novoe politicheskoe myshlenie v mezhdunarodnykh otnosheniiakh. [For new political thinking in international relations] *Vneshnepoliticheskie aspekty perestroiki: dokumenty i materialy* [Foreign policy aspects of Perestroika]. Moscow, Politizdat, 1987. 575 p. (In Russian).
14. Zviagel'skaia I. D. *Spetsifika etnopoliticheskikh konfliktov i podkhody k ikh uregulirovaniu* [Ethnopolitical conflicts features and approaches to conflict management]. Moscow, Navona Publ., 2008. 160 p. (In Russian).
15. Kazimirov V. N. *Mir Karabakhu. Posrednichestvo Rossii v uregulirovanii nagorno-karabakhskogo konflikta* [Peace to Karabakh. Russian mediation in Nagorno-Karabakh conflict management]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009. 455 p. (In Russian).
16. Kovalenko B. V. *Politicheskaia konfliktologiya* [Political conflictology]. Moscow, Izhica Publ., 2002. 400 p. (In Russian).
17. *Konflikty v sovremennom mire* [Conflicts in contemporary world]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Mosk. obshchestv. nauch. Fond Publ., 2001. 156 p. (In Russian).
18. Koppiters B. Razreshenie konflikta posle gruzinsko-rossiiskoi voiny 2008 g. [Conflict management after Georgian-Russian war of 2008]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2011, no. 4, pp. 89-104. (In Russian).
19. Koppiters B., Jemerson M. *Evropeizatsiia i razreshenie konfliktov: konkretnye issledovaniia evropejskoj periferii* [Europeanization and conflict management: specific studies of European periphery]. Moscow, Ves' mir, 2005. 238 s. (In Russian).
20. Kulagin V.M. *Sovremennaia mezhdunarodnaia bezopasnost'* [Contemporary international security]. Moscow, KnoRus Publ., 2012. 432 s. (In Russian).
21. *Kul'tura konflikta vo vzaimodeistvii vlasti i grazhdanskogo obshchestva kak faktor modernizatsii Rossii* [Culture of conflict in interaction of government and civil society as a factor of modernization in Russia]. Ed. L.I. Nikovskaia. Moscow, Kljuch-S Publ., 2012. 352 p. (In Russian).
22. Lebedeva M.M. *Mirovaia politika* [World politics]. 3d ed. Moscow, Knorus, 2014. 256 p. (In Russian).
23. Lebedeva M.M. *Politicheskoe uregulirovanie konfliktov: podkhody, resheniia, tekhnologii* [Political settlement of conflicts: approaches, solutions, technologies]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 271 p. (In Russian).
24. Malashenko A. *Tsentral'naia Aziia: na chto rasschityvaet Rossiia?* [Central Asia: On what does count Russia?]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 117 p. (In Russian).
25. Manoilo A.V. *Tekhnologii nesilovogo razresheniia sovremennykh konfliktov* [Technologies of non-coercive conflict management]. Ed. by A.I. Petrenko. Moscow, Goriachaia liniia Telekom Publ., 2008. 392 p. (In Russian).
26. *Mezhdunarodnaia i evropeiskaia bezopasnost' i Ukraina* [International and European security and Ukraine]. Ed. by A.V. Krapivin. Doneck, Veber, 2008. 433 p. (In Russian).
27. *Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* [International relations and world politics]. Ed. by P.A. Tsygankov. Moscow, Jurajt Publ., 2016. 290 p. (In Russian).

28. *Mezhdunarodnye otnosheniia: teorii, konflikty, dvizheniia, organizatsii* [International relations: theories, conflicts, movements, organizations]. Ed. by P. A. Tsygankov. 3d ed.. Moscow, Al'fa-M Publ., 2013. 335 p. (In Russian).
29. *Mirovye processy, politicheskie konflikty i bezopasnost'* [Global processes, political conflicts and security]. Ed. by L.I. Nikovskaia. Moscow, RAPN, ROSSPEN Publ., 2007. 248 p. (In Russian).
30. Morozov Iu.V., Glushkov V.V., Sharavin A.A. *Balkany segodnia i zavtra: voenno-politicheskie aspekty mirotvorchestva* [Balkans today and tomorrow: military and political aspects of peacekeeping]. Moscow, CVSI MO RF Publ., 2001. 376 p. (In Russian).
31. Nikitin A. I. *Konflikty, terrorizm, mirotvorchestvo* [Conflicts, terrorism, peacekeeping]. Moscow, Navona, 2010. 232 p. (In Russian).
32. Nikitin A.I. *Mirotvorcheskie operatsii. Kontseptsii i praktika*. [Peacekeeping operations. Concepts and practice]. Moscow, MONF Publ., 2000. 168 p. (In Russian).
33. Nikitin A.I., Hlestov O.N., Fedorov Ju.E., Demurenko A.V. *Mirotvorcheskie operatsii v SNG* [Peacekeeping operations in CIS]. Moscow, MONF, 1998. 76 p. (In Russian).
34. Nurtazina R.A. *Natsional'naia bezopasnost' Respubliki Kazakhstan* [National security of Kazakhstan Republic]. Almaty, Bastau, 2014. 352 p. (In Russian).
35. *Pakt stabil'nosti dlia Kavkaza* [A Stability Pact for the Caucasus. A theory and practice – A supplementary note]. Konsul'tativnyi dokument spetsial'noi gruppy SEPS po problemam Kavkaza. Briussel': Tsent evropeiskikh politicheskikh issledovanii (CEPS), 2000. 48 p.
36. *Peregovorni protsess mezhd Pridnestrovskoi Moldavskoi Respublikoi i Respublikoi Moldova v dokumentakh* [Negotiation process between Moldova and Transnistria]. 2d ed. Ed. by N.V. Shtanski. Bender, Poligrafist Publ., 2014. 482 p. (In Russian).
37. Pintat K. *Sovremennye mirotvorcheskie operatsii i rol' natsional'nykh parlamentov* [Contemporary peacekeeping operations and role of national governments]. *Mirotvorcheskie operatsii, parlamenti i zakonodatel'stvo* [Peacekeeping operations, governments and law]. Moscow, Jeslan, 2004, C. 172-179. (In Russian).
38. *Politicheskaiia konfliktologii: raboty rossiiskikh i zarubezhnykh avtorov* [Political conflictology: Russian and Foreign authors issues]. Ed. by M.M. Lebedeva, S.V. Ustinkin, D.M. Fel'dman. Moscow, N. Novgorod, MGIMO(U) MID RF, Nizhegorodskij gos. un-t Publ. 2002. 312 p. (In Russian).
39. *Politicheskaiia konfliktologii* [Political conflictology]. Ed. by S.A. Lantsov. St. Petersburg, Piter, 2008. 319 p. (In Russian).
40. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* [Contemporary international relations and world politics]. Ed. by A.V. Torkunov. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2004. 991 p. (In Russian).
41. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia* [Contemporary international relations]. Ed. by A.V. Torkunov, A.V. Mal'gin. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 688 p. (In Russian).
42. *Transformatsiia i konflikty v Tsentral'noi Azii i na Kavkaze* [Transformation and conflicts in the Central Asia and the Caucasus]. Moscow, IV RAN Publ., 2013. 215 p. (In Russian).
43. Fel'dman D. M. *Politologii konflikt* [Politology of conflict]. Moscow, Strategii, 1998. 112 p. (In Russian).
44. Tsygankov P.A. *Mezhdunarodnye otnosheniia* [International relations]. Ucheb. posobie. Moscow, Novaia shkola, 1996. 320 p. (In Russian).
45. Shakhnazarov G.Kh. *Griadushchii miroporiadok* [The coming world order]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1988. 235 p. (In Russian).
46. Shtanski N. *Politika Rossii v protsesse normalizatsii moldavsko-pridnestrovskikh otnoshenii: analiz ekspertnykh otsenok* [Russian policy in the process of normalization of relations between Moldova and Transnistria]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2012, no. 4, pp. 91-97 (In Russian).
47. Ekelan van V. *Rol' parlamentov v demokraticheskom kontrole nad voennoi sferoi* [The role of governments in democratic control over military forces]. *Mirotvorcheskie operatsii, parlamenti i zakonodatel'stvo*. Moscow, Jeslan, 2004. Pp. 180-201. (In Russian).
48. *Ekonomika i politika v sovremennykh mezhdunarodnykh konfliktakh* [Economics and politics in contemporary international conflicts]. Ed. by A. D. Bogaturov. Moscow, LKI Publ., 2008. 336 p. (In Russian).
49. *Breakthrough. Emerging New Thinking*. Soviet and Western Scholars Issue a Challenge to Build a World Beyond War. Executive editors C. Barnes, A. Nikitin. New York, Moscow, Walker and Company, 1988. 281 p.
50. *Central Asian Security. The New International Context*. Ed. by R. Allison and L. Jonson. London: Royal Institute of International Affairs; Washington, Brookings Institution, 2001. 279 p.
51. *European Security in the 1990s: Challenges and Perspectives*. Geneva: UNIDIR, 1995. 230 p.
52. *Handbook of Peace and Conflict Studies*. Ed. by C. Webel and J. Galtung. New York, Routledge, 2007. 406 p.
53. Lynch D. *Russian Peacekeeping Strategies in the CIS. The Cases of Moldova, Georgia and Tajikistan*. Basingstoke, Macmillan, 2000. 265 p.

■ Исследовательские статьи

54. Nye J.Jr., Welch D. A. *Understanding Global Conflict and Cooperation. An Introduction to Theory and History*. 9th ed. London, Pearson, 2013. 384 p.
55. Popescu N. *EU Foreign Policy and Post-Soviet Conflicts. Stealth Intervention*. Abingdon, Routledge, 2010. 176 p.
56. *Program of the World Congress of the International Political Science Association (IPSA)*. Washington D.C., 1988. 688 p.
57. Rana S. *Small Arms and Intra-State Conflicts*. Geneva, UNIDIR, 1995. 52 p.

About the author

Alexander Ivanovich Nikitin – PhD. (Pol. Sc.), Professor, Director of the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO-University, President Emeritus of the Russian political Science Association, member of the Scientific Council of the Security Council of Russian Federation and of Expert-Scientific Council of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). E-mail: an@inno.mgimo.ru.

This article was prepared with the financial support of grant №16-23-41004 RHF.

МИРОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Е.В. Колдунова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Динамичное развитие международных процессов регионального уровня, различные траектории регионализации в Европе, Азии, Латинской Америке и других частях земного шара сформировали сложную и многомерную картину современности. Однако в социальных науках в целом и науке о международных отношениях, в частности, сохранялось отчётливое доминирование западноцентричного подхода. Оно выражалось не только в том, что реалии незападных стран не принимались во внимание исследователями, причём определённый информационно-аналитический разрыв в этом плане сохраняется до сих пор. Так, например, немецкий исследователь Йохан Вюллерс из Немецкого института глобальных и региональных исследований (German Institute of Global and Area Studies, GIGA), проведя в 2014 г. анализ трёх ведущих журналов в области международных отношений (International Organization, World Politics, European Journal of International Relations), отметил наличие серьёзного «географического дисбаланса» в международных исследованиях. Под ним он предлагал понимать ограниченное количество статей, обращающихся к эмпирическому материалу незападных стран. Но даже при таком дисбалансе в ещё большей степени на сохранение западноцентричности в науке о международных отношениях оказывало влияние отсутствие теорий международных отношений, которые могли бы возникнуть в незападных политических контекстах.

Именно этой проблеме была посвящена коллективная монография под редакцией известного британского автора Барри Бузана и американского исследователя индийского происхождения Амитава Ачарии. В её заголовок был вынесен провокационный вопрос о причинах отсутствия западной теории международных отношений, а появление самой книги спровоцировало оживлённые международные дебаты на эту тему. Российские реалии не нашли отражение в данном исследовании, что даёт основания для размышлений о том, каким образом отечественные научные и учебные работы могут ответить на тот двойственный вызов, который сейчас формируется эмпирическими реалиями международной жизни и мировыми процессами их интеллектуального осмысления. В данном контексте в представленной статье анализируются тенденции развития мирового комплексного регионоведения как исследовательского направления и учебной дисциплины, способного до некоторой степени внести вклад в формирование более корректного понимания международных процессов.

Ключевые слова: мировое комплексное регионоведение, международные отношения, российская наука о международных отношениях, регионы, регионализм, регионализация, страноведение, ориентализм, Восточная Азия, теория среднего уровня.

**Мировое комплексное
регионоведение как исследовательский
подход**

Российские исследовательские дискуссии о том, что мир существенно изменился с момента прекращения биполярного противостояния, пережили уже несколько этапов эволюции. В 1990-е гг. и в начале этого столетия активно обсуждался вопрос о характере нового этапа международных отношений¹, включившего в себя параметры полюсности, и, соответственно, лидерства, структуры и среды международного взаимодействия. Критическому осмыслению подвергалась также проблема не просто последовательной смены конкретно-исторических порядков международных отношений, а принципиально иных процессов, заключавшихся в переходе от международных отношений к мирополитическим, модификации Вестфальской системы в её широком понимании как «политической системы современного мира» [7], изменении роли государства и одного из его основных атрибутов – суверенитета [6], стирании границ между внутренней и внешней политикой.

К настоящему времени все обозначенные проблемы, не утратив своей актуальности, сформировали общий контекст анализа другого значимого феномена: появления так называемых «региональных миров»², то есть диверсификации международных процессов в связи с формированием более взаимосвязанных региональных пространств (в иной терминологии – «региональных комплексов» или «интегрированных акторов мировой политики» [9, с. 393]), по-своему преломляющих глобальные процессы и генерирующих специфические типы международного взаимодействия.

Термин «региональный комплекс» впервые был предложен в работах британского исследователя Б. Бузана ещё в конце 1980-х гг. применительно к ситуации в Юго-Восточной Азии. В 2003 г. идея «региональных комплексов» была развита им в книге «Регионы и державы: структура мировой безопасности», написанной в соавторстве с Оле Вивером, применительно к сфере безопасности [17]. В настоящее время дискуссионным остаётся вопрос о том, происходит ли трансформация международно-политических регионов в направлении «региональных комплексов», то есть региональных пространств, взаимосвязанных более комплексно не только в сфере международной безопасности [3, с. 103–116].

Кроме того, возникновение новых международных игроков, например, таких груп-

пировок, как БРИКС, и экономический подъём некоторых стран Азии (в первую очередь, Китая и Индии) привели к формированию полицентричной структуры международных экономических отношений, что в перспективе может оказывать всё возрастающее влияние и на политическую составляющую этих отношений. Однако подобная диверсификация и появление в связи с ней огромного массива новой эмпирической информации не повлекли за собой оформления концепций, альтернативных основным западным теориям международных отношений. Основные усилия зарубежных авторов были и остаются сконцентрированы на обсуждении того, что способна и что не способна объяснить западная теория международных отношений с учётом более внимательного изучения незападных реалий.

Интеллектуальный поиск незападной теории международных отношений происходит в основном в двух направлениях. К первому относится «регионализация или национализация теорий международных отношений», а ко второму – попытки найти новые параметры теоретических объяснений в глубинах национальной философской мысли. Отметим, что последний подход характерен для ряда исследований как в России, так и, например, в Китае [19; 22; 14].

Одновременно в российской научной мысли был предложен исследовательский подход, сформированный на стыке теории международных отношений, сравнительной политологии и страноведения и получивший название «мировое комплексное регионоведение» (или «зарубежное регионоведение» применительно к учебному процессу³). Не отвергая наработки западных теорий международных отношений, данный подход концентрируется на объяснении взаимосвязи международных и внутри-страновых/внутрирегиональных процессов, а также на исследовании влияния особенностей внутристранового/регионального развития на глобальный уровень.

В исследовании о российской науке международных отношений известные российские авторы Павел и Андрей Цыганковы выделяют в качестве одной из проблем исследований международных отношений в России отсутствие теорий среднего уровня [15]. Именно этот пробел и стремится заполнить мировое комплексное регионоведение, исходя из «мягкого» понимания теории в противовес «жёстким», позитивистским трактовкам теоретического знания.

Мировое комплексное регионоведение начало развиваться в России в 1990-е гг. как

¹ См., например, дискуссию в журнале «Восток» о смене парадигм развития международных отношений [Восток. 1998. №1. С. 5–22], дискуссию в журнале «Полис» [14; 15].

² Этот термин был вынесен в основную тему ежегодного конвента Ассоциации международных исследований в 2015 г., обозначенную как «Глобальные международные отношения и региональные миры: новая повестка дня для международных исследований».

³ В федеральных стандартах высшего образования термин «зарубежное регионоведение» обозначает направление подготовки бакалавров и магистров.

ответ на кризис классического страноведения, не только в России, но и в мире в целом (см. ниже). К моменту распада биполярной системы его описательные задачи, связанные с процессами деколонизации и появлением огромного количества новых стран, были в основном выполнены, в то время как объяснительный и прогностический потенциал носил достаточно ограниченный характер.

Отечественная школа мирового комплексного регионоведения, а конкретнее – её исследовательски наиболее разработанный вариант в виде школы мирового комплексного регионоведения МГИМО, начала своё развитие, отталкиваясь от концептуальных объяснений структурных особенностей незападных обществ⁴ и такого аналитического инструмента системного подхода к анализу международных отношений, как региональные подсистемы. В рамках системного подхода к международным отношениям изначально была предусмотрена возможность рассмотрения частей системы как подсистем, в том числе региональных подсистем, обладающих собственными закономерностями международного взаимодействия [4, с. 8], однако концептуально идея региональных подсистем требует дальнейшего развития.

В международных исследованиях попытки создания теоретической концепции промежуточного уровня (регионального) между уровнем международной системы и национального государства предпринимались ещё с 1960-х гг. В качестве примеров можно привести концепцию «политических разрывов» (political discontinuities) О. Янга [25], концепцию международных регионов Б. Рассета⁵, идею о существовании региональной «подчинённой системы» (subordinate system) С. Кантори и Л. Шпигеля [18], концепцию выделения региональных подсистем (subsystems) М. Бричера⁶ и анализ функционирования региональных подсистем У. Томпсона [23]. Однако на протяжении длительного времени они оставались скорее периферийными исследовательскими направлениями. В конце прошлого века их маргинализации способствовали также возобладавшие на короткое время в мировом политическом

дискурсе идеи о том, что после прекращения блокового противостояния глобализация, развиваясь по нарастающей, будет в возрастающей степени нивелировать различия между странами и регионами мира.

Именно поэтому ряд отечественных регионоведческих исследований⁷, уловивших специфику развития, наравне с глобализацией, тенденции регионализации, оказались новаторскими для своей исследовательской области и во многом опередили западные публикации на эту же тему. В настоящее время в сходном ключе процессы регионализации изучаются, например, Немецким институтом глобальных и региональных исследований и Университетским институтом ООН сравнительных исследований региональной интеграции в Брюгге (Бельгия).

Структурным оформлением мирового комплексного регионоведения как исследовательского направления и учебной дисциплины стал выход трёх томов под редакцией профессора А.Д. Воскресенского, посвящённых теоретическим и прикладным аспектам региональных исследований в контексте мировой политики и международных отношений [9; 2; 10]. Ко времени публикации этих книг предметное поле мирового комплексного регионоведения было дополнено сравнительно-политологической компонентой, позволяющей увязать процессы геопространственной дифференциации и регионализации с характером порядков социально-политического доступа, сформировавшихся в различных регионах мира.

Рассмотрев в общих чертах траекторию развития мирового комплексного регионоведения как исследовательского подхода, представляется логичным проследить также его эволюцию в качестве учебной дисциплины.

Мировое комплексное регионоведение. Зарубежное регионоведение как учебная дисциплина

Для начала, не претендуя на комплексный исторический анализ, необходимо отметить ряд особенностей отечественного и зарубежного страноведения второй половины XX в., послу-

⁴ См., в частности, работы Л.С. Васильева.

⁵ Б. Рассет выделял пять типов регионов: 1) регионы, однородные в социокультурном плане; 2) регионы, в рамках которых государства придерживаются одинаковых политических позиций (основной критерий определения – позиции голосования в ООН); 3) регионы политической взаимозависимости, в рамках которых существуют межгосударственные или надгосударственные органы; 4) регионы экономической взаимозависимости; 5) географические регионы [21, с. 2–11].

⁶ М. Бричер предложил следующие критерии для выделения региональных подсистем: 1) ограниченный масштаб пространства, предпочтительно в виде географического региона, 2) наличие, по крайней мере, трёх единиц подсистемы, 3) признание со стороны других субъектов, что данные участники подсистемы составляют регион или часть глобальной системы, 4) осознание самих участников, что они составляют подсистему, 5) более низкий силовой уровень единиц подсистемы по отношению к системе, 6) гораздо большее влияние изменений в глобальной системе на подсистему, чем наоборот [16, с. 7].

⁷ В частности, коллективные монографии «Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений» [4], «Китай в мировой политике» [5], «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации» [1].

■ Исследовательские статьи

жившего одной из отправных точек развития мирового комплексного регионоведения.

После Второй мировой войны в контексте биполярного противостояния капиталистического и социалистического блоков соединение традиционного востоковедения (в терминологии Э.В. Саида – «ориентализма») с социальными науками в целях разработки междисциплинарных подходов к изучению Азии приобрело особое значение для США, занявших позицию одной из сверхдержав, и их европейских союзников. Азия стала важным фронтом практической и идеологической борьбы с коммунизмом.

В результате деколонизации на Западе на смену «ориентализму» пришло «страноведение» (Area Studies), в рамках которого и стали развиваться, в частности, азиатские исследования. В ряде стран Азии, вступивших в военно-политические альянсы с США, Соединённые Штаты за счёт программ финансовой поддержки добились больших успехов в американизации местных академических сообществ. Такая судьба, в частности, постигла Японию, после поражения во Второй мировой войне не имевшую достаточных собственных средств для активного финансирования науки.

В настоящее время западные исследования Азии распадаются на значительное число подкатегорий (исследования Китая, Японии, Индии, Юго-Восточной Азии, исламских стран и т.д.). Их развитие подкреплено наличием различных образовательных программ в ведущих американских, европейских и австралийских университетах, а также академических журналов и профессиональных ассоциаций, которые, однако, не формулируют комплексной повестки исследований зарубежных регионов.

В СССР различные страноведческие школы получили импульс к развитию в 1950–1960-е гг., что также во многом было связано с деколонизацией и необходимостью изучения новых субъектов международного общения. Именно тогда в некоторых случаях практически с нуля были созданы целые страноведческие школы (например, изучения стран Юго-Восточной Азии на базе Института востоковедения РАН). В 1980–1990-х гг. в рамках страноведения, накопившего солидный массив знаний о зарубежных странах, предпринимались попытки формирования интегральных аналитических подходов, выразившихся, например, в идее комплексных страноведческих характеристик, предложенной Я.Г. Машбицем [8].

Однако, как уже отмечалось, в 1990-е гг. и на Западе, и в России страноведение переживало системный кризис, частично связанный с

представлениями о том, что по мере развития процессов глобализации страновая специфика будет утрачивать своё значение.

Развитие направления «Зарубежное регионоведение» в МГИМО помогло сохранить лучшие наработки отечественной страноведческой подготовки, соединив их с анализом мирополитических процессов глобально-регионального уровня. На уровне программы бакалавриата студенты приобретают базовые страноведческие знания и углублённо изучают два иностранных языка (региона специализации и языка межкультурного общения). Кроме того, объяснение взаимосвязи и взаимовлияния общемировых закономерностей и регионального уровня даётся в курсах «Региональные подсистемы международных отношений (на Востоке/ на Западе)», «Восток в мировой политике» и в ряде других курсов.

На уровне магистратуры студенты имеют возможность прослушать три группы курсов: общетеоретические курсы по мировому комплексному регионоведению и кросс-региональному политическому анализу, курсы, определяющие треки специализации (международно-политической, экономической и внутривосточной направленности), а также региональные курсы.

Наработки отечественной школы мирового комплексного регионоведения/зарубежного регионоведения нашли отражение в публикации уже упомянутых трёх томов учебной литературы нового поколения, в дискуссионном ключе дающей студентам представление о предметном поле дисциплины.

Представленный анализ позволяет сделать ряд выводов о развитии мирового комплексного регионоведения как исследовательского подхода и учебной дисциплины. Мировое комплексное регионоведение может выступать в качестве теории среднего уровня, отражающей специфику одного из российских подходов в рамках науки о международных отношениях, не противореча при этом классическим теоретическим разработкам и учитывая незападные реалии, а, значит, в этом плане имеет существенный потенциал для развития многовекторного международного научного сотрудничества. В образовательном плане мировое комплексное регионоведение/зарубежное регионоведение позволяет синтезировать специфические страноведческие знания и понимание мировых политико-экономических процессов и на этой основе готовить специалистов, хорошо разбирающихся в особенностях развития своей страны специализации и одновременно понимающих, как эти особенности соотносятся с глобальными тенденциями.

Список литературы

1. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс. М.: МГИМО-Университет, 2010. 88 с.

2. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение. Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 393 с.
3. Воскресенский А.Д. Регионализация в международных отношениях // Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 103–116.
4. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
5. Китай в мировой политике / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
6. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в мирополитической системе. М.: КомКнига, 2005. 72 с.
7. Лебедева М.М. Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. 2008 (январь–апрель). Том 6. № 1(16). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/015.htm> (дата обращения 13.05.2016).
8. Машбиц Я.Г. Комплексное страноведение. Смоленск: СГУ, 1998. 238 с.
9. Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник / Под ред. проф. А.Д.Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 448 с.
10. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 560 с.
11. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Спб: Миръ, 2006. 637 с.
12. Сорокин К.Э. Критический обзор модели униполярности (дискуссия) // Полис. 1997. №2. С. 45–56.
13. Страус А.Л. Униполярность (Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. №2. С. 27–45.
14. Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. №2 (15). С. 65–83.
15. Цыганков П. Российская наука международных отношений: новые направления. М.: ПЕРСЭ, 2005. 415 с.
16. Brecher M., James P. Crisis and Change in World Politics. Boulder, L.: Westview Press, 1986. 160 p.
17. Buzan B., Wæver Ole. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
18. Cantori L.J. The International Politics of Regions. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1970. 432 p.
19. Ikeda J. The Post-Western Turn in International Theory and the English School // Ritsumeikan Annual Review of International Studies. 2010. Vol. 9. Pp. 29–44.
20. Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by B. Buzan, A. Acharya. Abington: Routledge, 2010. 256 p.
21. Russett B.M. International Regions and the International System: A Study in Political Ecology. Chicago: Rand McNally, 1969. 252 p.
22. Shih Ch. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 245 p.
23. Thompson W.R. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and a Propositional Inventor // International Studies Quarterly. 1973 (March). Vol. 17, No. 1. Pp. 89–117.
24. Vüllers J. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-Regional Comparison as a Way Forward // GIGA Working Paper №256. September 2014. Mode of access: https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp256_vuellers.pdf (проверенно 13.05.2016).
25. Young O.R. Political Discontinuities in the International System // World Politics. 1968. Vol. XX. Pp. 369–392.

Об авторе

Колдунова Екатерина Валерьевна – к.полит. н., доцент, кафедры востоковедения МГИМО МИД России.
E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена по гранту РГНФ 16-23-41004.

WORLD REGIONAL STUDIES AS A RESEARCH FRAMEWORK AND ACADEMIC DISCIPLINE

E.V. Koldunova

MGIMO-University, 119454, Moscow Vernadskogo prospect, 76.

Abstract: *Dynamic development of international processes at the regional level, various trajectories of regionalization in Europe, Asia, Latin America and other parts of the world created a complex and*

multidimensional picture of the contemporary international relations. However Social Sciences and IR retained a distinct eurocentrism. This eurocentrism only partly meant that students of IR did not take into account non-European or non-Western realities. Thus, a German Scholar J. Vüllers from German Institute of Global and Area Studies analyzing in 2014 three leading International Relations journals (International Organization, World Politics, European Journal of International Relations) diagnosed a serious geographic imbalance in the international studies, which meant a very limited number of articles based on the non-Western empirical data. Even with such geographic imbalance in IR studies more important for preserving eurocentrism there was the absence of non-Western IR theories or IR theories originating from non-Western political context.

The collective monograph edited by Barry Buzan and Amitav Acharya focused exactly on this problem. The title of the book was provocatively asking why there is no non-Western IR theory. Thus, the book in question provoked a lively academic debate on the topic. Russia was not covered in this book. Therefore, this very fact gives one some reasons to reflect on how Russian research in the field may face a double challenge of a changing international environment and an inappropriate level of its intellectual assessment.

Against this background this article analyzes World Regional Studies, a research framework and discipline, which is rapidly developing in Russia and may to some extent contribute to a more correct understanding of the international processes.

Key words: World Regional Studies, IR, IR studies in Russia, regions, regionalism, regionalization, Area Studies, orientalism East Asia, middle range theory.

References

1. *Bol'shaia Vostochnaia Aziia: mirovaia politika i regional'nye transformatsii* [Greater Eastern Asia: world politics and regional transformations]. Moscow: MGIMO-University, 2010. 88 p. (In Russian).
2. Voskressenski A.D. (ed.) *Mirovye kompleksnoye regionovedenie* [World Regional Studies]. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 393 p. (In Russian).
3. Voskressenski A.D. *Regionalizatsiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh* [Regionalization in International Relations] in *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia* [Contemporary International Relations]. Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: Aspect-Press, 2012. Pp. 103–116. (In Russian).
4. *Vostok/Zapad: Regional'nye podsystemy i regional'nye problem mezhdunarodnykh otnoshenii* [Regional sub-systems and regional problems of international relations]. Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: ROSSPEN, 2002. 528 p. (In Russian).
5. *Kitai v mirovoi politike* [China in World Politics]. Ed. By A.D. Voskressenski. Moscow: ROSSPEN, 2001. 528 p. (In Russian).
6. Kokoshin A.A. *Real'nyi suverenitet v miropoliticheskoi sisteme* [Real Sovereignty in World Political System]. Moscow: KomKniga, 2005. 72 p. (In Russian).
7. Lebedeva M.M. Chto ugrozhaet Vestfaliu? [What is threatening Westphalia?]. *International Trends*. 2008 (January–April). Vol 6. No. 1(16). URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/015.htm> (accessed 13.05.2016). (In Russian).
8. MashbitsYa. G. *Kompleksnoye stranovedenie* [Comprehensive Area Studies]. Solensk: SGU, 1998. 238 p. (In Russian).
9. *Mirovye kompleksnoye regionovedenie* [World Regional Studies]. Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 p. (In Russian).
10. *Praktika zarubezhnogo regionovedeniia i mirovoi politiki* [Practice of World Regional Studies and World Politics]. Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 560 p. (In Russian).
11. Said E.W. *Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the Orient]. Saint-Petersburg: Mir, 2006. 637 p. (In Russian).
12. Sorokin K.E., Bogaturov A.D., Tikhomirov V.B. Kriticheskii obzor modeli unipoliarnosti (diskussii) [Critical revision of a unipolar model (discussion)]. *Polis*. 1997. № 2. Pp. 45–56. (In Russian).
13. Straus A.L. Unipoliarnost' (Kontsentricheskaiia struktura novogo mirovogo poriadka i pozitsiia Rossii) [Unipolarity (A concentric structure of new world order and Russia's position)]. *Polis*. 1997. № 2. Pp. 27–45. (In Russian).
14. Tsygankov A.P. Rossiiskaia teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii: kakoi ei byt'? [Russian theory of International Relations: What should it be like?]. *Comparative Politics*. 2014. № 2 (15). Pp. 65–83. (In Russian).
15. Tsygankov P.A., Tsygankov A.P. *Rossiiskaia nauka mezhdunarodnykh otnoshenii: novye napravleniia*. Moscow: PERSE, 2005. 415 p. (In Russian).
16. Brecher M. *Crisis and Change in World Politics*. Boulder, L.: Westview Press, 1986. 160 p.

17. Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
18. Cantori L.J. *The International Politics of Regions*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., 1970. 432 p.
19. Ikeda J. The Post-Western Turn in International Theory and the English School. *Ritsumeikan Annual Review of International Studies*. 2010. Vol. 9. Pp. 29–44.
20. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia*. Ed. by B. Buzan, A. Acharya. Abington: Routledge, 2010. 256 p.
21. Russett B.M. *International Regions and the International System: A Study in Political Ecology*. Chicago: Rand McNally, 1969. 252 p.
22. Shih Ch. *Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 245 p.
23. Thompson W.R. The Regional Subsystem: A Conceptual Explication and a Propositional Inventor. *International Studies Quarterly*. 1973 (March). Vol. 17, No. 1. Pp. 89–117.
24. Vüllers J. Geographical Patterns of Analysis in IR Research: Representative Cross-Regional Comparison as a Way Forward. *GIGA Working Paper* № 256. September 2014. URL: https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp256_vuellers.pdf (accessed 13.05.2016).
25. Young O.R. Political Discontinuities in the International System. *World Politics*. 1968. Vol. XX. Pp. 369–392.

About the author

Ekaterina V. Koldunova – Ph.D. (Political Science), Associate Professor at MGIMO-University.
E-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru.

This article was prepared with the financial support of grant №16-23-41004 RHF.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИОРИТЕТЫ В ВЫБОРЕ ТЕРМИНОЛОГИИ И СТРУКТУРЫ УЧЕБНЫХ КУРСОВ

Ю.А. Никитина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается, какие ключевые концепции используются в рамках учебных курсов по постсоветскому пространству, соответствуют ли эти концепции официальной российской риторике, представленной во внешне-политических документах. Основные исследовательские вопросы статьи: как называется тот международно-политический регион, который сформировался после распада Советского Союза? Выделяются ли какие-то субрегионы? Какое внимание уделяется анализу региональных организаций по сравнению с анализом страновой специфики и двусторонних или многосторонних отношений вне региональных институтов? А также насколько тематика и структура российских учебных курсов соответствует западным. В результате исследования удалось выяснить, что структура образовательных курсов и, частично, диссертационных исследований по экономическим и политическим процессам на постсоветском пространстве соответствует тем приоритетам, которые изложены в российских официальных документах: в частности, используется та же терминология для обозначения международно-политического региона (постсоветское пространство) и субрегионов (Центральная Азия, Южный Кавказ); отдаётся приоритет институционализированному сотрудничеству в рамках региональных организаций (прежде всего, СНГ); роль России в регионе, её интересы и участие в региональных процессах, как правило, освещены недостаточно подробно, либо эта тема вообще отсутствует в программе курса. Исследование показало, что на настоящее время опубликовано очень мало учебников и учебных пособий по постсоветскому пространству, хотя курс «Экономические и политические процессы в СНГ» входит в базовую часть профессионального цикла Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению «Международные отношения». Вместе с тем отметим, что в государственных образовательных стандартах не регламентируется содержание курсов, поэтому вузы могут иметь достаточно разные программы курсов при одинаковом названии учебных дисциплин.

Ключевые слова: Постсоветское пространство, преподавание, структура учебных курсов, терминология, СНГ.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 г. (как и в трёх предыдущих концепциях внешней политики) сотрудничество с государствами-участниками и дальнейшее укрепление СНГ как организации стоит на первом месте в разделе региональных приоритетов российской внешней политики¹. Вместе с тем исследования постсоветского пространства по региону в целом или отдельным его субрегионам и организациям относительно менее развиты в России по сравнению с исследованиями других международных регионов, изучением которых традиционно занимались различные институты Российской Академии наук (Институт Латинской Америки, Институт Европы, Институт США и Канады и т.п.). Курсы по постсоветскому пространству в рамках высшего образования по направлениям «международные отношения», «политология», «регионоведение» также не пользовались популярностью у студентов. Относительный интерес к изучению этого региона у учащихся вузов возник после конфликта России и Грузии в 2008 г. и конфликта на Украине в 2014 г., что можно объяснить не столько интересом к внутриполитическим причинам произошедшего, сколько к реакции Запада на указанные два конфликта и желанием понять именно позицию западных стран, а не логику внутрирегиональных процессов на постсоветском пространстве.

Данная статья нацелена на выявление того, соответствуют ли исследования и преподавание в вузах по тематике постсоветского пространства тем приоритетам и подходам, которые декларируются на официальном уровне и используются в официальной риторике². Основные исследовательские вопросы статьи: как называется тот международно-политический регион, который сформировался после распада Советского Союза? Выделяются ли какие-то субрегионы? Какое внимание уделяется анализу региональных организаций по сравнению с анализом страновой специфики и двусторонних или многосторонних отношений вне региональных институтов? Дополнительный вопрос – это соответствие тематики и структуры российских преподаваемых курсов западным курсам.

Первый изучаемый вопрос – это название международно-политического региона, в который входят бывшие советские республики. В Концепции внешней политики 2013 г. используется как термин «пространство СНГ», так и

термин «постсоветское пространство». В ежегодных обзорах МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации»³ в разделе по географическим направлениям внешней политики России первым идёт подраздел «Пространство СНГ». В Обзоре за 2015 г. впервые появился подраздел «Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве». Заметим, что ранее термин «евразийское пространство» в ежегодных обзорах не использовался. Контекст применения этого термина связан с так называемым «поворотом России на Восток» и проблемой сопряжения различных региональных проектов, например, Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути, или же, потенциально, ШОС и АСЕАН.

Итак, изучим, насколько приоритеты российской внешней политики отражены в научных исследованиях и структуре преподаваемых в вузах курсов. Начнём с изучения подходов к названию самого изучаемого региона. Анализ тематики защищённых в России диссертаций⁴ показал, что частота использования терминов «постсоветское пространство», «пространство СНГ», «евразийское пространство» и «Евразия» зависит от научной дисциплины. Так, «пространство СНГ» или «страны СНГ» относительно чаще используется в исторических, экономических и юридических науках, чем в диссертациях по политическим наукам. Тематика таких диссертаций касается проблем развития отдельных секторов промышленности, трудовой миграции, таможенной политики, единого информационного и единого образовательного пространства, встречаются упоминания общего пространства безопасности.

Для политических наук более характерно использование термина «постсоветское пространство». «Евразийское пространство» в названиях диссертаций – скорее редкость, хотя часто используется в названиях отдельных глав диссертаций, при этом в формулировке названий этих диссертаций применяется термин «постсоветское пространство». Интересно, что термин «евразийское пространство» в названиях диссертаций характерен для структур, занимающихся подготовкой и переподготовкой государственных кадров: например, Дипломатической академии и РАНХиГС⁵.

Термин «Евразия» для названия региона используется в такой группе дисциплин, как гео-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12.02.2013 http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

² Данная тема остается малоизученной. Из публикаций обзорного характера, раскрывающих тему исследований постсоветского пространства, можно отметить: Пивовар Е.И., Гущин А.В. Основные направления изучения постсоветской интеграции в российской историографии // Вестник РГГУ, № 21, 2013.

³ Список ежегодных обзоров представлен на портале МИД России <http://www.mid.ru/activity/review>

⁴ Исследование проводилось на основе поиска по ключевым словам в электронной базе данных диссертаций Dissercat.

⁵ В Северо-Западном институте управления РАНХиГС в 2012 г. даже была создана кафедра международных процессов евразийского региона.

химия, геоэкология, геотектоника и геодинамика, экология, ботаника, генетика, почвоведение, антропология и т.п. В политических и исторических науках термин «Евразия» практически не используется, если речь не идёт об истории политической мысли и о течении евразийства. В западной же традиции деления на субдисциплины как раз более распространённым термином является «евразийские исследования» (Eurasian studies), представляющие собой междисциплинарную сферу, где пересекаются интересы политологов, специалистов по международным отношениям, экономистов. «Постсоветские исследования» или, более широко, «постсоциалистические исследования» (или даже «посткоммунистические исследования») в западной науке ассоциируются, как правило, с исследованиями процессов политических и экономических трансформаций постсоветских и постсоциалистических стран в период после распада социалистического блока, в то время как евразийские исследования касаются текущих процессов в политике и экономике. Термины «пространство СНГ» или «страны СНГ» в западной научной литературе не прижились.

В рамках Ассоциации международных исследований (International Studies Association) есть мультидисциплинарная секция «Посткоммунистические системы в международных отношениях»⁶. Из 29 секций есть только ещё одна, посвящённая исследованию конкретного региона – это «Южная Азия в мировой политике». Остальные секции имеют специализацию по субдисциплинам – например, политическая демография и география; международная политическая социология; секция по правам человека и т.п. Обе «региональные» секции – и посткоммунистическая, и южноазиатская, позиционируют себя как мультидисциплинарные. Подобное выделение двух секций по отличающемуся от других основанию может быть объяснено тем, что представители этих регионов не считают, что процессы в Южной Азии и на посткоммунистическом пространстве могут быть объяснены при помощи универсальных теорий, используемых представителями субдисциплинарных секций. Ещё одно возможное объяснение – это относительная обособленность научных сообществ этих двух регионов от западноцентричного научного сообщества.

Отметим, что ни в одном из российских официальных документов не дано определения пространства СНГ или постсоветского пространства. По контексту перечисления всех государств региона, с которыми ведётся взаимодействие, понятно, что в пространство СНГ входят не только государства-члены организации СНГ, а все 12 бывших советских республик, кроме стран Балтии. С 2008 г. к этому списку присоединились две частично признанных республики – Южная Осетия и Абхазия.

В Концепции внешней политики упомянуты четыре субрегиона пространства СНГ: Закавказье, Центральная Азия, а также Черноморский и Каспийский регионы. В ежегодных обзорах в качестве отдельного субрегиона упоминается только Центральная Азия.

В преподавании проблематики постсоветского пространства сложились следующие тенденции. После распада Советского Союза преподавание в сфере международных отношений и политических наук во многом ориентировалось на западные стандарты, особенно ярко это проявилось при отборе теорий, которые описывались в учебниках для высших учебных заведений. После дискредитации предыдущего поколения советских идеологизированных подходов образовался теоретический вакуум, который был заполнен уже хорошо разработанными и пересказанными в учебниках политическими и экономическими теориями, теориями международных отношений. Первые поколения российских учебников по теоретическим курсам были ориентированы на пересказ и обработку научного знания, накопленного на Западе, с редким упоминанием наработок советских и российских исследователей. Курсы прикладной направленности, не требующие включения теоретических подходов, оказались в несколько более выгодном положении по сравнению с теоретическими курсами, которые вынужденно опирались на иностранные разработки. Курсы по истории международных отношений, регионоведению, дипломатии не требовали такого же радикального обновления или создания заново, как курсы по политологии, политической теории, мировой политике, теориям международных отношений.

Вместе с тем, несмотря на прикладной характер курсов по постсоветскому пространству, опубликовано очень мало учебников и учебных пособий по данной тематике, хотя курс «Экономические и политические процессы в СНГ» входит в базовую часть профессионального цикла Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению «Международные отношения». Однако же, никакие курсы по тематике постсоветского пространства не включены в обязательные курсы для направления подготовки по политологии, а для регионоведения стандарт не определяет набор обязательных дисциплин, оставляя это на усмотрение вуза. Наиболее известным учебником по изучаемой тематике можно считать выдержавший с 2006 года несколько изданий учебник Ю.В.Косова и А.В.Торопыгина [6]. Данный учебник ориентирован на анализ институционализированного сотрудничества в рамках как СНГ, так и других региональных организаций. Оба указанных автора также участвовали в написании коллективного учебного пособия

⁶ Веб-страница секции <http://www.isanet.org/ISA/Sections/POSTCOMM>

2011 г. «Евразийский регион. Экономическая, социальная и политическая география. Международные процессы» [3].

Программы курса «Экономические и политические процессы в СНГ» имеет определённую вариативность, при этом многие программы ориентируются на основную учебную литературу – учебник Ю.В.Косова и А.В.Торопыгина – и структурируют темы лекций и семинаров вокруг тех тем, которые предложены в учебнике. В конце 1990-х было выпущено учебное пособие Е.Г.Моисеева «Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ» [9], которое выступало основным учебным материалом до появления учебника Косова и Торопыгина. Издаются учебно-методические комплексы, курсы лекций и учебные пособия, как правило, не получающие широкого распространения за пределами вуза, в котором они были созданы [4; 7; 8; 10; 16; 17]. Список монографий, которые также часто указываются в качестве литературы по курсам по проблематике СНГ и постсоветского пространства, также крайне ограничен [1; 2; 13; 14].

В некоторых случаях тематика курса включает не только страны СНГ, но и страны Балтии [15]. В целом исследование программ курсов показывает отсутствие единообразия в наименовании субрегионов постсоветского пространства (например, Закавказье или Южный Кавказ; Прибалтийский регион или Балтийский регион), наибольшие сложности наблюдаются по отношению к Белоруссии, Молдавии, Украине, которые, как правило, не объединяют в отдельный субрегион⁷.

Следующая группа вопросов касается роли России в регионе. В Концепции внешней политики России и в ежегодных обзорах роль России на постсоветском пространстве описывается скорее как направленная на поддержание и развитие деятельности региональных организаций, двусторонних и многосторонних отношений со странами региона. При этом Россия никогда напрямую не описывается как региональный лидер или же государство, вносящее основной

вклад в региональную интеграцию. Ожидания России от участия других стран региона в региональных организациях сформулированы достаточно обтекаемо: «Уважая право партнёров по Содружеству на выстраивание отношений с другими международными субъектами, Россия выступает за всеобъемлющее выполнение государствами-участниками СНГ взятых на себя обязательств в рамках региональных интеграционных структур с российским участием, обеспечение дальнейшего развития интеграционных процессов и взаимовыгодного сотрудничества на пространстве СНГ»⁸. Интересно, что роль России на постсоветском пространстве в рамках преподаваемых образовательных курсов освещается также достаточно скромно. Как правило, на эту тему выделяется одно последнее занятие из семестрового курса, на который рассчитаны бакалаврские программы по экономическим и политическим процессам в СНГ. Вместе с тем присутствие России на постсоветском пространстве проблематизируется по-разному. Например, регион может представляться как арена борьбы между США, ЕС, Россией, Китаем и другими соседними государствами, в связи с чем возникает проблема сохранения российской сферы влияния. Одновременно наблюдается «внешнее и внутреннее противодействие росту политического влияния России в регионах постсоветского пространства» и «попытки втягивания РФ в двусторонние и региональные кризисы по периметру российских границ» [12: 7]. Однако такой подход является исключением для России, как правило, формулировка рассматриваемых проблем по тематике роли России на постсоветском пространстве достаточно нейтральна и не позволяет судить о мнении авторов программы относительно того, какую именно роль Россия играет в регионе.

Относительно стандартной можно считать такую структуру курса⁹: 1) причины и процесс распада СССР, проблема правопреемства, образование СНГ (одно или два занятия); 2) создание и функционирование СНГ как региональной организации, институциональная

⁷ По отдельным субрегионам также мало литературы, которую можно использовать в учебных курсах. Среди тех книг, которые включают в программы курсов по пространству СНГ, можно отметить: Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа / М., Международные отношения, 2001; Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе / М., 2000; Южный фланг СНГ. «Общие соседи» и «восточные партнёры» сквозь призму Каспия (Вып. 3) / под ред. А. В. Мальгина: МГИМО (У) МИД России: Фонд Розы Люксембург. М., 2009; Мантусов В.Б., Шарифов Б.М. Геостратегическое значение центрально-азиатского региона для России в современных мирохозяйственных отношениях. Монография. – М.: Научная книга, 2014. – 87 с.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12.02.2013 http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F

⁹ Например, такую структуру имеют программа «Экономические и политические процессы в СНГ» по направлению «Международные отношения», ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», 2012 г. <https://www.kubsu.ru/sites/default/files/faculty/%20%D0%B8%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81%D1%8B%20%D0%B2%20%D0%A1%D0%9D%D0%93.pdf>; программа дисциплины «Экономические и политические процессы в Содружестве Независимых Государств» по направлению «Международные отношения» ФГАО ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2014 г. <http://kpfu.ru/pdf/portal/oop/37604.pdf>

■ Исследовательские статьи

структура СНГ (одно или два занятия); 3) экономические процессы в СНГ, включая деятельность региональных экономических организаций; 4) военно-политическое сотрудничество, включая деятельность региональных организаций безопасности, иногда включая проблему урегулирования конфликтов, либо же тема конфликтов изучается отдельно; 5) роль России на постсоветском пространстве или же постсоветский регион во внешней политике России. В значительном количестве программ курсов вообще отсутствуют темы лекций и семинаров по роли России на постсоветском пространстве.

Помимо стандартного набора тем, можно встретить также следующие: Российская империя – СССР – СНГ: связь времён [18]; феномен «цветных революций» на постсоветском пространстве [3]; ностальгия по советскому прошлому и перспективы СНГ¹⁰; политика России в отношении соотечественников в странах СНГ¹¹; проблема Каспия и деятельность прикаспийских государств по её разрешению¹²; сотрудничество государств-участников СНГ в гуманитарной сфере¹³.

Отметим, что в целом программы курсов в российских вузах в значительной степени ориентированы на изучение институционализированного регионального сотрудничества. Анализ отдельных стран региона и логики политических и экономических процессов в субрегионах можно считать скорее исключением. При курсе, рассчитанном на один семестр преподавания, количество тем, которые удаётся изучить, достаточно ограничено, в связи с чем важно выявить то, как производится отбор тематики для анализа. Как было указано выше, в случае с бакалаврским уровнем преподавания в России выбор изучаемой тематики во многом обусловлен содержанием доступных конкретному вузу учебников. Вместе с тем ещё раз отметим, что в государственных образовательных стандартах не регламентируется содержание курсов, поэтому вузы могут иметь достаточно разные программы курсов при одинаковом названии учебных дисциплин. Однако же, несмотря на доступную вариативность, в российских вузах содержание программ курсов по постсоветской проблематике во многом совпадает, как было указано выше.

Западная система образования в меньшей степени построена вокруг учебников. В качестве учебных материалов широко используются монографии и научные статьи. Англоязычные

учебники или монографии по тематике политического и экономического развития постсоветского пространства в целом – скорее редкость. В программах курсов в западных университетах чаще всего в качестве литературы предлагаются книги и учебники по внешней политике России, где, помимо прочего, освещается и политика России на постсоветском пространстве [21; 22; 23; 25; 30; 31]. Есть отдельные монографии и по субрегионам постсоветского пространства [20; 31]. Книжки по региональным организациям на постсоветском пространстве также встречаются редко, скорее, можно найти информацию по этой теме в докладах различных исследовательских центров [19; 28].

Что касается программ курсов в западных университетах, то курсы по Евразии, как правило, представлены на магистерском уровне, либо же одновременно как курсы по выбору для бакалавров и магистров с отличающейся системой оценивания для студентов разного образовательного уровня.

Часто в рамках западных курсов по Евразии не рассматривают региональные организации, либо уделяют им незначительное количество аудиторных часов. Например, в программах магистерского уровня «Международные отношения в Евразии» Международного университета Японии [24], а также «Российская и постсоветская внешняя политика и политика безопасности» Университета Сассекса (Великобритания) [27] из региональных организаций упомянута только ШОС. В рамках курса «Международная политика постсоветских государств» Массачусетского технологического университета (США) не упоминается ни одна региональная организация в названиях тем занятий, впрочем, в списке литературы есть две статьи с анализом региональных структур – СНГ и ШОС [29].

В рамках курса «Постсоветский регионализм на евразийском пространстве» второго по величине в Чехии Масариков Университета из семи тематических блоков только один посвящён региональным организациям (СНГ, ОДКБ, ГУ(У)АМ, ШОС и ЕврАзЭС), при этом на 2015 г. Евразийский экономический союз и Союз России и Белоруссии не упомянуты [26].

В целом анализ программ курсов по постсоветскому пространству в западных университетах позволяет сделать вывод, что основное внимание уделяется политике России и других великих держав в регионе, включая Китай (отсюда внимание к ШОС как организации).

¹⁰ Аннотация рабочей программы дисциплины Б3.В.ДВ.10.2. Экономические и политические процессы в СНГ. Направление подготовки 031900.62 «Международные отношения», Иркутский государственный университет, <http://isu.ru/filearchive/speciality/HIST/031900.62/%D0%913.%D0%92.%D0%94%D0%92.10.2%20%D0%90%D0%BD%D0%BD.pdf>

¹¹ Рабочая программа дисциплины «Экономические и политические процессы в СНГ», по направлению «Международные отношения», ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», 2014 http://edc.tversu.ru/f/ff/41_03_05/031900_62_01/b3b9.pdf

¹² Там же.

¹³ Там же.

Много курсов по отдельным субрегионам постсоветского пространства с уклоном в политические науки или же междисциплинарные исследования¹⁴.

В целом, на основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Структура образовательных курсов и, частично, диссертационных исследований по экономическим и политическим процессам на постсоветском пространстве соответствует тем приоритетам, которые изложены в российских официальных документах: используется та же терминология для обозначения международно-политического региона и субрегионов; отдаётся приоритет институционализированному сотрудничеству в рамках региональных организаций (прежде всего, СНГ); роль России в регионе, её интересы и участие в региональных процессах, как пра-

вило, освещены недостаточно подробно, либо эта тема вообще отсутствует в программе курса. Что касается западных исследований, то здесь закрепились другая терминология (превалирование термина «евразийские исследования» над «исследованиями постсоветскими»; термин «пространство СНГ» вообще не используется). При этом программы курсов ориентированы скорее на реалистскую логику анализа действий великих держав с незначительным вниманием к деятельности региональных организаций. Такое различие в образовательных программах будет осмыслено в дальнейших публикациях по данному исследовательскому проекту, с целью выявить то, как соотносится картина мира, формируемая образовательными курсами и научными исследованиями, и реальная внешняя политика России.

Список литературы

1. Горовой В.А., Чернявский С.И. Содружество Независимых Государств – реалии и перспективы. М.: Навона, 2008. 187 с.
2. Густов В.А., Манько В.Х. Россия – СНГ: сотрудничество во имя развития и прогресса. СПб.: АВОК северо-запад, 2007. 430 с.
3. Евразийский регион: экономическая, социальная и политическая география. Международные процессы: Учеб. пос. / Отв. ред. А.В. Торопыгин; Под общ. ред. Н.В. Каледина, Ю.В. Косова. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 315 с.
4. Золотарев Д.П., Пекшева Л. Содружество независимых государств: учебное пособие. Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2010. 132 с.
5. Золотарев Д.П., Солодовникова Т.Н. Рабочая программа дисциплины «Содружество Независимых Государств» по специальности «Регионоведение» ВФ РАНХиГС, 2013 г. 26 с. Режим доступа: http://www.rags-vrn.ru/images/stories/doc/sng_prog.pdf (дата проверки: 02.11.2016).
6. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект пресс, 2012. 296 с.
7. Курылев К.П., Савичева Е.М. Содружество Независимых Государств. Учебно-методическое пособие. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2009. 143 с.
8. Малышев Д.В. Содружество Независимых Государств: основные аспекты развития. М.: Изд. Ленанд, 2010. 104 с.
9. Моисеев Е. Г. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. М.: Юристъ, 1997. 272 с.
10. Содружество Независимых Государств: экономическая, социальная и политическая география: учебное пособие. / Под ред. Н.В. Каледина, В.В. Ятмановой. СПб, 2008. 220 с.
11. Страны СНГ в системе международных отношений / Под ред. Шарипова У., Хазанова А., Крупянко М., Милеева Д. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2008. 626 с.
12. Суздальцев А.А. Программа дисциплины «Экономические и политические процессы постсоветского пространства» для специальности «Регионоведение», ГУ-ВШЭ, факультет Мировая экономика и мировая политика, 2008 г. 60 с. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/842/110/1236/Programma_kursa_Ekonomicheskie_i_politic.tsovetskogo_prostranstva_REGION.doc (дата проверки: 02.11.2016).
13. Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М.: Восточная книга, 2011. 265 с.
14. Татаринцев В.М. Содружество Независимых Государств в начале XXI века: проблемы и перспективы. М.: Издательство: Восток-Запад, 2007. Научная книга, 2007. 369 с.
15. Хандорин В.Г. Страны СНГ и Балтии: курс лекций / В.Г. Хандорин. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. 166 с.

¹⁴ Например, на сайте Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета можно найти проект начала 2000-х гг. по изучению исследований Центральной Евразии в мире, где представлены программы курсов различных университетов по региону Центральной Евразии http://ceswww.fas.harvard.edu/ces_syllabi.html

■ Исследовательские статьи

16. Цыкунов Г.А. Содружество Независимых Государств: институциональное, интеграционное и экономическое развитие: учебное пособие / Г.А. Цыкунов. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. 241 с.
17. Шинкареца Г.Г. Содружество Независимых Государств (правовые основы деятельности СНГ). Учеб. пособие. М.: Академический правовой университет, 2007. 70 с.
18. Шинковский М.Ю. Учебная программа по дисциплине «Содружество независимых государств» [Электронный ресурс]. // Сайт цифровых учебно-методических материалов Центра образования ВСУЭС. Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/books/sng_p/default.asp (дата проверки: 02.11.2016).
19. Alyson J. K. Bailes, Pál Dunay, Pan Guang and Mikhail Troitskiy. The Shanghai Cooperation Organization. SIPRI Policy Paper. No. 17. 2007. URL: [http://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/SIPRI_Policypaper17\[1\].pdf](http://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/SIPRI_Policypaper17[1].pdf) (дата проверки: 02.11.2016).
20. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford University Press, 2012. 272 p.
21. Donaldson R. H., Noguee J. L. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. Routledge, 2005. 419 p.
22. Gvosdev N. K. Russian Foreign Policy: Interests, Vectors, and Sectors. Cq Pr, 2013. 456 p.
23. Kanet R. E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. NY: Palgrave Macmillan, 2011. 295 p.
24. Macikenaite V. International Relations in Eurasia. International University of Japan, Academic year 2015/2016 URL: <http://www.iuj.ac.jp/gsir-f/syllabus/16/rec6450.pdf> (дата проверки: 02.11.2016).
25. Mankoff J. Russian Foreign Policy: the Return of Great Power Politics. Rowman and Littlefield, 2011. 352 p.
26. Mikhaylenko E. Post-Soviet Regionalism in Eurasian space. Masaryk University, Spring 2015. URL: <https://is.muni.cz/course/fss/spring2015/MVZ242> (дата проверки: 02.11.2016).
27. Ortmann S. Russian and post-Soviet Foreign and Security Policy. University of Sussex, Spring term 2009/2010 URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=russian-and-post-soviet-foreign-and-security-policy&site=12> (дата проверки: 02.11.2016).
28. Popescu N. Eurasian Union: The Real, The Imaginary and The Likely. Chaillot Papers, September 2014. 48 p. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/CP_132.pdf (дата проверки: 02.11.2016).
29. Saivetz C. R. The International Politics of the Post-Soviet States. MIT, 2013. 6 p. URL: <http://web.mit.edu/ssp/people/saivetz/syllabus.pdf> (дата проверки: 02.11.2016).
30. Trenin D. V. Post-Imperium: A Eurasian Story. Carnegie Endowment for International Peace, 2011. 300 p.
31. Andrei Tsygankov. Russian Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. 3d ed. Rowman and Littlefield, 2013. 308 p.
32. Waal Thomas de. The Caucasus: An Introduction. Oxford University Press, 2010. 272 p.

Об авторе

Никитина Юлия Александровна – доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО. E-mail: y.nikitina@inno.mgimo.ru.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках проекта 16-23-41004 «Российские, швейцарские и канадские исследования и образование в области международных отношений: сравнительный анализ».

RUSSIAN RESEARCH AND HIGHER EDUCATION SYLLABI ON POST-SOVIET SPACE: PRIORITIES IN TERMINOLOGY AND STRUCTURE OF COURSES

Y.A. Nikitina

Moscow State Institute of International Relations, MFA RF. 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo, 76.

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the key concepts used in the undergraduate and graduate courses on the post-Soviet region, of the link between these concepts and the official rhetoric based on the foreign policy documents. Major research questions of the article are: how is the international political region on the ex-Soviet space is called? Are there any subregions in this region? Is more attention paid to the analysis of regional organizations compared to the analysis of national specificities or bilateral and multilateral relations not related to regional institutions? Does the structure of the Russian courses correspond to the structure of courses taught at Western universities? The results of the analysis demonstrate that the structure of the academic courses and, partially, of the PhD dissertations on economic and politi-*

cal processes on the post-Soviet space correspond to the priorities in the Russian official documents: for instance, the same terminology is used to describe the whole international political region (the post-Soviet space) and subregions (Central Asia and Caucasus); more priority is given to the analysis of institutionalized cooperation in the framework of international organizations (first of all, the CIS); the role of Russia in the region, its interests and its participation in regional processes are usually understudied, or is absent from the academic courses. The analysis showed that currently there are no so many textbooks on the post-Soviet space, despite the fact that the course "Economic and political processes in the CIS" is included in the basic part of the Professional cycle of the Federal State Educational Standard on the International Relations. However, it should be noted that in the federal educational standards the content of the courses is not specified, that is why universities have an opportunity to create their original content, even if the title of the course is pre-determined.

Key words: Post-Soviet space, teaching, structure of syllabi, terminology, CIS.

References

1. Gorovoy A.V., Chernyavsky S. I. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv – Realii I Perspektivy* [Commonwealth of Independent States – Realities and Perspectives]. Moscow, Navona Publ., 2008. 187 p. (In Russian).
2. Gustov V.A., Man'ko V.Kh. *Rossiya – SNG: sotrudnichestvo vo imya razvitiya I progressa* [Russia- CIS: cooperation in the name of cooperation and progress]. Saint-Petersburg, AVOK severo-zapad Publ., 2007. 430 p. (In Russian).
3. *Evraziyskiy region: ekonomicheskaya, sotsialnaya I politicheskaya geografiya. Mezhdunarodnye protsessy* [Eurasian region: economic, social and political geography. International processes]. Ed. by A.V.Toropygin, N.V.Kaledin, Yu.V.Kosov. Saint-Petersburg, IVESEP Publ., 2011. 315 p. (In Russian).
4. Zolotaryov D.P., Peksheva L. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv* [Commonwealth of Independent States]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2010. 132 p. (In Russian).
5. Zolotaryov D.P., Solodovnikova T.N. Working program of the course "Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv [Commonwealth of Independent States]" on the specialization "Area Studies" of the Russian Academy of National Economy and State Service, 2013. 26 p. URL: http://www.rags-vrn.ru/images/stories/doc/sng_prog.pdf (Accessed 02.11.2016). (In Russian).
6. Kosov Yu.V., Toropygin A.V. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: integratsiya, parlamentskaya diplomatiya I konflikty* [Commonwealth of Independent States: integration, parliamentary diplomacy and conflicts]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 296 p. (In Russian).
7. Kurylyov K.P., Savicheva E.M. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv* [Commonwealth of Independent States]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2009. 143 p. (In Russian).
8. Malyshev D.V. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv : osnovnye aspekty razvitiya* [Commonwealth of independent states: major components of the development]. Moscow, Lenand Publ., 2010. 104 p. (In Russian).
9. Moiseev E.G. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva stran SNG* [International and legal basis and cooperation of the CIS states]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 272 p. (In Russian).
10. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: ekonomicheskaya. Sotsialnaya I politicheskaya geografiya* [Commonwealth of Independent States: economic, social and political geography]. Ed. by N.V.Kaledin, V.V.Yatmanova, N.V.Kaledina. Saint-Petersburg, 2008. 220 p. (In Russian).
11. *Strany SNG v sisteme mezhdunarodnye otnosheniy* [CIS states in the system of international relations]. Ed. by Sharipov U., Khazanov A., Krupyanko M., Mileeva D. Moscow, Institute of the Oriental Studies Publ., 2008. 626 p. (In Russian).
12. Suzdaltsev A.A. Program of the course "Ekonomicheskie I politicheskie protsessy postsovetского prostranstva [Economic and political processes of the post-Soviet states]" for the specialization "Area studies". State University – Higher School of Economics, School of World economy and world politics", 2008. 60 p. URL: https://www.hse.ru/data/842/110/1236/Programma_kursa_Ekonomicheskie_i_politic..tsovetskogo_prostranstva_REGION.doc (Accessed 02.11.2016). (In Russian).
13. Tatarintsev V.M. *Dvustoronnie otnosheniya Rossii so stranami SNG* [Bilateral relations of Russia with CIS countries]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2011. 265 p. (In Russian).
14. Tatarintsev V.M. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv v nachale XXI veka: problemy I perspektivy* [Commonwealth of Independent States in the XXI Century: problems and perspectives]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2007. 369 p. (In Russian).
15. Khandorin V.G. *Strany SNG I Baltii: kurs lektsiy* [Countries of the CIS and the Baltic states: course of lectures]. Tomsk, Tomsk Polytechnical university Publ., 2008. 166 p. (In Russian).
16. Tsykunov G.A. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: institutsionnoe, integratsionnoe I ekonomicheskoe razvitiye* [Commonwealth of Independent States: institutional, intergrational and economic development]. Irkutsk, BGYEP Publ., 2012. 241 p. (In Russian).

■ Исследовательские статьи

17. Shinkaretskaya G.G. *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv (pravovye osnovy deyatel'nosti SNG)* [Commonwealth of Independent States (legal Basis of the activities of the CIS)]. Moscow, Akademicheskii pravovoy unioversitet, 2007. 70 p. (In Russian).
18. Shinkovskiy M.Yu. *Educational program of the course "Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv"* [Commonwealth of Independent States]. VVSU. URL: http://abc.vvsu.ru/books/sng_p/default.asp (Accessed 02.11.2016) (In Russian).
19. Alyson J. K. Bailes, Pál Dunay, Pan Guang and Mikhail Troitskiy. The Shanghai Cooperation Organization. *SIPRI Policy Paper*, no. 17, 2007. URL: [http://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/SIPRI_Policypaper17\[1\].pdf](http://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/SIPRI_Policypaper17[1].pdf) (Accessed 02.11.2016).
20. Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford University Press, 2012. 272 p.
21. Donaldson R. H., Nogee J. L. *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests*. Routledge, 2005. 419 p.
22. Gvosdev N. K. *Russian Foreign Policy: Interests, Vectors, and Sectors*. Cq Pr, 2013. 456 p.
23. Kanet R. E. *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. NY: Palgrave Macmillan, 2011. 295 p.
24. Macikenaite V. *International Relations in Eurasia*. International University of Japan, Academic year 2015/2016. URL: <http://www.iuj.ac.jp/gsir-f/syllabus/16/rec6450.pdf> (Accessed 02.11.2016).
25. Mankoff J. *Russian Foreign Policy: the Return of Great Power Politics*. Rowman and Littlefield, second edition, 2011. 352 p.
26. Mikhaylenko E. *Post-Soviet Regionalism in Eurasian space*. Masaryk University, Spring 2015. URL: <https://is.muni.cz/course/fss/spring2015/MVZ242> (Accessed 02.11.2016).
27. Ortmann S. *Russian and post-Soviet Foreign and Security Policy*. University of Sussex, Spring term 2009/2010. URL: <https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=russian-and-post-soviet-foreign-and-security-policy&site=12> (Accessed 02.11.2016).
28. Popescu N. *Eurasian Union: The Real, The Imaginary and The Likely*. Chaillot Papers, September 2014. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/CP_132.pdf (Accessed 02.11.2016).
29. Saivetz C.R. *The International Politics of the Post-Soviet States*. MIT, 2013. URL: <http://web.mit.edu/ssp/people/saivetz/syllabus.pdf> (Accessed 02.11.2016).
30. Trenin D.V. *Post-Imperium: A Eurasian Story*. Carnegie Endowment for Interational Peace, 2011. 300 p.
31. Andrei Tsygankov, *Russian Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. 2d ed. Rowman and Littlefield, 2013. 308 p.
32. Waal Thomas de. *The Caucasus: An Introduction*. Oxford University Press, 2010. 272 p.

About the author

Yulia Nikitina – Associate Professor of World Politics and Research Fellow at the Center for the post-Soviet studies at MGIMO University. E-mail: y.nikitina@inno.mgimo.ru.

This article was prepared with the financial support of grant №16-23-41004 RHF.

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» ПОНЯТИЙ

О. Фридман

Кингс Колледж. Strand, London WC2R 2LS, Великобритания.

Офер Фридман является бакалавром Еврейского университета и магистром Междисциплинарного центра в Греции, специализируется в вопросах военной истории и безопасности, борьбы с терроризмом и защитил PhD по политическим наукам (научный руководитель профессор Беатрис Хойзером) в университете Рединга, где читает лекции. Был приглашённым научным сотрудником и преподавателем Московского государственного института международных отношений (МГИМО) в 2014 г. Он руководит научно-исследовательским проектом в Кингс Колледже, посвящённом проблеме политизации понятия «гибридная война». В ходе очередного визита в Москву осенью 2016 г. для проведения сравнительного количественного анализа российских научных публикаций по военной тематике редакция «Вестника МГИМО-Университета» договорилась об интервью по вопросу гибридной войны, которое мы публикуем ниже.

Ключевые слова: гибридная война, военная стратегия, военная культура, асимметричные конфликты.

■ Исследовательские статьи

Вестник МГИМО (В.М.) *Гибридные войны по-разному понимают на концептуальном уровне в России и на Западе. Так ли это и в чём заключается эта разница?*

Офер Фридман (О.Ф.) Терминология гибридной войны появилась в начале 2000-х гг. в американской армии. Изначально она была недооценена, пока её не подхватил военный теоретик Франк Хоффман [7]. В 2005-2006 гг. и особенно в 2007-2008 гг. после Второй Ливанской войны в Израиле, которая практически сразу стала горячей темой в американской армии. Теория гибридной войны, как она представлялась Франку Хоффману и американскому военному сообществу, описывала одновременное сочетание технологий симметричных и асимметричных войн, тактики конвенционального и неконвенционального ведения боя, одновременное участие профессиональных солдат и ополченцев. Всё это присутствовало на поле боя как одна вражеская масса, которая одновременно использовала самодельные взрывные устройства и запускала беспилотники. Вооруженный конфликт в такой ситуации и был назван гибридной войной.

По определению Хоффмана, гибридная война – это сочетание регулярных и нерегулярных войск и средств ведения вооруженного конфликта на одном театре военных действий. Эта теория подверглась большой критике со стороны историков, которые утверждали, что нет ничего нового в сочетании регулярных и нерегулярных войск, воюющих плечо к плечу, против единого противника. Аргумент Хоффмана заключался в том, что во время Американской революции, Наполеоновских войн, Второй мировой войны, и других исторических примеров, регулярные и нерегулярные войска находились под общим управлением, но территориально они воевали отдельно друг от друга. А сейчас они воюют вместе, на одном театре сражений.

Кроме того, сильно изменились технологии. Если во время Американской революции регулярной армии и партизанам были доступны примерно одинаковые технологии, то сегодня технологические уровни регулярной армии и ополченцев сильно отличаются. По утверждению Хоффмана, гибриды таких технологий, тактик и методов ведения борьбы создаёт совершенно новые угрозы, с которыми обычной регулярной армии очень сложно воевать.

В.М. *Приводит ли это к изменению стратегии?*

О.Ф. Это должно привести к изменению всей стратегии, тактики, оперативного дела, но этого не происходит. Сегодня есть богатый опыт войны с регулярной армией, а также есть опыт, в основном не очень успешный, ведения борьбы с ополченцами. Воюя с ними по отдельности, большинство современных армий может в этом более или менее преуспеть, но когда вместе – возникают проблемы.

Хоффман анализирует израильский опыт в Ливане в 2006 г. Из более современ-

ных случаев гибридной войны можно упомянуть ИГ (террористическая организация, запрещена в России – Ред.). С одной стороны, они используют самодельные взрывные устройства, с другой – у них есть самые современные виды вооружения. С одной стороны, они ополченцы, с другой – профессиональные наёмники. С одной стороны, они переговариваются по «уоки-токи», с другой – ведут успешную информационную борьбу в Интернете и в информационном пространстве вообще.

Теория «гибридной войны» начала прижиться в американской армии, но до сих пор не была официально принята на вооружение, хотя есть определённые официальные документы, которые упоминают её. Ведётся очень большая дискуссия внутри военных кругов по этому поводу. В словаре военных терминов Министерства обороны США вы не увидите понятие «гибридная война». Несмотря на это, дискуссия продолжалась и концептуализация гибридной войны, одобренная официально или нет, оставалась верна определению, данному Хоффманом, по крайней мере до украинского кризиса, который начался в 2014 г.

Тогда произошло две вещи – первая на Западе, вторая в России. После начала украинского кризиса, на Западе началось то, что они называют реконцептуализацией терминологии гибридной войны. Причём эта «реконцептуализация» родилась не в военных кругах, а в среде политологов и политических аналитиков из стран Восточной Европы, Балтии, Скандинавии и Великобритании. Германия и Франция в этом не участвуют, также как практически не задействованы и США.

Реконцептуализация терминологии гибридной войны произошла в контексте действий России во время конфликта на Украине. В понятие гибридной войны включили весь спектр военных и невоенных действий – ведение открытых боевых действий, спецопераций, кибервойны, информационной войны, финансово-экономической войны, политического противостояния и т.д. Начались обвинения в адрес России в ведении гибридной войны на Украине – сначала в случае с Крымом, потом Донбасс. Причём политизация терминологии велась не военным, а политическим сообществом: в этом направлении работали исследовательские центры в Польше, странах Балтии, Швеции, Финляндии, Норвегии, и Великобритании. В американских же институтах было довольно ограниченное количество публикаций в этом ключе.

В российском дискурсе, до украинских событий, интерес к гибридной войне ограничивался наблюдением и обсуждением того, что происходит на Западе. В основном это было интересно профессиональным военным и военно-академическому сообществу, которые обсуждали как западные специалисты теоре-

тизируют по поводу войн XXI в. При этом в России одновременно разрабатывались свои концепции современных конфликтов.

Суммируя тематику использования военных и невоенных средств в военном и политическом дискурсе в России, можно вспомнить три идеи, которые существовали в 2000-х гг. Это было возрождение идей Евгения Месснера о мятежевойне, появление «сетецентричной войны» Александра Дугина, и разработка теории информационных войн, которую разрабатывали Игорь Панарин и ряд других специалистов [1; 4; 5]. Хотя эти три направления развивались довольно независимо, концептуально они имели много общего, так как обсуждали приблизительно одну и ту же идею – подрыв политической легитимности противника изнутри.

После того как Запад начал обвинять Россию в ведении гибридной войны на Украине, в России решили разобраться, что же такое гибридная война. Было организовано несколько крупных семинаров и конференций – в МГУ, Военном университете, Финансовом университете. Было несколько круглых столов с участием как академических, так и военных специалистов. Профессор Цыганков из МГУ заявил: «Нас обвиняют западные партнёры в том, что мы якобы ведём гибридную войну, так давайте поймём, о чем вообще идёт речь» [6].

Интересно то, что в концептуализации гибридной войны в России, произошёл «перелив старого вина в новые бутылки» – просто перефразировали три вышеупомянутых теории. В принципе они подразумевали одну и ту же идею – подрыв легитимности власти противника как политическую цель войны. При этом она достигается невоенным способом – с помощью влияния на элиты и на общественное мнение подрывается легитимность существующего режима, а когда режим рушится, на его место ставят марионеточное правительство, которое в свою очередь разрушает военную и экономическую мощь государства.

К примеру, профессор Панарин просто ставит равенство между гибридной и информационной войной [3]. Когда слушаешь или читаешь специалистов с военным уклоном, которые больше знакомы с трудами Месснера, то они дают определение гибридных войн по Меснеру: иерархия целей гибридной войны/мятежевойны – разрушить сначала культурные ценности, затем духовные, и наконец материальные. Когда читаешь дальше и пытаешься понять, как это происходит, то тут существует смешение понятий между теориями сетевых и информационных войн.

Были попытки ввести эту терминологию в официальные документы, но российские военные этому сопротивляются. Поэтому дискурс остаётся на уровне экспертов.

Интересно, что в России, сама идея того, что война может быть не только вооружённым конфликтом, но и иметь не силовые формы, яв-

ляется более приемлемой с историко-философской точки зрения, чем на Западе. На Западе войну понимают инструментально. В России же напротив, Леер, Свечин, Головин, Меснер, Гареев – все они говорили, что война это не только ведение военных действий, но и определённая совокупность экономических, финансовых, культурных составляющих. В учебнике по стратегии XIX в., изданном Николаевской академией, война – это борьба культур [2]. В России идея о том, что воевать можно совокупностью военных и невоенных средств (или гибридно) нашла благодатную почву.

В.М. *Но родилась-то она Западе!*

О.Ф. Теория родилась из трудов Месснера и теорий сетевых и информационных войн. То, что родилось в России, не имеет никакого отношения к Хоффману, и имеет опосредованное отношение к тому, как эта теория была реконцептуализирована на Западе после 2014 г. Это исключительно российская идея. Анализируя как западное, так и российское понимание гибридной войны, я могу сказать, что в России эта теория более проработана, чем на Западе, так как она опирается на более широкую философско-теоретическую базу, которой не хватает на Западе из-за инструментального отношения к войне.

В.М. *А разве «Столкновение цивилизаций» Хантингтона не указывает на наличие такой же традиции и на Западе?*

О.Ф. Хантингтон не был военным человеком. Это, во-первых. Во-вторых, его книга вызвала большую волну критики и непонимания. Сначала все поверили в конец истории Фукуямы, а дальше поняли, что скорее всего будет столкновение цивилизаций по Хантингтону.

Я бы вернулся к понятию «война». Мода на военную семантику в международных отношениях объясняет, почему военные организации, как в России, так и на Западе, очень сопротивляются принятию на вооружение таких терминов, как «гибридная война» или «информационная война». Военные могут говорить об «информационном конфликте», «борьбе», но «информационную войну» не хотят принимать, поскольку война для военных подразумевает ведение боевых действий, включая частичную или общую мобилизацию как людей, так и экономики. Чтобы вести успешные боевые действия, нужна военная стратегия. Она предполагает различные экономические, финансовые, пропагандистские, информационные действия для того, чтобы достичь цели войны.

В западной литературе присутствует термин «*grand strategy*», который объединяет все стратегии. *Grand strategy* должна управлять военной стратегией, экономической стратегией, информационной стратегией, финансовой стратегией, и т.д. Военная стратегия имеет отношение к экономической стратегии: если страна хочет достичь определённой политической цели, то она может использовать военную стра-

тегию, под которую будут выделены определённые экономические средства. Альтернативно, она также может использовать исключительно экономическую стратегию для достижения политических целей, например объявив санкции. Но важно помнить, что объявление санкций или ведение какого-либо культурно-информационного противоборства обычно не имеет отношения к военным действиям, и поэтому называть это войной проблематично.

Термин «война» широко распространился сегодня в исследованиях по международным отношениям, каких только войн у нас сейчас нет: гибридные, экономические, информационные, и даже политические, законодательные и экологические. По моему мнению это связано с тем, что большое количество военных генералов, ушедших на пенсию, начали писать книжки. Причём это происходит повсеместно. И, соответственно, они начали вводить свою военную терминологию в международные отношения. Возьмем ту же «*grand strategy*», ведение военных действий и то, чем должны заниматься военные, всего лишь маленькая часть этой стратегии. А сколько книжек Вы знаете, которые были написаны экономистами не про экономическую стратегию, а про *grand strategy*? Я не знаю ни одной. Все книги о *grand strategy* пишут военные.

В.М. *Правильно ли я понимаю, что вопросы «Столкновения цивилизаций» находятся на уровне grand strategy, а не на уровне военной стратегии?*

О.Ф. Да. Я бы сказал так, но в этом и заключается проблема. На Западе исторически существует проблема соединения стратегии и политики. Самый хороший пример – учебник стратегии 1936 г., где говорится, что стратегия и политика – две совершенно разные вещи [9]. С тех пор учебники поменяли, но к сожалению, соединять стратегию и политику так и не научились. И это очень проблематично, поскольку стратегия служит какой-то политической цели и, если убрать политику, то стратегия начинает терять свой смысл. Если мы возьмём все американские войны после Второй мировой войны и по настоящее время, они во всех войнах в военном смысле слова победили, но проиграли в политическом, поскольку достижение победы зависит не от армии. Я всегда говорю: «Армия не побеждает, а воюет. Побеждают политики». А если между ними нет координации, то они всегда проигрывают.

Можно победить на поле боя, можно завоевать Ирак или Афганистан, можно разбомбить Тунис, ну а дальше что? Даже во Вьетнаме, американцы с военной точки зрения делали, что хотели, достигали любой военной цели, а войну в конечном итоге проиграли.

В России связь между политикой и стратегией существует, поскольку война, как философско-историческое явление, подразумевает больше борьбу не за ресурсы, а борьбу

культур. Причём существует понимание того, что культура может быть атакована не только военными средствами – так как борьба может вестись как военными, так и невоенными средствами. Давайте только не будем называть это войной. Это часть международных отношений. Когда страны не воюют, у них могут быть благоприятные международные отношения или конфликтные международные отношения; они могут любить друг друга, быть союзниками или врагами – но быть врагами это не обязательно воевать. Это можно называть по-разному. Причём страны могут всячески вредить другим странам, с которыми они не воюют, и это не стоит называть войной. Они просто пытаются достичь определённых целей в международных отношениях. Это может происходить мирно, а может силовыми методами. Причём силовые методы необязательно означают военные действия. Можно ввести санкции, можно как-то попытаться повлиять на общественное мнение внутри страны или на международном уровне. Но главное, что это не война. Военная семантика начинает преобладать в международных отношениях и мы перестаём понимать, о чём вообще идет речь. Да, на определённых этапах отдельные страны недолюбливали друг друга, а вернее – пытались всячески навредить друг другу для того, чтобы достичь определённых целей. Можно достигать эти цели с помощью мирного сотрудничества, войны или другими методами, попадающими в категорию «ни война, ни мир».

В.М. *Является ли гибридная война чем-то новым или хорошо забытое старое?*

О.Ф. Я Вам приведу пример – Американская революция. Когда началась революция, между Британией и Францией официально был мир, но поскольку американцы восстали против британской короны, а французы хотели ослабить своего традиционного противника, Великобританию, то они, несмотря на мирное соглашение, решили поддержать американцев. Французы тайно предоставляли американским повстанцам финансовую помощь, вооружение, обучение и прочее в течение пяти лет. И только когда Великобритания начала проигрывать, и Франция не почувствовала себя достаточно уверенной, то Париж объявил войны Лондону.

На концептуальном уровне есть страны, которые не дружат, но и не воюют, пытаются при этом все равно достичь определённых политических целей. И это было всегда. Изменились технологии, но я бы не сказал, что воевать, не воюя, стало легче или сложнее сегодня. Если возьмём XVIII – XIX вв., то для того, чтобы свергнуть корону в определённой стране, нужно было 3-4 аристократа, которые поддерживали бы переворот. Найти этих 3-4, заплатить им, или как-то иначе привлечь их на свою сторону было сложно, поскольку мы говорим о людях, у которых были свои убеждения, которые нуж-

но было бы изменить. И большое количество неудавшихся переворотов тому свидетельство.

Когда мы начинаем изучать историю различных удавшихся и неудавшихся переворотов и революций, мы понимаем, что все эти перевороты начинались (в России, в Англии, Франции и так далее), когда для заговорщиков была понятна структура международных отношений и они заручались активной или пассивной поддержкой стран заинтересованных в смене режима. При появлении массовых информационных технологий в XX в. стало легче довести революционные идеи до масс, но это не означает что увлечь их революцией стало легче. Однако это так же это не означает что роль элит уменьшилась. Легитимную власть по-прежнему можно подорвать с помощью элит, но для этого все равно нужны революционные массы. Без масс не получится. Да у нас есть сегодня новые технологии, но сама идея поддержки оппозиции в лагере врага для того что бы ослабить его политическую легитимацию берёт начало ещё от Римской империи. В самой идее ничего нового я не вижу.

В.М. Таким образом Вы скорее разделяете точку зрения военных?

О.Ф. Да. Они говорят политикам: «Давайте не будем смешивать понятия». Пока вы не воюете и не миритесь, это ваши проблемы – политиков, дипломатов. Это очень серьёзные проблемы, но мы к ним не имеем никакого отношения. Если будет поставлена задача, мы можем принять определённые меры: мы можем организовать учения, провести мобилизацию, для того чтобы дать вам какие-то рычаги в международных отношениях, с политической точки зрения. Но пока вы нам не приказали завоевать какую либо территорию, оставьте нас в покое. Завоевывать территории – это война, а всё остальное – это ни война, ни мир. Это поле дипломатов, политиков. Не надо смешивать терминологию, поскольку тогда политики и военные перестают понимать друг друга. Армия достаточно закрытое профессиональное сообщество. У каждой организации есть свой определённый жаргон, терминология, которой она пользуется. В нашем случае военным жаргоном начинают пользоваться политологи, политики и дипломаты. Так и появилась «гибридная война», которая на самом деле описывает феномен давно существующий.

В.М. Над чем Вы сейчас работаете?

О.Ф. Провожу исследование под названием «Сравнительный количественный анализ военных публикаций»

В.М. В чём заключается Ваш исследовательский вопрос?

О.Ф. Исследовательский вопрос заключается в следующем: на данный момент культура каждой военной организации довольно хорошо исследована. Например, были найдены определённые нарративы, которые предлагают что российская военная культура, в отличие от западной, больше настроена на коллективизм, чем на индивидуализм. Или что американская

армия более технологична, а в России больше почитается мысль, хитроумный план. До сих пор все эти исследования основывались на применении качественного анализа, а я хочу применить количественную методологию, анализируя статьи из российских научных журналов по военной проблематике, и сравнивая их с американскими публикациями. В научной литературе уже были примеры, когда с помощью количественного анализа публикаций, исследовали менталитет организаций.

В.М. Не менталитет авторов, а именно менталитет организаций?

О.Ф. Да. Я анализирую различные издания за последние 20 лет, соответственно у меня получается база данных, состоящая из более чем 1200 статей в каждом кейсе. Проанализировать о чём пишут конкретно в каждой статье, просто невозможно, да и ненужно. Мне важны статистические данные, которые укажут на тенденции. Например, как часто пишут о стратегии, какую роль играет военная история, насколько интенсивно занимаются разными технологическими аспектами, и так далее.

В.М. Предположим, что в результате исследования Вы сможете доказать, что действительно российская военная культура коллективистская, а западная военная культура – индивидуалистская? Что это нам даёт? В чём ценность этого результата?

О.Ф. Это набор разных качеств, с помощью которых можно предполагать и объяснять различные аспекты поведения той или иной военной организации. Например, существующий анализ предполагает, что российская армия и её военная культура исторически не полагаются на технологические решения. Не то, чтобы российская армия считает технологию неважной, она важна, но самое главное это не танк, а человек, который в танке, а также то, чему его научили и какой доктрине он следует. Поэтому, если например, российские танки проигрывают иностранным, то при анализе причин этих неудач в России сначала будут анализировать особенности применения танка, а не его технические характеристики. А американцы, напротив, подразумевают, что с человеком и доктриной всё в порядке, в неудаче виновата в первую очередь техника. Если танки проигрывают, нужно менять не людей, а танки. Из этого можно делать совершенно неожиданные выводы, скажем, в отношении величины военно-индустриального комплекса США. Если каждый день менять технологию танков, при том что предыдущая версия была уже лучшей в мире, военно-индустриальный комплекс будет чрезмерно раздут.

В.М. Какую книжку Вы читали в последнее время, которая Вас поразила, вдохновила в Вашей профессиональной сфере?

О.Ф. Иан Морисс «Война. Зачем она нужна? Конфликт и развитие цивилизации от приматов до роботов» [8].

■ Исследовательские статьи

В.М. И какая Вам там идея понравилась?

О.Ф. Он анализирует историю войн с начала человечества и до наших дней, пытается понять как, зачем, почему мы воюем и что мы от этого имеем. В процессе анализа он развивает несколько очень интересных идей. Одна из них – это его деление всех войн на продуктивные и непродуктивные.

Продуктивная война – это та война, в конце которой победитель «поглощает» (или более правильно сказать интегрирует насильственным методом) побеждённого, увеличивая как своё процветание, экономическую, военную и политическую мощь, но и процветание бывшего противника. В определённый момент войны перестают быть продуктивными и становятся непродуктивными, то есть такими, в конце которых страна не интегрирует противника и его территорию, экономику, культуру. Морисс приводит несколько исторических примеров. Пока Римская империя воевала внутри Средиземноморского бассейна, это были продуктивные войны, которые привели Рим к созданию одной из самых больших и мощных империй в истории человечества. Когда же они начали воевать с варварами, то война стала непродуктивной поскольку в конечном итоге было нечего «поглощать» (интегрировать). Усилия, вложенные Римом на ведение этих войн, значительно превышали экономическую, политическую и военную отдачу от завоеванных территорий. Именно тогда Римская империя начала разваливаться.

Когда страна начинает вести непродуктивные войны, она разваливается, причем

всем вокруг, включая обычных граждан, жить становится намного хуже. После развала Римской Империи мы получили тысячелетний хаос Средневековья. То же самое произошло и с Ханьской империей в Китае.

После Средних веков на протяжении ещё тысячи лет, чуть меньше, приблизительно с XVII в. велась новая серия продуктивных войн, которая продлилась вплоть до Второй мировой войны. Несмотря на огромное количество жертв, Вторая мировая война была продуктивной, поскольку весь земной шар разделился на две империи. В каждой империи были свои законы, был порядок и процветание. А дальше началась холодная война, которая была довольно непродуктивной и в результате которой одна из империй развалилась, а вторая не пожелала её «поглотить»/интегрировать.

Все войны которые велись после Второй мировой, как Западом, так и СССР, были непродуктивны поскольку не привели к интеграционным процессам. Даже после окончания холодной войны, Запад продолжает вести исключительно непродуктивные войны: Ирак, Афганистан, Ливия (подобно Римской Империи с варварами в Европе).

Возможны ли продуктивные войны сегодня? Не знаю, но если следовать логике Иана Морисса, то прогноз получается не очень позитивный, поскольку тогда мы идем по стопам больших империй прошлого, повторяя их ошибки, и если мы не опомнимся, то довольно скоро у нас наступит второе Средневековье.

В.М. Спасибо огромное за Ваши ответы!

Список литературы

1. Дугин А.Г. Геополитика Постмодерна. Санкт Петербург: Амфора, 2007. 384 с.
2. Измestьев П.И. Конспект стратегии. Сост. офицерами ст. кл. Николаев. акад. Ген. штаба, поручиками: Измestьевым и Месснером, Вып. 1. Санкт-Петербург: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1899.
3. Панарин И. Н. Гибридная война против России, 1816-2016 гг. М.: Горячая Линия Телеком, 2016. 221 с.
4. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.
5. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. Под ред. А.Е. Савинкина. М.: Военный Университет, Русский Путь, 2005. 696 с.
6. Цыганков П.А. «Гибридные Войны»: Понятие, Интерпретации и Реальность // Гибридные Войны” в Хаотизирующемся Мире XXI века. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского Университета, 2015. С. 32-42.
7. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
8. Morris I. War-What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. London: Profile Books, 2014. 512 p.
9. The Command and General Staff School, Principles of Strategy for an Independent Corps or Army in a Theater Of Operations. Fort Leavenworth, KS: The Command and General Staff School Press, 1936. 70 p.

Об авторе

Офер Фридман – исследователь Департамента военных исследований Кингс Колледжа (Лондон).
E-mail: ofer.fridman@kcl.ac.uk.

«HYBRID WAR» OF NOTIONS

O. Fridman

King's College. London, WC2R 2LS, UK.

Abstract: Ofer Fridman holds the degrees of BA (Military History and Security Studies) from Hebrew University, MA (Counter-Terror and Homeland Security) from Interdisciplinary Center Herzliya and PhD (Political Science, supervised by Prof. Beatrice Heuser) from University of Reading. He is a Sessional Lecture at the University of Reading and was a Visiting Research Fellow and Visiting Lecturer at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) in 2014. Ofer joined the War Studies Department at King's to conduct a research project that focuses on the politicisation of 'Hybrid Warfare'. During his visit of Moscow to conduct a quantitative research of Russian military research publications "MGIMO Review of International Relations" took the following interview from him.

Key words: hybrid warfare, military strategy, military culture. assymetric conflicts.

References

1. Dugin A.G. *Geopolitika Postmoderna* [Postmodern Geopolitics]. Sankt Peterburg: Amfora, 2007. 384 p.
2. Izmet'ev P.I. *Konspekt strategii* [Abstract of strategy] Ed by Izmet'ev, Messner, Issue 1. Sankt-Peterburg: Tipo-lit. A.E. Landau, 1899.
3. Panarin I. N. *Gibridnaia voina protiv Rossii, 1816-2016 gg.* [Hybrid war against Russia, 1816-2016]. Moskva: M.: Goriachaia Liniia Telekom, 2016. 221 p.
4. Panarin I.N. *Informatsionnaia voina i geopolitika* [Information warfare and geopolitics]. Moscow: Pokolenie, 2006. 560 p.
5. *Khochesh' mira, pobedi miatezhevoinu! Tvorcheskoe nasledie E.E. Messnera* [If you want peace, win myatezh-war! The intellectual heritage of E.E. Messner]. Ed by A.E. Savinkina. M.: Voennyi Universitet, Russkii Put', 2005. 596 p.
6. Tsygankov P.A. «Gibridnye Voyny»: Poniatie, Interpretatsii i Real'nost' [Hybrid Wars": The concept, Interpretation and Reality] in *Gibridnye Voyny" v Khaotiziruiushchemsya Mire XXI veka* [Hybrid Wars "be randomized in the world of the 21st century]. Ed by P.A. Cygankova. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 2005. 32-42 pp.
7. Hoffman F. *Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars*. Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
8. Morris I. *War-What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. London: Profile Books, 2014. 512 p.
9. *The Command and General Staff School, Principles of Strategy for an Independent Corps or Army in a Theater Of Operations*. Fort Leavenworth, KS: The Command and General Staff School Press, 1936. 70 p.

About the author

Ofer Fridman – Visting Research Fellow at War Studies Department of London King's College.
E-mail: ofer.fridman@kcl.ac.uk.

К ТЕОРИИ ПАРТИЗАНА К. ШМИТТА: СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВЕНТУАЛЬНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ ПАРТИЗАНА

М.П. Остроменский

Мэрия города Новосибирска, администрации Ленинского района, Россия, 630108,
г. Новосибирск, ул. Станиславского, д 6а

В работе рассмотрены эвентуальные социально-политические условия появления партизана. Показано, что данный феномен становится возможным при социально-политической неопределённости в государстве и социальной аномии в обществе, вызываемых поставленной под сомнение легитимностью суверена. В таких условиях падает значимость общественных институтов, правовых норм и рутинных правил, а роль личности и принятия ею самостоятельных решений в каждом конкретном случае возрастает. Увеличивается область этих самостоятельных, нерегламентированных решений. Такие условия характерны для оккупированной территории, особенно в ситуации продолжающейся войны. Кроме того, здесь коренное население, не предпринимая никаких противоправных действий, с точки зрения обоих конфликтующих суверенов, оказывается поражённым в правах. Всё это дает возможность гражданину даже с низким социальным статусом проявить собственную политическую субъектность. Поведение оккупированного населения может следовать трём моделям: ожидания решения конфликта между суверенами и последующего принятия его результатов как должного – абсолютное большинство населения, активная помощь оккупирующему суверену с целью утверждения нового политического порядка – коллаборант, активное противостояние оккупационной власти с целью возврата прежнего политического – партизан.

Ключевые слова: Карл Шмитт, теория партизана, партизан, суверен, коллаборант, децизионизм, понятие политического, политико-правовая неопределённость, война, аномия.

Наибольший вклад в социально-философское осмысление такого социально-политического феномена как партизан, думается, внесён крупным немецким мыслителем, политическим философом и юристом Карлом Шмиттом в книге «Теория партизана» [21]. Очень важно, что данная теория явилась побочным результатом его глубоких размышлений о понятии политического [1, 2, 3, 4, 10, 17] и его опыта построения теории децизионизма – теории принятия политического решения, через которую К. Шмитт объясняет происхождение суверенитета, права и правопорядка [2, 6, 10, 14, 15, 18, 20]. В этом контексте К. Шмитт наткнулся на «партизана», как феномен возникающий, пусть и на краткий период, в условиях политико-правовой неопределённости в государстве, тему, по сути, центральную в его исследованиях и, наверное, жизни. Недаром книга «Теория партизана» [21] имеет подзаголовок *«промежуточные замечания по поводу понятия политического»*. Однако К. Шмитт оставил исследование феномена «партизана» на ситуации 1963 года, когда была опубликована его книга (из интервью 1969 года Иохиму Шикелю на ту же тему видно, что «партизан» более не находилась в фокусе его размышлений [21], да, видимо, никогда и не находился).

Позиционируя партизана как политического бойца, К. Шмитт не рассматривал условия возникновения данного феномена. Для него достаточно было констатации факта политико-правовой неопределённости, ибо он исследовал возникновение *civil ad chaos*, если перефразировать известную максиму, а не отдельных явлений, сопутствующих данному процессу. Но сам этот феномен «партизан» продолжал жить и развиваться [2, 12]. Он оказывал значительное влияние на мировые политические процессы. Потому «партизан», как социально-политический феномен, формирующий политическую картину мира в эпоху глобализации, является важным и актуальным объектом исследования.

Нами была ранее [13] высказана гипотеза о том, что партизан возникает на политической сцене противоборства суверенов как результат принятия частным лицом самостоятельного политического решения о начале собственной вооружённой политической борьбы. В развитие и обоснования данной гипотезы здесь мы рассматриваем эвентуальные (делающие возможным) социально-политические условия появления партизана.

Для понимания сути партизана как социально-политического феномена, важно учитывать, что индивиды, ставшие партизанами, до своей трансформации, по большей части были обычными мирными гражданами, не желавшими участвовать в вооружённой политической борьбе, часто не обладавшими опытом обращения с оружием. Они даже не были призваны в армию, несмотря на идущую войну. До перехода конкретного индивида в партизаны ничего не

предвещало такого поступка. *Решение стать партизаном частное лицо принимает в последний момент, по обстоятельствам, исходя, в первую очередь, из своих внутренних установок, побуждений и мотивов, при этом мало сообразуясь со сложившимися правовыми нормами и правилами.*

Подобное решение становится возможным только когда политическая ситуация такова, что существующие легальные и легитимные процедуры и акторы в государстве не способны исполнять свои функции, руководствуясь формальными предписаниями и привычными ролями. Причём это относится как к праву (и правоприменению, и процессуальным нормам), так и к традиции (в отношении табу, дозволенного и недозволенного, социальным ролям). Складывающаяся функциональная политическая «недостаточность» существующей власти влечёт за собой и неопределённость положения самих политических акторов вплоть до суверена, социальных институтов и общепринятых правовых процедур, обеспечивающих их функционирование и взаимодействие.

Политико-правовой неопределённостью характеризовалось положение в Российской республике в конце 1917 – начале 1918 гг. Большевики сумели воспользоваться ситуацией, возникшей после свержения суверена в лице Николая II и усугублённой Октябрьским переворотом. В.И. Ленин, проявив политическую волю, воспрепятствовал успешному проведению Учредительного собрания, ликвидировав, тем самым, актуальную легитимную угрозу власти большевиков, уравнив с точки зрения легитимности шансы всех российских политических акторов, сделав их нелегитимными. Ни в октябре 1917 г., ни в январе 1918 г. не нашлось достаточно авторитетных, волевых политических акторов, способных противостоять Ленину и защитить республику и Учредительное собрание. Последующая Гражданская война окончательно решила вопрос о суверене и власти в России.

Государство и общество в ситуации политико-правовой неопределённости характеризуются аномией – социальной дезинтеграцией, при которой падает способность общества к внутреннему нормативному саморегулированию [7].

Таким было положение в Российской Федерации и на всём постсоветском пространстве в конце 80-х и в 90-х гг. XX в. В СССР постепенно нарастала дисфункция центральной власти, не способной совладать или удержать в границах дозволенного отдельных лиц и целые социальные и этно-политические группы, что вылилось в погромы, массовую внутреннюю миграцию, формирование независимых центров силы. В дальнейшем развилась в обществе и аномия. Когда «нормой», обыденностью стало решение проблем силой, резко возросла преступность, повысился уровень жестокости в обще-

стве, сильно выросла наркомания, алкоголизм. Массовым явлением стали беспризорные дети. Резко увеличилось количество бездомных, появились нищие и голодающие. Всё это привело к росту самоубийств, к массовой эмиграции за границу, резкому падению рождаемости и продолжительности жизни граждан.

Для выявления условий появления партизан обратимся к идеям Роберта К. Мертона, который выделил две силы, формирующие аномию. Одна опосредуется культурой и устанавливает сферу устремлений групп и индивидов, а вторая связана с конкретной социальной структурой общества и определяет перечень приемлемых для него способов достижения целей [11]. В таком контексте область политического является пространством деятельности и инструментом воздействия уже не столько социального института, сколько отдельной личности. Личность в условиях политико-правовой неопределённости и аномии выступает на первый план. Она остаётся единственным актором, поскольку в ситуации аномии индивид уже не имеет возможности репрезентировать государственную власть или полагаться на действия оной. От него требуются особые «чрезвычайные» решения. Обстоятельства толкают его на принятие личных решений, исходя из собственного видения конкретной ситуации и не брать в расчёт существующие правила и нормы.

В стандартной ситуации не имеет особого значения, кто конкретно является сувереном, ведь от него не требуется принятия экстраординарных решений, а его обычные указания исполняются в силу добровольного подчинения нижестоящих лиц в соответствии с правилами и нормами. Подчинение, и, следовательно, исполнение указаний суверена обеспечивается установленной процедурой (правовой или основанной на традиции).

Примерами вышеизложенных тезисов служат современные государства западной демократии. В них популярность высшего должностного лица иногда значительно падает, однако это мало влияет на исполнение его распоряжений государственным аппаратом. В том числе и в части проведения военных операций.

Всё происходит иначе в ситуации политико-правовой неопределённости, когда аномия возрастает настолько, что позволяет отдельным лицам и даже группам лиц игнорировать распоряжение суверена и проводить порою открыто собственную политику, а суверен не в состоянии стандартными процедурами мирного времени это пресечь. Здесь и возрастает роль личности. *Суверен вынужден или быть властью, или же уйти.*

Сошлёмся на украинский опыт Виктора Фёдоровича Януковича, который не смог подтвердить свой статус суверена; на ливийский опыт полковника Муамара Каддафи, который проиграл гораздо более сильному противнику,

но оставался политическим актором и претендовал на роль суверена до конца; на сирийский опыт президента Башара Хафеза аль-Асада, который продолжает быть сувереном, подтверждая свой статус четырьмя годами войны; на опыт ГКЧП, члены которого, хотя и приняли политическое решение в условиях нарастающей государственной политико-правовой неопределённости, но авторитета, воли и решимости которых не хватило для претворения его в жизнь; на пример Бориса Николаевича Ельцина, который в отличие от В.Ф. Януковича, в октябре 1993 г., на пике противостояния с Верховным советом России, отдал приказ о штурме Белого дома, тем самым утвердив свой статус действительного суверена.

Решение суверена особенно в условиях политико-правовой неопределённости – это не решение какого-то общественного института, а всегда решение конкретного индивида. Впрочем, иногда эти полномочия берутся явочным порядком, ведь «*в чрезвычайном случае уничтожается норма*» [18, с.25]. *Суверенитет – это не столько установка норм, сколько способность принятия решение об их упразднении* [17]. *Собственно с упразднения старой нормы и начинается новый суверенитет.*

К. Шмитт, следуя за Т. Гоббсом, полагал суверена не только институтом или элементом исследовательской модели, но подразумевал тесную связь суверена с конкретной личностью, считал значимым атрибутом суверена волю и необходимость его персонификации [14, 18, 20].

Из вышеизложенного следует, что *соответствующее суверенное решение может принять любое частное лицо, если обстоятельства сложатся таким образом, что это решение станет возможным.* И если в обычных условиях ничего подобного не происходит и не может произойти – работает правовая норма и соблюдается (защищается) правопорядок, то ситуация политико-правовой неопределённости и аномии такую возможность предоставляют.

Таким образом, отправными положениями для понимания социально-политического феномена партизана, мы полагаем уменьшение значения рутинных процедур и норм традиции в поведении и во взаимодействии индивидов и социальных структур общества при возрастании роли личностных качеств отдельного индивида в условиях социально-политической неопределённости в государстве и аномии общества.

Вернёмся теперь к рассмотрению конкретной ситуации, в которой появление партизана становится возможным. Мы знаем, что партизан появляется в процессе войны – попытке решить политический конфликт двух суверенов, достигший высшего состояния напряжённости и уже не имеющий возможности быть улаженным иным образом.

В процессе боевых действий значительная часть подданных одной из сторон конфликта

оказывается на оккупированной противником территории, где следует пока временная смена суверена. Происходит она без какого-либо участия со стороны проживающего там народа и без согласия его «старого» суверена.

Оккупированное население, не предпринимая никаких противоправных действий (причём с точки зрения обоих суверенов), не перемещаясь в пространстве, живя в той же местности и в том же окружении (этническом, социальном, религиозном, но *отнюдь не политическом*), занимаясь той же самой довоенной своей деятельностью, подпадает под чужую власть и поражается в политических и социальных правах.

Нахождение иностранных войск и право оккупационной администрации на распоряжение имуществом, свободой и жизнью местного населения не закреплено пока ни временными договорами между суверенами, ни основательными законами, ни местной традицией. Оно сомнительно и подтверждено только «штыком» – «правом сильного», которое всегда, хотя и принималось социумом, но вынужденно. Оно никогда и нигде не считалось по-настоящему сразу легитимным.

Таким образом, на оккупированной территории возникает ситуация неопределённой легитимности власти. Особенно в условиях, когда боевые действия не завершены и имеется действующий легитимный «старый» суверен. Статус последнего признаёт и оккупирующий суверен, поскольку ведёт против него вооружённую борьбу, по результатам которой намерен подписать некие фиксирующие взаимоотношения правовые документы. Причём не обязательно вся оккупированная территория перейдёт под нового суверена.

На оккупированной территории отсутствует норма взаимоотношения власти и общества (правовая или традиционная), принятая всеми сторонами конфликта, а значит, нет легитимного правопорядка. Этот факт неопределённости очевиден и суверенам. Собственно, в этом и состоит суть их столкновения – смена суверена, а значит и легитимного порядка на спорном земельном участке.

Право здесь наиболее явно ситуативно [18], т.е. оно базируется на конкретном частном решении конкретного уполномоченного оккупационным сувереном лица («комиссара действия», в терминах К. Шмитта [20]), в конкретной ситуации, исходя из личного, субъективного отношения его к складывающейся обстановке. Оно руководствуется самыми общими требованиями к принятию решения в условиях военного времени, т.е. «сообразно положению дел» [20].

Оккупирующий суверен, хотя и контролирует территорию и в силах навязать некие «собственные порядки», но по-настоящему не полагает её пока своей. Его «комиссары» действуют здесь как «чужие». В том числе проводя

изъятие имущества аборигенов и вывоз его на свою исконную территорию, либо используют для собственных нужд с компенсацией, устанавливаемой по собственному произволению. В отношении оккупируемого населения используется упрощённая процедура наказания, в которой порою отсутствует даже такой элемент как «следствие», не говоря уже о «защите». Существенно расширен перечень проступков, за которые следует смертная казнь. Подчёркнём, что это всё применяется к гражданскому населению не участвующему непосредственно в боевых действиях.

Иллюстрацией вышеизложенного может служить рассказ Валерия Павловича Свенцицкого «Шутка Лейтенанта Гейера» [16] по эпизоду Первой мировой войны. Во время реквизиции за деньги коров у польской крестьянки, немецкий лейтенант «добродушный смешливый толстяк», на её мольбы не делать этого, поскольку её дети могут умереть без молока, пошутил «*Это можно исправить: я велю их расстрелять - тогда коровы вам будут не нужны...*», – залившись после «*добрым, колыхающимся смехом*. Шутка так ему понравилась, что он повторил её по-немецки, обращаясь к ближайшему офицеру: - *Расстрелять этих малышей - тогда она за ненадобностью продаст нам коров*». Солдаты, восприняв эту шутку как приказ, расстреляли детей.

Таким образом, на оккупируемой территории вообще нет легитимной нормы, как таковой, а значит, там нет ни легитимного порядка, ни правопорядка, ни норм права, ни норм традиции, что является «питательной почвой» для впадения социума в аномию. Мы имеем настоящую длящуюся ситуацию, в терминах К. Шмитта, «*серьёзного положения*», обусловленного неопределённой политико-правовой легитимностью действующей оккупационной власти, и нерешённостью до конца вопроса о субъекте власти – наличием двух суверенов, претендующих на одну территорию. Именно комплекс этих факторов и определяет возможность появления партизана.

В этих условиях у жителей, попавших под оккупацию, имеются, три модели поведения: во-первых, можно принять данную ситуацию неопределённости как «нормальную» до окончательного её разрешения политическими акторами. И тут население выступает как совершенно пассивная и инертная среда, оставляя право решения своей судьбы за суверенами и заранее подчиняясь им. Оно полностью отдаётся на волю победителя, лишь надеясь на его милость. Собственно, именно к этому призывает Т. Гоббс, описывая хорошего подданного и условия смены им суверена [5].

Во-вторых, в той или иной степени поддерживать нового оккупирующего суверена, признав его своим и начать деятельно способствовать легитимации его власти и установления нового политического режима.

В-третьих, они могут, отказавшись признать ситуацию как «нормальную» даже временно, начать борьбу за возвращение «своего старого» порядка, «старого» политического, «старого» суверена и стать, таким образом, политическим актором.

Второй и третий варианты предполагают самостоятельный политический выбор, «*серьёзное*» политическое решение [12] исходящее, подчеркнём, из *политических интересов*.

Второй вариант – коллаборант. Он «изменяет» прежнему суверену и переходит к новому, не дожидаясь результатов войны, самостоятельно осуществив политическую дефиницию «друга» и «врага» в шмиттовском смысле. Таким образом, коллаборант уменьшает на данный момент для себя политическую неопределённость, выбрав выход из ситуации «чрезвычайного положения» – признание новой власти как истиной власти.

До войны, до возникновения политической неопределённости правом политического разделения на «друзей» и «врагов» обладал исключительно суверен. Подданный следовал за ним, в том числе и на войну с «врагами» суверена, всегда оставаясь зависимым участником конфликта. Он являл собою ресурс суверена, не принимая решения о начале конфликта, о его прекращении. Так Т. Гоббс в «Левиафане» [5] требует от подданных полного подчинения государю в общественных вопросах. Лишь за сувереном признаётся «*jus gladii*» – право меча и «*jus belli ac pacis*» — право войны и мира. Только суверен принимает окончательно решение по этим вопросам, сообразуясь со своим пониманием «*общественной пользы*». И даже более того: «*подданные не могут изменять форму правления*» и «*верховная власть не может быть потеряна*» [5, с.68-69]. Политическая внутренняя несамостоятельность населения, по-другому, политическое единство – один из основополагающих принципов построения устойчивого государства. Здесь же корень обоснования К. Шмиттом «конвенционной» войны как предпочтительной [21], как наиболее соответствующей сути понятия «политического» [12].

Характерным примером конвенционного конфликта может служить эпизод из Восточно-африканской компании Первой мировой войны. После неудачной попытки занять город Танге, важный порт Германской Восточной Африки, британский генерал-майор Артур Эдвард Айткен передал немцам медикаменты, в которых они нуждались, и письменно извинился за обстрел больницы в ходе боя. Немцы в свою очередь освободили пленных британцев [9].

К. Шмитт полагал и не без основания, что лучше бы политическое оставили в покое и не пытались деполитизировать политику, введя в неё (иначе – политизируя) мораль, этику, экономику и прочее, ибо «*сегодня самая страшная война ведётся только во имя мира, а самое бесчеловечное совершается лишь во имя человечно-*

сти» [19, с.57]. Он также относил политическое разделение, поддерживая в этом Т. Гоббса, преимущественно к внешней политике. Если же оно серьёзно проникает во внутреннюю политику, то следствием является гражданская война, в которой противоборствующие силы легко добираются до абсолютной вражды [2, 18, 19, 21].

Но коллаборант, начиная деятельно сотрудничать с оккупационным сувереном, принимает настоящее политическое решение – самостоятельно, сообразуясь со своей волей, он меняет суверена, т.е. лишает верховной власти одного, передавая её другому. Таким образом, коллаборант ставит под сомнение атрибутивность окончательного политического решения суверену, выказывая свои претензии на власть, как на нечто, принадлежащее ему искони и лишь добровольно передаваемое во временное пользование суверену, и которое он может в определённых обстоятельствах и по собственному желанию забрать у одного суверена и передать другому. По сути коллаборант ставит под сомнение суверенность суверена. Потому последний, принимая от него клятву верности, сильно рискует, развращая сердца и ослабляя дух своих «старых» подданных. Можно сказать, что коллаборант – это «не состоявшийся» партизан или уже «победивший» партизан, с одним отличием: собственно партизан не боится смерти и забвения. Тогда как для коллаборанта страх перед неизвестным – основной мотив поступков, причина его отчаяния, преодоление которого он видит через смену суверена.

Теперь полезно сравнить два исторических эпизода. Один с прусским генерал-лейтенантом Людвигом Йорком фон Вартенбергом приводит К. Шмитт [21]. Йорк командовал вспомогательными частями, приданными по соглашению прусского короля Фридриха Вильгельма II с Наполеоном I весной 1812 г. французской армии. Но в декабре того же года Йорк заключил с русским генералом-квартирмейстером Иоганном Карлом фон Дибичем знаменитое Таурогентское соглашение. Согласно ему, Йорк временно до окончательного решения своего короля, прекращал боевые действия против русских и отходил в нейтральную область Восточной Пруссии [8]. Тем самым, в условиях политико-правовой неопределённости, вызванной очевидным поражением Наполеона в войне 1812 г., Йорк, не взяв на себя право окончательного политического решения уровня суверена – определять политического «друга» или «врага», – поставил этот вопрос перед Вильгельмом II. В письме своему суверену Йорк спрашивал, должен ли он сражаться с «*действительным врагом*», т.е. с Наполеоном, или же король осуждает его поступок и тогда Йорк готов понести соответствующее наказание (мы рассматриваем здесь формальную сторону поступка генерала Йорка, а не мотивы его действий).

Но именно таков второй вариант поведения жителей оккупированной территории. Они

в условиях политико-правовой неопределённости, отдают право решения на усмотрение суверенов и «отходят в сторону», заранее принимают оное.

Сравним действия Йорка с действиями Пауля Эмиля фон Леттов-Фоберка, также немецкого офицера. После начала Первой мировой войны он, вопреки распоряжению губернатора германских колоний в Восточной Африке Генриха Шнее – т.е. вопреки воли суверена, которую фактически представлял «комиссар» Шнее, активно выступил против английских колониальных войск. С января 1915 г. Леттов-Фобек перешёл к тактике партизанской войны, которую с успехом вёл почти четыре года. Вёл, не имея никакой помощи, даже связи с Германией, рекрутируя бойцов из местных племён, вооружаясь исключительно за счёт противника. Активно маневрируя, непрерывно нападая на гарнизоны и населённые пункты «врага», Леттов-Фобеку удалось сковать до 300 тысяч войск Антанты и союзников. Лишь в ноябре 1918 г., узнав из документов пленного английского офицера о заключённом Германией перемирии, он с подчинёнными сдался, имея в своём распоряжении менее полутора тысяч бойцов [9].

В условиях политико-правовой неопределённости, вызванной началом войны, нарушением англичанами нейтралитета колоний, установленного на конференции 1884 г., обстрелом Дар-эс-Салама, Леттов-Фобек принял самостоятельное политическое решение: силовым путём сместил губернатора, сам возложил на себя всю полноту административной и военной власти в колониях и без распоряжения суверена начал вооружённую борьбу.

Фон Леттов-Фобек явил третий вариант поведения – партизана, который нас в дальнейшем и будет интересовать. Пример этого офицера интересен ещё и тем, что именно он возглавлял защиту порта Танге, в приведённом выше эпизоде «конвенционной войны». Спустя короткое время, в радикально изменившихся условиях, Леттов-Фобек в полной мере уже явил собою тип классического партизана [13]. От принятия самостоятельно политического решения начать боевые действия, помимо воли суверена до добровольного прекращения сопротивления после достижения определённых политических целей его сувереном. Т.е. сложившиеся вначале условия политической

неопределённости позволили Леттов-Фобеку, проявив личные качества, значительный период времени действовать как самостоятельный политический актор высшего уровня – вести войну. Снижение политической неопределённости, начало переговоров о мире, сузило пространство самостоятельного личностного решения, вновь начали работать правовые нормы и правила, это поставило перед Леттов-Фобеком вопрос о его политической субъектности. Как представитель классических партизан, не имея самостоятельного политического, он сложил оружие и вновь принял власть прежнего суверена, за интересы которого, по-своему им понимаемые, он вёл собственную войну.

Подведём краткие итоги. Можно утверждать, что партизан появляется, как один из типов реакция личности на возникающие социально-политические условия неопределённости в государстве, вызванные сомнением в легитимности актуального суверена и возрастающей аномии в обществе в связи с неспособностью и нежеланием нового суверена установить регулярный правовой порядок. Неопределённость в легитимности суверена и установленной им системы власти, является следствием перехода (или наличием серьёзной претензии) фактического, но не юридического, контроля над территорией от одного суверена к другому, в процессе острого политического противостояния – войны. В таких условиях стандартные правовые процедуры и целые институты общества не работают, вследствие чего в социуме нормы поведения и общие ценности размываются. Отдельный человек и даже группа не может быть уверенной в том, что её законные интересы будут соблюдены другими и защищены сувереном. Вследствие чего резко возрастает роль личности даже в рутинных делах, т.е. это относится не только к суверену или людям, наделённым им властными полномочиями, но и к каждому участнику обществу. Последнее позволяет части населения оккупированной территории не соглашаться с переменной «состава» суверена и принимать решение о начале самостоятельной вооружённой политической борьбы – стать партизанами. «Уход в партизаны» это попытка личности отстоять или защитить свою индивидуальность, теснейшим образом связанную с привычной социальной средой обитания.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Проблема политического в консервативной публицистике Карла Шмитта // Вестник ТГУ, Гуманитарные науки. История и политика. 2009. Вып. 7 (75). С. 350-356.
2. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня./ пер с фр. С. Денисова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
3. Афанасьев В.В. Карл Шмитт: общество и государство // Социология. 2012. №2. С.85-94.
4. Бёкенфёрде Эрнст-Вольфганг. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Логос. 2012. №5 (89). С.158-177.

■ Исследовательские статьи

5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
6. Гузикова М.О., Спиридонов Д.В. Лингвистическое описание идеологий: проблема методологий // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 105-112.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
8. Клаузевиц К. фон. 1812 год / Пер. с нем. А. К. Рачинского и М. П. Протасова, под ред. комдивов А.А. Свечина и С.М. Белицкого. М.: Госвоениздат, 1937. 242 с.
9. Леттов-Форбек П. фон Мои воспоминания о Восточной Африке // Заморские театры Первой мировой войны. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 582 с.
10. Лёвит К. Политический децизионизм // Логос. 2012. №5 (89). С.115-142.
11. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). / Пер. с франц. Е.А.Самарской. Ред. М.Н. Грецкий. Москва, Прогресс, 1966. С. 299-313.
12. Муфф. Ш. Политика и политическое. / Пер. с англ. И.И. Мюрберг. // Политико-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2008. С. 88-102.
13. Остроменский М.П. К теории партизана К. Шмитта: Эволюция партизана как социально-политического феномена // Свободная мысль. 2016. №4. С.65-76.
14. Рахшмир П.Ю. Децизионизм // Политическая теология Карла Шмитта. Жизненный путь радикального оппортуниста. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с. URL: http://society.polbu.ru/rahshmir_ideas/ch28_i.html. (дата обращения 11.05.2016).
15. Русакова О.Ф. Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта // Дискурс-Пи. 2013. №1-2. Т. 10. С. 266-269.
16. Свенцицкий В. П. Шутка Лейтенанта Гейера // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Даръ, 2008. С. 575-580.
17. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
18. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Заключ. статья и сост. А. Филиппов. М.: «КА-НОН-Пресс-Ц», 2000. 336 с.
19. Шмитт К. Эпоха деполитизации и нейтрализации // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. №2. С.48-58.
20. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; под ред. Д.В. Кузницина. СПб.: Наука, 2005. 306 с.
21. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. 309 с.

Об авторе

Остроменский Михаил Петрович – начальник отдела экономического развития и трудовых отношений администрации Ленинского района города Новосибирска. E-mail: ostrom06@mail.ru.

K. SCHMITT'S THEORY OF PARTISAN: SOCIO – POLITICAL EVENTUALITY OF PARTISAN

M.P. Ostromenskij

City administration of Novosibirsk, administration of Leninsky district, 6a Stanislavsky St., Novosibirsk, 630108, Russia.

Abstract: *Eventual socio-political conditions of the appearance of a partisan are considered. It is shown that the appearance of the partisan becomes possible when the socio-political uncertainty in the state and social anomie in society caused serious set into question the legitimacy of the sovereign. In such circumstances, falling value of public institutions, the rule of law and the rules of the routine, but the role of the individual and adopt independent decisions, in each case, increases. And increasing the area of independent ad hoc decisions. Such conditions arise in the occupied territory, especially in a situation of the continuing war. Besides, here indigenous people without taking any illegal actions, from the point of view of both clashing sovereigns, it is struck in the rights. All this makes a real opportunity to show the political subjectivity of the citizen, even with low social status. The behavior of the occupied population can follow three models: expectations of the solution of the conflict between sovereigns and the subsequent acceptance of its results as due - absolute majority population, the active help to the occupying sovereign for the purpose of the statement new political – the collaborator, active opposition of the occupying authority for the purpose of return former political – the partisan.*

Key words: Carl Schmitt, the theory of partisan, partisan, the sovereign, collaborator, decisionism, the concept of political, political and legal uncertainty, war, anomaly.

References

1. Artamoshin S.V. Problema politicheskogo v konservativnoi publitsistike Karla Shmitta [Problem of political in conservative journalism of Karl Schmitt]. *Vestnik TGU, Gumanitarnye nauki. Istorii i politika*, 2009, no. 7 (75), pp. 350-356. (In Russian).
2. Alain de Benoit. Carl Schmitt actuel. Paris, Editions Krisis, 2007. 162 p. (Russ. ed.: Alen de Benua. *Karl Shmitt segodnia*. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2013. 192 p.).
3. Afanas'ev V.V. Karl Shmitt: obshchestvo i gosudarstvo [Karl Schmitt: society and state]. *Sotsiologiya*, 2012, no.2, pp.85-94. (In Russian).
4. Bekenferde Ernst-Vol'fgang. Poniatie politicheskogo kak kliuch k rabotam Karla Shmitta po gosudarstvennomu pravu [Concept political as key to Karl Schmitt's works on state law]. *Logos*, 2012, no.5 (89). pp. 158-177. (In Russian).
5. Hobbes T. *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil*, London, Green Dragon, 1651. 396 p. (Russ. ed.: Gobbs T. *Leviafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 478 p.).
6. Guzikova M.O, Spiridonov D.V. Lingvisticheskoe opisanie ideologii: problema metodologii [Linguistic description of ideologies: problem of methodologies]. *Politicheskaja lingvistika*, 2014, no. 4 (50), pp. 105-112. (In Russian).
7. Durkheim E. *Le suicide*. Paris, F. Alcan, 1897. 462 p. (Russ. ed.: Diurkgeim E. *Samoubiistvo: sotsiologicheskii etiid* [Suicide: sociological etude]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p.).
8. Clausewitz C. *Der feldzug 1812 in Russland und die befreiungskriege von 1813-15*. Berlin, F. Dümmler, 1906. 505 p. (Russ. ed.: Klauzevits K. *fon. 1812 god / Translated by A. K. Rachinsky & M. P. Protasov*, ed. by A.A. Svechin & S.M. Belitsky. Moscow, Gosvoenizdat Publ., 1937. 242 p.).
9. Lettov-Forbek P. fon Moi vospominaniia o Vostochnoi Afrike [My memories of East Africa]. *Zamorskie teatry Pervoi mirovoi voyny* [Overseas theaters of World War I]. Moscow, AST Publ., 2003. 582 p. (In Russian).
10. Lowith K. Politicheskii detsizionizm [Political decisionism]. *Logos*, 2012, no.5 (89), pp.115-142. (In Russian).
11. Merton R.K. Social Structure and Anomie. *The sociology of crime and delinquency*. Ed. by M. Wolfgang, L. Savitz, N. Gohnston. New York – London, 1962. 423 p. (Russ.ed.: Merton R. K. *Sotsial'naia struktura i anomiiia, Sotsiologiya prestupnosti* (Sovremennye burzhaznye teorii). Transl. by E.A.Samarskaya. Ed. by M.N. Getskii. Moskva, Progress Publ., 1966, pp. 299-313).
12. Mouffe Ch. *On the Political*. London, New York, Routledge Publ., 2006. Pp. 8–21, 29–34. (Russ. ed.: Muff. Sh. *Politika i politicheskoe*. Transl. by I.I. Miurberg. *Politiko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow, IF RAN Publ., 2008, pp. 88-102.).
13. Ostromenskii M.P. K teorii partizana K. Shmitta: Evoliutsiia partizana kak sotsial'no-politicheskogo fenomena [To the theory of the partisan K. Schmitt: Evolution of the partisan as socio-political phenomenon]. *Svobodnaia mysl'*, 2016, no. 4, pp.65-76. (In Russian).
14. Rahshmir P.Ju. Detsizionizm. Politicheskaiia teologiia Karla Shmitta. Zhiznennyi put' radikal'nogo oportunista [Political theology of Karl Schmitt. Course of life of the radical opportunist]. *Idei i liudi. Politicheskaiia mysl' pervoi poloviny XX veka*. Perm', Perm. Uni Publ., 2001. 272 p. URL: http://society.polbu.ru/rahshmir_ideas/ch28_i.html (Accessed 11.07.2016). (In Russian).
15. Rusakova O.F. Detsizionizm kak bazovyi kontsept konservativnogo diskursa K. Shmitta [Detsizionizm as basic concept of a conservative discourse of K. Schmitt]. *Diskurs-Pi*, 2013, no. 1-2, vol. 10, pp. 266-269. (In Russian).
16. Svetsitskii V. P. *Shutka Leitenanta Geiera* [Joke of the Lieutenant Geyer]. URL: http://az.lib.ru/s/swencickij_w_p/text_0453_geier.shtml (Accessed 11.07.2016). (In Russian).
17. Shmitt K. Poniatie politicheskogo [Concept of political]. *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1. pp. 37-67. (In Russian).
18. Shmitt K. *Politicheskaiia teologiia*. Sbornik. [Political theology]. Moscow, KANON-Press-C Publ., 2000. 336 p. (In Russian).
19. Shmitt K. Epokha depolitizatsii i neutralizatsii [Era of a depoliticization and neutralization]. *Sotsiologicheskoi obozrenie*, 2001, vol. 1, no. 2. pp. 48-58. (In Russian).
20. Shmitt K. *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by* [Dictatorship. From sources of modern idea of sovereignty before proletarian class fight]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005, 306 p. (In Russian).
21. Shmitt K. *Teoriia partizana. Promezhutochnoe zamechanie k poniatiiu politicheskogo* [Theory of the partisan. The intermediate remark to concept of political]. Moscow, Praksis Publ., 2007, 301 p. (In Russian).

About the author

Ostromenskij Mihail Petrovich – Head of department of economic development and employment relationships of administration of Leninsky district of the city of Novosibirsk. E-male:ostrom06@mail.ru.

КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВВ.

А.В. Скиженок

Аналитический центр святителя Василия Великого. Россия, 117292, Москва, ул. Кедрова, д. 4.

Преобразования во внутренней и внешней политике государств, произошедшие в Новое время, невозможно свести к простой совокупности изменений в тех или иных сферах жизни стран и народов. Изучая переход от одного к другому типу государственности, мы имеем дело с принципиальной трансформацией всего государственного организма, государства как феномена культуры, с изменением самого представления о том, что такое государство и каковы его цели, задачи и функции.

В России данные изменения протекали со своей культурно-исторической спецификой, которая во многом обусловлена религиозностью нашего народа, уходящей корнями в православие. Возникает вопрос, как культурно-историческая и религиозная идентичность русского народа повлияла на ход преобразований в сфере государственного устройства России в Новое время. В фокусе статьи находится внешнеполитический курс российского государства XVII–XVIII вв., строившийся, как доказывает автор, на основе культурно-религиозных ценностей.

Автор стремится обосновать мысль о том, что российская государственность, сформировавшаяся после преодоления Смуты и церковного раскола XVII в., сразу явилась примером подлинно имперской государственности, понимаемой как новый центр восточно-христианского мира.

В предшествующие века Россия столкнулась с крушением каркаса ойкумены, частью которой она себя позиционировала: Ферраро-Флорентийский собор и крах Византии – две вехи на пути разрушения основы той культурно-религиозной идентичности, которая являлась фундаментом российской государственности как части православного мира. Находясь перед лицом возможной дезинтеграции в культурно-историческом пространстве, Россия сумела воплотить в формах собственной культуры и государственности всю полноту идеи православной христианской ойкумены и возродить идею рухнувшей империи. Это великое и последнее в истории свершение было выражено в усвоении Россией лучших принципов восточно-христианской византийской государственности, сегодня именуемых исследователями «политическим исихазмом» или «синергийным примыкающим слоем».

Ключевые слова: Россия, Русская православная церковь, история международных отношений, раскол, модернизация, абсолютизм, идеология.

Целью данного исследования является определение влияния культурно-исторической и религиозной идентичности русского народа на трансформацию российской государственности в целом и на его внешнюю политику в частности в XVII-XVIII вв. На этом этапе своей истории Россия, продолжив воспринимать внешнюю политику как служение высшим духовным ценностям и нравственному идеалу православной веры в масштабах всего мира, значительно продвинулась в расширении своих дипломатических контактов и усилению своей внешнеполитической позиции за счёт обретения самостоятельных нравственных основ гражданской солидарности народа и воли к самоорганизации. Революция в феврале 1917 г., а затем крах СССР в 1991 г. стали двумя этапами одного процесса – постепенной потерей России её исконных основ государственности, укоренённой в православной духовной и нравственной традиции.

Исследование исторических истоков российской внешнеполитической идентичности обращает нас к периоду, когда российское государство стало противопоставлять агрессивным стремлениям извне собственную модель политического и идеологического развития. Таким временем в истории России стало XVII столетие, начавшееся с преодоления династического кризиса и интервенции ряда европейских держав и окончившееся формированием российской государственности нового типа, опиравшейся на административный аппарат и самодержавие как высшую форму народовластия. При государственности данного типа общество достигает такой консолидации, что его полнота находит отражение своей воли в одном лице. В ту же эпоху произошло формирование двух приоритетных направлений внешней политики, которые и в дальнейшем определяли внешнеполитическую идентичность России.

Первым таким направлением стало усиление позиций России на Ближнем Востоке. Его важность для российского государства напрямую исходит из практики церковно-государственных отношений. Ближний Восток как колыбель христианства, находившаяся под турецким владычеством, неизменно побуждал Россию прилагать усилия по освобождению этих земель от владычества Османской империи, защищать права и интересы православных христиан в регионе, бороться за независимость православных церквей и их территорий от османов.

Вторым направлением внешнеполитической идентичности России станет Северная Европа, тесные взаимоотношения с которой сулили России военно-техническое, хозяйственное и экономическое благополучие. Страны Северной Европы – Швеция, Дания, Голландия, Англия, Шотландия – были одной из наиболее развитых в экономическом, техническом и административном плане частей Старого света.

Установление тесных контактов с этими государствами, близкими России и географически, также превратилось в один из фокусов российской внешнеполитической идентичности. Последовавшее объединение Англии и Шотландии и формирование Британской империи обусловило выход российско-британских отношений на принципиально новый уровень: от взаимного тяготения и торгово-технического обмена к геополитическому противостоянию двух империй. Однако именно схожестью исторических судеб и геополитической близостью можно объяснить как первоначальный взаимный интерес, так и последовавший антагонизм российской и англо-саксонской внешнеполитических идентичностей.

Оба вектора внешнеполитической идентичности сохраняют своё определяющее значение для внешней политики России и сегодня. На протяжении последних четырёх столетий карта мира значительно изменилась: возникли новые государства и негосударственные участники международных отношений. Изменилась система международных отношений, её принципы и основания. Изменилось само государство как таковое. Однако ближневосточное и западное направление остаются геополитическими константами российского внешнеполитического курса. Их приоритет определяется ролью, которую они играли в период формирования российской внешнеполитической идентичности.

Затрагивая вопрос формирования внешнеполитической идентичности России, необходимо коснуться вопроса культурно-исторических и духовно-нравственных начал государственности в целом, в том числе и государственности российской.

Согласно утверждению Макса Вебера, «религиозные идеи не могут быть просто дедуцированы из экономики. Они в свою очередь, и это совершенно бесспорно, являются важными пластическими элементами «национального характера», полностью сохраняющими автономность своей внутренней закономерности и свою значимость в качестве движущей силы» [2; 266]. На этих же позициях стоит и автор данной статьи. Чтобы разобраться в сути процессов формирования, становления, развития и трансформации тех или иных социальных и государственных институтов, необходимо определить элементы духовной культуры и религиозной веры данного народа, которые лежали в основе формирования этих институтов.

Для рассмотрения духовно-нравственных истоков формирования внешнеполитической идентичности России обратимся к краткому экскурсу в историю православной мысли XIV столетия. Это время было отмечено чрезвычайным всплеском интеллектуальной активности народов Европы и обострением нравственного поиска в области богословия и гуманитарного знания.

В западной Европе это время стало временем Возрождения, эпохи Ренессанса, когда прежние богословские и философские категории, оставленные в наследие потомкам ещё античным миром, стали внезапно оживать и принимать новые формы рецепции в принципиально новом культурно-историческом контексте.

На Востоке это время стало временем фундаментальных открытий в области богословия и философии, которые позволили обосновать идентичность восточно-христианской самобытности и определили дальнейшую судьбу Римейской империи как самостоятельной духовной и нравственной мировоззренческой парадигмы, отличной от западной.

В середине века в Константинополе разразились ожесточённые богословские дискуссии, вошедшие в историю христианской мысли под названием паламитские споры. В центре дискуссии стоял вопрос о способности человека постигать Бога и окружающую реальность объективно, верно и истинно и во всей её полноте. Поводом к возникновению споров стали высказывания православного богослова и церковного деятеля Варлаама Калабрийского. Варлаам долгое время изучал античную философию и пришёл к выводу о том, что между человеком и Богом, а также между человеком и окружающим его миром существует граница, которая не позволяет человеческому разуму составить адекватное, правильное и полное представление о Боге и о человечестве. Как следствие, философия и богословие занимаются достижением не абсолютной, а относительной истины, достаточной для того, чтобы познать невозможность достичь подлинного богопознания и стать членом Церкви, механическое послушание которой восполняет недостающее знание человека и восстанавливает присущие его гностическим способностям дефекты.

Это учение было не просто частным богословским мнением отдельного учёного богослова, много лет прожившего в Западной Европе и увлекавшегося западноевропейским учением номиналистов об априорной ложности и относительной истинности любого высказывания. Это учение было поддержано императором и патриархом с мыслью о том, что такое учение будет близко утвердившейся парадигме апофатического богословия и беспрекословного послушания Церкви на западе, в Риме. Сближение богословских позиций хотели представить веским аргументом в пользу скорейшего примирения Константинопольской кафедры и Римской курии и организации крестового похода римских войск против турок, грозивших Византии очередным вторжением и завоеванием. Интересно, что именно с этой целью император неоднократно инициировал богословские диалоги с Ватиканом, представителем Константинополя на которых в 30-40 гг. XIV в. выступал именно Варлаам Калабрийский.

Учение Варлаама действительно было решительным шагом Константинополя в сторону радикального сближения богословских позиций с Римом и последующего признания правоты западно-христианского богословия. Поддержка множества иерархов Церкви в Константинополе и его видимая логичность сделала учение Варлаама неотразимым с точки зрения рационального смысла и внутренней линейной логики, а внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка подталкивала к принятию его учения. Однако на пути у западного богословия в Византии встали монахи Афона во главе с главным проповедником нового учения о богопознании и познании как таковом Григорием Паламой. Его выступление стало ответной реакцией на деятельность Варлаама Кантабрийского, уже начавшего доминировать в церкви.

Согласно учению Григория Паламы, подлинное, объективное и цельное познание Бога, человека и окружающего мира возможно благодаря подлинному единению полноты Божественного и человеческого в Господе Иисусе Христе. Божественное и человеческое, вечное и временное соединились нерасторжимо во всей полноте. Но и в этом полном, нерасторжимом и всецелом единстве Божественного и тварного не произошло смешения с потерей субъектности. Божественное во Христе соединяется с человеческим неслиянно и нераздельно. Также неслиянно и нераздельно существует божественное и человеческое начало в жизни Церкви. Эта мысль напрямую вытекала из богословской интуиции, утверждённой паламитами. Отныне любое уклонение от этого антиномичного равновесия единства и субъектности в божественном и человеческом началах жизни церкви, империи, народа и духовной и нравственной жизни личности ведёт к искажению начала жизни и потере истинного понимания Бога, человека и окружающего мира.

В 1341 г. Константинопольский собор утвердил учение Григория Паламы как единственно истинное учение церкви в отношении о нетварной энергии Бога и истинной природе богообщения и богопознания.

Это богословское решение имело одно из самых мощных воздействий на последующую историю Византии, России, всей восточной Европы. Союз с Римом оказался внутренне невозможен, победа турок и падение Константинополя – неизбежными. Византийская церковно-политическая элита не восприняла учение Григория Паламы во всей его полноте. Воспитанная на мощных традициях неоплатонизма, на богатейших философских школах Древней Греции и Рима, тяготевшая к философской методологии античности, Римейская империя в лице многих своих представителей тяготела к западному богословию эпохи Ренессанса. Контакты с Римом продолжились, поиск союзнической помощи римского папы,

а также желание восстановить каноническое и догматическое общение с Римской курией имело большое значение для богословского самочувствия Константинопольской церкви. Однако внутреннее тяготение к стилю религиозного мышления западных богословов не снимало тех противоречий между Востоком и Западом в понимании христианства, которые учение Григория Паламы о Нетварном Свете предельно заострило и поставило во всей бескомпромиссной полноте.

Таким образом, после попытки объединения Константинопольской церкви с Римской курией на Ферраро-Флорентийском соборе, возникнет глубочайший внутренний раскол византийского общества. Этот раскол будет столь существенным, что Ромейская империя не переживёт внутреннего потрясения и падёт.

Влияние паламизма на историю культуры и государственности было столь чрезвычайным и значительным, что современные исследователи говорят о существовании такого специфического культурно-исторического явления как «политический исихазм». Этот термин впервые ввёл в научный оборот наш соотечественник, историк Г.М. Прохоров. В его работах под этим термином подразумевается то, что явления богословской и экклезиологической жизни народа такого масштаба как торжество учения Григория Паламы о Нетварном Свете с неизбежностью оказывают определяющее влияние на философскую мысль, идеологию, эстетическое творчество, этические воззрения и политическую жизнь своих современников и последующих поколений [15].

Сергей Хоружий, критикуя термин «политический исихазм», предлагает употреблять термин «примыкающий слой» относительно тех явлений общественной жизни, на которые оказало своё влияние учение о Нетварном Свете. К числу этого «примыкающего слоя» можно отнести и теорию и практику выстраивания общественно-государственных отношений, которые претерпевают значительное видоизменение вместе с осмыслением новой «синергической антропологии» [20].

К числу «примыкающего слоя» исихастических духовных практик исследователь относит и то, что в Византии, а затем и в России возникает идея неслиянного и нераздельного существования государственной и церковной власти. По аналогии двух самостоятельных природ, полностью единых и неделимых и в то же самое время субъектных, неслиянных, в личности богочеловека Господа Иисуса Христа, державное начало неслиянно и нераздельно сосуществует с церковным началом в жизни народа. Вообразить границу, где церковь и государство расходятся или переходят друг в друга, согласно этому пониманию, не представляется возможным. Достаточно знать, что где-то в теории эта граница должна быть и она есть, так как церковь и государство едины, но не-

слиянны. Так сформировалось представление об отдельном, но едином началах правления церковного и государственного, нравственного и правоохранительного начала в жизни общества, которое с высокой долей условности принято называть «симфонией властей».

Выдающийся отечественный историк Церкви и православный историософ М.В. Зызыкин выражает это явление «политического исихазма» и его влияния на «примыкающий слой синергической антропологии» такими словами: «Не то что Сам Император не вмешивался в дела Церкви согласно собственному разумению, но и сами государственные законы он преобразовывал в духе Церкви» [4].

Однако куда более важным является то, что для того, чтобы соответствовать «симфонии властей», император не обязан был быть глубоко религиозным, проводить своё время в монастырях и на богомолье, и отстраняться от принятия ответственных политических решений. Он обязан следовать имперской парадигме государственности, столь же чётко выраженной в опыте построения империи как модели организации жизни народов Вселенной, как чётко очерчены границы Вселенской Православной Церкви с её служением во всех народах всей земли.

Однажды В.А. Моцарт сказал: «Самое счастливое время в моей жизни наступает тогда, когда я слышу одновременно в моей голове четыре части своей симфонии» [См.: 23]. Однако четыре части симфонии – самостоятельные музыкальные произведения, слышать которые одновременно невозможно в силу абсолютного различия музыкальных картинок, ритма, мелодии, даже состава инструментов и жанра. Однако именно в единстве различных частей и состоит симфоничность академической музыки. С естественной точки зрения слышать ухом четыре части симфонии одновременно невозможно. Однако возможно, если слух композитора имеет сразу четыре измерения, в каждом из которых одновременно звучит каждая часть симфонии: разная для одного измерения и тождественная во всех четырёх частях в разных измерениях. Так и симфоничность церковности и державности заключается не в перенесении религиозных категорий в государственное управление, а управленческих подходов – в жизнь церкви. Такое подражательство – плод беспомощности в осознании и освоении церковно-государственной традиции сотрудничества, освящённой веками. Подлинная симфония церкви и царства – это достижение ими полноты в развитии своего служения, не стремящегося к объединению усилий, разных по характеру, форме и внешнему виду, но внутренне единых в духе.

Понятие православного самодержавия – это не просто определение некоей формы правления, которое можно вписать в ряд прочих форм правления, таких как парламентская мо-

нархия или республика. Православное самодержавие – это самостоятельная категория православной историософии и идеологии. Корень возникновения этой категории находится в области учения Григория Паламы о Нетварном Свете, который, происходя в области духовной, привлекает к Себе всю материю и весь человеческий интеллект. Православное самодержавие рождается в свете этого просвещённого сознания. Оно существует неслиянно и нераздельно с церковным началом жизни народа. Нельзя провести грань, где заканчиваются границы Церкви и начинаются границы державы при православном самодержавии. Но нельзя также и смешать церковную жизнь с жизнью православного самодержавия. Православная вселенская церковь и православное самодержавие существуют в двух плоскостях исторического бытия. Эти плоскости не смешиваются и не разделяются. То, что в плоскости церковной жизни осуществляется как чистота веры и стояние в Истине, в плоскости самодержавия реализует себя как воля к суверенитету, защита здравых оснований справедливого суда и нравственного начала вместе с восприимчивостью под своё начало любой народ мира. Наоборот, то, что в церковной плоскости осуществляет себя как модернизм, экуменическое предательство веры и догматический синкретизм, а также падение нравственности, в плоскости самодержавия, державного строительства отражается потерей суверенитета, несправедливым судом, коррупцией, расшатыванием системы власти, потерей организующего начала государственности. Именно в рамках рассмотрения самодержавия как плоскости исторической жизни народа в мировой истории, нераздельной и неслиянной с плоскостью церковной жизни, мы рассматриваем здесь вопрос культурно-религиозного измерения внешней политики России и формирования её внешнеполитической идентичности.

Касаясь темы формирования российской внешнеполитической идентичности и того, в какой момент отечественной истории мы можем говорить о её зарождении, определимся со значением данного термина. Внешнеполитическая идентичность России понимается нами как культурно-религиозное самосознание политической элиты, определяющее необходимость обеспечить независимость государства путём укрепления централизованной власти и найти возможность утвердить Россию в качестве империи в системе международных отношений.

У истоков формирования российской внешнеполитической идентичности в XVII в. стояла Русская православная церковь. В 1612–1613 гг. она внесла колоссальный вклад в преодоление Смуты, сохранив свою структуру и единство. Принципиальной позицией и решительными действиями своих представителей Церковь обеспечила целостность русского народа и сохранение российской государственности,

определив возрождение России как независимого и самобытного государства.

После преодоления Смуты Русская православная церковь (РПЦ) оказалась самостоятельной и могучей силой, направляющей и определяющей вектор общественной жизни и путь развития государства.

Активно развивалась церковная дипломатия, расширялись и формализовывались отношения с представителями православных народов и церквей. Церковная дипломатия России XVII в. имела ярко выраженное ближневосточное звучание, так как особое место в международных связях Московского патриарха традиционно занимали связи с Константинопольскими, Иерусалимскими и Антиохийскими патриархами, чьи епархии находились под властью Османской империи. Ширились связи с православными общинами Сербии, Греции и Болгарии, также переживавшими период турецкого владычества. Были установлены контакты с православными епархиями Молдавии. Доминантой церковного мировоззрения во внешней политике оставались отношения с Малороссией и западнорусскими землями, принадлежавшими Речи Посполитой.

В 1620-е гг. состоялся визит патриарха Иерусалимского Феофана в Москву [18, с. 409], открывший череду визитов восточных патриархов в течение почти всего XVII в. В середине века визит в Москву Константинопольского патриарха Афанасия III [18, с. 416] обозначил контур проводившейся Никоном церковной реформы, которая затронула все сферы общественно-политической жизни России.

Особое место в становлении культурно-религиозной идентичности российской внешней политики заняла Переяславская Рада с последовавшим присоединением к России части православных земель Левобережной Украины. Примечательно, что решение о включении Малороссии и Запорожья в состав России и начало войны с Речью Посполитой за эти территории стало общим решением церкви, государства и народа, последним по-настоящему соборным актом в политической истории России. [11, с. 51].

Земский собор был уникальным произведением отечественной общественно-политической и религиозной мысли, в течение столетия обеспечивавшим единение церковного и государственного векторов развития общества, легитимацию жизненно важных решений царя и думы, в некотором роде – инструментом сакрализации государственной власти в России, приобретавшим тем большую роль в общественно-политической жизни, чем более ослабевала центральная государственная власть в периоды кризисов и потрясений.

Собор возглавлял царь, элита тогдашнего российского общества, а также патриарх и все иерархи, епископы и высокопоставленное духовенство. В работе Собора принимали уча-

стие представители всех остальных служилых сословий, съезжавшихся со всех территорий российского государства [Там же]. Земский собор представлял собой государственно-религиозный орган управления страной и обществом, обеспечивая единство государства и церкви, народа и власти.

В приведённой ниже таблице даны примеры того, как внешняя политика России XVII в. испытывала на себе влияние культурно-религиозного фактора.

В короткий, но интенсивный период правления патриарха Никона церковь стремилась встать в авангард просвещения общества. Ещё в 1640-е гг. возникло «Общество ревнителей благочестия» под руководством близкого царю боярина Ртищева. Общество объединяло в будущем непримиримых противников – женатых священников протопопа Аввакума и протопопа Ивана Неронова – с будущим патриархом, а тогда архимандритом Ново-Спасского монастыря Никоном. В рамках деятельности «Общества» был впервые поставлен вопрос о необходимости народного просвещения в России [См.: 12].

Церковь была к тому времени одним из крупнейших землевладельцев [1, 147-148]. Крупные монастырские угодья стали реальной хозяйственной силой и фактором веса в глазах общества и власти в условиях формирования общего национального рынка и экономического пространства России.

В момент, когда царь, вдохновляемый решениями Земского собора, отправился во главе русских войск воевать с Речью Посполитой за возвращение Малороссии в состав российского государства, патриарх Никон остался в Москве безраздельным правителем [Там же].

Казалось, настал апогей земного могущества церковной иерархии, эпоха торжества церковной дипломатии, определявшей внешнюю политику страны. Однако в своём стремлении к укреплению позиций в политической жизни страны Никон столкнулся с потерей внутренней стабильности в Церкви. Тяга к укреплению авторитета патриарха в обществе и усилению его роли в административной системе вызвали необходимость перемен в церковной жизни.

Однако, согласно самим изначальным основам православного мировоззрения, церковная иерархия не должна не только оказывать прямого влияния на принимаемые политическим руководством страны решения, но и в принципе переносить принципы державного строительства на ниву церковного делания.

Внутри Русской православной церкви стал назревать кризис. Повод для его возникновения нашёлся довольно быстро. Реформа богослужебного языка, попытка унификации церковной жизни, выстраивание жёсткой иерархической соподчинённости всех элементов церковной иерархии в структуре духовенства и прочие меры, проводившиеся патриархом Никоном, привели к одному из самых драматичных событий в истории русской православной церкви [5].

В церкви произошёл глубокий и непримиримый раскол. Часть общества, духовенства и мирян решительно отказались принимать нововведения Никона и его сторонников. Хотя эти нововведения ассоциировались с обрядовой стороной богослужебной деятельности, по сути решался вопрос власти и авторитета церкви в русском обществе [14].

Несмотря на то, что на первый взгляд события церковной жизни 50-60 гг. XVII в. явились страшным потрясением именно в плоскости церковной жизни русского народа, мы можем судить об их характере в истории церкви с точки зрения тех событий, которые в скором времени охватили российскую государственность. На сегодняшний день с высоты XXI в. мы можем с уверенностью сказать, что именно в середине века XVII закладывались те основы русской самодержавной государственности, которые приведут к возникновению великой российской империи в будущем. И в то же время – все исходные предпосылки для грядущего краха православного самодержавия в России и трагической судьбы русского монарха в XX в. также оказались внутренне сокрыты в исходных событиях формирования новой формы российской государственности в XVII в.

Однако имплицитно присущее российскому самодержавию антиномическое единство внешне несовместимых предпосылок к со-

«Земский дух» внешней политики России

№	Ценность	Внешнеполитическая акция
1.	Чистота православной веры, сопротивление западному влиянию	Преодоление Смутного времени и изгнание польского правительства из Москвы
2.	Единство православного мира	1. Провозглашение Москвы новым центром православного мира – «Третьим Римом» – и поддержка православных церквей Ближнего Востока 2. Реформа патриарха Никона, направленная на укрепление позиций Москвы в православном мире и сближение со странами православного Востока
3.	Единство русских православных земель, защита православных народов Европы и Ближнего Востока от мусульман Османской империи	Переяславская Рада, включение левобережной Украины в состав России и Великая война с Речью Посполитой. Участие России в военно-политических коалициях европейских стран, консолидировавших усилия в борьбе с Османской империей

■ Исследовательские статьи

зданию великой империи и её гибели тогда не представлялась заметной. Государственная власть ощущала потребность в выходе на мировую арену в качестве равноправного участника общеевропейской политической и экономической жизни. Ещё с середины XV в. у России начали складываться тесные экономические, дипломатические и военно-политические отношения со странами Северной Европы. С середины XVI в. постоянными торговыми партнёрами России стали Англия и Голландия. Царь Михаил Фёдорович стремился заключить брачный династический союз с представителями датской короны через брак своей дочери Ирины и принца Вальдемара. Для России это стремление к укреплению династических связей со странами протестантской Европы стало примером новых и самостоятельных ориентиров в построении внешнеполитического курса. Протестантская Швеция до этого не раз оказывалась близким России союзником в борьбе с католической Речью Посполитой.

Развитие международных отношений и дипломатических контактов с европейскими государствами стали суверенной задачей российской государственности, нашедшей собственное очертание вектора развития в истории, самостоятельного от предпочтений церковной иерархии, но проникнутого духом гражданского служения и державного начала в жизни народа.

Эти задачи решались уже в правление императора Петра I [См.: 13], объявившего своей стратегической задачей выход к берегам Балтийского моря, обеспечивающий развитие торговых и политических контактов с протестантской Европой, которая рассматривалась как основной источник технических новшеств для российской экономики.

Активные преобразования внутри страны сочетались с резкой активацией внешнеполитической деятельности России, так как к тому времени Россия уже стала неотъемлемой частью системы международных отношений в Европе и всякое действие внутри российского государства автоматически сказывалось и на действии за его пределами и наоборот.

В таблице, приведённой ниже, собраны некоторые факты внешнеполитической жизни российского государства конца XVII – начала

XVIII вв., отображающие изменение внешнеполитического курса страны.

Было бы неверным представлять себе реформы Петра I антирелигиозными или антицерковными. Он считал себя православным монархом, призванным защищать единоверцев на территории Европы и Ближнего Востока. Император продолжил линию своих ближайших предшественников по моральной и материальной поддержке церкви Ближнего Востока и Европы, находившихся под иностранным владычеством.

Ближневосточный и балканский векторы российской внешней политики уступили место североевропейскому вектору лишь на время Северной войны со Швецией, борьбы за выход к берегам Балтийского моря и строительства Санкт-Петербурга, т.е. в активную фазу модернизации всех сфер жизни российского общества по североевропейскому образцу.

Уже со второй трети XVIII в., превратившись во влиятельное европейское государство, Россия вновь вернулась к усилиям по распространению своего влияния на православные Балканы и христианский Ближний Восток. Екатерина Великая первой из числа российских правителей всерьёз вынашивала планы освобождения от турецкого владычества Босфора и Дарданелл, а также исторического Константинополя. Эти земли признавались исторически православными, принадлежавшими православной церкви и её пастве [3].

В XIX в. Россия несколько раз вела кровопролитные войны с Османской империей. В подавляющем большинстве случаев поводом и реальной их причиной была защита православных народов, сохранение их культуры, национальной самобытности, права на существование. Своими действиями Россия подтверждала статус покровительницы всех православных христиан в мире и реализовывала себя в качестве империи, предлагающей альтернативную парадигму развития общества на принципах, основанных на морали восточно-христианской церкви [5].

Перемены во внешнеполитическом курсе российского государства произошли в XX в. После революционных событий 1917 г. с последовавшими годами перемен и лихолетий российская дипломатия на продолжительный

Таблица 1.

Абсолютистская бюрократия и внешняя политика

№	Ценность	Имплементация
1.	Модернизация в военно-технической сфере	Установление тесных торговых и дипломатических отношений с Англией, Швецией, Данией, Голландией – странами с высоким уровнем промышленного и экономического развития.
2.	Модернизация экономики страны	Война со Швецией за выход к Балтийскому морю
3.	Современная система административного управления страной	Формирование бюрократических органов государственной власти и установление абсолютной власти монарха с опорой на бюрократический аппарат

Источник: составлено автором.

период отказалась от внешнеполитического курса, сформированного на протяжении предшествовавших столетий.

Появление целого ряда новых государств в результате распада трёх империй на европейском континенте, а главное, прихода к власти в России большевиков, стали причинами, определившими отказ Советской России от активной политики, направленной на поддержание прежних, дореволюционных центров силы – православных общин. Вплоть до начала второй мировой войны советская дипломатия была занята решением принципиально иных вопросов, мало интересующих проблемами православных христиан Центральной и Восточной Европы и Ближнего Востока.

Отношения с новыми государствами, такими как Королевство сербов, хорватов и словенцев, Венгрия, Польша и Чехословакия, привлекали внимание советской дипломатии раннего СССР. Однако в данном случае мы не можем говорить о преемственности, так как двусторонние отношения строились на принципиально иной основе. Религиозный и культурный факторы международных отношений не играли никакой роли. Дипломатия велась в иных целях и иными средствами, по-другому формулировались её задачи. Дореволюционная Россия была опорой православных народов, единым духовным и геополитическим центром притяжения православных народов. Советский Союз стал для новых государств Европы в лучшем случае одним из множества их партнёров.

Однако после окончания Второй мировой войны появилась тенденция к частичному возрождению традиционной внешнеполитической линии. По мере превращения Советского Союза в сверхдержаву и выхода СССР на мировую арену в качестве новой квазиимперии стало заметно, что государства, населённые православными народами, территории которых являлись исторически и культурно значимыми для России во все времена, становятся естественными союзниками СССР на внешнеполитической арене в условиях глобального противостояния со странами Запада.

Совпадение двух тенденций в развитии внешней политики России в дореволюционный и советский периоды, конечно, носит формальный характер. Не совпадали ни цели, ни средства, с которыми советская дипломатия выходила в регионы Ближнего Востока, как на Балканы. Иной была идеология и философия внешней политики. Отличались формы государственности новых стран и пути сотрудничества с ними. Однако трудно не заметить, по крайней мере, географического совпадения направлений развития внешней политики российского государства на протяжении трёх последних столетий. Стало явным, что государства, расположенные в юго-восточной и центральной Европе, а также на Ближнем Востоке, культурно ближе в Москве, чем к западному

миру. Это касается как социалистических стран ЦВЕ, так и просоветских режимов Ближнего Востока.

Таким образом, можно сделать вывод, что есть относительная и условная преемственность между внешней политикой российского государства на протяжении XVII–XX столетий, которая выражается в общей географии внешнеполитических приоритетов России при полном или частичном несовпадении их политической, идеологической, мировоззренческой и культурной интерпретаций.

На современном этапе мы наблюдаем процесс временного отчуждения стран юго-восточной и центральной Европы от России, их активной интеграции с Западом. Как и в первой половине XX в., этот процесс происходит на фоне упадка российского государства как глобального центра силы. Однако в последние несколько лет Россия стала активнее заявлять о своих интересах на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве, в Европе. И снова география внешнеполитических приоритетов полностью или во многом совпадает с той, которая была характерна для дореволюционной российской внешней политики. В той последовательности, которую мы проявляем в защите собственных интересов на территориях, исторически принадлежавших православному миру и по сей день являющихся его достоянием, есть проходящая сквозь века преемственность российской внешней политики.

В то же время невозможно не отметить, что современному российскому государству не хватает идеологического и культурно-религиозного оправдания своих притязаний на Балканах, в центральной Европе и на Ближнем Востоке. Не хватает чёткого осмысления духовных, религиозных, культурных и нравственных основ российской внешней политики, что делает попытки вернуть былое влияние в вышеперечисленных регионах недостаточно организованными и плохо обоснованными. Они направлены на решение тактических задач, но лишены стратегических целеполаганий, которые были основой внешнеполитической доктрины прежних столетий.

Современная внешнеполитическая доктрина российского государства исходит из модернистского представления о внешней политике как о преследовании интересов. Процитируем одно из заявлений президента Российской Федерации В.Путина 17 декабря 2015 г.: «Что касается таких понятий, как честь, достоинство, любовь, честность – это то, что, прежде всего, лежит в основе отношений между людьми. В отношениях между государствами имеют место быть интересы» [20]. Это заявление, сделанное в интервью российским СМИ, можно было бы считать отдельным высказыванием президента, если бы оно не было своеобразной квинтэссенцией внешнеполитического курса Российской Федерации. Современное российское государ-

ство прямо противопоставляет ценностям основам внешней политики исторической России новые ценности, авторитет которых пока не подтверждён никаким историческим опытом.

Мы говорили выше о том, что внешняя политика исторической России всегда исходила из библейской картины мира и основывалась на церковном мировоззрении. Конституция Российской Федерации отделяет церковь от государства и исключает возможность участия церкви и любых других религиозных объединений в формировании внешней политики.

В то время когда вопросы внешней политики в российском государстве подлежали ведению Земского собора и развивались в духе соборного решения народа – его правящих слоев, составлявших подлинную, а не условно именуемую, элиту общества – у российского государства была возможность выстраивать внешнеполитический курс согласно христианскому мировоззрению. Утрата соборности внешней и внутренней политикой России стала одним из тяжелейших ударов в российской истории рубежа XVII–XVIII вв. Вплоть до 1917 г. она компенсировалась соборностью православия, которое оказывало чрезвычайное влияние на государственную систему Российской империи.

Современные демократические институты призваны заменить и подменить собой соборность, через них происходит легитимация государственной власти, включая её внешнеполитические решения. Однако демократические ценности не преемственны ценностям соборности, а во многом даже противоположны им. Соборность – это единство всех в одном, а демократичность – это разделение общества на большинство и меньшинство. Соборность ставит в центр личность человека на основе добровольного единства всех, когда история Отечества переживается личностью как своя собственная. Демократия ставит в центр институт и избирательно возвышает одних над другими.

Внешняя политика исторической России была по-настоящему народной, то есть исходила из интереса русского народа и других народов России как культурных и духовных общностей. Внешняя политика Российской Федерации исходит из интересов политической нации как

группы людей, связанных между собой только формальным признаком гражданства. Так, Российская Федерация изъявила готовность защитить интересы абхазского и югоосетинского народов в 2008 г. перед лицом грузинской агрессии, обосновывая своё решение тем, что многие представители этих народов формально были гражданами Российской Федерации. Но по тому же формальному признаку Российская Федерация не предпринимает аналогичных действий по защите интересов русского народа на Украине.

Внешнеполитический курс исторической России был основан на сохранении пределов Отечества как земли, исторически являющейся достоянием русского народа и народов России. На протяжении столетий российское государство преследовало цель вернуть под свой контроль исторически русские земли, находившиеся под властью Польши, Речи Посполитой. Эти стремления сохранялись неизменными веками, так как исходили не из политической, экономической или любой другой конъюнктуры, а из самого понятия об Отечестве как о земле, данной народу Богом через предков. Внешняя политика была почвенной, земля – одним из самодостаточных факторов принятия внешнеполитических решений. Сегодня российское государство принципиально отказывается от апелляции к таким понятиям, как родная земля в отношениях с сопредельными государствами, многие из которых расположены на русской земле (это Белоруссия, большая часть Украины, Казахстана, и проч.).

Таким образом, можно сделать вывод, что современная внешняя политика Российской Федерации имеет некоторые черты формального сходства с внешнеполитическим курсом Российской империи, но в силу несовпадения её сущностных, базовых основ целеполагания, не может считаться вполне преемственной относительно внешней политики Российской империи. Переломными моментами, резко изменившими внешнеполитический курс России, были, прежде всего, революции XX в., хотя предшествовавшие им преобразования, начавшиеся ещё в XVII столетии, также вели к тому, что парадигма внешнеполитического курса нашей страны будет приобретать основу отличную от изначальной.

Список литературы

1. Биллингтон Дж. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры, М., 2011. 880 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и развитие капитализма.//Вебер М. Избранные произведения. Пер. с немецкого. М., 1990. 352 с.
3. Век Екатерины II: Дела балканские. Отв. ред. В.Н. Виноградов; М., 2000. 295 с.
4. Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931—1938. 1164 с.
5. К истории советско-турецких отношений. М.: Госполитиздат, 1958. 84 с.
6. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2 М., 1996. 215 с.

7. Кедров Н. И. Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. М., 1886. 300 с.
8. Ключевской В. О. Сочинения в восьми томах. Том VIII. Исследования, рецензии, речи (1890-1905), М., Издательство социально-экономической литературы, 1959. 427 с.
9. Кондратьев С. В. Революция XVII века в Англии. М.: Академия, 2010. 192 с.
10. Костомаров Н. И. Очерк Торговли Московского государства в XVI и XVII Столетиях. С-Петербург. В Тип. Н. Тиблена и Комп., 1862. 299 с.
11. Никольский В. К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 гг. // Научные труды Московского педагогического института. под редакцией проф. И. И. Месяцева. М., 1928, вып. № 2.
12. Никон, Святейший Патриарх Всероссийский и основанный им Новый Иерусалим / под. ред. В.И. Шемякина, М., 1897. 297 с.
13. Павленко Н.И. Петр I, Издательство «Молодая гвардия», М., 2007. 595 с.
14. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой: конец XVI-первая половина XVII века. Изд-во "Константа", 2004. 352 с.
15. Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия, Париж, 1937 г. 848 с.
16. Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе / СПб.: Алетейя, 2000. 480 с.
17. Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700—1917: В 2 частях. М.: Валаамский монастырь, 1997. 451 с.
18. Тальберг Н. История Русской Церкви, Издательство Сретенского монастыря, М., 2008. 170 с.
19. Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640—1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М.: Зерцало-М, 2010. 250 с.
20. Феофан (Прокопович) Розыск исторический, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и христианстии, понтифексами или архиереями многобожного закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарещися епископы и архиереи, и в каком разуме, С-Пб: Санктпитебургская типография, 1721.
21. Хоружий С.С. «К уточнению понятия исихазм и «политический исихазм», М., 2012.
22. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках, М., Издательство «МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2012, 634 с.
23. Эйнштейн А. Моцарт: Личность. Творчество. Научн. ред. перевода Е. С. Чёрная. М.: Музыка, 1977. 455 с.
24. Kamen H. The War of succession in Spain, 1700—1715. London, 1969. 436 p.
25. Peter H. Wilson. The Thirty Years War. Europe's Tragedy. Harvard: Harvard University Press, 2012. 1024 p.
26. Pierre M., Les Guerres de religion, Paris : Librairie Arthème Fayard, 1980. 602 p.
27. Roosen U. Y. The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge Univ. Press, 1976. 208 p.
28. Vernadskij G. V. The Expansion of Russia. New Haven : Yale Univ. Press, 1933.

Об авторе

Скиженок Алексей Владимирович – аналитик Центра святителя Василия Великого.

THE CULTURAL AND RELIGIOUS DIMENSION OF THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA AT THE TURN OF 17TH AND 18TH CENTURIES

A.V. Skizhenok

Analytical Center of St. Basil the Great. 117292, Moscow, ul. Kedrov, d. 4.

Abstract: *The author of this article aims to examine the role and place of the Russian Orthodox Church in Russia's transition from the regional state of the Middle Ages to an absolutist state of Modern history.*

Transformations in states` domestic and foreign policies that took place in Modern history cannot be reduced to a simple set of changes in various spheres of life of states, nations and peoples. By studying the transition from one type of statehood to another one we are dealing with a fundamental transformation of the entire state organism, the state as a cultural phenomenon, with a change in the very notion of what a state is and what its goals, objectives and functions are.

The process of transformations in statehood affected all countries of the world including our Motherland. In Russia these changes had their own cultural and historical specificity which was largely formed by religiosity of our people and was rooted in the Orthodox faith. Therefore, the author considered it necessary to raise the question of how the cultural, historical and religious identity of the Russian people could influ-

ence the course of reforms in the sphere of the Russian state system in Modern history. The author focuses on the foreign policy of the Russian state built on cultural and religious values in 17th-18th centuries. This foreign policy is seen as an alternative paradigm of the modern Russia's foreign policy. The author believes that the modern Russian state does not shape its foreign policy on the basis of core values of the Russian world view arising from the religious consciousness of our people. This fact deprives Russia's foreign policy of unity with cultural and historical tradition of our state and in many respects weakens it. The article provides a possible answer to the question why a tendency to the framing of a foreign policy on the basis of values and religious outlook inherent in the Russian people did not prevail in the foreign policy of the Russian state.

Key words: Russia, Russian Orthodox Church, the history of the foreign policy, Schism, modernization, absolutism, ideology.

References

1. Billington Dzh. *Ikona i topor. Opyit istolkovaniya istorii russkoy kulturyi* [The Icon and the Axe. Experience in interpreting the history of Russian culture]. Moscow, 2011. 880 p. (In Russian).
2. Weber M. *Protestantskaia etika i razvitie kapitalizma* [The Protestant Ethic and the development of capitalism] in Weber M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Trans. from German. Moscow, 1990. 352 p. (In Russian).
3. *Vek Ekateriny II: Dela balkanskie* [Age of Catherine II: Balkan affairs]. Ed by V.N. Vinogradov. Moscow, 2000. 295 p. (In Russian).
4. Zyzyikin M.V. *Patriarh Nikon. Ego gosudarstvennyye i kanonicheskie idei* [Patriarch Nikon. His public and canonical ideas]. Warsaw, 1931—1938. 1164 p. (In Russian).
5. *Kistorii sovetsko-turetskikh otnosheniy* [On the history of the Soviet-Turkish relations]. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 84 p. (In Russian).
6. Kapterev N. F. *Patriarh Nikon i tsar Aleksey Mihaylovich* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, 1996. 215 p. (In Russian).
7. Kedrov N. I. *Duhovnyy reglament v svyazi s preobrazovatel'noy deyatelnostyu Petra Velikogo* [Spiritual regulations in connection with the transformative work of Peter the Great]. Moscow, 1886. 300 s. (In Russian).
8. Klyuchevskoy V. O. *Sochineniya v vosmi tomah. Tom VIII. Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890-1905)* [Works in eight volumes. Volume VIII. Research, Reviews, speech (1890-1905)]. Moscow, Izdatel'stvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1959. 427 p. (In Russian).
9. Kondratyev S. V. *Revolutsiya XVII veka v Anglii* [Revolution of the XVII century in England]. Moscow: Akademiya, 2010. 192 p. (In Russian).
10. Kostomarov N. I. *Ocherk Torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII Stoletiyah* [Essay Moskovskogo States Trade in XVI and XVII centuries]. S-Peterburg. In Type. N. tibia and Comp., 1862. 299 p. (In Russian).
11. Nikolskiy V. K. *Zemskiy sobor o vechnom mire s Polshey 1683—84 gg.* [Zemsky Sobor on eternal peace with Poland 1683-84] in Nauchnyye trudy Moskovskogo pedagogicheskogo institute [Proceedings of the Moscow Pedagogical Institute]. Ed by I. I. Mesyatseva. Moscow, 1928. (In Russian).
12. Nikon, Svyateyskiy Patriarh Vserossiyskiy i osnovannyiy im Novyy Ierusalim [Nikon, Patriarch of All Russia, His Holiness and he founded the New Jerusalem]. Ed by V.I. Shemyakina. Moscow, 1897. 297 p. (In Russian).
13. Pavlenko N.I. *Petr I* [Peter I]. Molodaya gvardiya Publ. Moscow, 2007. 595 p. (In Russian).
14. Papkov A. I. *Porubezhie Rossiyskogo tsarstva i ukrainskikh zemel Rechi Pospolitoj: konets XVI-pervaya polovina XVII veka* [Borderlands of the Russian kingdom and Ukrainian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth: 16-17 century]. Konstanta Publ., 2004. 352 p. (In Russian).
15. Protoierey Georgiy Florovskiy. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Paris, 1937. 848 p. (In Russian).
16. Prokhorov G.M. *Rus' i Vizantiya v epokhu Kulikovskoi bitvy. Povest' o Mitia* [Rus and the Byzantine Empire in the era of the Battle of Kulikov. Tale of Mitya]. SPb.: Aleteia, 2000. 480 p. (In Russian).
17. Smolich I. K. *Istoriya Russkoy Tserkvi: 1700—1917* [History of the Russian Church: 1700-1917: In 2 parts]. Moscow: Valaamskiy monastyr, 1997. 451 p. (In Russian).
18. Talberg N. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, 2008. 170 p. (In Russian).
19. Tomsinov V. A. *Yuridicheskie aspekty angliyskoy revolyutsii 1640—1660 godov. Period konstitutsionnoy borby: noyabr 1640 — avgust 1642 goda* [Legal Aspects of the English Revolution, 1640-1660. The period of the constitutional struggle: November 1640 - August 1642]. Moscow: Zertsalo-M, 2010. 250 p. (In Russian).
20. Feofan (Prokopovich) *Rozyisk istoricheskii, koih radi vin, i v'yakovom razume byili i naritsalisya imperatoryi rimskoy, kak yazyicheskii, tak i hristianstii, pontifeksami ili arhiereami mnogobozhnago zakona; a v zakone hristianstvem, hristianstii gosudari, mogut li nareshchisya episkopi i arhierei, i v kakom razume* [Feofan (Prokopovich) Searching historically, for the sake of which wines and vyakovom mind were called by emperors Riemst as

- yazychestii and hristiyanstii, Pontifex or bishops mnogobozhnago law; and in the law hristianstem, hristiyanstii sovereigns, whether nareshchisya bishops and bishops, and in which the mind]. S-Pb: Sanktpiterburgskaya tipografiya, 1721. (In Russian).
21. Khoruzhii S.S. *Kutochneniiu poniatiia isikhazm i "politicheskii isikhazm"* [To clarify the concept of Hesychasm and political hesychasm]. Moscow, 2012. (In Russian).
 22. Chernikova T.V. *Evropeizatsiia Rossii vo vtoroi polovine XV – XVII vekakh* [The Europeanization of Russia in the second half of the XV - XVII centuries]. Moscow, MGIMO-University press. 2012, 634 p. (In Russian).
 23. Einshtein A. *Motsart: Lichnost'. Tvorchestvo* [Mozart: Personality. Creation]. Ed. by E. S. Chernaia. Moscow: Muzyka, 1977. 455 p. (In Russian).
 24. Kamen H. *The War of succession in Spain, 1700—1715*. London, 1969. 436 p.
 25. Peter H. Wilson. *The Thirty Years War. Europe's Tragedy*. Harvard: Harvard University Press, 2012. 1024 p.
 26. Pierre M. *Les Guerres de religion*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1980. 602 p.
 27. Roosen U.Y. *The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy*. Cambridge Univ. Press, 1976. 208 p.
 28. Vernadskiy G.V. *The Expansion of Russia*. New Haven: Yale Univ. Press, 1933.

About the author

Alexey V. Skizhenok – analyst in The st. Basil analytical center, Chief Editor of the site of the center..

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ. ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

А.В. Шестопал, Н.В. Литвак

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

В статье рассматривается формулирование во Франции в начале XXI в. нового вида дипломатии – научной дипломатии. Исследуются причины этого процесса и его проблемы. С одной стороны, французская внешнеполитическая доктрина предполагает влияние. Однако, в действительности это желаемое влияние на внешний мир сводится к выполнению первоочередной задачи по выживанию в условиях, диктуемых другими странами, и сильного влияния извне. Современные тенденции развития мировой науки как целостного процесса заставляют пересматривать своё отношение к подготовке кадров, к самой науке, её месту и роли в политике и дипломатии. Достижением французского политического класса является осознание основных аспектов происходящего, что выражается в поисках способов приспособления к новой ситуации. Вместе с тем, дипломаты оперируют только теми ресурсами, которые имеются в их распоряжении. Конкурентная борьба с США, Китаем и другими странами за научные кадры и достижения не может быть выиграна только дипломатическими средствами, не подкреплёнными соответствующими правовыми, экономическими и прочими условиями, лучшими, чем у конкурентов. Главой причиной отставания Франции в борьбе за самостоятельную науку, а также экономику и политику, которые всё больше основываются на ней, сегодня является невозможность учёных реализовать свой потенциал на родине.

.....

Ключевые слова: научная дипломатия, Франция, наука, общества знаний.

Как вид дипломатии *научная дипломатия* была формализована во Франции совсем недавно. Во французском МИД периодически происходят крупные структурно-функциональные реформы [1]. В ходе одной из них в 2009 г. под руководством Бернара Кушнера появились управления новых *видов* дипломатии, и было создано Главное управление глобализации, развития и партнёрства (Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats) [2]. После прихода к власти в стране Президента-социалиста этим подразделением в самом начале 2013 г. был подготовлен доклад «Научная дипломатия для Франции» – с тех пор основной официальный документ о принципах и задачах этого нового направления. На официальном портале «Дипломатия» (Diplomatie) имеется соответствующий раздел¹.

Первый же тезис доклада 2013 г. перечисляет причины растущего интереса современных государств к научной составляющей внешней политики: *глобализация*, новые экономические и общепланетарные проблемы (болезни, нехватка энергии и воды, изменение климата, уменьшение биоразнообразия, природные катастрофы, продовольственная безопасность). С одной стороны, учёных необходимо заинтересовать заниматься этими проблемами совместно с дипломатами, с другой – именно учёные призваны разьяснять суть этих проблем международным переговорщикам. Заявлено также, что «Франция уже на протяжении ряда лет считала научно-исследовательское сотрудничество ключевым элементом своей политики влияния на международной арене». Затем, правда, сразу следует неожиданное продолжение: «Это сотрудничество обеспечивает имидж высочайшего научного и технологического уровня нашей страны, способствует её привлекательности для иностранных учёных. Оно позволяет создать постоянные сети и партнёрства, предоставляющие французским исследователям возможности международного развития карьеры. Оно также способствует распространению французских научных исследований и поддержке их конкурентоспособности в передовых областях и, в целом, поддерживает экспортную конкурентоспособность французских предприятий»². Т.е. влияние, о котором заявлено в начале, на деле означает не воздействие на внешний мир и его изменение в своих интересах, как можно было бы предположить, а напротив – при-способление к нему, и с этой целью – помощь своей собственной науке и промышленности, которую французская дипломатическая служба призвана оказывать в это вышеописанное непростое время. Однако, это уточнение никоим

образом не умаляет роль и значение научной дипломатии современной Франции.

Как и в большинстве других областей, в научной дипломатии французы реагируют на очередную инициативу США (как ранее в случае с «мягкой силой» и др.). В 2008 г. Американская ассоциация содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science, AAAS) организовала Центр научной дипломатии (Centre for Science Diplomacy). Американцы сформулировали концепцию «научной дипломатии», как «использования и применения научного сотрудничества для установления и упрочения связей между обществами, в частности, когда может не быть других средств сближения на официальном уровне»³, и *нацелили* эту программу, в основном, на мусульманские страны (новая ближневосточная инициатива Б. Обамы «A New Beginning», 2009 г.). В 2010 г. AAAS и Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge) сформулировали три основных направления научной дипломатии:

- Наука в дипломатии (Science in diplomacy) – помощь науки (пониманию и) достижению внешнеполитических целей.

- Дипломатия для науки (Diplomacy for science) – дипломатическое содействие международному научному сотрудничеству.

- Наука для дипломатии (Science for diplomacy) – использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений [11, p.4].

Без выделения в отдельное направление, подобная деятельность французской науки и дипломатической службы уже велась и насчитывает гораздо больший срок, чем прошедшие с момента появления доклада 2013 г. несколько лет. Почти сразу после революции, в 1792 г. французские энциклопедисты и просветители учредили «Энциклопедический журнал» (Le Magasin encyclopédique) – исключительно культурный проект, публиковавший статьи только о науке, искусстве и литературе, и, тем не менее, сыгравший, важную роль в переопределении французской дипломатии и продвижении идеи мирной Европы, модели европейского баланса. Постреволюционный террор был интерпретирован издателями как «ретроградный» процесс для цивилизации, возврат в варварство, из-за чего прекратились как дипломатические, так и культурные и научные связи Франции с другими странами. Чтобы оздоровить ситуацию, необходимо было по их убеждению продолжить просвещение народа, в т.ч. восстановив приток знания из-за границы,

¹ Une diplomatie scientifique pour la France. Ministère des Affaires étrangères. Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats. Rapport 2013. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-et-rangere-de-la-france/diplomatie-scientifique/> (Дата проверки 02.08.2016)

² Ibid. P. 2.

³ Ibidem.

культурные связи, и, конечно, и *дипломатические* отношения. С этой целью было необходимо переопределить задачи дипломатии именно на эти – экономические и культурные цели, обособив своё особое место в Европе, на которое претендовала республика. С этой задачей учёные вполне справились, что нашло своё отражение в термидорианском декрете от 24 августа 1794 г. о перераспределении полномочий между исполнительными комиссиями и Комитетом национального спасения. Теперь МИД должен был заниматься научными и торговыми вопросами – устанавливая культурные связи с другими народами, чтобы построить новый культурный порядок, в некотором смысле, новую версию «Республики учёных» (*République des Lettres*) [10].

Чуть позднее циркуляр Комитета общественного спасения от 26 октября 1794 г. предписал дипломатам собирать в командировках книги, предметы, культурные и научные данные. В нём, в частности, подчёркивалось: «... одна из самых выдающихся услуг, которую агенты Республики в зарубежной стране могли бы оказать своей родине – это изучать средства, которые способствовали бы процветанию в ней наивысших знаний, которыми выделялись народы, и цивилизовали большую часть земного шара. Открытия, которые способствуют развитию промышленности, требуют такого же внимания ... Мы, таким образом, сообщаем тебе, что основной частью твоих обязанностей будет собирать в стране, где ты проживаешь, всё, что могло бы способствовать развитию науки и искусства. Твоя главная цель – общественное процветание, поэтому тебе необходимо сосредоточиться на передаче знаний, полезных для образования, сельского хозяйства, торговли, навигации, производства, профессий всех видов. С этой целью ты будешь поддерживать отношения с теми, кто сможет предоставить точные сведения по этим разным вопросам, которые ты будешь передавать комиссару по внешним связям» [10]. МИД (Комиссии по внешним связям, *Commission des Relations extérieures*) были выделены и средства для закупки научного оборудования и книг, в т.ч. запрошенных другими специализированными комиссиями.

В настоящее время ситуация изменилась. При всём вышесказанном, упомянутом определении AAAS, американская научная дипломатия имеет в отношении остального мира, включая Францию, совсем другие цели и использует другие средства. И именно в этой связи, точнее для противодействия этим другим аспектам американской научной дипломатии французам и пришлось создавать собственную. Основная проблема – «утечка умов», лучших талантов и кадров в США (а в последнее время и в некоторые другие страны) и, как следствие, увеличение разницы научно-технических и производственных потенциалов США и остальных стран.

С точки зрения международных отношений, Франция, как колониальная и постколониальная держава, уделяла и уделяет значительное внимание подготовке элит в странах, состоявших с нею в соответствующих отношениях, готовых ориентироваться на бывшую метрополию, поддерживать с ней, если не «особые», то привилегированные связи. Кроме этого, с развитием науки, отсюда же приезжали и молодые талантливые учёные. Но в последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Министр иностранных дел Л. Фабиус в своё время отмечал, что Франция, как держава, имеет влияние в мире, основанное на её членстве в СБ ООН, экономической и военной мощи, сети дипломатических представительств, общепризнанных универсальных принципах, готовности обсуждать не только собственные интересы. Главной характеристикой современности министр назвал сильную и всё растущую конкуренцию. Франции необходимо противостоять ей, используя свой большой исторический потенциал и модернизацию современных институтов дипломатии влияния, о чём, например, дипломат и социолог Ф. Лан рассказал в книге «Французская научная и культурная дипломатия», исследовав такой компонент этого влияния, как культуру (искусство, образование, науку), а также возможности повысить эффективность государственной деятельности по распространению французской науки и культуры за рубежом [9]. В главе о научной и образовательной дипломатии Ф. Лан отмечает, что научные исследования во второй половине прошлого века сыграли основную роль в преобразовании послевоенной Франции; страна достигла особенных, мирового уровня успехов в таких областях, как естественные науки, транспорт, медицина, атомная энергетика, сельское хозяйство, авиация, космонавтика, цифровые технологии и др. И теперь образование и наука сохраняют своё значение и являются большим потенциалом Франции, которой, таким образом, есть, что предложить другим странам для сотрудничества, решения глобальных проблем [9, p.73-94]. Однако, это предложение – только одно из нескольких конкурирующих между собой.

В Докладе 2013 г. приоритетом научной дипломатии названы улучшение имиджа и превосходство науки Франции в мире. МИД работает над этим, собирая с помощью своей сети информацию об иностранных передовых исследованиях, чтобы стимулировать французские исследовательские организации создавать соответствующие коллаборации, ведёт постоянный диалог с местными властями и учёными, наблюдает за соблюдением прав на интеллектуальную собственность.

Эта деятельность имеет 5 целей:

- разъяснять специфику (большое участие государства) и достижения французской науки, доводить до сведения соответствующих парт-

нёров на местах информацию о французских университетах и исследовательских организациях. Кроме этого, координировать деятельность многочисленных представительств французских научных организаций, которые за рубежом действуют разрозненно, каждое только в своих узких целях.

- улучшать приём иностранных исследователей, особенно аспирантов, во Франции, работая со всеми ведомствами, имеющими к этому отношение.

- укреплять научный и технологический имидж Франции в глазах общественного мнения.

- стремиться к размещению на территории Франции так называемых «Очень больших исследовательских инфраструктур, ОБИИ» (*très grandes infrastructures de recherche, TGIR*) и участию французских учёных в работе на таких объектах за рубежом.

- способствовать распространению французских гуманитарных знаний⁴.

Всё это стало итогом проделанной к этому времени значительной работы. С 2007 г. появились Французские исследовательские институты за рубежом (*Les Instituts français de recherche à l'étranger*) под эгидой МИД и Национального центра научных исследований (*Centre national de la recherche scientifique, CNRS*). Их задачей, как и штатных советников по науке и технологиям, работающих в посольствах, является установление и поддержание связей между французскими и местными университетами и научными учреждениями. С ними взаимодействует и Агентство по распространению технологической информации (*L'Agence pour la diffusion de l'information technologique, ADIT*), которое было создано в 1993 г. и с тех пор силами атташе по науке во французских посольствах собирает, обрабатывает и распространяет соответствующую информацию для французских предприятий, прежде всего, крупных. С 2006 г. Агентство обеспечивает сбор новой информации для французских учёных. Эта работа осуществляется в рамках национальной политики экономической и стратегической разведки (*politique nationale d'intelligence économique et stratégique*, имеется ввиду сбор разного рода информации, которая может иметь отношение к экономике – от технологий и экономического состояния до рисков и деловой репутации). В 2014 г. аналогичные службы десяти европейских стран создали Европейский альянс стратегической разведки (*Alliance Européenne d'Intelligence Stratégique*). Общее число подписчиков на электронный информационный бюллетень Агентства составляет 231 тыс.

Ещё одним, действительно дипломатическим направлением можно считать научные проекты интеграционного характера. Основные достижения, имеющие долгосрочный эффект – это получение международного соглашения на строительство на своей территории дорогой и сложной научной инфраструктуры в рамках широкой международной научной кооперации. Уже более 50 лет Франция уделяет особое внимание дипломатической борьбе за строительство так называемых больших исследовательских инструментов, в частности, в физике и астрономии. С недавнего времени к ним добавились и базы данных и распределённые вычислительные сети. Каждый такой объект, как ЦЕРН (Европейский Центр ядерных исследований, *Centre européen de recherche nucléaire, CERN*) или ИТЭР (Международный экспериментальный термоядерный реактор, *International Thermonuclear Experimental Reactor, ITER*) является полюсом притяжения мировой научной элиты и обогащает межуниверситетское сотрудничество. Кроме того, по расчётам французов, реализация таких проектов, кроме повышения престижа страны-хозяйки, положительно влияет на экономику мест их размещения, а также на конкурентоспособность французской науки и экономики в целом⁵. В апреле 2011 г. под эгидой МИД было образовано ещё одно новое агентство – Франс экспертиз интернациональ (*France Expertise Internationale*) – для продвижения за рубежом французской экспертизы и технической помощи, в первую очередь, крупных дву- и многосторонних проектов с финансовым участием Парижа.

Ещё в 1945 г. в МИД по просьбе CNRS была создана Комиссия по раскопкам и археологическим миссиям, которая сегодня оказалась востребована и французскими дипломатами. В первую очередь, речь об использовании учёных в качестве независимых, неангажированных политических наблюдателей, когда дипломатических отношений или не существует вовсе, или работа дипломатов крайне затруднена. Оказывается, что и сегодня такие места и целые страны, количество которых ранее, постепенно сокращалось, теперь стали появляться вновь (в последние годы, прежде всего, вследствие «арабской весны»). Вот в этих-то местах и работают французские археологи.

Современная сеть французской научной дипломатии, курируемая Главным управлением глобализации, развития и партнёрства, включает 255 сотрудников, работающих за рубежом (советники и атташе по науке, международные эксперты-волонтеры), 27 научно-исследовательских институтов (в 34 странах) по гуманитарным наукам, 161 археологическую

⁴ Une diplomatie scientifique pour la France. Ministère des Affaires étrangères. Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats. Rapport 2013. P. 14-15. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique/> (Дата проверки 02.08.2016)

⁵ Ibid. P. 8-9.

■ Исследовательские статьи

миссию, выполняющих около 100 научно-исследовательских программ, субсидируемых МИД⁶.

Но постепенно определяется основная проблема для французской науки и экономики, слабеющих под натиском американских, – «утечка умов» за рубеж. Именно с ней призвана бороться и научная дипломатия. Однако возможности дипломатов невелики, поскольку дело только в некоторой степени заключается в их активности по распространению за рубежом информации о достижениях и возможностях французской науки и искусстве поиска молодых иностранных талантов. Эта проблема обсуждается во Франции уже не одно десятилетие. Мнения периодически поляризуются от отрицания проблемы до алармистских заявлений.

Французы подают как достижение тот факт, что 41% их аспирантов-исследователей (или более 26 тыс. чел.) являются иностранцами⁷, а «утечка умов» из Франции, прежде всего, в США не так велика (от 2 до 3% защитивших диссертации⁸), во всяком случае, меньше, чем из других европейских стран с развитой наукой и, тем более, Китая и Индии (правда, без учёта размера населения). Однако, эти данные нуждаются и в качественном анализе, который приводит к парадоксу и выявлению системной проблемы организации французского образования и науки.

Во-первых, качество тех, кто приезжает учиться во Францию, другое, чем аспирантов, отбираемых для учёбы в США. Американцы гораздо активнее в поиске талантов и распространении своего языка. Только с 1989 г., т.е. позднее, чем американцы и британцы, и только обнаружив результаты их усилий, французский МИД получил указание приглашать во Францию «иностранцев, выявленных нашей дипломатией, преимущественно молодых, в начале карьеры, хорошо знающих или совсем не знакомых с Францией, призванных осуществлять растущее влияние на дела в своих странах, или, как минимум, на отношения этих стран с Францией. Речь идёт о том, чтобы дать этим будущим элитам реальное знание о Франции, основанное на официальных и неофициальных профессиональных контактах, соответствующим

щих их деятельности и интересам»⁹. В 2008 г. было заявлено, что «Формирование иностранных элит должно рассматриваться как приоритет нашей политики влияния»¹⁰. За основу программы PIPA¹¹, обоснованной и ведомой сотрудниками CAP, была взята американская «International Visitors' Program», которую осуществляло Информационное агентство Соединённых Штатов (USIA). Между прочим, через эту программу прошли, т.е. побывали с ознакомительными визитами в США, такие отобранные американцами совсем молодые, но, как оказалось, перспективные политики, как будущий президент В. Жискард д'Эстен, премьер-министры Мишель Рокар и Раймон Барр, и многие другие. Теперь и всем французским посольствам отныне было поручено отбирать для «реального знакомства с Францией, основанного на профессиональных контактах», тех, кто в следующие десять лет, вероятно, будет играть важную роль в своей стране [12].

Во-вторых, среди тех иностранцев, кто «защитился» во Франции, только 33% хотели бы остаться в любом случае и половина – при наличии контракта на работу¹². Среди основных проблем – меньший уровень заработной платы (примерно в два раза по сравнению с вузовскими преподавателями в США), бюрократия, мешающая экономической активности учёных, и главное – отсутствие рабочих мест. Существенной проблемой для Франции является небольшое количество или вообще отсутствие крупных компаний в некоторых передовых высокотехнологичных отраслях. Некоторым не только иностранным, но и собственным молодым специалистам просто негде применить себя на родине, и, несмотря на огромные затраты государства на их обучение, за них конкурируют только иностранцы (хотя таких компаний немного и в мире в целом). Государственные научные учреждения и высокотехнологичные компании могут трудоустроить только часть выпускников французских аспирантур. Но 307 принятых в CNRS (в 2013 г.), 77 – в INSERM (Institut national de la santé et de la recherche médicale, Национальный институт здоровья и медицинских исследований), 538 – в CEA (Commissariat à l'énergie atomique et aux

⁶ Ibid. P. 5-6.

⁷ Repères et références statistiques sur les enseignements, la formation et la recherche 2010, Ministère de l'Éducation Nationale et Ministère de l'Enseignement Supérieur et de la Recherche. URL: http://media.education.gouv.fr/file/2010/16/9/RERS_2010_152169.pdf. (Дата проверки 19.10.2012).

⁸ Larousserie D., Morin H. Recherche : la France est-elle victime d'une fuite des cerveaux ? Le Monde.fr, 09.07.2013. URL: http://www.lemonde.fr/enseignement-superieur/article/2013/07/09/recherche-la-france-est-elle-victime-d-une-fuite-des-cerveaux_3442654_1473692.html#QzumdfP9RP3f1Psf.99 (Дата проверки 16.04.2015).

⁹ La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France 2008-2020. P. 57. URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000459/> (Дата проверки 22.11.2015).

¹⁰ Ibid, P. 58.

¹¹ Programme d'invitation des personnalités d'avenir (PIPA) URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/programme-d-invitation-des-personnalites-d-avenir-pipa/> (Дата проверки 15.15.2016).

¹² Les jeunes chercheurs étrangers en France. Résultats de l'enquête réalisé par la CJC en 2010. URL: <http://cjc.jeunes-chercheurs.org/expertise/etrangers/> (Дата проверки 22.05.2015)

énergies alternatives, Комиссариат по атомной и альтернативным видам энергии) (в 2012 г.) гораздо меньше тысяч молодых учёных, ежегодно защищающих диссертации¹³, что, несомненно, является стимулом к поиску работы за рубежом.

В-третьих, важно, кто именно и по какой причине уезжает. Во Франции пока просто нет точных данных по этому вопросу, и это потому, что французы не обязаны вставать на консульский учёт в США. Сколько их там работает, но не зарегистрировано, просто неизвестно. Также французы не учитывают и куда после аспирантуры во Франции отправляются иностранцы, хотя на их обучение затрачиваются значительные средства. Косвенно определить, что уезжают именно лучшие, можно, например, по некоторым научным достижениям. В частности, после 1945 г. французы получили 5 Нобелевских премий по медицине, 2 из которых достались работавшим в США. В 2000-е гг. оба француза (Esther Duflo в 2005 и Thomas Philippon в 2009 гг.), признанных лучшими молодыми экономистами, жили и работали там же. Вообще 40% французских экономистов высшего уровня, т.е. входящих в 1000 лучших исследователей мира, работают в Соединённых штатах. А десять самых продуктивно работающих французских учёных за рубежом публикуют в год столько же, сколько весь Институт Пастера [8]. Согласно данным научной социальной сети LinkedIn, Франция занимает второе место в мире по потере квалифицированных научных кадров (после Индии)¹⁴. И отъезд аспирантов и учёных, прежде всего в США, но также в Китай, Японию и др. *ускоряется*. Последний доклад Совета экономического анализа при Премьер-министре Франции содержит предупреждение о риске установления губительной для французской экономики схемы: наиболее образованные французы, после учёбы в бесплатной (или почти бесплатной) национальной системе образования, уехали работать за границу и, таким образом, способствовали процветанию иностранных экономик. По имеющимся данным с 2006 по 2011 гг. «утечка умов» - дипломированной молодёжи удвоилась и достигла 120 тыс. чел.¹⁵ Это тем более важно, что и французское правительство, и МИД, организуя научную дипломатию, стремятся к построению *общества знаний* в соответствии с концепцией Мирового банка. Французские дипломаты занимаются информированием своих

уехавших учёных, особенно молодых, о новых возможностях в случае их возвращения на родину (программы Национального агентства по исследованиям, Agence nationale de recherche, ANR, контракты Тематических стимулирующих исследований по программам, Action thématique et incitative sur programme, ATIP и др.), которые предусматривают определённое дополнительное финансирование, хотя, конечно, меньшее, чем в Соединённых Штатах. И это, в общем, не только французская, но общемировая проблема [6; 7]. В целом, ситуация расценивается как сложная. Всё более актуальной становится задача французской научной дипломатии по оказанию помощи своим учёным для включения в коллаборации с лучшими иностранными лабораториями для получения данных о результатах новейших исследований.

Не так просто теперь обстоит дело и с развивающимися странами (странами Юга – в современной французской терминологии). Во-первых, целый ряд из них предпринимает серьёзные финансовые и организационные усилия по развитию собственной науки. В результате, растёт их доля и в научных публикациях, а других стран, в т.ч. Франции, снижается¹⁶. Во-вторых, как признают французские дипломаты, «южные» партнёры (включая Китай) теперь всё чаще требуют увязывать сотрудничество в области высшего образования с научными исследованиями и передачей технологий. Вместо традиционной подготовки научных и преподавательских элит французам приходится организовывать совместные научные исследования, причём, всё чаще в странах, с которыми они хотя сохранить сотрудничество. В этой связи при поддержке МИД уже развёрнуты сети учреждений медицинских исследований (сеть Института Пастера и Национального агентства исследований СПИД и др., в основном в африканских странах). Конечно, французы называют это успехом, признанием их высокого экспертного уровня, деятельностью в рамках солидарности. Однако, они же и трезво оценивают направление развития ситуации: сегодня учёные развивающихся стран составляют уже 38% всех учёных мира, в т.ч. только один Китай (в 2007 г.) – 19,7%¹⁷. Это количество при содействии тех же французов имеет все шансы перейти в новое качество.

В-третьих, страны, активно развивающие свою науку, сами занимаются поиском лучших

¹³ Larousserie D., Morin H. Recherche : la France est-elle victime d'une fuite des cerveaux ? Le Monde.fr, 09.07.2013. URL: http://www.lemonde.fr/enseignement-superieur/article/2013/07/09/recherche-la-france-est-elle-victime-d-une-fuite-des-cerveaux_3442654_1473692.html#QzumdfP9RP3f1Psf.99 (Дата проверки 16.04.2015).

¹⁴ LinkedIn URL: <http://fr.slideshare.net/linkedin/co-migration-2014v1> (Дата проверки 15.09.2016).

¹⁵ Préparer la France à la mobilité internationale croissante des talents. Les notes du Conseil d'analyse économique, n° 31, mai 2016. URL: <http://www.cae-eco.fr/IMG/pdf/cae-note031v3.pdf> (Дата проверки 20.06.2016)

¹⁶ Une diplomatie scientifique pour la France. Ministère des Affaires étrangères. Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats. Rapport 2013. P. 4. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique/> (Дата проверки 02.08.2016).

¹⁷ Ibid. P. 11.

■ Исследовательские статьи

кадров за рубежом и стремятся оказать влияние на другие страны в своих интересах. Например, с 2008 г. (во Франции – с 2011 г.) китайский гигант ИКТ-индустрии Huawei построил сеть представительств в 77 странах. Они не только реализуют свою продукцию, но и работают с молодёжью и детьми. Как и другие гиганты отрасли, устанавливают партнёрские отношения со школами и университетами, спонсируют их в виде поставок коммуникационного и другого оборудования, работать на котором привычка вырабатывается чуть ли не с детства. Ежегодно компания проводит конкурс «Цифровые таланты», победителей которого приглашают посетить штаб-квартиру и лаборатории в китайской «Кремниевой долине». Однако из сотен лауреатов отбирается всего несколько человек – самых лучших. В отношении остальных стратегия заключается в том, чтобы всем молодым талантам, попавшим в поле зрения, рассказать о технологиях и продуктах компании, убедить в их превосходстве, чтобы они вернулись во Францию и стали «послами» у себя на родине, т.е. использовали именно эту технику сами (в т.ч. в своих компаниях) и рекомендовали её другим. А вот в самой сложной научной области – математике изначально ставится противоположная задача: никого из Франции не вывозить, а наоборот использовать математиков на их родине. Китайцы пришли к выводу, что специфика их работы обуславливает повышенную эффективность концентрацией таких специалистов, которая как раз и существует, в частности, в Париже¹⁸. Ещё одним местом научной эмиграции молодёжи становится Израиль. Преимущества, называемые аспирантами и молодыми учёными: новейшее дорогое оборудование, минимум бюрократии, иной американский (коммерческий) подход к результатам исследований, т.е. доступ к большим финансовым средствам и возможность быстрой бизнес-реализации проектов¹⁹.

Саморефлексия французского гуманитарного научного сообщества позволяет им также критически оценить значение языка, на котором делается наука. Страна продолжает активную политику развития франкофонии во всём мире. Однако французские социологи настаивают на необходимости и научных исследований именно на французском языке, как противовеса, в первую очередь, англоязычным. Они же отмечают отступление французского языка не только в развитых странах, но и в раз-

вивающихся (например, перед арабизацией в Северной Африке), снижением его распространения и уровня преподавания.

Все рассмотренные выше цели и задачи научной дипломатии требуют от сотрудников МИД соответствующего кругозора, в связи с чем среди них, особенно в посольствах, всё чаще появляются непрофессиональные дипломаты. И это не случайно. Разбираться в науке необходимо уже по тому, что, особенно в последнее время, в дополнение к упомянутому, появился целый ряд новых международных тем и проблем, инициированных именно учёными [5]. Причём политикам и дипломатам разных стран не в каждом случае удавалось одинаково быстро понять если не суть этих проблем, то тот факт, что они действительно входят в международную повестку и поэтому ими надо заниматься всерьёз. Таковы, в частности, проблемы экологии, в т.ч. климата, которые в течение целого ряда лет показывают тенденцию к перемещению на едва ли не первое место в повестке дня дипломатии, уступая, пожалуй, только терроризму, но постепенно опережая экономические проблемы, которые всё чаще трактуются с учётом экологического и климатического факторов.

В заключении подчеркнём, что французская научная дипломатия, как и любая другая, опирается на объективные ресурсы, имеющиеся своей страны (научную и образовательную базу, соответствующее законодательство, кадровый потенциал) и стремится к определённым своим высшим политическим руководством целям. Существенное значение имеет и субъективный фактор – дипломатические компетенции и дипломатическое искусство, чтобы реализовать эти возможности, а может быть и добиться большего, чем позволяют объективные ресурсы. Французские дипломаты традиционно высокопрофессиональны [4], а французская научная дипломатия, как и дипломатия культурная, в настоящее время достаточно эффективна в выполнении поставленных задач, в т.ч. в привлечении студентов, аспирантов, молодых учёных, пусть в основном и из стран Юга. Однако, их отъезд из Франции после учёбы, не говоря уже об «утечке» собственных «умов», свидетельствует о слабости возможностей делать науку именно во Франции в сравнении с США, Китаем, Израилем и прочими странами. И эти обстоятельства находятся уже вне сферы компетенций дипломатов.

¹⁸ Nunès E. En Chine, une multinationale à la conquête des élèves ingénieurs français. Le Monde, 05.09.2016. URL: http://www.lemonde.fr/campus/article/2016/09/05/en-chine-une-multinationale-a-la-conquete-des-eleves-ingenieurs-francais_4992776_4401467.html#CizD8uYxRTWsglBD.99 (Дата проверки 24.09.2016)

¹⁹ Miller M. A Haïfa, le Technion attire toujours plus d'étudiants français. Le Monde, 12.09.2016. URL: http://www.lemonde.fr/campus/article/2016/09/12/a-haifa-le-technion-attire-toujours-plus-d-etudiants-francais_4996025_4401467.html (Дата проверки 25.09.2016)

Список литературы

1. Дипломатическая служба зарубежных стран: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект-Пресс, 2015. 400 с.
2. Литвак Н.В. Дипломатия будущего – новый источник конфликтов? // Страховое дело. 2015, № 7. С.8-12.
3. Литвак Н.В. Информационные процессы во французской дипломатической службе. // Международная жизнь. 2015, № 11. С. 76-95.
4. Литвак Н.В. Философия как общеобразовательная дисциплина, находящаяся в поле конфликтов. Опыт Франции и России // Конфликтология. 2013. №4. С.7-21.
5. Торкунов А.В. По дороге в будущее-2. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2015. 552 с.
6. Шестопа́л А.В. Государство и гражданин: трагедия или драма? // Полис. 2011. №6. С. 181-182.
7. Шестопа́л А.В. Национальные фонды поддержки науки в контексте общества знаний / А.В. Шестопа́л, В.И.Коннов // Социально-политическая функция национальных научных фондов. М.:МГИМО-Университет, 2016. С. 5-18.
8. Kohler I. Gone for Good ? Partis pour de bon ? Les expatriés de l'enseignement supérieur français aux États-Unis. Paris, l'Institut Montaigne, 2010.
9. Lane Ph. French Scientific and Cultural Diplomacy. Liverpool University Press, 2013. 144 p.
10. Martin V. Les enjeux diplomatiques dans le Magasin encyclopédique (1795-1799) : du rejet des systèmes politiques à la redéfinition des rapports entre les nations. La Révolution française, 2 | 2012. URL: <http://lrf.revues.org/610> (Дата проверки 25.08.2014).
11. New frontiers in science diplomacy. London, The Royal Society, 2010. 32 p.
12. Taillé Ch., Guérin M. Constituer des réseaux d'influence : acteurs et vecteurs de la décision en affaires étrangères // Revue internationale et stratégique, 2003/4. No. 52. Pp.109-111.

Об авторах

Шестопа́л Алексей Викторович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России.

Литва́к Николай Витальевич – к.соц.н., доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №16-06-00534 «Практики научной дипломатии: естественнонаучные дисциплины в международном социально-политическом контексте».

SCIENCE DIPLOMACY: FRENCH EXPERIENCE

A.V. Shestopal, N.V. Litvak

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the formulation in France in the early twenty-first century of a new kind of diplomacy - science diplomacy. It studies the reasons for this process and its problems. On the one hand, the French foreign policy doctrine presupposes an ability to exercise certain influence on its international partners. However, its goals in this area are reduced to mere survival under conditions dictated by other countries. Modern trends in the world of science, which lead to integration, force to reconsider the attitude towards staff training, to research itself, and to its place and role in politics and diplomacy. However, an achievement of the French political class is an understanding of the main aspects of what is happening. This understanding leads to the search for ways to adapt to the new situation. At the same time, diplomats can operate only with those resources that are available to them. Competition with the US, China and other countries for scientific personnel and achievements cannot be won by diplomatic means alone, without backing by appropriate legal, economic and other efforts which provide favorable conditions for winning the competition. The main causes of France's unfavorable position in the struggle for an independent science are economic and political. It is they that lead to conditions, which prohibit French scientists to live up to their potential at home.*

Key words: science diplomacy, France, science, knowledge societies.

References

1. *Diplomatičeskaja služba zarubežnykh stran: Učebnik* [Diplomatic Service to foreign countries: Textbook] Ed. by A.V. Torkunova, A.N. Panova. M.: Aspekt-Press, 2015. 400 p. (In Russian).
2. Litvak N.V. Diplomatiia budushchego – novyi istochnik konfliktov? [Diplomacy of the future - a new source of conflict?] *Strakhovoe delo*. 2015, no. 7. Pp.8-12. (In Russian).
3. Litvak N.V. Informatsionnye protsessy vo frantsuzskoi diplomatičeskoi službe [Information processes in the French diplomatic service]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2015, no 11. Pp. 76-95. (In Russian).
4. Litvak N.V. Filosofii kak obščheobrazovatel'naja distsiplina, nakhodiashchiasia v pole konfliktov. Opyt Frantsii i Rossii [Philosophy as a secondary discipline in conflict field. The experience of France and Russia] *Konfliktologija*. 2013, no 4. Pp.7-21. (In Russian).
5. Torkunov A.V. *Po doroge v budushchee* [On the way to the future]. Moscow: Aspekt Press, 2015. 552 p. (In Russian).
6. Shestopal A.V. *Gosudarstvo i grazhdanin: tragediia ili drama?* [The State and the Citizen: tragedy or drama?] *Polis*. 2011, no 6. Pp. 181-182. (In Russian).
7. Shestopal A.V. Natsional'nye fondy podderzhki nauki v kontekste obščestva znaniï. *Sotsial'no-političeskaja funktsiia natsional'nykh nauchnykh fondov*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. P. 5-18. (In Russian).
8. Kohler I. *Gone for Good ? Partis pour de bon ? Les expatriés de l'enseignement supérieur français aux États-Unis*. Paris, l'Institut Montaigne, 2010.
9. Lane Ph. *French Scientific and Cultural Diplomacy*. Liverpool University Press, 2013. 144 p.
10. Martin V. Les enjeux diplomatiques dans le Magasin encyclopédique (1795-1799) : du rejet des systèmes politiques à la redéfinition des rapports entre les nations. *La Révolution française*, 2 2012. URL: <http://lrf.revues.org/610> (Accessed 25.08.2014).
11. *New frontiers in science diplomacy*. London, The Royal Society, 2010. 32 p.
12. Taillé Ch., Guérin M. Constituer des réseaux d'influence : acteurs et vecteurs de la décision en affaires étrangères. *Revue internationale et stratégique*. 2003/4. No. 52. Pp.109-111.

About the authors

Alexei V. Shestopal – D.Sc. (Philosophy), Professor, Head of Philosophy Department, MGIMO University.

E-mail: kfmgimo@gmail.com.

Nikolay V. Litvak – PhD, Associate Professor of Department of Philosophy, MGIMO University.

E-mail: jourfr@mail.ru.

ПОДДЕРЖКА НАУКИ В ЯПОНИИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

С.В. Проничкин

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. Россия, 117312, Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Создание Федерального агентства научных организаций, Российского научного фонда существенно изменило относительную значимость сложившихся в нашей стране механизмов финансирования науки и потребовало осмысления возможных последствий смены управленческой парадигмы для результативности российской науки. В эпицентре дискуссии оказались вопросы организации и финансирования исследований, обеспечения баланса интересов и ответственности государства, научного сообщества и деловых структур в определении научных приоритетов, диверсификации механизмов поддержки различных видов научной деятельности. В таком контексте особое значение приобретает зарубежный опыт поддержки науки. Япония представляет пример страны, в которой предложен новый подход к поддержке научных исследований. Поэтому представляется интерес нам рассмотреть суть нового механизма финансирования научных исследований в аспекте национальных особенностей научно-технической политики Японии и деятельности конкретных институций, осуществляющих поддержку научных исследований.

В основу работы положены принципы системного подхода с использованием общенаучных методов исследования, таких как классификационный и структурный анализ, сочетание логического и функциональных методов выявления причинно-следственных связей.

Структура статьи состоит из четырёх разделов. В первом проводится анализ организации и финансирования науки в Японии, рассмотрены последние изменения в научно-технической политике, которые привели к разработке новой схемы финансирования. Второй и третий разделы посвящены традиционным механизмам поддержки научных исследований в Японии, а именно грантовый и программно-целевой. В четвёртом разделе рассмотрен новый механизм поддержки научных исследований.

В работе выделены достоинства и недостатки традиционных механизмов поддержки научных исследований в Японии. Проведены параллели между подходами к поддержке научных исследований со стороны Японского общества содействия науке и Японского агентства по науке и технологиям. Сформулированы условия для того, чтобы новый механизм финансирования научных исследований эффективно функционировал. Эти условия включают: достаточность финансирования, мобильность научных кадров, наличие развитой научно-исследовательской инфраструктуры, а также высокую абсорбционную активность частного сектора экономики.

Ключевые слова: прикладные исследования, фундаментальные исследования, научные организации, грантовое финансирование, программно-целевое финансирование.

Наука в целом и её фундаментальная составляющая, в частности, испытывают возрастающее и разнонаправленное влияние экономических, социальных, политических и других «вненаучных» факторов. Технологическое развитие обусловило появление новых феноменов в научной сфере, например, таких как «технонаука», которые видоизменяют сложившиеся формы взаимодействия науки, бизнеса и государства. В этих условиях закономерны попытки понять, способна ли российская наука в её современном виде ответить на новые вызовы, есть ли резервы саморазвития и достаточны ли они для адаптации к изменяющейся «внешней среде», какими могут быть направления трансформации науки.

Эти аспекты крайне актуальны для России, где была проведена реформа Российской академии наук, вызвавшая в научных кругах и структурах управления широкую дискуссию. Создание Федерального агентства научных организаций (ФАНО), Российского научного фонда (РНФ) существенно изменило относительную значимость сложившихся в нашей стране механизмов финансирования науки и потребовало осмысления возможных последствий смены управленческой парадигмы для результативности российской науки. В эпицентре дискуссии оказались вопросы организации и финансирования исследований, обеспечения баланса интересов и ответственности государства, научного сообщества и деловых структур в определении научных приоритетов, диверсификации механизмов поддержки различных видов научной деятельности.

В этом контексте особое значение приобретает зарубежный опыт поддержки науки. Традиции и масштабы поддержки науки, сопутствующие механизмы принятия решений, процедуры отбора проектов, технологии сбора и обработки информации варьируются от страны к стране. В мировой практике сложилось два подхода к поддержке научных исследований [4].

Первый подход соответствует системе грантовой поддержки научных исследований. Инициативный проект, подготовленный творческим коллективом учёных, оценивается финансирующей организацией посредством процедуры peer review. В случае поддержки научного проекта коллектив авторов берёт на себя обязанность представить результаты исследований научному сообществу.

Второй подход соответствует системе программно-целевой поддержки научных исследований. В данном случае, заказчиком уже установлены цели и задачи научного исследования, осуществляется поиск исполнителей. Исполнителем проекта, как правило, является конкретная организация. Оценка заявок и полученных результатов осуществляется заказчиком.

Выбор того или иного подхода обусловлен многими факторами, зависит от стадии технологического развития страны, политического

режима, университетских традиций и роли научного сообщества в принятии решений [15, 19].

Существуют страны, например, Германия, Дания, Израиль, где подавляющая часть государственных ассигнований на науку приходится на программно-целевую поддержку научных учреждений. В других странах, например, в США, Южная Корея и Сингапур, значительная часть государственных ассигнований приходится на грантовый механизм поддержки научных исследований. В настоящее время в России происходит постепенный переход от программно-целевой поддержки научных исследований к грантовой, сокращается финансирование федеральных целевых программ [2]. Япония представляет пример страны, в которой предложен третий подход к поддержке научных исследований, учитывающий достоинства и недостатки существующих подходов.

Поэтому представляется интерес нам рассмотреть суть нового механизма финансирования научных исследований в Японии, в контексте национальных особенностей научно-технической политики и деятельности конкретных институций, осуществляющих поддержку научных исследований.

Организация и финансирование науки

Япония разительно отличается от других стран по специфике устройства общества и государства, по образу жизни людей, особенностям их мышления, выбору путей своего развития. Потерпев разгромное поражение во Второй мировой войне, Япония поставила цель догнать промышленно развитые страны, опираясь на свои собственные, достаточно скудные природные ресурсы и используя зарубежные достижения. Промышленная и научно-техническая стратегия Японии в 1950–80-х гг. была сфокусирована, главным образом, на заимствовании и воспроизводстве продуктов и процессов зарубежных промышленно развитых стран. В широких масштабах приобретались иностранные патенты и лицензии, осуществлялось не только копирование, но и существенное усовершенствование чужих изобретений.

В этот период для Японии была характерна замкнутая система реализации результатов внутренних исследований и разработок. Широко распространённая практика импорта технологий позволила сформировать межкорпоративные связи, которые содействовали капитализации результатов интеллектуальной деятельности. Такая практика позволила создать высокопрофессиональную рабочую силу в инновационных фирмах. Вместе с тем стратегия заимствования чужих результатов отрицательно влияла на состояние и развитие собственной научно-технической сферы Японии. Исследования и, прежде всего, фундаментальные, выполнявшиеся в системе высшего образования, в научных организациях промышленного сектора, оставались на довольно низком уровне, что

было обусловлено недостаточной подготовкой научных и педагогических кадров.

К концу 1980-х г. была осознана необходимость в новой стратегии научно-технического развития страны [16]. Даже без запуска каких-либо новых схем финансирования государственных расходов на науку непрерывно росли [13]. К концу 90-х совокупные расходы на исследования и разработки составляли 3% от ВВП, достигнув самых высоких показателей среди развитых стран. И уже в начале третьего тысячелетия Япония становится одним из мировых лидеров, имеет инновационную продукцию в ключевых секторах экономики, а по экспорту продукции в области высоких технологий уступает только США [7]. В настоящее время японские предприятия являются лидерами по всем направлениям мирового научно-технического прогресса.

Для поддержки научных исследований в 1996 г. создается Совет по науке и технологиям, который в 2001 г. был преобразован в Совет по научно-технической политике. Куда входит правительство Японии во главе с премьер-министром. В подчинении Совета находятся научные организации в лице представителей научного сообщества и представители промышленности. В состав правительства вводится новая должность – государственный министр по научно-технической политике. Основными приоритетами правительства Японии в области науки и технологий являются: поддержка фундаментальных и поисковых научных исследований; расширение финансовой поддержки научных исследований на конкурсной основе; постепенный отказ от системы пожизненного найма; создание условий для поддержки молодых учёных.

Приоритетные направления научных исследований и разработок Японии включают две группы. В первую группу входили: наука о новых материалах; нанотехнологии; науки о жизни; информационные технологии; телекоммуникационные технологии; охрана окружающей среды. Во вторую – критически важные для деятельности страны направления: развитие инфраструктуры; энергетика; изучение космического пространства и Мирового океана; обработка изделий и заготовок.

Для обеспечения нормативноправовой базы реализации политики в области науки и технологий подготовлены и приняты специальные законы [9]. Разработаны пятилетние планы развития науки и технологий, научно-технические программы [8]. Сформированы научные города, имеющее высокий научно-технический потенциал, например, построен город Цукуба, который объединяет университеты, государственные научно-исследовательские центры, лаборатории из ведущих промышленных предприятий [10].

Япония занимает третье место среди стран-членов и стран-партнёров ОЭСР по валовым

внутренним затратам на исследования и разработки, уступая лишь США и Китаю. В 2014 г. на эти цели было израсходовано 17,47 трлн. иен (166,8 млрд долларов США) или 3,59% ВВП. Финансирование научных исследований в Японии поступает из двух источников: государственное финансирование и финансирование от частного сектора, в основном, это представители промышленного комплекса страны. Три четверти национальных расходов на научные исследования и разработки приходится на частный сектор. Примерно одну пятую-шестую часть составляют средства государственного бюджета. Государственные расходы на научные исследования и разработки в четыре раза меньше, чем расходы частного сектора.

Государственный бюджет, который выделяется на поддержку научных исследований и разработок, распределяется между множеством министерств и ведомств Японии. В числе основных потребителей бюджета: Министерство экономики, торговли и промышленности (Ministry of Economy, Trade and Industry), Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии (Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology), Министерство сельского хозяйства, лесного хозяйства и рыболовства (Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries), Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения (Ministry of Health, Labour and Welfare).

Институциональная поддержка научных исследований и разработок за счёт бюджетных средств оказывается подведомственным организациям – государственным научным институтам, университетам. Такой же подход к «самообеспечению» науки господствует и в частном секторе. В этом аспекте финансовой поддержки научных исследований другие промышленно развитые страны разительно отличаются от японской системы [11].

Ассигнования на фундаментальные и прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки (ОКР) распределяются в государственных и частных научных организациях по-разному. В высших учебных заведениях на выполнение фундаментальных исследований расходуется около 55% средств, на прикладные исследования – 36%, на ОКР – 9%. В государственных научных организациях на фундаментальные исследования выделяется около 23% средств; на прикладные исследования – 33%, на ОКР – 44%. Иная картина наблюдается в частных организациях: около 7% средств приходится на фундаментальные исследования, 19% – на прикладные исследования, 74% – на ОКР. Эти пропорции приблизительно сохраняются на протяжении многих лет [12, 14].

Япония занимает ведущие позиции в прикладных исследованиях, хотя граница между фундаментальными и прикладными областями исследований постепенно исчезает, как, например, в информационных и коммуникационных

■ Исследовательские статьи

системах, микроэлектронике, био- и нанотехнологиях [18]. Число научно-исследовательских организаций в частном промышленном секторе увеличилось со 196 в 1976 г. до 497 в 1995 г. Однако за последние двадцать лет число таких организаций уменьшилось до 425 [26].

Правительство страны прилагает значительные усилия по увеличению численности и улучшению качества кадров японской науки. Начиная с 1949 г., японские учёные получили 24 Нобелевских премии по науке, причём 8 – в период с 2010 по 2016 гг. [27]. За последние 35 лет общее число работающих в организациях, выполняющих исследования и разработки, почти удвоилось, увеличившись с 644 тыс. человек в 1980 г. до 1189 тыс. человек в 2015 г.

Наиболее быстрыми темпами за эти годы росло число исследователей: с 395 тыс. до 926. Доля научных работников в общей численности возросла с 61,3% до 77,9% за счёт сокращения численности технического и обслуживающего персонала. Предпринимательский сектор показал значительный рост числа исследователей, увеличилась и их доля: с 46,9% до 59,3%. В государственном секторе, напротив, доля исследователей сократилась в университетах с 44,6% до 33,2%, в научных организациях – с 7,3% до 6,2% [30].

Япония стала приглашать на работу зарубежных учёных, иностранных специалистов и высококвалифицированных рабочих, хотя специфические ограничения на рынке рабочей силы затрудняют этот процесс [14, 19]. В настоящее время доля работников высшей квалификации, прибывших в Японию из других стран, остаётся одной из самых низких по сравнению со странами ОЭСР. Динамика

изменения числа иностранных исследователей, работающих в Японии, показана на рисунке 1 [30].

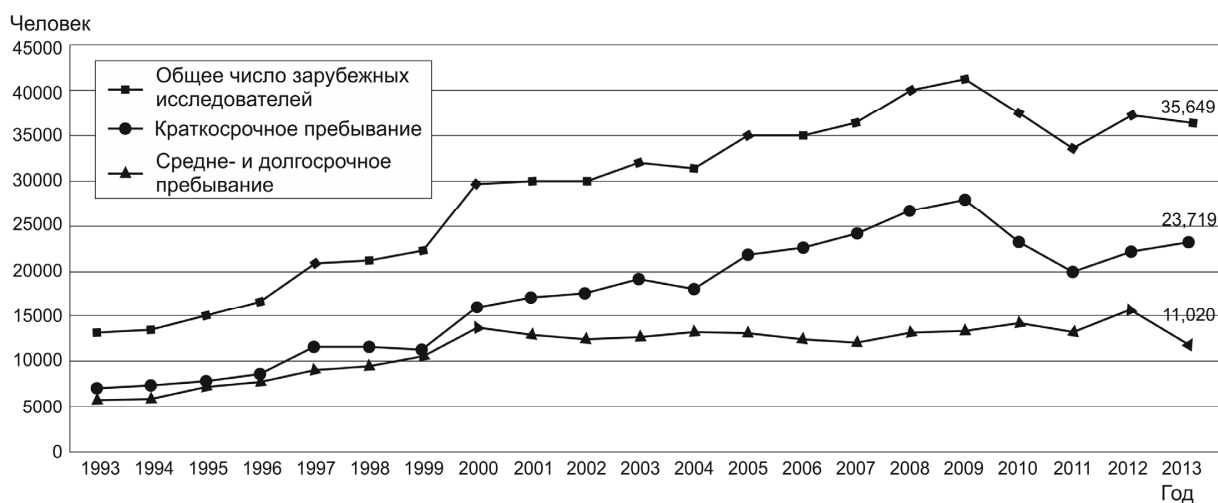
Японские корпорации и правительственные учреждения активно создают исследовательские центры в США и странах Европы [21]. Для участия в таких научно-исследовательских проектах активно привлекаются местные специалисты. В то же время, право на результаты научных исследований и разработок принадлежит учреждениям. В рамках сотрудничества с зарубежными университетами организуются новые кафедры, где проводятся заказные исследования за счёт специально выделяемых средств. Так, Массачусетский технологический институт в США ежегодно выполняет по японским заказам исследования и разработки на сумму 4 млн долларов, на японские пожертвования там образовано 12 кафедр [1].

В то же время, Япония существенно уступает другим странам в области глобальной интеграции. С 2008 г. доля инновационной продукции, выпускаемой иностранными компаниями в Японии, составляет всего 3%, например, в США этот показатель достигает 12%, а в странах ЕС – в среднем 16% [28]. Япония занимает последнее место среди стран ОЭСР по числу представительств иностранных фирм в научно-техническом секторе экономики [29]. Соответственно невысокими остаются и объёмы иностранных инвестиций в японские исследования и разработки.

Одними из основных распорядителей расходов государственного бюджета на научные исследования и разработки являются Японское общество содействия науке и Японское агентство по науке и технике, подведомственные Министерству образования, культуры, спор-

Рисунок 1.
Figure 1.

Число иностранных исследователей, работающих в Японии.
Number of foreign scholars in Japan.

Источник: White Paper on Science and Technology, 2015.
Source: White Paper on Science and Technology, 2015.

та, науки и технологии (Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology).

Грантовая поддержка научных исследований

Финансирование научных исследований на грантовой основе осуществляет Японское общество содействия науке (Japan Society for the Promotion of Science, JSPS), которое было основано в 1932 г. как некоммерческий фонд. В 1967 г. Общество получило статус квазиправительственной организации при японском министерстве образования и науки, что расширило полномочия и сферу его деятельности. В 2003 году Общество преобразовано в независимое административное учреждение.

Цель деятельности Японского общества содействия науке (ЯОСН) – способствовать развитию науки. Для этого Общество осуществляет разработку и реализацию национальных и международных программ, охватывающих все области теоретических и прикладных наук: математику, физику, химию, биологию, медицинские, сельскохозяйственные, социальные и гуманитарные науки. Перечень поддерживаемых ЯОСН проектов и программ не менее разнообразен, чем у Национального научного фонда США [3]. К основным задачам Общества относятся поддержка молодых учёных; содействие международному научному сотрудничеству; расширение сотрудничества между научным сообществом и промышленностью; сбор и распространение информации о научно-исследовательской деятельности.

Обществом руководит Консультативный совет, состоящий из президента ЯОСН, двух исполнительных директоров и двух генеральных инспекторов. В управляющую структуру Общества входят департаменты международных

программ, исследовательских программ, программ развития человеческих ресурсов, административный. В составе Общества имеются Исследовательский центр по научным системам, Информационный центр по глобальной науке, а также зарубежные бюро в США (Вашингтон и Сан-Франциско), Германии, Великобритании, Швеции, Франции, Таиланде, Китае, Египте, Кении.

Основным источником финансирования ЯОСН являются ежегодные субсидии японского правительства. Бюджет Общества на 2015 г. составил 305,3 млрд иен (около 3 млрд долларов США), из них 259,5 млрд иен было выделено на финансирование различных направлений поддержки научных исследований. В их числе: Фонд поддержки зарубежных исследователей, Фонд долгосрочной грантовой поддержки, специальные программы, Фонд поддержки зарубежных молодых исследователей, гранты для поддержки научных исследований, правительственные субсидии для ЯОСН. Распределение бюджета Общества приведено на рисунке 2 [23].

ЯОСН оказывает следующие виды финансовой поддержки индивидуальных и коллективных исследований.

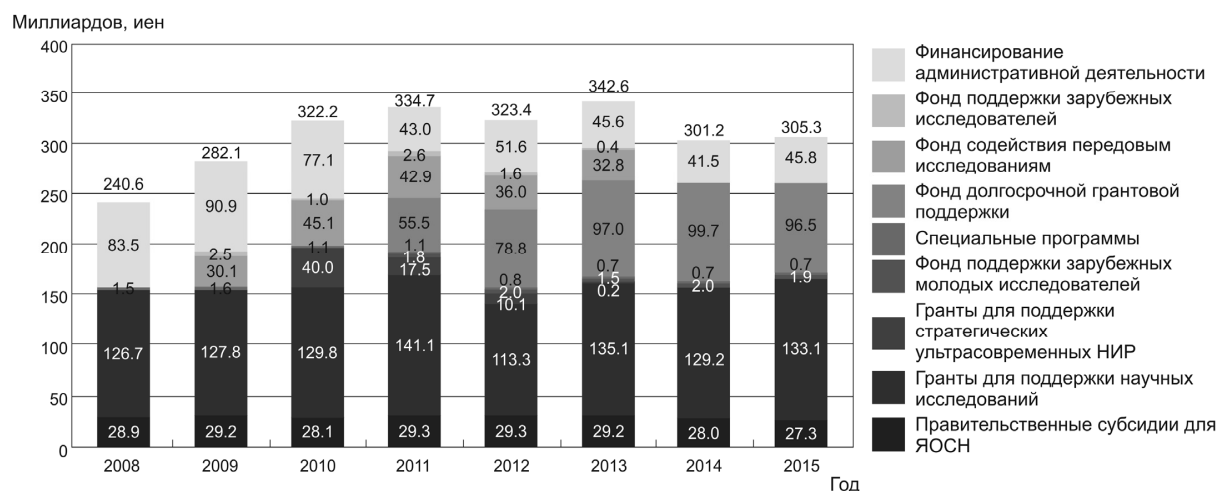
1) Грант для начальной исследовательской деятельности. Продолжительность выполнения проекта до 2 лет, размер гранта до 1,5 млн иен в год.

2) Грант для членов ЯОСН. Продолжительность выполнения проекта до 3-х лет, размер гранта до 1,5 млн иен в год.

3) Грант для молодых ученых в возрасте до 39 лет. Продолжительность выполнения проекта 2-4 года, размер индивидуального гранта до 5 млн иен, исследовательского гранта от 5 до 30 млн иен на проект.

Рисунок 2.
Figure 2.

Распределение бюджета ЯОСН по направлениям расходов.
JSPS Budget allocations.

Источник: Japan Society for the Promotion of Science. Budget transition, 2016.

Source: Japan Society for the Promotion of Science. Budget transition, 2016.

■ Исследовательские статьи

4) Грант для ранней стадии перспективного поискового исследования. Продолжительность выполнения проекта 1-3 года, размер гранта до 5 млн. иен на проект.

5) Грант для творческого исследования. Продолжительность выполнения проекта 3-5 лет, размер индивидуального гранта до 5 млн иен, исследовательского гранта от 5 до 20 млн иен на проект.

6) Грант для научного исследования, способствующего коммерческому продвижению результатов творческих исследований. Продолжительность выполнения проекта до 5 лет, размер гранта от 50 до 200 млн иен на проект.

7) Грант для научного исследования в инновационных сферах, способствующего созданию новых или коммерциализации существующих областей путём выполнения взаимосвязанных или совместных исследований. Продолжительность выполнения проекта до 5 лет, размер гранта от 10 до 300 млн иен на проект.

8) Грант для всемирно признанного исследования со специальным стимулированием. Продолжительность выполнения проекта 3-5 лет, размер гранта 500 млн иен и более на проект.

На рисунке 3 показано число поданных и поддержанных заявок на гранты ЯОСН [25].

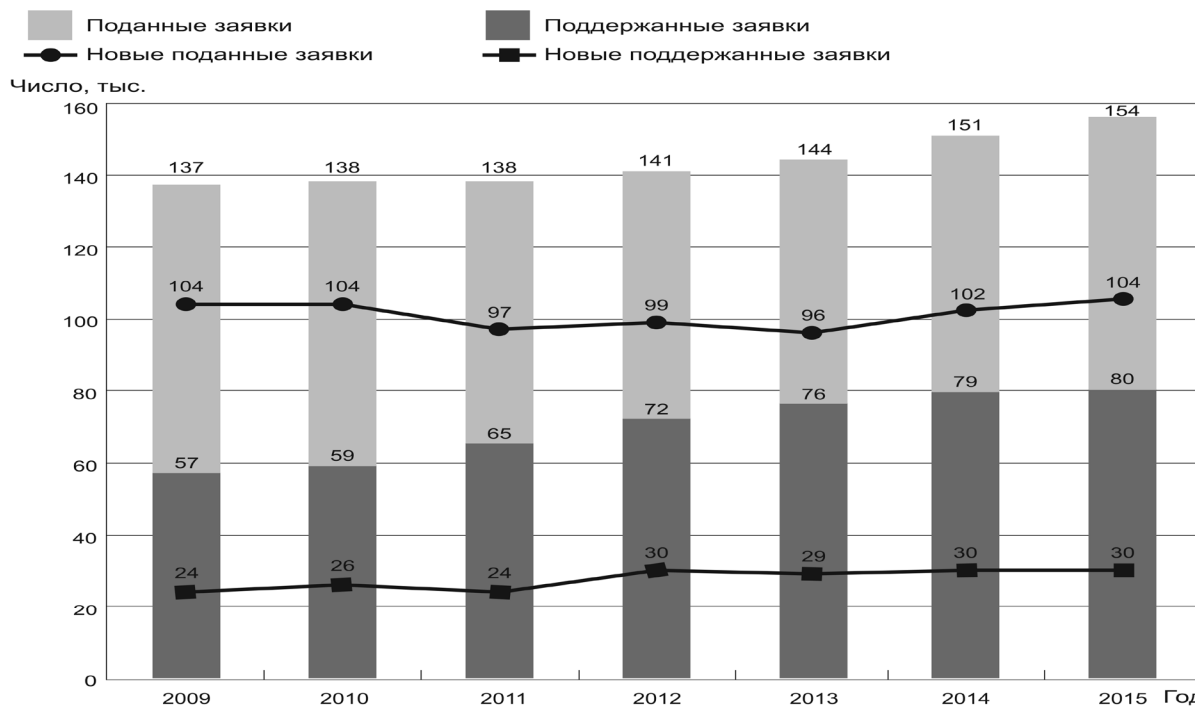
Для развития международного научного сотрудничества ЯОСН реализует на грантовой основе ряд международных программ, среди которых организация визитов иностранных учёных в Японию, включая предоставление стипендий иностранным учёным и исследователям с учёной степенью; международные научные проекты и организация научных конференций; двусторонние программы сотрудничества с зарубежными вузами и научными учреждениями, предусматривающие обмен учёными, проведение совместных исследований и семинаров, сотрудничество исследовательских центров и другие виды деятельности. В программах могут принимать участие учёные всех стран, имеющих дипломатические отношения с Японией.

Рассмотрим более детально несколько программ ЯОСН, способствующих повышению мобильности научных работников, где получателями грантов являются индивидуальные исследователи.

Программа стажировки иностранных исследователей, недавно получивших учёную степень, предоставляет молодым и способным зарубежным учёным возможность проводить совместные исследования с ведущими исследовательскими коллективами в университетах и других японских организациях. При подаче заявок через японскую организацию исследова-

Рисунок 3.
Figure 3.

Число поданных и поддержанных заявок на гранты ЯОСН.
Number of applications and received grants from JSPS.

Источник: Japan Society for the Promotion of Science. Number of applications and grants awarded, 2016.

Source: Japan Society for the Promotion of Science. Number of applications and grants awarded, 2016.

ния можно проводить по любым направлениям гуманитарных, социальных, естественных наук, включая технические и медицинские. При подаче заявок через иностранную организацию область исследований определяется спецификой данной организации.

Продолжительность стажировки – 12 месяцев. Учёному покрываются расходы на проезд к месту назначения и поездок по Японии, медицинскую страховку, оплачивается месячное содержание, в том числе членов его семьи, проживание, а также выдаются подъёмные. Кроме того, можно получить грант внутри гранта для покрытия расходов на проведение исследований. Возраст получателя гранта не ограничен.

Претендент на грант должен иметь на момент начала действия гранта учёную степень, эквивалентную PhD и полученную не ранее, чем за пять лет до начала финансового года (1 апреля), в котором начинается стажировка; заранее согласовать с японским ученым планы совместных исследований. Заявки на грант подготавливаются принимающим учёным и направляются в ЯОСН через принимающую организацию.

Право на приём имеют японские учёные, работающие в университетах, институтах в составе университетов, исследовательских институтах и научно-исследовательских корпорациях, находящихся в ведении Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии. Другие организации могут привлекаться только с одобрения ЯОСН.

Программа долгосрочной стажировки для проведения исследований в Японии обеспечивает организацию визитов иностранных учёных для проведения совместных исследований с японскими учёными на базе университетов и научно-исследовательских организаций Японии. Право на участие в программе имеют профессора (доценты) и преподаватели университетов. Срок стажировки - от 6 до 10 месяцев, продолжительность пребывания в каждом конкретном случае определяет ЯОСН. Получателю гранта оплачиваются расходы на проведение исследований, проезд к месту назначения, месячное содержание и проживание, расходы на медицинское страхование.

Программа краткосрочной стажировки для проведения исследований в Японии обеспечивает организацию визитов известных учёных для участия в дискуссиях, семинарах, чтения курсов лекций и т.п. Право на участие в программе имеют высококвалифицированные научные работники, профессора и преподаватели университетов, другие лица, имеющие значительный профессиональный опыт. Срок стажировки - от 14 до 60 дней. Получателю гранта оплачиваются проезд к месту назначения и поездки внутри страны, суточное содержание, расходы на медицинское страхование.

Финансирование научных исследований в форме грантов зависит от заявленных и ожи-

даемых результатов инициативного проекта. Результатом инициативного проекта является новое знание, которое находит свое отражение в виде публикации. Ключевым элементом грантовой формы поддержки научных исследований является процедура «рецензирование коллегами» (peer review). Вначале такую процедуру, организованную со стороны ЯОСН, проходят заявленные результаты, а затем – полученные результаты. После того как результаты исследования направляются в журнал для публикации они снова проходят процедуру рецензирования. Наконец, после опубликования, результаты исследования становятся объектом пристального внимания со стороны научного сообщества в соответствующей области научного знания. Такая серия повторных рецензирования позволяет обеспечить высокое качество научных исследований.

В то же время, как показала практика ЯОСН, существуют случаи, когда грантовая форма поддержки является неэффективной. Применительно к «пионерским» научным задачам не всегда удаётся подобрать экспертов для проведения процедуры «рецензирование коллегами». С подобной проблемой столкнулся Российский научный фонд объявив конкурс по нейронаукам [26]. Распыление субсидии ЯОСН между множеством инициативных проектов приводит к недофинансированию крупных передовых исследований, которые имеют крайнюю важность для стратегического развития научно-технического комплекса Японии. По этим причинам с 2014 г. прекратилось выделение грантов ЯОСН для поддержки стратегических ультрасовременных НИР.

Программно-целевая поддержка научных исследований

Финансирование научных исследований на программно-целевой основе осуществляет Японское агентство по науке и технологиям (Japan Science and Technology Agency, JST), которое было образовано в 2003 г. в качестве независимого административного учреждения путём реорганизации Японской корпорации по науке и технологиям (Japan Science and Technology Corporation), возникшей в 1996 г. в результате слияния двух ранее существовавших организаций: Японского информационного центра по науке и технологиям и Корпорации развития научных исследований Японии.

Японский информационный центр по науке и технологиям (Japan Information Center of Science and Technology) был основан в 1957 г. как основное учреждение Японии, обеспечивающее японскую общественность национальной и международной информацией о науке и технике. Корпорация развития научных исследований Японии (Research Development Corporation of Japan) была организована в 1961 г. для уменьшения зависимости страны от зарубежных технологий, отбора и поддержки выдающихся

■ Исследовательские статьи

исследований, проводимых в университетах и научно-исследовательских институтах Японии, обеспечения быстрого использования научных результатов в частном секторе [6].

Цель Японского агентства по науке и технологиям (ЯАНТ) – продвижение науки и технологии, создание условий для лучшего понимания научно-технических проблем Японии, повышения благосостояния и процветания нации. Для этого Агентство: осуществляет разработку научно-исследовательской стратегии создания инноваций; способствует продвижению инноваций, реализуя стратегические программы фундаментальных исследований, научно-исследовательские программы, программы переноса технологий, программы международного сотрудничества; формирует инфраструктуру для создания инноваций, которая включает распространение научно-технической информации, продвижение образования в области естественных наук, продвижение научных коммуникаций [24].

Бюджет ЯАНТ вырос с 109,4 млрд иен в 2004 г. до 135,6 млрд иен в 2014 г., в том числе правительственные субсидии составили 100,9 млрд иен.

Стратегические программы фундаментальных исследований способствуют поиску путей решения важных проблем, стоящих перед Японией. В их числе природа и окружающая среда, жизнь, нанотехнологии и материалы, информационные и коммуникационные технологии, общество и социальная инфраструктура. Программы направлены на создание революционных технологических заделов, основанных на новых научных знаниях, которые могут обеспечить достижение стратегических целей страны, изменить экономику и общество. Продолжительность проекта до 5 лет. Средний размер финансирования 1,2 млрд иен. Отметим следующие базовые стратегические программы [25]:

1) Стратегическая программа международных совместных исследований (Strategic International Research Cooperative Program, SICP) основана на межправительственных соглашениях по сотрудничеству в области науки и техники. По программе на равной основе финансируются совместные научные проекты японских учёных в приоритетных областях исследований, которые были поддержаны обеими странами. Оказывается поддержка срочных совместных проектов, а также проектов, касающихся бедствий и других непредвиденных событий в Японии и за границей.

2) Стратегическая программа международного научного сотрудничества Strategic International Collaborative Research Program, SICORP) основана на межправительственных соглашениях с развитыми странами и регионами по сотрудничеству в области науки и техники. По программе финансируются научные проекты, направленные на решение общих

для стран научных проблем и способствующие расширению научных и технологических возможностей Японии.

3) Программа поисковых исследований для передовых технологий (Exploratory Research for Advanced Technology, ERATO) реализуется с 1981 г. Поддерживает ориентированные фундаментальные исследования в определённых правительством ключевых областях, где существует большой потенциал для новых технологий, обеспечивающих удовлетворение социально-экономических потребностей. Программа имеет высокое признание как внутри Японии, так и за рубежом. Примеры полученных результатов:

- технологии предотвращения пандемии гриппа нового штамма;
- передача электрического сигнала через прозрачные материалы;
- создание высокоэффективных солнечных батарей, используя процесс покрытия жидким кремнием.

4) Программа предварительных исследований в областях науки и техники, находящихся в зачаточном состоянии (Precursory Research for Embryonic Science and Technology, PRESTO), реализуется с 1991 г. Стимулирует ориентированные фундаментальные исследования в стратегических областях, где возможно появление инноваций, способных породить новые технологии, новые отрасли промышленности, привести к социально-экономической революции. Примеры полученных результатов:

- технология местных флуоресцентных проб для отображения опухолей;
- наблюдение волны терагерцовой частоты, используя последовательную вибрацию атомов кремния.

5) Программа стратегического продвижения инновационных исследований и разработок (Strategic Promotion of Innovative Research and Development, SPIRD) реализуется с 2001 г. Способствует сближению академических учёных и бизнеса для создания инноваций, основанных на результатах перспективных научных исследований и разработок.

Для перечисленных выше программ характерно, что цели и задачи исследований не устанавливаются исполнителями проектов. Контроля качества полученных результатов с использованием процедуры «рецензирование коллегами» в явном виде не происходит. Осуществляется проверка соответствия полученных результатов требованиям, установленным в техническом задании. Отличительной особенностью проектов, выполняемых в рамках программ ЯАНТ, является наличие работ, которые не относятся к категории НИР [28], но являются необходимыми для достижения поставленных целей. Основным потребителем полученных результатов является заказчик работ - государство, а существенные для последующего внедрения сведения недоступны для всех заинтересованных сторон и

находятся в преимущественном распоряжении исполнителей и сотрудников-экспертов ЯАНТ, осуществляющих приемку результатов. Такая ситуация создаёт предпосылки для увеличения числа коммерчески эффективных результатов, которые не будут освоены частным сектором экономики страны.

Новый механизм финансирования научных исследований

До недавнего времени основной задачей научно-технической политики в Японии было осуществление прямой поддержки инициативных проектов творческих коллективов ученых. Средства, выделяемые на поддержку научных исследований в форме грантов в два раза превосходили программно-целевую поддержку. Тогда как число цитирований научных исследований, поддержанных в форме грантов, ЯОСН в полтора раза ниже, чем число цитирований научных исследований, получивших программно-целевую поддержку ЯАНТ. Начиная с 2014 г. внимание переключилось на решение социально-экономических проблем на национальном и местном уровнях. Крайне важными задачами научно-технической политики Японии стали мобилизация исследовательских ресурсов и координация сотрудничества академического сообщества, государства и частного сектора экономики страны. Существовала взаимная несовместимость между проведением инициативных научных исследований и целевой научно-исследовательской деятельностью. В Японии, так же как и в других странах, исследовательская деятельность в академическом секторе характеризуется как автономная, снизу-вверх деятельность. Учитывая изложенное, в ЯАНТ был разработан новый механизм финансирования научных исследований, который отвечает на социальные и экономические потребности, будучи одновременно совместимым с проведением инициативных научных исследований.

Новый механизм был апробирован в рамках программы ключевых исследований для изменяющихся областей науки и техники (Core Research for Evolutional Science and Technology, CREST). Программа предназначена для стимулирования научных исследований, в которых могут быть получены прорывные результаты.

Предварительно по каждой стратегической области исследования ЯАНТ назначает координатора и научных руководителей, представителей научного сообщества и частного сектора, отвечающих за отбор проектов, составление планов исследований, принятие исследователей на работу.

Объявляется конкурс на представление заявок на научные исследования по каждой области Программы. Научные руководители и координаторы областей проводят анализ полученных предложений, по результатам которого сначала отбирают кандидатов для интервью, а

после проведения интервью отбирают претендентов на получение финансирования. Основываясь на результатах предварительного отбора, сотрудники Агентства делают окончательный отбор проектов, выполняемых индивидуальными исследователями и исследовательскими группами.

С помощью консультаций, оказываемых научными руководителями, для каждого исследователя подготавливается подробный план работы. Заключаются комиссионные соглашения с индивидуальными исследователями на выполнение проектов и соглашения с научным институтом, где работают исследовательские группы.

Для каждого проекта создается свой собственный интернет-сайт, на котором отражается ход реализации проекта. Таким образом, образуются виртуальные институты и формируются сетевые структуры, которые объединяют исследователей, работающих по Программе. Широкий доступ к таким сетям заинтересованных представителей бизнеса и общества, других исследователей способствует быстрому продвижению получаемых результатов.

Новый механизм финансирования научных исследований позволил создать революционные технологические заделы для инноваций в стратегических областях. Примеры полученных результатов:

- способ генерации человеческих индуцированных плюрипотентных клеток;
- технология синтеза вирусов;
- 2D наноматериалы, имеющие толщину размера молекулы;
- высокотемпературные сверхпроводящие материалы, позволяющие проводить ток высокой частоты.

В центре нового механизма финансирования научных исследований находится координатор, который связывает воедино частный сектор, который контролирует выделение средств, необходимых для ответа на научно-технические вызовы, а также сообщество учёных, которые обладают научными компетенциями для реализации проектов. При таком подходе каждое научное исследование затрагивает общественные интересы, методы исследования определяются учёными, и каждый проект остается под пристальным наблюдением.

В то же время, необходимо выполнение ряда условий, чтобы новый механизм финансирования научных исследований эффективно функционировал. Эти условия включают: достаточность финансирования, мобильность научных кадров, наличие развитой научно-исследовательской инфраструктуры, а также высокую абсорбционную активность частного сектора экономики [5].

Япония представляет пример страны, в которой значительное внимание уделяется поддержке научных исследований и разработок. Она входит в число стран-лидеров по расхо-

■ Исследовательские статьи

дам на науку как в общем объёме, так по доле в валовом национальном продукте. Активно привлекает зарубежных учёных для проведения фундаментальных исследований. В то же время, Япония существенно уступает другим странам в области глобальной интеграции прикладных научных исследований и разработок. Занимает последнее место среди стран ОЭСР по числу представительств иностранных фирм в научно-техническом секторе экономики. Соответственно невысокими остаются и объёмы иностранных инвестиций в японские исследования и разработки.

До недавнего времени основной задачей научно-технической политики в Японии было осуществление прямой поддержки научных исследований в форме грантов. Такая форма поддержки является эффективным механизмом реализации инициативных проектов, а применяемая серия повторных рецензирования позволяет обеспечить высокое качество полученных результатов. В то же время, как показала практика Японского общества содействия науке, существуют случаи, когда грантовая форма поддержки является неэффективной. Применительно к пионерским научным задачам не всегда удается подобрать экспертов для проведения процедуры «рецензирование коллегами». Распыление субсидии между множеством инициативных проектов приводит к недофинансированию крупных передовых исследований, которые имеют крайнюю важность для стратегического развития научно-технического комплекса Японии.

С целью решения стратегических задач в научно-технической сфере Японии применяется программно-целевой механизм финансирования. Для такого механизма характерно то, что цели и задачи исследований не устанавливаются исполнителями проектов. Контроля качества полученных результатов, используя процедуру «рецензирование коллегами», в явном виде не происходит. Осуществляется проверка соответствия полученных результатов требова-

ниям, установленным в техническом задании. Для такого механизма существует асимметрия информации между исполнителями проектов и частным сектором экономики.

Для решения задачи мобилизации исследовательских ресурсов и координации сотрудничества академического сообщества, государства и частного сектора экономики, разработан новый механизм финансирования научных исследований, который отвечает на социальные и экономические потребности, будучи одновременно совместимым с проведением инициативных научных исследований. С помощью консультаций, оказываемых научными руководителями, для каждого исследователя подготавливается подробный план работы. Заключаются комиссионные соглашения с индивидуальными исследователями на выполнение проектов и соглашения с научным институтом, где работают исследовательские группы. Образуются виртуальные институты и формируются сетевые структуры, которые объединяют исследователей, работающих над научными проектами. Широкий доступ к таким сетям заинтересованных представителей бизнеса и общества, других исследователей способствует быстрому продвижению получаемых результатов.

Выбор того или иного механизма обусловлен многими факторами. Зависит от стадии технологического развития страны, политического режима, университетских традиций и роли научного сообщества в принятии решений. В настоящее время в России происходит постепенный переход от программно-целевой поддержки научных исследований к грантовой, сокращается финансирование федеральных целевых программ. Представляется важным диверсификация механизмов поддержки различных видов научной деятельности. Новый механизм финансирования научных исследований Японии может оказаться полезным для обеспечения баланса интересов и ответственности государства, научного сообщества и деловых структур России.

Список литературы

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.М. Финансирование науки в развитых странах мира: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2007. 116 с.
2. Колчина О.А. Анализ формирования и реализации федеральных целевых программ // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. №8 (133). С. 85-94.
3. Коннов В.И. Финансирование фундаментальных исследований в научной политике США // Вестник РФИ. 2009. №1. С 18-20.
4. Проничкин С.В. Абсорбционный потенциал результатов целевых государственных научно-технических программ: опыт теоретического исследования // Экономический анализ: теория и практика. 2016. №4 (451). С. 122-136.
5. Проничкин С.В. Абсорбционный потенциал результатов целевых государственных научно-технических программ: опыт эмпирического исследования // Экономический анализ: теория и практика. 2016. №1 (448). С 30-42.

6. Стенограмма заседания Совета по науке и образованию. 21.01.2016 г. Режим доступа: www.kremlin.ru/events/president/news/51190 (дата обращения 26.05.2016).
7. Abou C., Berthier A., Bousquet I. La JST pour la promotion de la recherche // *Bio Actualite*. 1997. Vol. 1. No. 163. P.4.
8. Chu H. Investments in response to trade policy: The case of Japanese firms during voluntary export restraints // *Japan and the World Economy*. 2014. Vol. 32. Pp. 14-36.
9. Kitagawa F. The Regionalization of Science and Innovation Governance in Japan // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41. No. 8. Pp. 1099-1114.
10. Kiyota K., Okazaki T. Assessing the effects of Japanese industrial policy change during the 1960s // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2016. Vol. 40. Pp. 31-42.
11. Kondo M. Regional innovation policy and venturing clusters in Japan // *Asian Journal of Technology Innovation*. 2006. Vol. 14. No. 2. Pp. 167-181.
12. Fujii H., Managi Sh. Research and development strategy for environmental technology in Japan: A comparative study of the private and public sectors // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 2. Pp. 121-131.
13. Fukugawa N. Heterogeneity among science parks with incubators as intermediaries of research collaborations between startups and universities in Japan // *International Journal of Technology Transfer and Commercialisation*. 2013. Vol. 12. No. 4. Pp. 231-262.
14. JSPS. Japan Society for the Promotion of Science. Режим доступа: www.jsps.go.jp (дата обращения 26.05.2016).
15. JST Breakthrough Report. Tokyo: JSP Publishing, 2016. 108 p.
16. JST. Japan Science and Technology Agency. Режим доступа: www.jst.go.jp (дата обращения 26.05.2016).
17. Hideki H. Editorial: Science Policy in Japan // *Science*. 1996. Vol. 272. No. 5268. P. 1567.
18. Life in Japan for Foreign Researchers. Tokyo: JSPS Publishing, 2015. 116 p.
19. Low M., Nakayama S., Yoshioka H. Science, Technology and Society in Contemporary Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 277 p.
20. Lynn L. Japanese Research and Technology Policy // *Science*. 1986. Vol. 233. No. 4761. Pp. 296-301.
21. METI. Ministry of Economy, Trade and Industry. Режим доступа: www.meti.go.jp (дата обращения 26.05.2016).
22. Mikami K. State-Supported Science and Imaginary Lock-in: The Case of Regenerative Medicine in Japan // *Science as Culture*. 2015. Vol. 24. No. 2. Pp. 183-204.
23. Motoyama Y. Long-term collaboration between university and industry: A case study of nanotechnology development in Japan // *Technology in Society*. 2014. Vol. 36. pp. 39-51.
24. Nobel Laureates and Country of Birth. Режим доступа: www.nobelprize.org (дата обращения 26.05.2016).
25. OECD Economic Surveys: Japan 2015. Paris: OECD Publishing, 2015. 146 p.
26. OECD. Organization for Economic Co-operation and Development. Режим доступа: www.oecd.org (дата обращения 26.05.2016).
27. Sarewitz D. Does Science Policy Matter? // *Issues in Science and Technology*. 2007. Vol. 23. No. 4. pp. 31-38.
28. Sigurdson J. Science and Technology in Japan. Essex: Cartermill Publishing, 1995. 356 p.
29. Walsh J., Huang H. Local context, academic entrepreneurship and open science: Publication secrecy and commercial activity among Japanese and US scientists // *Research Policy*. 2014. Vol. 43. No. 2. pp. 245-260.
30. White Paper on Science and Technology. Results of Promotion of Science and Technology. Tokyo: MEXT Publishing, 2015. 329 p.

Об авторе

Проничкин Сергей Васильевич – к.т.н., старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. E-mail: pronichkin@mail.ru.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-02-00173а.

THE SUPPORT OF SCIENCE IN JAPAN: ORGANIZATIONAL FORMS AND FINANCIAL MECHANISMS

S.V. Pronichkin

Federal Research Center "Computer Science and Control" of Russian Academy of Sciences, 9 pr-t 60-letia Oktabria, Moscow, 117312, Russia.

Abstract: Recent organizational and structural changes have significantly changed the relative importance of research funding mechanisms in Russia. There is a need for understanding the possible effects of changes to Russian science. In this context, particular important to research a foreign experience of research funding. For example in Japan have developed a new approach to research funding.

It is important to consider the essence of the new approach to research funding, in the aspect of national characteristics of research policy in Japan. It is also necessary to take into account the specific activities of the research funding institutions.

The article highlights the advantages and disadvantages of the traditional mechanisms of research funding in Japan. The author draws parallels between the approaches to research funding by the Japan Society for the Promotion of Science and the Japan Science and Technology Agency. The recent changes in research policy, which led to development of the new funding scheme are described. The new research funding scheme is analyzed. The necessary conditions for effectively functioning of the new research funding scheme are identified. These conditions include adequacy of funding, mobility of research personnel, advanced research infrastructure, high absorption capability of the private sector.

Key words: applied research, basic research, scientific organizations, grant funding, program-oriented funding.

References

1. Avdulov A.N., Kul'kin A.M. *Finansirovanie nauki v razvitykh stranakh mira: Analiticheskii obzor* [Financing of science in the developed world: Analytical Review]. Moscow, INION RAN Publ., 2007. 116 p. (In Russian).
2. Kolchina O.A. Analiz formirovaniia i realizatsii federal'nykh tselevykh programm [Analysis of the formation and implementation of federal target programs]. *Izvestiia IuFU. Tekhnicheskie nauki*, 2012, no. 8 (133), pp. 85-94. (In Russian).
3. Konnov V.I. Finansirovanie fundamental'nykh issledovaniy v nauchnoi politike SShA [Funding for basic research in the US science policy]. *Vestnik RFFI*, 2009, no. 1, pp. 18-20. (In Russian).
4. Pronichkin S.V. Absorbtsionnyi potentsial rezul'tatov tselevykh gosudarstvennykh nauchno-tekhnicheskikh programm: opyt teoreticheskogo issledovaniia [The absorption capacity of the results of targeted state scientific and technical programs: experience of theoretical research]. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, 2016, no. 4 (451), pp. 122-136. (In Russian).
5. Pronichkin S.V. Absorbtsionnyi potentsial rezul'tatov tselevykh gosudarstvennykh nauchno-tekhnicheskikh programm: opyt teoreticheskogo issledovaniia [The absorption capacity of the results of targeted state scientific and technical programs: the experience of empirical research]. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, 2016, no. 1 (448), pp. 30-42. (In Russian).
6. *Stenogramma zasedaniia Soveta po nauke i obrazovaniu 21 janvarja 2016 goda* [Transcript of the meeting of the Council for Science and Education January 21, 2016]. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/51190 (Accessed: 26.05.2016).
7. Abou C., Berthier A., Bousquet I. La JST pour la promotion de la recherche. *Bio Actualite*, 1997, vol. 1, no. 163, p. 4.
8. Chu H. Investments in response to trade policy: The case of Japanese firms during voluntary export restraints. *Japan and the World Economy*, 2014, vol. 32, pp. 14-36.
9. Kitagawa F. The Regionalization of Science and Innovation Governance in Japan. *Regional Studies*, 2007, vol. 41, no. 8, pp. 1099-1114.
10. Kiyota K., Okazaki T. Assessing the effects of Japanese industrial policy change during the 1960s. *Journal of the Japanese and International Economies*, 2016, vol. 40, pp. 31-42.
11. Kondo M. Regional innovation policy and venturing clusters in Japan. *Asian Journal of Technology Innovation*, 2006, vol. 14, no. 2, pp. 167-181.

12. Fujii H., Managi Sh. Research and development strategy for environmental technology in Japan: A comparative study of the private and public sectors. *Technological Forecasting and Social Change*, 2016, vol. 2, pp. 121-131.
13. Fukugawa N. Heterogeneity among science parks with incubators as intermediaries of research collaborations between startups and universities in Japan. *International Journal of Technology Transfer and Commercialization*, 2013, vol. 12, no. 4, pp. 231-262.
14. JSPS. *Japan Society for the Promotion of Science*. URL: www.jsps.go.jp (Accessed: 26.05.2016).
15. *JST Breakthrough Report*. Tokyo: JSP Publishing, 2016. 108 p.
16. *JST. Japan Science and Technology Agency*. URL: www.jst.go.jp (Accessed: 26.05.2016).
17. Hideki H. Editorial: Science Policy in Japan. *Science*, 1996, vol. 272, no. 5268, p. 15-67.
18. *Life in Japan for Foreign Researchers*. Tokyo, JSPS Publishing, 2015. 116 p.
19. Low M., Nakayama S., Yoshioka H. *Science, Technology and Society in Contemporary Japan*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 277 p.
20. Lynn L. Japanese Research and Technology Policy. *Science*, 1986, vol. 233, no. 4761, pp. 296-301.
21. METI. *Ministry of Economy, Trade and Industry*. URL: www.meti.go.jp (Accessed: 26.05.2016).
22. Mikami K. State-Supported Science and Imaginary Lock-in: The Case of Regenerative Medicine in Japan. *Science as Culture*, 2015, vol. 24, no. 2, pp. 183-204.
23. Motoyama Y. Long-term collaboration between university and industry: A case study of nanotechnology development in Japan. *Technology in Society*, 2014, vol. 36, pp. 39-51.
24. *Nobel Laureates and Country of Birth*. URL: www.nobelprize.org (Accessed: 26.05.2016).
25. *OECD Economic Surveys: Japan 2015*. Paris, OECD Publishing, 2015. 146 p.
26. *OECD. Organization for Economic Co-operation and Development*. Available at: www.oecd.org (Accessed: 26.05.2016).
27. Sarewitz D. Does Science Policy Matter? *Issues in Science and Technology*, 2007, vol. 23, no. 4, pp. 31-38.
28. Sigurdson J. *Science and Technology in Japan*. Essex, Cartermill Publishing, 1995. 356 p.
29. Walsh J., Huang H. Local context, academic entrepreneurship and open science: Publication secrecy and commercial activity among Japanese and US scientists. *Research Policy*, 2014, vol. 43, no. 2, pp. 245-260.
30. *White Paper on Science and Technology. Results of Promotion of Science and Technology*. Tokyo: MEXT Publishing, 2015. 329 p.

About the author

Sergei V. Pronichkin – PhD in Technical Sciences, Senior Researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences. E-mail: pronichkin@mail.ru.

НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА В ИСПАНИИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ И ВОСПРИЯТИЕ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ

В.М. Новикова

Центр сравнительного науковедения. 123308 Москва, ул. Куусинена 4а корп. 1.

В статье изучаются вопросы организации и финансирования государственной политики Испании в области научно-технических исследований и инновационной деятельности, её институциональные основы и нормативно-правовая база, а также анализируется проблема восприятия испанским обществом научных исследований и труда учёных. Для решения поставленных автором задач были использованы методы работы с текстами, интервьюирования и экспертных оценок. Вначале были рассмотрены законодательные основы научно-технической политики испанского Королевства и теоретическая база её выработки и реализации на практике. Затем автор анализирует институциональные характеристики научной политики в стране, в частности главные органы её координации, финансирования и имплементации, включая их функциональные полномочия. В заключение исследуются отношения испанцев к науке в целом, внедрению новых технологий и использованию источников материального обеспечения научных разработок. В статье делается вывод о том, что в последние 10 лет испанскими властями предпринимаются достаточно активные шаги по совершенствованию законодательства в сфере науки в целях обеспечения эффективного внедрения инноваций и повышения общей конкурентоспособности страны на международной арене. Важным выводом также стала констатация тенденции на позитивные сдвиги в общественном восприятии научной деятельности и активизации диалога научного сообщества и общественности.

Ключевые слова: наука, научно-технические исследования, НИОКР, Испания, инновационный потенциал, отношения науки и общества.

Поскольку одной из системообразующих тенденций эволюции современного мира является уровень научно-технологического развития стран, многие государства стремятся интенсифицировать сферу НИОКР как в национальном измерении, так и в сотрудничестве с другими субъектами международного общения. В рамках данной тенденции после демократических реформ 1980-х гг. свой научно-исследовательский потенциал стала активно наращивать Испания. В данном исследовании автор задался целью комплексно проанализировать документы, регулирующие организацию научно-технической политики иберийской страны, и функционал реструктурированных за последние десять лет соответствующих органов. Активизация научной политики государства стимулировала общественную дискуссию, в которой обозначилась чёткая линия на улучшение восприятия научных достижений испанцами и повышение общественной поддержки. Связь между нормативно-правовым регулированием, организационными особенностями и отношением общественности к науке, инновациям и технологиям определили новизну и оригинальность проведённого исследования.

Ключевым документом научной политики Испании является принятый в июне 2011 г. Закон о науке, технологиях и инновациях, в котором заявляется об определяющей роли исследований, экспериментальных разработок и инновационных инициатив в обеспечении устойчивого развития и социального процветания. Основными целями Закона являются: 1) содействие реализации научных и технических исследований и формирование общества знаний посредством создания экономических, социальных, культурных и институциональных условий для научного поиска и внедрения инноваций; 2) углубление отношений между частными и научной деятельностью субъектами и стимулирование сотрудничества между представителями разных отраслей знаний для усиления междисциплинарного компонента; 3) поощрение инновационной деятельности во всех социально-экономических сегментах посредством создания экономических и институциональных условий, способствующих повышению производительности и конкурентоспособности; 4) обеспечение условий для устойчивого развития и гармоничного социального прогресса, который возможен при решении наукой важных социальных и экономических проблем; 5) координация программ научно-технических исследований центральным правительством и другими государственными учреждениями с помощью механизмов планирования, которые гарантируют справедливое распределение ресурсов; 6) укрепление институциональной базы испанской системы науки, технологий и

инноваций и сотрудничества между её составляющими; 7) содействие обучению, повышению квалификации и расширению возможностей исследователей; 8) стимулирование интернационализации научных исследований, технологического развития и инноваций, особенно на уровне Европейского союза; 9) поощрение сотрудничества в области научных исследований, ориентированных на социальный и производственный прогресс; 10) распространение научной культуры посредством образования и подготовки кадров; 11) содействие реализации принципа гендерного равенства; 12) содействие активному участию граждан в проведении исследовательских проектов с помощью распространения знаний о науке; 13) содействие реализации проектов, направленных на повышение качества жизни людей с ограниченными возможностями¹.

В соответствии с законом под испанской системой науки, технологий и инноваций понимается совокупность государственных и частных субъектов, которые выполняют функции финансирования, реализации проектов и координации данной системы, а также совокупность отношений, структур, средств и действий, направленных на развитие и поддержку политики в области продвижения науки и инноваций во всех секторах экономики и сегментах общества. Принятие данного закона было обусловлено необходимостью систематизации имеющихся норм и правил в области научно-технической политики, упорядочения отношений между её субъектами и объектами, разграничения полномочий различных органов, отвечающих за проведение исследований, их внедрение в производство и финансирование.

Начало теоретическим разработкам в области научно-технической политики государств и внедрению её экспертного сопровождения было положено после Конференции ЮНЕСКО в 1963 г., посвящённой вопросам применения науки и технологий на благо наименее развитых стран. В течение следующих десятилетий были сформулированы основы научно-технической политики, её цели и средства, механизмы регулирования и мониторинга, а также во многих странах, в том числе в Испании, была создана нормативно-правовая база для её успешной реализации. Существенную роль здесь сыграла теория технологического детерминизма, предполагающая, что именно технологии стимулируют развитие общественных структур и культурных ценностей. Также при выработке научной политики в большинстве государств сохраняется «конкуренция» теории научного утилитаризма, постулирующая необходимость осуществления научно-исследовательских проектов для сугубо практических целей и облегчения жизни людей, и теории научного мо-

¹ Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación // Boletín Oficial Del Estado. No. 131. 69 p. URL: <http://www.boe.es/boe/dias/2011/06/02/pdfs/BOE-A-2011-9617.pdf> (дата проверки: 23.08.2016)

■ Исследовательские статьи

нументализма (фундаментализма), сторонники которой выступают за роль науки как инструмента познания Вселенной. С точки зрения прикладного характера научных исследований, коммерциализации и внедрения разработок, в настоящее время действуют теория национальных инновационных систем, основоположниками которой являются К. Фримэн (Институт исследования научной политики Сассекского университета, Великобритания), Б.А. Лундвалл (Университет г. Упсала, Швеция) и Р. Нельсон (Колумбийский университет, США)[1].

Координация системы науки в Испании осуществляется государственными органами, а также подконтрольными им учреждениями, деятельность которых связана с разработкой методических рекомендаций и других мер, нацеленных на реализацию исследовательских проектов. Функция общей координации научных и технических исследований возложена на Генеральную администрацию. В зависимости от сфер своей деятельности статус государственных исследовательских учреждений Генеральной администрации имеют Высший совет научных исследований (CSIC), Национальный институт аэрокосмической техники (INTA), Институт здравоохранения им. Карлоса III (ISCIII), Институт геологии и горной промышленности Испании (IGME), Испанский институт океанографии (IEO), Центр исследований энергетики, окружающей среды и технологий (CIEMAT), Национальный институт исследований сельского хозяйства и пищевых технологий (INIA), Канарский институт астрофизики (IAC)².

Основным органом координации научных и технических исследований является Совет по научной политике, технологиям и инновациям при Министерстве экономики и конкуренции. Данному Совету приданы следующие функции: 1) разрабатывать в сотрудничестве с Министерством Стратегию в области науки, технологий и инноваций и устанавливать механизмы оценки её реализации; 2) принимать к рассмотрению Государственный план научно-технических исследований и инноваций и соответствующие планы автономных сообществ по реализации Стратегии, а также осуществлять надзор за эффективным использованием ресурсов; 3) утверждать критерии обмена информацией между Генеральной администрацией и автономными сообществами в рамках системы науки, технологий и инноваций в соответствии с нормами конфиденциальности данных; 4) способствовать скоординированной деятельности автономных сообществ и Генеральной администрации в области развития и реализации исследовательских программ и проектов;

5) содействовать развитию мер, нацеленных на распространение знаний; 6) предлагать на рассмотрение управляющего министерства общие принципы управления и территориального распределения неконкурсных средств на научные и технические исследования, финансируемые фондами ЕС в рамках существующих европейских программ развития науки; 7) представлять запрашиваемую правительством или автономными сообществами информацию. Данный Совет, председателем которого является глава Министерства экономики и конкуренции, состоит из руководителей министерских департаментов, назначаемых правительством, и представителей автономных сообществ, обладающих необходимыми компетенциями в научной и технической областях³.

Одновременно при Министерстве функционирует Консультативный совет по науке, технологиям и инновациям, который обеспечивает участие научного и технологического сообщества, а также социальных и экономических субъектов в решении вопросов научно-технической политики. Данному Совету приданы следующие функции: 1) консультирование Министерства экономики и конкуренции по вопросам разработки Стратегии в области науки, технологий и инноваций и Государственного плана научно-технических исследований и инноваций; 2) внесение предложений относительно модификации указанных документов и осуществление надзора за их реализацией; 3) консультирование центральных органов власти и органов власти автономных сообществ, а также Совета по научной политике; 4) содействие внедрению в испанскую научно-техническую систему механизмов оценивания, которые позволяют измерить социальную эффективность выделяемых государственных ресурсов.

Органами Генеральной администрации, осуществляющими финансирование научно-исследовательской деятельности, являются Государственное агентство научных исследований и Центр промышленного и технологического развития, функции которых заключаются в: 1) управлении программами или инструментами, означенными в Государственном плане научно-технических исследований и инноваций, и соглашениях о сотрудничестве с соответствующими организациями в Испании и за её пределами; 2) содействие выработке целей Государственного плана и сотрудничество с компетентными органами в области мониторинга и оценки его реализации; 3) оценка положений Государственного плана и научно-технологической политики в целом; 4) консультирование по вопросам управления, систем финансирования, и мониторинга реа-

² Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación // Boletín Oficial Del Estado. No. 131. 69 p. URL: <http://www.boe.es/boe/dias/2011/06/02/pdfs/BOE-A-2011-9617.pdf> (дата проверки: 23.08.2016)

³ Ibidem.

лизации Государственного плана. Агентство и Центр осуществляют свою деятельность в соответствии с принципами независимости, объективности, транспарентности, подотчетности, результативности и эффективности⁴.

С точки зрения межведомственной координации, у четырёх основных органов, ответственных за испанскую научно-техническую политику, налажено относительно эффективное сотрудничество. Если Совет по научной политике занимается общими вопросами на уровне всего Королевства, то Консультативный совет оказывает ему экспертное содействие. В то время как Государственное агентство научных исследований выполняет функции по финансовому стимулированию «производства знаний» в целом, то Центр промышленного и технологического развития занимается одними из вопросов эксперимента и инновационного характера. Тем не менее, законодателям не удалось избежать некоторого функционального дублирования зон ответственности главных органов, в связи с чем сегодня ведётся работа по его устранению, или хотя бы минимизации.

Магистральные направления развития испанских научных и технических исследований отражены в Стратегии в области науки, технологий и инноваций, которая разрабатывается Министерством экономики и конкуренции в сотрудничестве с Советом по научной политике, технологиям и инновациям. Помимо Совета, проект Стратегии направляется для ознакомления в Консультативный совет по науке, технологиям и инновациям, в органы экономического планирования Генеральной администрации, Делегатскую комиссию правительства по вопросам научной политики, технологий и инноваций и другие предусмотренные законом органы, а затем поступает на утверждение Правительства и последующего представления в Генеральные кортесы.

Реализация Генеральной администрацией данной Стратегии осуществляется посредством исполнения многолетнего Государственного плана научно-технических исследований. В данном Плане предусмотрено финансирование деятельности в области научных и технических исследований, которые соответствуют заявленным Генеральной администрацией приоритетам. Кроме того, в нём содержатся: 1) поставленные цели и показатели для мониторинга; 2) научно-технические и социальные приоритеты, которые определяют распределение финансовых средств Генеральной администра-

цией; 3) программы, подлежащие разработке специализированными органами Генеральной администрации для достижения поставленных целей, в которых объединяются инициативы, предложенные различными министерскими департаментами, а также финансирующими органами Генеральной администрации и государственными научно-исследовательскими центрами и институтами, определяются сроки их действия и органы, ответственные за реализацию; 4) механизмы синхронизации положений Плана и секторальной политики правительства, автономных сообществ и Европейского союза с целью предотвращения дублирования функций; 5) предполагаемые расходы на реализацию Плана, источники его финансирования, а также детальная оценка вклада ЕС, государственных органов власти и частного сектора. Государственный план разрабатывается Министерством экономики и конкуренции, а затем направляется на оценку в Консультативный совет по науке и Делегатскую комиссию по научной политике, после чего утверждается Министерством. Реализация Государственного плана финансируется за счёт средств государственного бюджета, органов государственной власти, частного сектора и Европейского союза⁵.

Согласно закону Испании о науке, технологиях и инновациях распределение государственных ресурсов осуществляется на основе научной и/или технической оценки поставленных целей, которая проводится при соблюдении принципа прозрачности. Оценочные критерии включают научные, технические, социальные аспекты, а также возможности промышленного применения результатов исследования, их рыночные перспективы и потенциал распространения полученных знаний. Хотя существующая система оценки позволяет сохранять анонимность экспертов, при осуществлении экспертизы ведётся административный протокол, в который заносятся данные экспертов, что позволяет в установленном законом порядке урегулировать спорные вопросы⁶.

Что касается внедрения научных разработок как частном, так и в государственном секторе, исследователи М. Мате-Санчес-Валь Р. Харрис подчеркивают, что для Испании характерны региональные различия: в экономически более развитых регионах системы производства основаны на «хайтековских» технологиях, в то время как отстающие регионы опираются на сектор услуг и традиционные сельхозтехнологии⁷. Кроме того, А. Васкес-Урриго и А. Рико отмечают, что с 1980-х гг. осо-

⁴ Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación // Boletín Oficial Del Estado. No. 131. 69 p. URL: <http://www.boe.es/boe/dias/2011/06/02/pdfs/BOE-A-2011-9617.pdf> (дата проверки: 23.08.2016)

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Science for society: social responsibility of scientists // Universitat Pompeu Fabra. URL: http://www.upf.edu/pcastacademy/_docs/cosce_en_02.pdf (дата проверки 01.11.2016).

■ Исследовательские статьи

бую роль в инновационном процессе начали играть научно-технологические парки. По оценкам экспертов, те фирмы, которые расположены в этих парках, демонстрируют больший кооперационный потенциал в сфере инноваций, их эффективность выше аналогичных корпораций вне парков на 15-21% [4].

Одной из главных проблем научно-технологической политики Испании является недостаточно эффективное функционирование инновационной системы⁸. Сегодня лишь 6-8% расходов испанских компаний на НИОКР приходится на финансирование исследовательских контрактов с государственными университетами и исследовательскими учреждениями Испании. В связи с низким уровнем взаимодействия государственных исследовательских организаций и частного сектора, в Испании регистрируется гораздо меньше патентов, чем в других государствах Западной Европы (в 5 раз меньше, чем в Италии; в 10 раз меньше, чем во Франции; в 30 раз меньше, чем в Германии)⁹.

Для повышения инновационного потенциала¹⁰ в Испании в рамках Высшего совета научных исследований было создано Управление по распространению знаний, целью которого является внедрение научных и технологических разработок в частный сектор посредством заключения контрактов. Данная организация предоставляет услуги по лицензированию, патентованию, проведению научно-технологических исследований, поддержке технологических разработок, а также помощь в создании технологических компаний. Создание Управления по распространению знаний во многом способствовало развитию сотрудничества испанского научного сообщества и компаний в развитии технологической базы и внедрении инновационных разработок¹¹.

Для регулирования отношений в области этического измерения научной деятельности был создан Комитет по этике исследований при Совете по научной политике. Комитет является независимым консультативным органом в сфере профессиональной этики научной и технической исследовательской деятельности. К функциям Комитета относятся: 1) представление отчетов, предложений и рекомендаций относительно профессиональной этики научной и технической исследовательской дея-

тельности; 2) установление общих принципов для разработки кодексов научной и технической деятельности, включающих процедуры разрешения конфликтов интересов между государственной и частной деятельностью; 3) представление Испании в наднациональных и международных организациях, деятельность которых связана с профессиональной этикой исследований (за исключением биоэтики, в сфере которой Испанию представляет Комитет по биоэтике); 4) содействие созданию комиссий по этике субъектами системы науки, технологий и инноваций Испании; 5) подготовка годового отчёта о деятельности; 6) выполнение иных поручений Совета по научной политике¹². Создание такого Комитета было связано с наличием определённых сложных вопросов в сфере его компетенций, в частности основным проблемным фактором являются эксперименты и исследования в области медицины, биотехнологий [3], а также те проекты, которые прямо или косвенно связаны с религиозными взглядами и мировоззрением.

В настоящее время 62% «научной продукции» Испании приходится на долю университетов. На развитие исследований в университетах направляется 27,6% всех государственных расходов в этой области. Согласно Закону об университетах 2001 г. научные исследования признаются фундаментальной основой преподавания и важнейшим инструментом трансфера знаний в целях социального развития, а научно-исследовательская деятельность является правом и обязанностью преподавательского состава. В ст. 39, ч.2 признаётся исследовательская свобода. В числе главных задач университета [4] выделяются развитие научных, технических исследований и исследований в области культуры – как фундаментального, так и прикладного характера - для передачи полученных знаний обществу, а также подготовка исследовательских кадров¹³.

Несмотря на то, что научно-техническое развитие является приоритетом государственной политики Испании [7], испанское общество отличается настороженным отношением к научным и технологическим разработкам. Будучи в значительной степени ориентированной на традиционные ценности, испанская культура не достигла того уровня интеграции с наукой, ко-

⁸ Ciencia y empresa: hacia un ecosistema dinámico para la innovación en España // Confederación de Sociedades Científicas de España. URL: http://www.cosce.org/pdf/ponencia_empresa.pdf

⁹ Ley Orgánica 6/2001, de 21 de diciembre, de Universidades // Boletín Oficial Del Estado. 51 p. URL: <http://www.boe.es/buscar/pdf/2001/BOE-A-2001-24515-consolidado.pdf> (дата проверки 01.11.2016).

¹⁰ Science for society: social responsibility of scientists // Universitat Pompeu Fabra. URL: http://www.upf.edu/pcastademy/_docs/cosce_en_02.pdf (дата проверки 01.11.2016).

¹¹ Ciencia y empresa: hacia un ecosistema dinámico para la innovación en España // Confederación de Sociedades Científicas de España. URL: http://www.cosce.org/pdf/ponencia_empresa.pdf

¹² Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación // Boletín Oficial Del Estado. No. 131. 69 p. URL: <http://www.boe.es/boe/dias/2011/06/02/pdfs/BOE-A-2011-9617.pdf> (дата обращения 23.08.2013)

¹³ Ciencia y sociedad scientists // Confederación de Sociedades Científicas de España. URL: http://www.cosce.org/pdf/ponencia_sociedad.pdf (дата проверки 01.11.2016).

торый отличает европейских научных лидеров – скандинавские страны, Германию, Францию и так далее. Учитывая, что учёные, сталкиваясь с недоверием широкой публики, не всегда готовы отвечать терпимостью к тем её чертам, которые считают предрассудками, в стране возникает опасная тенденция к эрозии общественного доверия к научному сообществу. Её преодоление – цель ст. 38 Закона о науке, технологиях и инновациях, которая ставит перед органами научной политики и научным сообществом следующие цели: 1) повышение уровня осведомлённости общества о науке и технологиях и обеспечение максимально широкого доступа к информации относительно изменений в природной и технологической среде; 2) популяризация знаний о науке, технологиях и инновациях; 3) развитие деятельности музеев, планетариев и центров распространения знаний; 4) защита научного и технологического наследия; 5) включение проблематики науки, технологий и инноваций во всю систему образования¹⁴. В свою очередь, испанским исследователям необходима информация о существующих в обществе опасениях и установках относительно научно-исследовательской деятельности. В частности, далеко не всем доступно понимание таких проблем научной деятельности, как невозможность достижения абсолютной точности научных теорий и моделей (то есть понимание того, что любые результаты могут быть изменены последующими теориями), или создания ситуаций с «нулевым риском» при внедрении новых технологий [4].

Другой важный аспект отношений науки и общества – государственное финансирование научной деятельности. Налогоплательщикам небезразличны пути расходования бюджетных фондов, и научно-исследовательское сообщество должно отдавать себе отчёт в том, что использование государственных средств требует демонстрации в понятных обществу формах эффективности использования полученных ресурсов. Для этого, в частности, практикуются «дни открытых дверей» научно-исследовательских организаций, электронные и печатные информационные отчёты и т.д. Для современной Испании очень важно усилить заинтересованность общества в посещении научных учреждений и общий уровень знаний в обществе. Кроме этого требуется повысить интерес студентов к карьере исследователя, для чего от университетского сообщества потребуются дополнительные усилия по вовлечению учащихся в исследовательскую работу [4].

Ещё одним проблемным полем является отсутствие прямых и прозрачных механизмов оказания консультативных услуг научно-технологического характера для правительства и Парламента. В Испании нет практики создания научных экспертно-консультационных орга-

нов при главе государства или постоянных научных комиссий при Парламенте, и фактически единственным консультативным органом является Высший совет по научным исследованиям. Совет является государственным агентством и одновременно выполняет роль института самоуправления научного сообщества, который обеспечивает участие учёных в определении приоритетных областей научного развития и распределении финансирования, выделенного на исследовательскую работу [2]. Как и многие аналогичные институты в других странах, Совет также выполняет функцию консультирования органов власти по научным и технологическим вопросам. Однако, даже его консультации не находят значимого спроса со стороны политических деятелей Испании, не склонных обращаться за разъяснениями научно-технических вопросов [4].

К началу XXI в. в испанском обществе сформировалось два противоположных мнения: вера в научный прогресс, способный изменить жизнь к лучшему, с одной стороны, и научный скептицизм, связанный с создаваемыми наукой рисками, с другой. На протяжении второй половины XX в. отношения науки и общества определялись своего рода «негласным договором»: автономия научного сообщества (в выборе целей и методов исследования) и увеличение финансирования в обмен на создание новых технологий (особенно в сфере медицины), а также повышение доступности образовательных учреждений. Такой «негласный договор» способствовал формированию общественного убеждения, что материальная поддержка науки и невмешательство в её дела обеспечат повышение качества жизни и создадут новые возможности. В результате сформировалось утилитарное отношение к науке: её легитимизация базировалась на признании её практической применимости (этому способствовало постоянный рост качества жизни), а не на осознании её содержания. Однако накопление негативного опыта применения научных результатов – создание ядерного оружия, деградация окружающей среды – в значительной степени подорвало веру общества в научный прогресс и сформировало культуру критически-недоверчивого отношения к науке [3].

Несмотря на то, что скептическое отношение всё также заметно представлено в испанском обществе, в целом в настоящее время восприятие науки стало более сбалансированным. Положительную роль сыграли прогресс в области медицины, увеличение доступности технологических инноваций, снижение страха перед ядерной угрозой, осознание невозможности решения экологических проблем без помощи науки [4]. В целом образ науки как двигателя социального прогресса превали-

¹⁴ Ley 14/2011, de 1 de junio, de la Ciencia, la Tecnología y la Innovación // Boletín Oficial Del Estado. No. 131. 69 p. URL: <http://www.boe.es/boe/dias/2011/06/02/pdfs/BOE-A-2011-9617.pdf> (дата проверки: 23.08.2016)

■ Исследовательские статьи

рует над образом источника новых рисков и угроз, хотя опасения относительно отдельных отраслей науки, в особенности биотехнологий (что связано с моральными и религиозными воззрениями) сохраняются.

Возрастающая сложность современных политических, экономических и социальных взаимодействий на национальном, региональном и глобальном уровнях требует от Испании активных действий для повышения социального благосостояния в государстве, поддержания статуса и укрепления позиций страны в международном контексте. Решение этой задачи во многом зависит от научно-технологического потенциала страны, на развитие и расширение возможностей использования которого была направлена политика Генеральной администрации в последнее десятилетие. Была усовершенствована нормативно-правовая база научных исследований в Испании. Поскольку в настоящее время акцент делается на развитие технологического и инновационного сектора научных исследований, в этом процессе активно участвует испанское бизнес-сообщество, которое нуждается в технологическом

сопровождении проектов для усиления своей конкурентоспособности. Ощутимые материальные результаты научных исследований способствуют постепенному осознанию ответственностью Испании объективной необходимости их развития, даже несмотря на то, что это влечет за собой возникновение новых рисков и угроз. Существующие проблемные поля взаимодействия науки и общества, а именно настороженность по отношению к отдельным отраслям науки, снижение интереса к научно-популярным медиа, определённая замкнутость научных коллективов и недостаточность информации в обществе о научных практиках могут быть нивелированы посредством активизации диалога научного сообщества и общества, при активном участии СМИ, правительственных структур и бизнес-кругов. В целом же, следует констатировать, что в начале XXI в. в Испании существует устойчивая тенденция к повышению качества научной деятельности и интенсификации сотрудничества в рамках испанской системы науки, технологий и инноваций.

Список литературы

1. Андрюшкевич О., Денисова М. Модели формирования национальных инновационных систем // Капитал страны. 13.09.2013. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/modeli_formirovaniya_nacionalnyh_innovacionnyh_sistem (дата проверки 01.11.2016).
2. Коннов В.И. Национальные фонды поддержки науки как форма научного самоуправления // Власть. 2007. №9. С. 25-29.
3. Adler A.H. Ética profesional y empleabilidad: problemas expresados por profesores de universidades en México y en España // Social and Behavioral Sciences. 2014. No. 139. Pp. 175–181.
4. Filippo D., E. Sanz-Casado University excellence initiatives in Spain, a possible strategy for optimizing resources and improving local performance // Technological Forecast and Social Change. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2015.05.008> (дата проверки 01.11.2016).
5. Mate-Sanchez-Val M., Harris R. Differential empirical innovation factors for Spain and UK // Research Policy. Vol. 43. Iss. 2. March 2014. Pp. 451–463. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2013.10.013> (дата проверки 01.11.2016).
6. Vázquez-Urriago A.R., Barge-Gil A., Rico A.M. Science and Technology Parks and cooperation for innovation: Empirical Evidence from Spain // Research Policy. 2016. No. 45. Pp.137-147.
7. Villanueva J.R. The New Science Policy in Spain // Western European Education. 1989. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 69-75. URL: <http://dx.doi.org/10.2753/EUE1056-4934210169> (дата проверки 01.11.2016).

Об авторе

Новикова Вероника Михайловна – эксперт Центра сравнительного науковедения. E-mail: photii@yandex.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №12-06-33034.

SCIENCE POLICY IN SPAIN: NATIONAL PROGRAMMES AND PUBLIC PERCEPTION OF SCIENCE

V.M. Novikova

Center of Comparative Science Studies. 123308 Moscow, Russia. Kuusinen 4a Bldg. 1.

Abstract: *The article studies the organization and financing of the Spanish state policy in the field of scientific and technological research and innovation, its institutional basic and the legal and regulatory framework, as well as analyzes the problem of Spanish public opinion on research and work of scientists. The author uses the methods of texts analysis, interviews and expert assessments. First, the author examines the legislative framework of scientific and technical policy of the Kingdom of Spain, the theoretical basis of its development and implementation. Then, we study the institutional characteristics of scientific policy in the country, in particular the principal organs of coordination, financing and implementation, including their functional powers. Finally, we investigate the Spanish people perception of the science as a whole, the introduction of new technologies and the sources of material support to scientific research. In conclusion, the past 10 years have seen active steps of the Spanish authorities improve the legislation in the field of science in order to ensure the effective implementation of innovation and enhance the overall competitiveness of the country in the international arena. An important finding was also positive changes in the public attitude towards science and the intensification of the dialogue between the scientific community and the public.*

Key words: science, research funding, public perception of science, R&D, Spain.

References

1. Andriushkevich O., Denisova M. Modeli formirovaniya natsional'nyh innovacionnyh system. *Kapital strany*. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/modeli_formirovaniya_nacionalnyh_innovacionnyh_sistem/ (Accessed 01.11.2016). (In Russian).
2. Konnov V.I. Natsional'nye fondy podderzhki nauki kak forma nauchnogo samoupravleniia [National science foundations as a form of self-governance of science]. *Vlast'*. 2007. No. 9. Pp. 25-29. (In Russian).
3. Adler A.H. Ética profesional y empleabilidad: problemas expresados por profesores de universidades en México y en España. *Social and Behavioral Sciences*. 2014. No. 139. Pp. 175–181.
4. Filippo D., E. Sanz-Casado University excellence initiatives in Spain, a possible strategy for optimizing resources and improving local performance. *Technological Forecast and Social Change*. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2015.05.008> (Accessed 01.11.2016).
5. Mate-Sanchez-Val M., Harris R. Differential empirical innovation factors for Spain and UK. *Research Policy*. 2013. Vol. 43, no. 2. March 2014. Pp. 451–463. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.respol.2013.10.013> (Accessed 01.11.2016).
6. Vázquez-Urriago A.R., Barge-Gil A., Rico A.M. Science and Technology Parks and cooperation for innovation: Empirical Evidence from Spain. *Research Policy*. 2016. No. 45. Pp. 137-147.
7. Villanueva J.R. The New Science Policy in Spain. *Western European Education*. 1989. No. 21, no. 1. Pp. 69-75.

About the author

Veronica M. Novikova – Research fellow at Centre for Comparative Science Studies. E-mail: photii@yandex.ru.

The article is prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project №12-06-33034.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Е.Н. Грачёв

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Европа прилагает значительные усилия по созданию единого пространства, в котором должны быть сформированы не только общие политические институты, общие ценности, но и общее будущее. И в этом процессе именно молодёжь выступает ключевым объектом, на который направлены меры по формированию общеевропейской идентичности. В последние годы в рамках Европейского союза выработаны механизмы молодёжной политики, сформированы специальные институты, занимающиеся её реализацией, сформирована законодательная база.

В Европейском союзе в последние годы сложилась полноценная система управления молодёжной политикой, на двух уровнях: наднациональном (общеевропейском) и национальном. К институтам, занимающимся реализацией молодёжной политики на наднациональном уровне, относится Совет Европы и Европейский парламент. За реализацию отдельных молодёжных программ ЕС на национальном уровне отвечают специально созданные для этого Национальные агентства.

Анализ документов по молодёжной политике Европейского союза показывает, что молодёжь включается европейскими политиками в число наиболее важных социальных групп населения современной Европы. Кроме этого, молодёжная политика направлена не просто на развитие молодёжи, но имеет и значительную политическую составляющую. Речь идёт о том, что перед Европой на сегодняшний день стоит задача сплочения государств в рамках Европейского союза, в том числе и на идеологическом уровне. В результате значительная часть молодёжной политики связана с вовлечением молодёжи в демократические институты, привлечением молодых людей к системе управления ЕС.

Ключевые слова: молодёжная политика, ЕС, Белая книга, Европейский молодёжный пакт, Стратегия Европейского союза в сфере молодёжной политики, механизм реализации молодёжной политики.

Молодёжная политика является на сегодняшний день одним из приоритетных направлений государственной политики большинства развитых стран мира. Это связано, в первую очередь, с тем, что именно молодое поколение рассматривается государством, во-первых, как ресурс для успешного развития в будущем, а с другой стороны, как важнейший элемент современного общества, который уже сегодня может вносить существенный вклад в его модернизацию и всестороннее совершенствование. Для Европейского союза поддержка молодых людей и создание благоприятных условий для развития молодёжи признаны неотъемлемым элементом экономической и социальной стабильности интеграционного объединения. Каковы концептуальные основания молодёжной политики ЕС и как она реализуется – исследовательские вопросы, на которые призвана ответить данная статья.

Молодёжная политика ЕС разрабатывалась на основе основных принципов и базовых положений общеевропейского законодательства, содержащихся в официальных документах Европейского парламента и Совета. Основные принципы молодёжной политики были заложены уже в основных положениях договоров, регулирующих вопросы в сфере образования и профессиональной подготовки, поэтому основными источниками данного исследования стали официальные документы Европейского союза и европейских молодёжных организаций. Анализ концептуальных оснований и механизмов реализации молодёжной политики целесообразно проводить, исходя из системного подхода, поскольку он позволяет рассмотреть молодёжную политику как систему целенаправленных мер, интегрированную в общую систему государственного и надгосударственного управления, а также проанализировать молодёжную политику на двух основных уровнях её реализации в рамках ЕС: наднациональном и национальном. Поэтому системный подход является теоретико-методологической базой настоящего исследования.

В 1993 г., когда был подписан Маастрихтский договор, в его статьях 126 и 127 уже говорилось о том, что ЕС должен поощрять развитие молодёжи в части молодёжных обменов и облегчения доступа к профессиональной подготовке. Начиная с Лиссабонского договора Европейский союз подтверждает свою приверженность продвижению и дальнейшему развитию общеевропейской политики в области образования, профессиональной подготовки, профессионального обучения, молодёжи и спорта.

Кроме этого, еще в 1988 г. в рамках Единого европейского акта Европа начала реализацию

своей первой программы, направленной исключительно на молодых людей по всей Европе, получившей название «Молодёжь для Европы». При этом с момента вступления в силу Лиссабонского договора «законодательной основой для молодёжной политики является статья 165 Договора о функционировании ЕС.

Среди базовых документов следует отметить и Договор об учреждении Европейского союза. Статья 149 данного нормативного акта определяла, что в рамках ЕС будет проводиться ряд программ международного сотрудничества, в том числе и в области молодёжной политики. В частности, в указанной статье определялось, что действия Сообщества должны быть направлены на поощрение развития молодёжных обменов и обменов преподавателями¹.

Однако базовыми документами, определившими основные концептуальные основы и пути реализации молодёжной политики в странах-государствах Европейского союза стали: «Белая книга» «Новые стимулы для молодёжи Европы» (2001), Европейский молодёжный пакт (2005), Коммюнике Европейской Комиссии «Поддержка полноценного участия молодых людей в сфере образования, занятости и обществе» (2007), Стратегия молодёжной политики «Молодёжь – инвестирование и предоставление возможностей» на период 2010-2018 гг. Эти документы также заложили основы общеевропейской молодёжной политики и стали этапами эволюции концептуализации молодёжной политики для ЕС.

Первым этапом стало создание «Белой книги» «Новые стимулы для молодёжи Европы», в которой содержатся основные приоритетные направления развития молодёжной политики в Европе на ближайшую перспективу. Среди основных задач, которые ставились в ней, были: применение открытого метода координации в области молодёжной политики и учёт молодёжной повестки при разработке других политик, напрямую касающихся молодёжи [2, с. 50].

В преамбуле к документу отмечалось, что большинство предложений, упомянутых в нём, обращены к государствам-членам и регионам Европы, которые несут на себе основную тяжесть реализации различных мер, связанных с молодёжью. Государства-члены должны создавать такие условия жизни, в которых, «молодые люди могут увидеть результаты их личных обязательств, увидеть, что их активная гражданская позиция становится реальностью. Принимая участие в жизни школы, района, местности или ассоциации, молодые люди могут приобрести опыт и уверенность, они должны пойти на шаг дальше, сейчас или позже, в общественной жизни своих стран, а также и на европейском уровне»². В результате,

¹ Treaty establishing the European Community // Official Journal of the European Communities. 2002. P. 66.

² European Commission. White Paper. A New Impetus for European Youth. Brussels, 21.11.2001 COM (2001). 681 final. P. 5.

Белая книга предлагала новую стратегию европейского сотрудничества в области молодёжной политики, включающую в себя два основных аспекта: открытый метод координации в конкретной области молодёжной политики и большее рассмотрение молодёжной проблематики в реализации других политических направлений.

В «Белой книге» отмечалось, что растёт дисбаланс между молодым поколением и остальными группами населения, поэтому молодёжная политика должна учитывать тот факт, что старение населения будет также приводить к необходимости привлечения человеческих ресурсах из-за пределов Европейского союза, для того чтобы компенсировать нехватку рабочей силы, то есть она должна активно включать в свою повестку и вопросы интеграции мигрантов в европейскую среду.

Среди концептуальных оснований молодёжной политики, разработанных в «Белой книге», стоит отметить признание таких важных аспектов жизни молодых людей, как то, что молодость теперь длится намного дольше, изменились социальные роли молодёжи: она становится всё более индивидуализированной.

Авторы документа отмечали, что современная молодёжь в Европе довольно слабо вовлечена в общественную жизнь региона, при том, что сама она к этому стремится, но не находит путей реализации своего потенциала, поэтому молодёжная политика должна решать следующие задачи: расширять участие молодёжи в общественной жизни стран-членов ЕС, улучшать информирование молодёжи о европейских делах, развивать добровольчество (волонтерство) среди молодёжи, включать молодёжные проблемы в другие направления политики, способствовать развитию непрерывного образования и образовательной мобильности, занятости молодёжи, социальной интеграции молодого поколения; развивать у молодёжи иммунитет к расизму и ксенофобии, укреплять общеевропейские ценности, развивать международное сотрудничество в области культуры.

В результате, «Белая книга» предлагала «четыре ключевых послания» (Four key messages), которые можно рассматривать как своего рода цели или приоритетные направления европейской молодёжной политики начала XXI в.:

- активная гражданская позиция молодёжи;
- расширение областей и возможностей для экспериментирования;
- развитие самостоятельности молодого поколения;
- укрепление европейских ценностей в молодёжной среде (Европейский союз как проводник ценностей).

Кроме этого, в рассматриваемом документе в качестве приложений содержались и конкретные рекомендации по внедрению в жизнь общеевропейских принципов молодёжной политики. Так, речь в нём шла о Молодёжном Совете Европы, который должен был охватить, как наднациональный уровень, так и национальный. Также указывалось и на важность роли Европейского Молодёжного форума, который должен был объединить в себе различные молодёжные организации Европы для координации действий и их дальнейшего развития на международном уровне.

Следующим документом, заложившим концептуальные основы и направления общеевропейской молодёжной политики, стал «Европейский молодёжный пакт» (European Youth Pact), который был принят в марте 2005 г. Европейским советом. Пакт во многом развивал идеи, заложенные в Белой книге, и являлся её логичным развитием. Его основные идеи касались повышения качества обучения и профессиональной подготовки молодого поколения, повышения возможностей для социальной мобильности, создание условий для профессиональной занятости и социальной включенности европейской молодёжи в общественно-политические, социально-экономические и культурные процессы в Европе. Основные направления молодёжной политики, заложенные в Европейском пакте, касались вопросов занятости, интеграции и социального развития. В Пакте так же как и в Белой книге большое внимание уделялось активизации гражданской активности молодёжи, её вовлечению в общественные процессы³, как необходимого элемента социальной адаптации молодого поколения привлечения его к решению значимых вопросов в том числе и в сфере молодёжной политики.

Принятие Европейского молодёжного пакта стало важным законодательным шагом на пути формирования европейской молодёжной политики. Если Белая книга была не столько официальным документом, сколько концепцией будущей молодёжной политики, то Пакт явился реальным нормативно-правовым актом, действующим в рамках Европейского союза.

В 2007 г. было опубликовано Коммюнике Европейской Комиссии «Поддержка полноценного участия молодых людей в сфере образования, занятости и обществе», которое заложило основы для более качественной поддержки молодёжи через повышение финансирования образовательных программ, программ академической и научной мобильности, занятости.

Наконец, в апреле 2009 г. Европейская Комиссия утвердила новую Стратегию Европейского союза в сфере молодёжной политики

³ European Youth Pact. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:c11081> (дата проверки 23.07.2016).

на ближайшее десятилетие, в основе которой лежал предыдущий накопленный опыт («Белая книга», Европейский молодёжный пакт), а также осознание необходимости активизации поддержки молодёжи в свете появления новых вызовов для ЕС – Стратегию молодёжной политики «Молодёжь – инвестирование и предоставление возможностей».

В первую очередь, данный документ исходит из двух основных положений, которые сводятся к следующему:

- молодёжь является одной из наиболее уязвимых социальных групп, особенно в условиях современного экономического кризиса;
- молодёжь – это ценнейший ресурс Европы, с учётом демографических тенденций его старения.

Поэтому Стратегия молодёжной политики ЕС основана на двустороннем подходе: «с одной стороны, инвестирование в молодёжь – увеличение объема ресурсов, предоставляемых для развития отраслей, которые оказывают ежедневное влияние на молодых людей и обеспечивают их благополучие; с другой стороны, наделение молодых людей правами и полномочиями – развитие и использование потенциала молодых людей для обновления общества, реализации европейских целей и ценностей»⁴.

Действующая стратегия молодёжной политики ЕС разработана с учётом кризисных явлений, наблюдаемых на сегодняшний день в Европе. Как говорится в сообщении Европейской Комиссии за 2012 г. по проблемам молодёжи: «Европа переживает кризис, который ударил по молодым европейцам и выразился в беспрецедентном уровне безработицы и риске роста бедности. Европа 2020 г., стратегия ЕС по устойчивому и всеобъемлющему росту устанавливает рамки для координирования ответных действий Европы, для того чтобы стать еще сильнее и выйти из кризиса... Европа 2020 фокусируется на молодых людях»⁵.

Проблема внедрения в жизнь стратегии молодёжной политики напрямую связана с развитием механизмов и специализированных политических институтов, позволяющих внедрять в жизнь поставленные в документах о молодёжной политике задачи и следить за их эффективным исполнением. В Европейском союзе в последние годы сложилась полноценная система управления молодёжной политикой, которая нашла своё выражение в целом ряде структур и организаций, ответственных за её проведение.

Молодёжная политика в Европейском союзе реализуется на двух уровнях: наднациональном (общеевропейском) и национальном. При этом, базовым в контексте принятия управленческих (в том числе, политических) решений является так называемый «открытый метод координации». Говоря иными словами, речь идёт о широко распространённом на сегодняшний день в Европе субсидиарном принципе управления, когда центр сознательно передает часть управленческих полномочий на нижний уровень, дабы избежать излишней централизации процессов и дать возможность принять участие в управлении максимально возможному количеству акторов, что способствует гибкому подходу к молодёжной сфере.

Говоря об общеевропейском уровне управления и принятия решений, следует отметить, что в рамках ЕС значительную роль играют институты Совета Европы. Как отмечает В.Н. Георгиенко, «Совет Европы хорошо интегрирован в сферу молодёжной политики ЕС через Европейский центр знаний молодёжи – совместную инициативу Совета Европы и Европейской Комиссии»⁶.

Среди основных институтов Совета Европы, которые принимают решения в области молодёжной политики и реализуют их на практике следует выделить:

- Директорат по делам молодёжи и спорта (входит в состав Генерального директората по вопросам образования, культуры и наследия, молодёжи и спорта Совета Европы).
- Европейский руководящий комитет по делам молодёжи (CDEJ).
- Консультативный совет по делам молодёжи (Advisory Council on Youth) (включает 30 представителей неправительственных молодёжных организаций).
- Объединённый совет по делам молодёжи (The Joint Council on Youth) – орган совместного принятия решений, объединяющий CDEJ и Консультативный совет.
- Программный комитет по делам молодёжи (The Programming Committee on Youth), который является органом совместного принятия решений, состоящий из 8 членов от каждой из CDEJ и Консультативного совета. В его задачи входит установление, контроль и оценка программ Европейских молодёжных центров и Европейского молодёжного фонда⁷.
- Европейские молодёжные центры. Первый из них был создан в 1972 г. в Страсбурге. В 1995 г. был создан второй молодёжный центр

⁴ Развитие молодёжного участия. Опыт города Петрозаводска / Проект «Развитие молодёжного участия»; Петрозаводская городская детская общественная организация Юниорский союз «Дорога» [сост. Д.В. Погачкин]. Петрозаводск. 2009. С. 3.

⁵ 2012 EU Youth Report. European Union. 2012. P. 9. URL: http://ec.europa.eu/youth/library/reports/eu-youth-report-2012_en.pdf (дата проверки 23.07.2016).

⁶ Молодёжная политика ЕС, CE и ООН // «Самиздат». URL: http://samlib.ru/g/georgienko_w_n/molodezhnajaPolitikaeseeioo.html (дата проверки: 15.05.2016).

⁷ Forum 21, European Journal on Youth Policy. Council of Europe and European Commission. 2007. No. 9. P. 59.

■ Исследовательские статьи

в Будапеште. Европейские молодёжные центры ежегодно проводят тренинги совместно с европейскими молодёжными организациями. Комитетом министров Совета Европы были основаны центры финансовой поддержки для финансирования международных мероприятий, которые проводятся молодёжью для молодых людей. Благодаря работе центров молодёжные организации могут реализовывать многосторонние проекты. Общий совет принимает решения с учётом программ молодёжных центров, и задаёт общие политические направления. Этот совет состоит из 12 представителей правительств стран-участников и 12 представителей молодёжных организаций. У каждого один голос⁸.

- Европейский молодёжный фонд (EYF). Данная организация оказывает финансовую поддержку молодёжным мероприятиям, с годовым бюджетом порядка € 3 млн.

- Конференции европейских министров по делам молодёжи. Первая Европейская конференция министров по делам молодёжи состоялась в Страсбурге в 1985 г.

Таким образом, мы видим достаточно разветвлённый и развитый аппарат управления молодёжной политикой на уровне «Большой Европы», который активно функционирует и непосредственно в рамках Европейского союза. Тем не менее, у ЕС есть и свои институты, которые отвечают за проведение молодёжной политики и различных мероприятий в сфере развития молодёжи.

Главный из них - Европейский парламент - представительный и консультативный орган ЕС по вопросам охраны окружающей среды, культуры, образования, молодёжной политики.

Значительную роль в принятии решений в области молодёжной политики на территории Европейского союза играет Европейская комиссия.

Она отвечает за непосредственную реализацию некоторых молодёжных программ. В её функции входит регулирование бюджета и установление приоритетов, а также определение целевой аудитории, критериев оценки конкретных молодёжных программ.

В своей деятельности Европейская комиссия опирается на Исполнительное агентство по аудиовизуальным, образовательным и культурным вопросам. Оно было создано в 2005 г.[3] Агентство отвечает за проведение различных конкурсов, приём заявок, за страхование волонтеров и работу с волонтерами в рамках тех или иных молодёжных программ ЕС.

За реализацию отдельных молодёжных программ ЕС на национальном уровне отве-

чают специально созданные для этого Национальные агентства.

Кроме структур, относящихся непосредственно к секретариату Совета Европы и Европейской комиссии, существует ряд специализированных институтов европейской молодёжной политики. Так, например, за информационное обеспечение молодёжной политики отвечает «Европейское агентство молодёжной информации и консультаций» (ERYICA), чьей основной задачей является способствование сотрудничеству между национальными молодёжными информационными и консультационными сетями, а также представление их на общеевропейском уровне [10].

Безусловно, важным элементом реализации и разработки молодёжной политики в Европейской союзе является сама молодёжь. Её основным инструментом в данном случае выступает Европейский молодёжный форум (ЕМФ). Работа Форума направлена, в первую очередь, на активное вовлечение молодых людей в общественную жизнь Европы. При помощи различных членских организаций и своей непосредственной представительской функции Форум стремится улучшить условия жизни молодых людей Европы в современном мире. С этой целью Форум работает с органами управления Европейского союза, для того чтобы обеспечить реальный учёт мнения и интересов молодёжи при принятии тех или иных решений в Европейском союзе и реализации молодёжных программ. Так, в частности, ЕМФ выступал партнёром Европейской комиссии в процессе написания «Белой книги» по молодёжной политике. Кроме этого, Форум координирует и обеспечивает представительство молодых людей в структуре молодёжного сектора Совета Европы: «В соответствии со структурой соуправления примерно треть участников высшего политического органа Директората по делам молодёжи и спорту Совета Европы избирается из числа представителей неправительственных молодёжных организаций-членов ЕМФ на ассамблеях ЕМФ»⁹.

Высшим органом Форума является его Генеральная Ассамблея. Она состоит из представителей членских организаций (по два человека от полных членов и по одному человеку от кандидатов и наблюдателей). Ассамблея оценивает работу Форума, определяет направления её дальнейшей деятельности и принимает план работы на два года. Генеральная ассамблея также решает вопросы членства в ЕМФ. Следует отметить, что принятие решений на Ассамблее происходит по «палатному принципу»: 50% голосов имеют национальные молодёжные советы, 50% – международные молодёжные организации.

⁸ Немецкий национальный комитет по международному молодёжному сотрудничеству (DNK). URL: <http://www.d-n-k.org/european-youth+M59ab48cd4b2.html> (дата проверки: 25.05.2016).

⁹ Сотрудничество Совета Европы и Европейской комиссии // Сайт Совета Европы URL: www.youth-partnership.net (дата проверки: 25.06.2016).

На сегодняшний день именно Европейской молодёжный форум выступает одним из главных критиков сложившейся в ЕС модели управления молодёжной политикой. Он так же пытается инициировать процессы её изменения и совершенствования. В частности, сегодня Форум активно требует создания так называемых интерсервисных групп в рамках Европейской комиссии, для того чтобы обеспечить больший учёт интересов молодёжи.

В этом контексте следует отметить, что молодёжное участие в делах Европы является одним из важнейших приоритетов молодёжной политики ЕС в целом. Авторы документа «Молодёжь, политическое участие и принятие решений» отмечают, что после «арабской весны» многие молодые люди в Европе стали «более политически активными, но свою активность они реализуют теперь через «политические движения», а не политические партии... В результате политическая активность молодёжи оказывается организованной не в соответствии с принципами формальных групп»¹⁰. Иными словами, молодёжь всё больше предпочитает самоорганизовываться, а не вступать в формализованные партийные структуры (например, в молодёжные организации).

Неоднородность современной европейской молодёжи вынуждает европейских политиков искать пути и вырабатывать меры по максимально универсальной линии молодёжной политики. Так, проведённый недавно в восьми государствах ЕС опрос¹¹ показал существенные различия в молодёжной среде по различным вопросам. При этом различия были выявлены как внутри отдельных стран, так и между странами.

Очевидной тенденцией на сегодняшний день является радикализация молодёжи, в связи с некоторыми нерешёнными социальными вопросами (например, безработица). В результате, «в связи с повышением экстремизма в настоящее время на уровне ЕС апробируются инициативы по профилактике экстремистской деятельности среди молодёжи» [1, с. 2]. Говоря о конкретных примерах подобной профилактики, можно привести пример Германии, где уже не первый год действует программа «Competent for Democracy –networks against

right – wing extremism», представляющая собой сеть профессионального консультирования для помощи людям, находящимся в проблемных ситуациях, что в определённой мере расширяет возможности противостояния экстремистскому поведению молодёжи [6, с. 28]. В Великобритании действует множество подобных программ. Например, программа Muslim Youth Development Partnership среди своих задач выделяет работу с молодёжью через обучение, привлечение к волонтёрской деятельности мусульманской молодёжи (нередко из числа футбольных фанатов) [4].

Совет Европы в своих документах постоянно обращается к теме специфических политических групповых интересов молодёжи, отмечая, что, с одной стороны, сегодня наблюдается резкий спад электоральной активности молодёжи, падение уровня доверия к политическим партиям, а с другой – возникновение «общих интересов» в политике, мобилизация молодёжи на низовом уровне и активизация её включения в глобальные международные протестные движения, такие как альтерглобалистское, антипотребительское и другие [13].

С точки зрения ЕС, поддержке должны подлежать обе формы политического участия молодёжи – формальная и неформальная¹². Документы по европейской молодёжной политике прямо указывают, что «работа с молодёжью – это, с одной стороны, – поддержка самоорганизации молодёжи, а с другой – механизм её политической интеграции»¹³. Но на сегодняшний день существует серьёзная проблема, связанная с тем, что партийные молодёжные организации, как правило «отделены от основной партии и их отношения с материнской партией носят условный характер»¹⁴. Другой серьёзной проблемой является «возрастной барьер» – возраст молодёжи варьируется в разных странах, а кроме того, в качестве претензий сама молодёжь высказывает мнение о том, что речь идёт, фактически, о сегрегации по возрастному принципу, так как в основных партиях (не в их молодёжных организациях) никаких требований по возрасту их членов не существует.

В результате сегодня ЕС принимает меры, по преодолению сложностей, возникающих с политическим участием молодёжи. В частно-

¹⁰ Youth participation in national parliaments. Inter-parliamentary Union (IPU), 2014. P. 20. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/youth_en.pdf (дата проверки 12.08.2016).

¹¹ SORA schafft wissenschaftlich fundierte Entscheidungsgrundlagen URL: http://www.sora.at/images/doku/euyoupart_finalcomparativereport.pdf (дата проверки 23.07.2016).

¹² Enhancing Youth Political Participation throughout the Electoral Cycle // United Nations Development Program. 2012, 76 p. URL: http://www.undp.org/content/dam/undp/library/Democratic%20Governance/Electoral%20Systems%20and%20Processes/ENG_UN-Youth_Guide-LR.pdf (дата проверки 23.07.2016).

¹³ A contribution to youth work and youth policy in Europe. Report of the Belgian EU Presidency Youth. 1/7/2010 – 31/12/2010. P. 10. URL: https://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Documents/2010_Belgian_EU_Presidency_report_en.pdf (дата проверки 23.07.2016).

¹⁴ Political parties need to better integrate young members and give them the chance to influence policy, 11/07/2014. URL: <http://www.democraticaudit.com/2014/07/11/political-parties-need-to-better-integrate-young-members-and-give-them-the-chance-to-influence-policy/> (дата проверки 23.07.2016).

■ Исследовательские статьи

сти, речь идёт даже о введении так называемых «молодёжных квот», которые могли бы способствовать продвижению наверх (в том числе, в формате политических партий) наиболее перспективных молодых людей. Для этого предлагаются различные механизмы в зависимости от государственно-национальных особенностей тех или иных стран: конституционные реформы, реформы избирательного законодательства, добровольные решения самих политических партий¹⁵.

ЕС пытается решить указанные проблемы, предпринимая меры по включению молодёжи в политические процессы, в процессы принятия политических решений. Этому вопросу посвящены и работы последних лет многих европейских авторов, которые с разных позиций пытаются определить наиболее оптимальные способы решения. По мнению Р. Фартинг, молодые люди в Европе сегодня разьединены и отчуждены от официальной политической деятельности, а потому вынуждены самостоятельно создавать новые формы своего политического участия [12]. Другие авторы, такие как К. Кэррол [8], Т. Дисруэс [9], Н. Дьюк [11] полагают, что ЕС необходимо сосредоточиться на привлечении молодёжи в политический процесс в качестве, в первую очередь, избирателей и активистов различных общественных движений.

Многие специалисты по молодёжной политике полагают, что самым действенным способом активизации и нормализации политического участия молодёжи могло стать усиление работы различных европейских молодёжных форумов и советов, которые могли бы стать площадкой для выражения её политической воли [14]. Следует отметить, что именно этот путь на сегодняшний день выбран в ЕС, как наиболее оптимальный.

Помимо Европейского молодёжного форума, работающего в рамках ЕС, в Европе действует и так называемый Европейский молодёжный парламент (ЕМП), созданный в 1987 г. В настоящее время Европейский молодёжный парламент является проектом Фонда Хайнца-Шварцкопфа «Молодая Европа» и действует под патронажем президента Европейского парламента и генерального секретаря Совета Европы. Организация имеет национальные представительства в большинстве европейских стран и представляет собой своеобразную дискуссионную платформу для молодых людей в возрасте от 16-ти до 22-х лет. Парламент состоит из 32-х национальных объединений и организаций, в которых тысячи молодых людей работают на общественных началах. Основная цель Парламента – вовлечение молодёжи в про-

цесс европейской интеграции и поддержка интересов молодёжи на международном уровне [7, с. 194.]. Согласно базовой идее создания Парламента, он является «формой практического обучения, позволяя молодым людям из разных стран Европы лучше понять друг друга и мировоззрение других наций, научиться уважать эти различия и сотрудничать друг с другом во имя общего блага»¹⁶.

Развитие молодёжного парламентаризма является сегодня важнейшим направлением деятельности большинства европейских государств-членов ЕС. Несмотря на то, что фактически речь идёт в большей степени об игре в политику, нежели о реальной законотворческой деятельности, тем не менее, данный механизм политической социализации молодёжи имеет достаточно высокий воспитательный потенциал» [5, с. 12].

Кроме Молодёжного форума в странах ЕС активно развиваются и другие управленческие формы включения молодёжи в общественное пространство. Так, «общей тенденцией реализации молодёжной политики в развитых европейских странах (Германия, Великобритания, Франция, Испания и др.) является широкое привлечение общественных организаций к решению проблем различных категорий молодёжи наряду с активным участием государственных органов в данном процессе. Сегодня именно системе молодёжных НПО отводится первостепенная роль в осуществлении молодёжной политики на любом из её уровней (национальном, региональном, местном). Молодёжные НПО имеют существенное значение в жизни западного гражданского общества. Например, в Швеции они охватывают около трёх четвертей всей молодёжи» [5, с. 34].

В современной Европе, и, в частности, в рамках Европейского союза, реализуется комплексная модель управления молодёжной политикой, которая включает в себя разветвленную сеть институтов и организаций, отвечающих за те или иные направления деятельности. Безусловно, ключевые решения в области молодёжной политики принимаются на уровне Совета Европы, а также руководящих органов Европейского союза. Тем не менее, к их обсуждению и выработке рекомендаций активно привлекается сама европейская молодёжь, входящая в различные институциональные объединения, такие, как Европейский молодёжный форум и Европейский молодёжный парламент.

Анализ документов по молодёжной политике Европейского союза показывает, что молодёжь включается европейскими политиками в число наиболее важных социальных групп населения современной Европы. Кроме этого,

¹⁵ Youth participation in national parliaments. Inter-parliamentary Union (IPU), 2014. 20 p. URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/youth_en.pdf (дата проверки 12.08.2016).

¹⁶ Официальный сайт Европейского Молодёжного Парламента «European Youth parliament» URL: <http://www.europej.org/> (дата проверки: 25.05.2016).

молодёжная политика направлена не просто на развитие молодёжи, но имеет и значительную политическую составляющую. Речь идёт о том, что перед Европой на сегодняшний день стоит задача сплочения государств в рамках Европей-

ского союза, в том числе и на идеологическом уровне. В результате, значительная часть молодёжной политики связана с вовлечением молодёжи в демократические институты, привлечением молодых людей к системе управления ЕС.

Список литературы

1. Васильева Е.К. Сравнительный анализ политических ориентаций современной российской и европейской молодёжи // VIII Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Россия молодая». КГТУ. 2016. 5 с.
2. Молодёжь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. М., Росмолодёжь, 2013. 187 с.
3. Программа ЕК «Поддержка инициатив по европейской интеграции в сфере высшего образования» // Вестник международных организаций. 2006. Т. 1. № 2. С. 40–42.
4. Прохорова Д. И. Европейский опыт профилактики молодёжного экстремизма и противодействия ему // Молодой учёный. 2016. №2. С. 1003-1006.
5. Смирнов В.А. Особенности институционализации молодёжной политики в Европе // Youth World Politic. 2013. №3. 260 с.
6. Хайнц Р., Бюринг О. Молодёжь в центре внимания Борьба с Насильственным Экстремизмом. Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла. // Per Concordiam. 2013. Том 4. № 1. С. 29- 33.
7. Христофорова О.С. Молодежная политика Швеции на современном этапе // Скандинавские чтения 2006 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. Сост. И.Б. Губанов; Отв. ред. Б.С. Жаров, Т.А. Шрадер; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 2008. 608 с.
8. Carroll K. Not your parents' political party: Young Sunnis and the New Iraqi Democracy // Middle East Policy. 2011. Vol. 18, no. 3. Pp. 101–121.
9. Desrues T. Moroccan youth and the forming of a new generation: Social change, collective action, and political activism // Mediterranean Politics, 2012. Vol. 17, no. 1. Pp. 23–40.
10. Directorate of Youth and Sport of the Council of Europe, 1999. Europa ABC. A guide to international youth work. France, European Youth Centre. 31 p.
11. Diuk N. Youth as an agent for change: The next generation in Ukraine // Demokratizatsiya - The Journal of Post-Soviet Democratization. 2013. Vol. 21, no. 2. Pp. 179–196.
12. Farthing R. The politics of youthful antipolitics: Representing the 'issue' of youth participation in politics // Journal of Youth Studies. 2010. Vol. 13, no. 2. Pp. 181–195.
13. Hoskins B. Draft report on research seminar "What About Youth Political Participation?", 24-26 November 2003. European Youth Centre. Strasbourg, 2004. 16 p.
14. Matthews H. Citizenship, youth councils, and young people's participation // Journal of Youth Studies. 2001. Vol. 4, no. 3. Pp. 299–318.

Об авторе

Грачёв Евгений Николаевич – референт Администрации Президента, Управление Президента по внутренней политике. E-mail: world_politics@mgimo.ru.

CONCEPTUAL BASES AND IMPLEMENTATION OF THE EU YOUTH POLICY

E.N. Grachev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Europe is making significant efforts to create a common space where not only common political institutions and values, but also common future is to be shaped. And it is young people who is selected to be the main policy object for building common European identity. To this end in recent years, the European Union has worked out the institutional mechanisms of its youth policy, has formed special agencies for its implementation, developed legal framework.

The main document, which laid the conceptual basis of EU youth policy is the White Paper. The document determines the most challenging issues in youth policy that need to be resolved in the short and long

term. The next major document - the European Youth Pact - has become a real legal act which came into force throughout the European Union. The most important document which determines the guidelines of the current EU youth policy is a strategy "Youth - Investing and Empowering." The strategy settles a key vector of European youth policy for all EU countries. All documents take into account the interests of the whole EU and not individual nation states that is why they influence young people at the supranational level.

The European Union has developed a full-fledged system of management of youth policy on two levels: the supranational (pan-European) and national. Council of Europe and European Parliament are responsible for the implementation of youth policy at supranational level. Various national agencies are responsible for the implementation of certain EU youth programs at national level.

The EU documents on the youth policy show that the youth is viewed by European politicians as one of the most politically important social groups in Europe. That is why youth policy is directed not only at youth development, but has to it a significant political component. A significant part of the youth policy is related to the involvement of young people in the democratic institutions, the involvement of young people in the EU governance.

Key words: youth policy , the EU White Paper , European Youth Pact , the European Union 's strategy in the field of youth policy, implementation of youth policy.

References

1. Vasil'eva E.K. Sravnitel'nyi analiz politicheskikh orientatsii sovremennoi rossiiskoi i evropeiskoi molodezhi [Comparative analysis of political orientations of modern Russian and European youth]. *VIII Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh uchenykh "Rossiia molodaia"* [VIII All-Russian scientific-practical conference of young scientists "Young Russia"]. KGTU. 2016. 5 p. (In Russian).
2. Molodezh' Rossii 2000-2025: razvitie chelovecheskogo kapitala [Youth of Russia 2000-2025: the development of human capital]. Moscow, *Rosmolodjzh'*, 2013. 187 p. (In Russian).
3. Programma EK «Podderzhka initsiativ po evropeiskoi integratsii v sfere vysshego obrazovaniia» [EC program "Support for European integration initiatives in the field of higher education"]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* - Bulletin of international organizations. 2006. Vol. 1, no. 2. Pp. 40–42. (In Russian)
4. Prokhorova D. I. Evropeiskii opyt profilaktiki molodezhnogo ekstremizma i protivodeistviia emu [European experience in the prevention of youth extremism]. *Molodojuchenij - Young scientist*. 2016, no. 2. Pp. 1003-1006. (In Russian)
5. Smirnov V.A. Osobennosti institutsionalizatsii molodezhnoi politiki v Evrope [Institutionalization of youth policy in Europe]. *Youth World Politic*. 2013. No. 3. 260 p. (In Russian).
6. Khaints R., Biuring O. Molodezh' v tsentre vnimaniia Bor'ba s Nasil'stvennym Ekstremizmom. Evropeiskii Tsentri po issledovaniiu voprosov bezopasnosti imeni Dzhordzha K. Marshalla. [Youth in focus. Fighting against violent extremism. The European Center for Security Studies at the George C. Marshall.] *Per Concordiam*. 2013. Vol. 4, no. 1. Pp. 29- 33. (In Russian).
7. Khristoforova O.S. Molodezhnaia politika Shvetsii na sovremennom etape [Youth policy in Sweden at the present stage]. *Skandinavskie chteniia 2006 goda: Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*. Gubanov I.B. Ed. by B.S. Zharov, T.A. Shrader; RAN. MAJe im. Petra Velikogo (Kunstkamera). St. Petersburg, MAJe RAN, 2008. 608 p. (In Russian).
8. Carroll K. Not your parents' political party: Young Sunnis and the New Iraqi Democracy. *Middle East Policy*. 2011. Vol. 18, no. 3. Pp. 101–121.
9. Desrues T. Moroccan youth and the forming of a new generation: Social change, collective action, and political activism. *Mediterranean Politics*, 2012. Vol. 17, no. 1. Pp. 23–40.
10. Directorate of Youth and Sport of the Council of Europe, 1999. Europa ABC. A guide to international youth work. France, European Youth Centre. 31 p.
11. Diuk N. Youth as an agent for change: The next generation in Ukraine. *Demokratizatsiya - The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. Vol. 21, no. 2. Pp. 179–196.
12. Farthing R. The politics of youthful antipolitics: Representing the 'issue' of youth participation in politics. *Journal of Youth Studies*. 2010. Vol. 13, no. 2. Pp. 181–195.
13. Hoskins B. Draft report on research seminar "What About Youth Political Participation?", 24-26 November 2003. *European Youth Centre*. Strasbourg, 2004. 16 p.
14. Matthews H. Citizenship, youth councils, and young people's participation. *Journal of Youth Studies*. 2001. Vol. 4, no. 3. Pp. 299–318.

About the author

Evgeny N. Grachev – referent in the Presidential Executive Office, Presidential Domestic Policy Directorate.
E-mail: world_politics@mgimo.ru.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЫНКИ ИЗОТОПОВ

С.З. Жизнин, В.М. Тимохов

Центр энергетической дипломатии и геополитики. 119 019, Россия, Москва, Гоголевский бульвар, 17.

В настоящей работе исследуются мировые рынки стабильных и радиоактивных изотопов. Изотопы нашли разнообразное применение в науке, промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях экономики, но особенно - в медицине. Ядерная медицина интенсивно развивается во всём мире благодаря успехам в лечении различных заболеваний с помощью радиоактивных фармацевтических препаратов (РФП).

Для изучения мирового рынка РФП в работе были использованы результаты прогноза, выполненного в 2015 г. исследовательской компанией Markets and Markets для европейского, североамериканского, а также глобального рынков.

В работе анализируются статистические данные по мировому экспорту и импорту природного урана, обогащённого и обеднённого урана, плутония, тория и некоторых стабильных изотопов немедицинского назначения, представленные компанией Trend ecomoty на 2014 г.

Несмотря на наличие созданной в СССР уникальной производственной базы для производства изотопов, на мировом рынке ядерной медицины Россия занимает скромные позиции, за исключением отдельных направлений. Более 80% изотопной продукции, производившейся советскими предприятиями, потреблялось внутри страны, а экспортировались стабильные и радиоактивные изотопы примерно в равных долях. Сейчас в стране внутренний рынок РФП развит очень слабо. Чтобы кардинально изменить сложившуюся ситуацию, необходимо провести реформы, стимулирующие развитие ядерной медицины.

Ключевые слова: изотопы, ядерная медицина, ядерные реакторы.

Изотопами называются разновидности атомов одного химического элемента, в котором атомные ядра содержат одинаковое число протонов и различное число нейтронов. При этом все изотопы этого элемента имеют одинаковое количество электронов в атомной оболочке, занимают одно место в периодической системе химических элементов и отличаются друг от друга массами атомов. Термин «изотоп» был предложен английским радиохимиком Ф. Содди в 1912 г. Его синонимом является часто встречающийся в литературе термин «нуклид» (вид атома с данными числами протонов и нейтронов в ядре). Нуклид характеризует свойства, как природных атомов, так и их изотопов. Термин «химический элемент» — это совокупность атомов с заданным значением заряда ядра (числом протонов).

На сегодняшний день обнаружено 118 химических элементов. 92 из них существуют в природе, другие элементы получены искусственным путём с очень малым периодом жизни. Есть предположение, что в природе существует около 7000 изотопов, которые живут дольше, чем несколько наносекунд, но на сегодняшний день обнаружена половина из них¹.

Изотопы одного и того же элемента часто имеют совершенно различные свойства, что делает некоторые из них очень ценными для практического применения, а другие изотопы — пока бесполезными.

Все существующие изотопы подразделяются на стабильные и нестабильные (радиоактивные).

Стабильные изотопы (нуклиды) не подвергаются радиоактивному распаду, поэтому они сохраняются в природных условиях в течение длительного периода времени. Примеры стабильных изотопов: углерод-12,13 ($^{12,13}\text{C}$), кислород-16 (^{16}O), фтор-19 (^{19}F) и др. Всего известно около 300 стабильных изотопов. Из них состоит большинство химических элементов в периодической системе элементов Д.И. Менделеева. Наибольшее число стабильных изотопов имеет олово (10 изотопов), а алюминий, наоборот, имеет только один стабильный изотоп, остальные его изотопы неустойчивы.

Радиоактивные изотопы (радионуклиды) самопроизвольно распадаются, испуская при этом α -, β - или гамма-излучения. В процессе радиоактивного распада они превращаются в изотопы других элементов до тех пор, пока не образуются стабильные изотопы. Радиоактивные изотопы получены для всех химических элементов. Их известно более 3000.

По химическим свойствам радиоактивные изотопы почти не отличаются от стабильных, но, благодаря своим «излучательным» свойствам, они часто используются в качестве «меченых» атомов — атомов, которые позволяют

следить за поведением всех атомов данного элемента и за их передвижением путём измерения их радиоактивности.

Стабильные и радиоактивные изотопы и связанные с ним эффекты широко применяются в научных исследованиях, промышленности, сельском хозяйстве, медицине, биологии, химии, физике, экологии, измерительной технике. Некоторые изотопы урана и плутония являются топливом для атомных электростанций, а также используются в качестве ядерного оружия. Изотопы водорода — дейтерий (^2H) и тритий (^3H) — планируются в качестве основных компонентов топлива термоядерных реакторов.

Широкие перспективы открывает ядерная медицина, основанная на применении изотопных технологий, поэтому в статье большое внимание уделено вопросам развития ее рынков.

Благодаря высокому технологическому прогрессу в сочетании с развитой экономикой США имеют самую большую долю на рынке ядерной медицины, за ними — Азиатско-Тихоокеанский регион и Европа. США — лидер по развитию ядерной медицины, количество выполненных в стране медицинских процедур в 2015 году составило около 15 млн [15]. Следует отметить, что, несмотря на большое количество литературы по этой тематике, надёжных статистических данных нет. Между ними существует значительный разброс. Так, в российском источнике [4] указано для США 100 млн лабораторных тестов (ежегодно) на 2000 г.. На этот источник ссылаются разные специалисты из России, перенося такие данные на последующие годы. Чтобы подробно разобраться в этом вопросе нужно специальное исследование, что не является целью этой статьи.

Применение изотопов в медицине

Мировая ядерная медицина потребляет более 50% всей производимой изотопной продукции [5]. В настоящее время она достигла значительных успехов в производстве различных радиоактивных фармацевтических препаратов (радиофармпрепаратов, РФП). РФП — это диагностические и лечебные средства, в состав которых входят радиоактивные изотопы, используемые для диагностики и лечения различных заболеваний. Регистрация ядерного излучения, входящего в состав РФП радиоизотопа, даёт возможность легко следить за его поведением и распределением в организме. Радионуклиды позволяют контролировать физиологические и биохимические процессы, не вмешиваясь в их ход и не нарушая естественного их течения.

Радионуклиды для ядерной медицины и соответствующие РФП на их основе с точки зрения области их применения классифициру-

¹ U.S. Department of Energy. Meeting isotope needs and capturing opportunities for the future: the 2015 long range plan for the doe-np isotope program. URL: <http://science.energy.gov/np/nsac/reports> (дата проверки: 30.07.2016.).

ют по отдельным группам как *диагностические* и *терапевтические*.

Диагностическое назначение. В зависимости от типа излучения радионуклиды могут быть отнесены к двум группам:

1. Однофотонная эмиссионная компьютерная томография (ОФЭКТ, англ. SPECT). К оптимальным радионуклидам для ОФЭКТ относятся – излучатели с энергией квантов в пределах 100–200 кэВ и периодами полураспада от нескольких минут до нескольких дней.

Подавляющее большинство диагностических процедур с помощью техники ОФЭКТ выполняется в течение последних 30 лет препаратами ^{99m}Tc . Широко используются также радиоизотопы таллий-201 (^{201}Tl), галлий-67 (^{67}Ga), и йод-123 (^{123}I). Характерной особенностью ОФЭКТ-процедур является их относительная дешевизна. Так по некоторым данным, её стоимость процедуры с изотопом ^{99m}Tc составляет от \$ 100 до 3500.

2. Позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ, англ. PET). Для этой процедуры обычно используются β^+ излучатели с периодами полураспада от нескольких секунд до нескольких часов. Среди позитрон-излучающих радионуклидов в основном используются углерод-11 (^{11}C), ^{13}N , кислород-15 (^{15}O) и фтор-18 (^{18}F). Изотоп ^{18}F применяется наиболее широко. Значительное количество публикаций посвящено использованию генераторных галлий-68 (^{68}Ga) и рубидий-82 (^{82}Rb). Стоимость ПЭТ-процедуры значительно выше, чем ОФЭКТ. Она меняется от \$ 1000 до 35000 [9,10]. По мнению экспертов, следует ожидать увеличения использования и других позитрон-излучающих радионуклидов, поскольку, несмотря на достаточно высокую стоимость ПЭТ, это направление бурно развивается.

Терапевтическое назначение. В препаратах для проведения терапии радиоактивный изотоп является основным лечебным средством, которое позволяет локализовать лечебную дозу излучения непосредственно в органе-мишени или

в пораженных клетках, и, соответственно, обеспечить минимальное облучение окружающих здоровых клеток органов и тканей. В зависимости от характера и локализации патологического процесса для радиотерапии используют:

- β - излучатели с энергиями β (-) частиц в области 200-2000 кэВ;
- α -излучатели с высокой линейной передачей энергии и коротким пробегом частиц (50-100 мкм);
- радиоизотопы, распадающиеся электронным захватом (ЭЗ) или внутренней электронной конверсией (ВЭК). Обычно используются для брахитерапии.

Классификация основных радиофармпрепаратов, используемых в ядерной медицине, приведена в таблице 1.

Для получения радионуклидов используются: а) ядерные реакторы (^{32}P , ^{90}Y , $^{99m}\text{Mo}/^{99m}\text{Tc}$, ^{153}Sm). Реакторный способ является наиболее простым и экономичным, однако многие ценные в практическом отношении изотопы в реакторе получить невозможно; б) линейные ускорители заряженных частиц, циклотроны. Получают радионуклиды с оптимальными физическими характеристиками для ОФЭКТ. Это – ^{67}Ga , ^{103}Pd , ^{111}In , ^{123}I , ^{201}Tl , и др.;

в) генераторы радионуклидов. Позволяют многократно получать препараты непосредственно на месте их использования путём разделения генетически связанных между собой радионуклидов – материнского и дочернего. Дочерний, как правило, имеет более короткий период полураспада и постоянно образуется (генерируется) из материнского ($^{99m}\text{Mo}/^{99m}\text{Tc}$, ^{68}Ga , ^{82}Rb и др.).

Рынки ядерной медицины

Достижения в области лечения онкологических заболеваний и болезней сердечнососудистой системы с помощью РФП явилось основным фактором появления рынка ядерной медицины (а также рынка радиофармпрепаратов) и его стремительного роста с каждым годом³.

Таблица 1.

Основные радиофармпрепараты для ядерной медицины

	Диагностическое назначение		Терапевтическое назначение		
	ОФЭКТ	ПЭТ	Бета-излучатели	Альфа-излучатели	Брахитерапия
1					
2	^{99m}Tc , ^{201}Tl , ^{67}Ga , ^{123}I и др.	^{18}F , ^{82}Rb , ^{11}C , ^{13}N , ^{15}O и др.	^{131}I , ^{153}Sm , ^{186}Re , ^{90}Y , ^{177}Lu и др.	^{223}Ra	^{125}I , ^{192}Ir , ^{103}Pd , ^{131}Cs и др.
3	Кардиология, лимфома, щитовидная железа, неврология и др.	Онкология, кардиология, неврология и др.	щитовидная железа, костные метастазы, лимфома, эндокринные опухоли и др.		

Источник: подготовлено авторами по материалам работы².

² European market. URL: <http://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/european-nuclear-medicine-radiopharmaceuticals-market-1107.html> (дата проверки: 29.07.2016).

³ В определение «рынок ядерной медицины» входят не только радиофармпрепараты, но и оборудование для их производства. Так, современные ПЭТ-центры комплектуются циклотроном для производства изотопов и дорогостоящими регистрирующими детекторами. В настоящей работе мы рассматриваем только рынки радиофармпрепаратов.

■ Исследовательские статьи

Высокий спрос со стороны развивающихся стран на радиоизотопы и РФП, а также достижения различных областей научной и практической медицины (кардиология, гепатология, урология, нефрология, пульмонология, эндокринология, травматология, неврология и нейрохирургия, педиатрия, аллергология, гематология, клиническая иммунология) создают огромные возможности для роста этого рынка в ближайшие годы.

К числу факторов, сдерживающих рост рынка ядерной медицины, следует отнести: короткий период полураспада изотопов, жёсткие нормативные требования к производству и применению (экология, радиационная безопасность и др.), а также конкуренция со стороны обычных диагностических методов.

Современную ситуацию на рынке изотопов можно проиллюстрировать на примере двух изотопов, широко используемых в медицине: стабильного изотопа углерода-13 (^{13}C) и радиоактивного технеция-99m ($^{99\text{m}}\text{Tc}$).

Наиболее перспективный способ использования изотопа ^{13}C – это так называемый «диагностический контроль дыхания» (Diagnostic Breath Test - DBT) [3, с. 10]. Потенциальный рынок теста DBT достаточно широк: на 2000 г. в США он оценивался в 800 млн долл. и более 5 млн пациентов в год [3, с. 11].

Среди других стабильных изотопов для использования в медицине отметим: дейтерий (^2H), углерод-13 (^{13}C), азот-15 (^{15}N), кислород-18 (^{18}O).

Широкое применение технеция-99m ($^{99\text{m}}\text{Tc}$) в ядерной медицине обусловлено уникальной совокупностью его ядерно-физических и химических свойств, обеспечивающих достаточную и эффективную радиационную безопасность. Этот изотоп получают из отходов переработки ядерного топлива, либо из облучённой в циклотроне молибденовой мишени. По данным на 2000-е гг., рынок использования ^{99}Mo оценивался примерно в 1 млн Ки в год при цене за 1 Ки порядка 200 долл. [4]. При этом ежегодный рост использования этого изотопа на мировом рынке оценивался в 10% [там же, с. 12]. К настоящему времени эти цифры существенно выше в связи с ростом объёмов его использования.

География мирового производства и потребления молибдена-99 в 2015 г. представлена в таблице 2. Данные из табл. 2 показывают, что в ЕС, Канаде и ЮАР имеется перепроизводство изотопа, а в Японии и США – значительный дефицит (60%). В 2015 г. США организовали собственное производство молибдена-99, поэтому в будущем ситуация на рынке изменится.

С использованием технеция-99m в мире ежегодно осуществляется примерно 80% диагностик, что составляет порядка 30 млн процедур. Только в США ежедневно выполняется от 32 800 до 41 000 процедур (см. табл. 3).

Как видно из таблицы 3, весь рынок разделён между Северной Америкой, ЕС и АТР. Поскольку статистические данные по Китаю, России и странам Центральной Азии не учтены,

Таблица 2.

Производство и потребление молибдена-99 в 2015 г.

Страна/регион	Производство	Потребление
ЕС	45%	22%
Канада	40%	4%
ЮАР	10%	-
Австралия	2%	1%
Россия	1%	1%
Япония	0%	14%
США	0%	46%
Другие	-	12%
Всего	100	100

Источник: по данным [15].

Таблица 3.

Ежегодное число процедур в 2015 г. с использованием технеция-99m.

Регион	Число ежегодных процедур, млн
Северная Америка	12-15
Европа	6-7
АТР	6-8
Другие регионы мира	0,5
Россия, Китай, страны Центральной Азии	данных нет

Источник: по данным [15].

в реальности потребление технеция-99m будет выше, и оценку в 30 млн процедур следует считать заниженной. К 2020 г. прогнозируется ежегодный рост мирового потребления на 1–2%.

В настоящей работе для изучения мирового рынка ядерной медицины мы использовали данные исследовательской компании Markets and Markets по европейскому и североамериканскому регионам, а также глобальному рынку⁴ [11,12,13,14].

Все рынки РФП, как глобальные, так и региональные, подразделяются на *диагностический* и *терапевтический* сегменты.

Доля диагностического сегмента составляет порядка 80% от общей доли рынка РФП.

Максимальный объем продаж для проведения однофотонной эмиссионной компьютерной томографии (ОФЭКТ) приходится на изотоп технеций-99m (^{99m}Tc); распространены также таллий-201 (²⁰¹Tl), галлий-67 (⁶⁷Ga) и йод-123 (¹²³I).

Для позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ) большей частью используют радиоизотопы фтор-18 (¹⁸F) и рубидий-82 (⁸²Rb).

Терапевтический сегмент рынка РФП. На рынке терапии наибольшую долю составляют бета-излучатели. Среди изотопов преобладают йод-131 (¹³¹I), далее следуют самарий-153 (¹⁵³Sm), рений-186 (¹⁸⁶Re), иттрий-90 (⁹⁰Y) и лютеций-177 (¹⁷⁷Lu). В качестве альфа-излучателя

эффективно используется радий-223 (²²³Ra). В брахитерапии применяются изотопы цезия-131 (¹³¹Cs), йода-125 (¹²⁵I), палладия-103 (¹⁰³Pd) и иридия-192 (¹⁹²Ir).

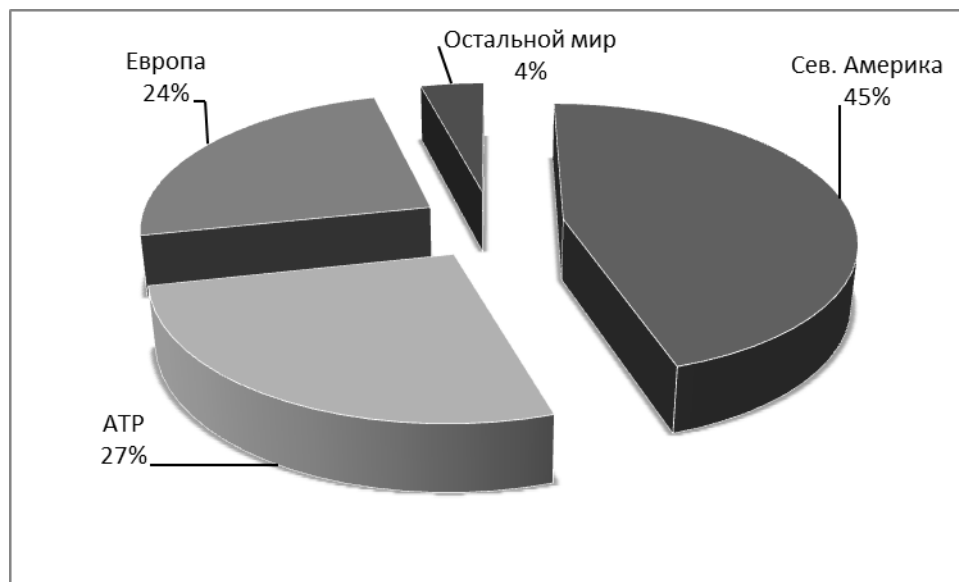
На рисунке 1 показан вклад различных регионов в **глобальный рынок** радиофармпрепаратов. Видно, что на рынке доминирует Северная Америка, далее следуют Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа и остальная часть мира. Ожидается, что рынок АТР будет расти самыми быстрыми темпами в течение прогнозируемого периода.

Эксперты уверенно прогнозируют рост рынков радиофармпрепаратов на период до 2020 г., причём максимальные темпы роста ожидаются в странах АТР.

Ключевыми участниками всех трёх рынков выступает ряд компаний, фактически являющихся монополистами в сфере предложений радиофармпрепаратов и соответствующего оборудования. Среди них можно выделить следующие компании: Cardinal Health Inc. (США); GE Healthcare (Великобритания); Bracco Imaging S.p.A. (Италия); Eczacibasi-Monrol (Турция); Nordion Inc. (Канада); Advanced Accelerator Applications SA (Франция); Bayer Healthcare AG (Германия); Lantheus Medical Imaging, Inc. (США); IBA Molecular Imaging (Belgium) и Mallinckrodt PLC (Ирландия).

Рисунок 1.

Состояние мирового рынка радиофармпрепаратов в 2015 г.

Источник: по материалам⁵ [12].

⁴ European market. URL: <http://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/european-nuclear-medicine-radiopharmaceuticals-market-1107.html> (дата проверки: 29.07.2016).

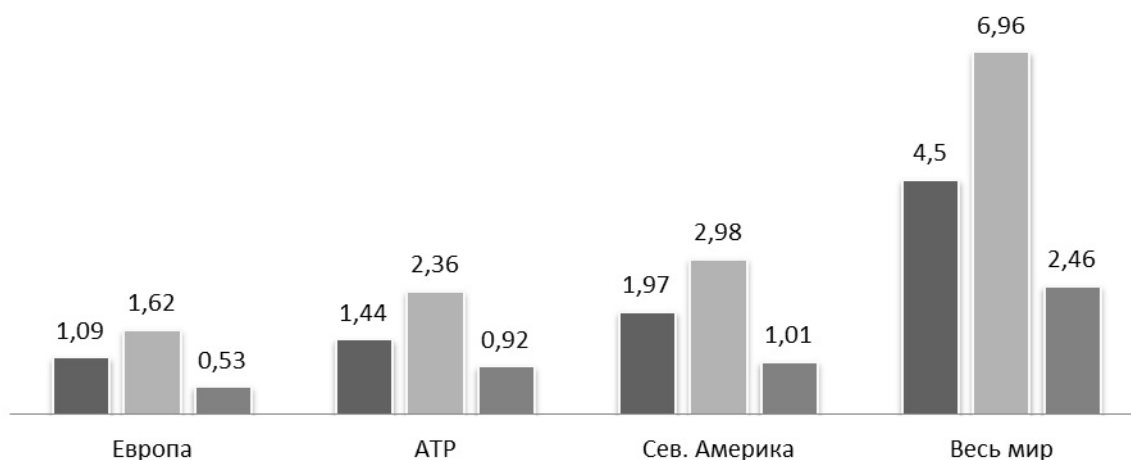
Global market URL: <http://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/radiopharmaceuticals-market-417.html> (дата обращения: 29.07.2016) Market Research Company and Consulting Firm. URL: <http://www.marketsandmarkets.com/> (дата проверки: 29.07.2016) North-American market. [URL: markets.com/Market-Reports/north-american-nuclear-medicine-radiopharmaceuticals-market-1108.html (дата обращения: 29.07.2016).

⁵ Global market URL: <http://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/radiopharmaceuticals-market-417.html> (дата проверки: 29.07.2016)

Рисунок 2.

Развитие региональных рынков радиофармпрепаратов.

■ 2015 г., \$ млрд ■ 2020 г., \$ млрд ■ Прирост за 2015-2020

Источник: по данным [11, 12, 13, 14].

Состояние региональных рынков радиофармпрепаратов

Благодаря успехам европейской медицины в применении радиофармпрепаратов **европейский рынок** РФП заметно диверсифицировался и расширился.

В 2015 г. в диагностическом сегменте рынка максимум продаж пришёлся на изотопы технеций-99m (^{99m}Tc) и фтор-18 (^{18}F), а на терапевтическом рынке лидировали радий-223 (^{223}Ra), йод-131 (^{131}I) и иттрий-90 (^{90}Y).

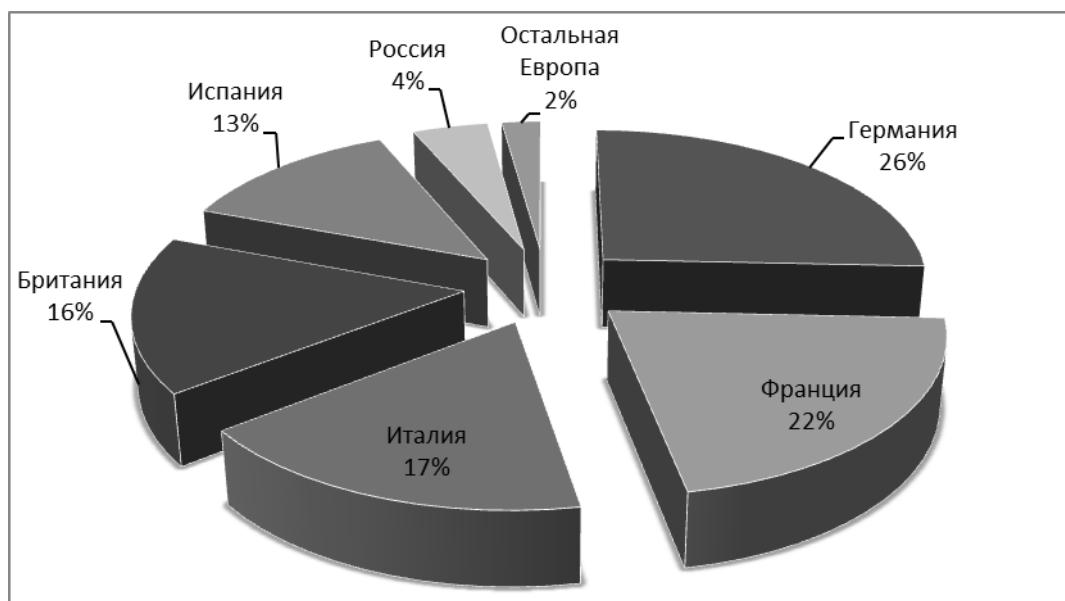
По странам максимальная доля продаж приходилась на Германию, за которой следовали Франция, Италия, Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии,

Испания и Россия (см. рис. 3). Ожидается, что в ближайшие годы наибольший рост продаж будет происходить в Швейцарии, Польше, Дании, Швеции и Нидерландах. Следует отметить незначительный, в сравнении с потенциальными возможностями, вклад России.

Следует отметить, что хотя европейский рынок контролируют несколько крупных компаний, которые фактически монополизировали его, тем не менее, в последние годы малые и средние компании с похожими предложениями продуктов пытаются найти свою нишу на рынке, что ведет к усилению конкуренции на нем. При этом эти компании используют различные маркетинговые стратегии (реклама, це-

Рисунок 3.

Европейский рынок радиофармпрепаратов в 2015 г.

Источник: по данным [11].

новые скидки, стимулирующие акции, дополнительные услуги по пред- и послепродажному обслуживанию и т. д.).

Данные европейского рынка РФП на 2015 г. и перспективы развития до 2020 г. показаны на рис. 2.

Североамериканский рынок ядерной медицины представлен США и Канадой. Его быстрый рост обусловлен достижениями ядерной медицины при лечении различных сложных видов заболеваний и повышением уровня осведомлённости об эффективности радиофармпрепаратов с применением радиоактивных изотопов.

Наибольшая доля рынка приходится на США: на 2015 г. доля США на рынке составляла примерно 90%. Доминирование США значительно укрепилось в связи с началом 2015 г. производства Мо-99 и утверждением FDA⁶ новых радиофармпрепаратов, применение которых рассматривается в качестве альтернативы традиционному лечению онкологии.

Следует отметить, что на рынке имеется достаточное количество компаний частной собственности, и их доходы не доступны в открытом доступе, следовательно, они не включены в данные работы⁷ [14], которые исследовались авторами.

Данные о состоянии Северо-Американского рынка РФП, а также мирового рынка на 2015 год и перспективы их развития до 2020 г. представлены на рис. 2.

В заключение следует отметить, что дальнейшее развитие ядерной медицины зависит от разработки эффективных методов производства новых радионуклидов. К настоящему времени в данном направлении достигнуты зна-

чительные успехи. Так, недавно были введены в эксплуатацию высокоэнергетические и сверхточные циклотроны. Это позволило сделать более доступными ряд новых радионуклидов (галлий-68, медь-64, цирконий-89 и цинк-63), а также использовать ускорители для коммерческого производства востребованного на рынке технеция-99m. Наличие новых радиоизотопов может радикально изменить положение в области ядерной медицины, расширив круг клинических проблем, решаемых с её помощью⁸ [3].

Мировые рынки немедицинских изотопов

Мировые объёмы экспорта и импорта некоторых радиоактивных и стабильных нуклидов по товарным группам показаны в таблице 4, а крупнейшие экспортёры и импортёры – в таблице 5.

Как можно видеть из таблицы 4, импорт природного, обогащённого и обеднённого урана в 1,5–2,9 раза превышает экспорт. Возможными причинами такого несоответствия могут быть: а) экспорт товаров осуществляли компании, не находящиеся в открытом доступе как экспортеры; б) экспортируемый товар отправлялся, например, на обогащение или иную конверсионную операцию, и импортировался уже как другая товарная группа.

Из приведенных в табл. 4,5 данных видно, что наибольшие и почти одинаковые объёмы продаж приходятся на природный и обогащённый уран. Основными экспортёрами этих товаров являются Казахстан и Нидерланды.

Объёмы продаж обеднённого урана незначительны в сравнении с обогащенным (менее 5%). Лидером среди экспортёров и импортёров является Франция.

Таблица 4.

Экспорт и импорт товарных групп нуклидов в 2014 г.

Товарная группа	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.	Всего, млрд долл.
Уран природный и его соединения	4,03	6,37	10,4
Уран, обогащённый ураном-235, и его соединения; плутоний и его соединения	3,19	6,64	9,83
Уран, обеднённый ураном-235, и его соединения; торий и его соединения	0,067	0,023	0,09
Элементы радиоактивные, изотопы и соединения	1,32	1,68	3,00
Стабильные изотопы дейтерий, литий-6, литий-7, углерод-13, бор-10, бор-11, азот-15, кислород-18 и их соединения	0,222	0,211	0,434

Источник: по данным⁹.

⁶ Food and Drug Administration - агентство Министерства здравоохранения и социальных служб США. В числе прочего, осуществляет контроль над качеством лекарственных препаратов, а также над соблюдением законодательства и стандартов в этой области.

⁷ North-American market. URL: markets.com/Market-Reports/north-american-nuclear-medicine-radiopharmaceuticals-market-1108.html (дата проверки: 29.07.2016).

⁸ Доклад ген. директора МАГАТЭ. Обзор ядерных технологий. 2015. 62 с. URL: https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC59/GC59InfDocuments/Russian/gc59inf-2_rus.pdf (дата проверки: 20.07.2016).

⁹ Мировой импорт. URL: <http://data.trendeconomy.ru/commodities/Import/2844?period=2014> (дата обращения: 25.07.2016). Мировой экспорт. URL: <http://data.trendeconomy.ru/commodities/Export/2844?period=2014> (дата проверки: 25.07.2016).

Крупнейшие экспортёры и импортёры изотопной продукции.

Экспорт, млн долл. (% мирового экспорта)	Импорт, млн долл. (% мирового импорта)
Уран природный	
Казахстан: 1 836,2 (46%)	Китай: 2 362,7 (37%)
Канада: 1 086,4 (27%)	Франция: 1 483,4 (23%)
США: 408,8 (10,1%)	Россия: 769,7 (12,1%)
Украина: 259,5 (6,4%)	Нидерланды: 527,8 (8,3%)
Россия: 149,67 (3,7%)	Канада: 383,7 (6,0%)
Уран обогащённый	
Нидерланды: 861,0(27%)	США: 2 348,0 (35%)
Франция: 826,4 (26%)	Франция: 916,4 (13,8%)
Германия: 717,6 (23%)	Швеция: 790,2 (11,9%)
США: 386,0 (12,1%)	Ю. Корея: 688,4 (10,4%)
Китай: 264,0 (8,3%)	Германия: 444,1 (6,7%)
Уран обеднённый	
Франция: 25,3 (38%)	Франция: 4,1 (48%)
Германия 24,1 (36%)	Германия: 2,0 (8,7%)
США: 11,5 (17,1%)	Испания: 1,8 (7,8%)
Чехия: 1, 65 (2,46%)	Великобритания: 1,1 (4,7%)
Нидерланды: 1,1 (1,7%)	США: 1,1 (4,7%)
Элементы радиоактивные, изотопы	
Канада: 370,7 (28%)	США: 503,1 (30%)
США: 201,9 (15,2%)	Япония: 242,9 (14,5%)
Нидерланды: 153,0 (11,6%)	Германия: 78,9 (4,7%)
Бельгия: 94,297 (7,12%)	Китай: 70,7 (4,2%)
Германия: 88,5 (6,7%)	Великобритания: 66,9 (4,0%)
Россия: 74,3 (5,6%)	Франция: 66,1(3,9%)
Стабильные изотопы	
США: 100,1 (45%)	США: 48,6 (23%)
Германия: 27,0 (12,1%)	Германия: 30,7 (14,5%)
Россия: 21,2 (9,54%)	Япония: 20,2 (9,5%)
Израиль: 20,8 (9,35%)	Китай: 19,3 (9,1%)
Франция: 13,0 (5,8%)	Южная Корея: 13,3 (6,3%)
Канада: 10,6 (4,8%)	Канада: 12,2 (5,8%)

Источник: по данным¹⁰.

Объёмы продаж радиоактивных изотопов более чем в семь раз превосходят объёмы стабильных изотопов, но почти в шесть раз ниже объёмов продаж всех урановых изотопов и их соединений. Канада, США и Нидерланды занимают лидирующие позиции по экспорту радиоактивных изотопов, а США, Япония и Германия – по их импорту.

В экспорте стабильных изотопов США, Германия и Россия опережают другие страны. Их совместный оборот составляет около 70%. По импорту США, Германия и Франция обеспечивают почти 50% рынка.

Полный объём рынка этой изотопной продукции составляет \$23,75 млрд, из которых \$20,32 млрд (почти 86%) приходится на уран и его изотопы. Самые крупные покупатели – это Китай (природный уран, \$2,36млрд, 37% мирового рынка) и США (обогащённый уран, \$2,35 млрд, 35% рынка). Наибольшие объёмы продаж природного урана у Казахстана (\$1,84 млрд, 46% рынка), Канады (\$1,09 млрд, 27% рынка), а также обогащенного урана у Нидерландов (\$0,86 млрд, 27%), Франции (\$0,83 млрд, 26%) и Германии (\$0,72 млрд, 27% рынка).

¹⁰ Мировой импорт. URL: <http://data.trendeconomy.ru/commodities/Import/2844?period=2014> (дата обращения: 25.07.2016). Мировой экспорт. URL: <http://data.trendeconomy.ru/commodities/Export/2844?period=2014> (дата проверки: 25.07.2016).

Россия с объёмом продаж 150 млн долл. (5,6% мирового рынка) природного урана занимает скромное 5-е место. Так как стратегия страны направлена на дальнейшее полномасштабное развитие атомной энергетики, представляется нецелесообразным экспортировать изотопы урана, плутония, тория, но экспорт различных видов радиоактивных изотопов следует увеличить, используя имеющийся потенциал России.

Изотопная экономика

Термин «изотопная экономика» был введён в научный оборот в середине 2000-х гг. [1, 16]. Это направление включает в экономику новые виды изотопов, дополняющие периодическую таблицу элементов Менделеева. Сейчас науке известно более трех тысяч изотопов, и этот список продолжает расти за счёт открытия новых сверхтяжёлых элементов, а также «экзотических» изотопов существующих элементов.

В изотопной экономике в массовых масштабах осуществляется трансмутация элементов: производство изотопов путём ядерных превращений для нужд промышленности. Пока трансмутация происходит только в ядерных реакторах, когда при делении ядер образуются различные изотопы почти всех элементов периодической таблицы, многие из которых очень трудно получить иным путём.

Экономическое значение изотопов, произведённых с помощью ядерных реакторов, не уступает или даже превосходит ценность созданной электроэнергии. Так, отработанное ядерное топливо (ОЯТ) представляет собой источник нового ядерного топлива типа плутония-239, а также ценных и редких металлов. Относительные концентрации редких металлов в облучённом топливе реакторов во многих случаях в десятки тысяч раз превышают их среднее содержание в земной коре. Доказано, что извлечение из ОЯТ таких металлов, как палладий, родий и рутений, экономически оправдано для производства высокопрочных спецматериалов [16].

Сейчас только развитые страны имеют широкий спектр радиационных и радиоизотопных технологий. Многие виды этих технологий очень дороги и малодоступны. Но даже в этих условиях доходы отраслей промышленности, связанных с этими технологиями, в таких странах как США и Япония превышают доходы от производства электроэнергии на АЭС [1, с. 133-134]. Поэтому если создать эффективные методы переработки ОЯТ и научиться выделять нужные изотопы требуемого качества, то можно ожидать, что стоимость радиационных и радиоизотопных технологий снизится, и они станут доступны значительно большему, чем сейчас, числу людей, в том числе в развивающихся странах [там же].

Изотопная экономика объединяет ядерную энергию с новым направлением наноматериалов

и нанотехнологий, позволяющим «увидеть» перемещения атомов и молекул и воздействовать на них нейтронами или электромагнитным излучением заряженных частиц, получаемых от ускорителей или реакторов [там же, с. 135]. Нанотехнологии обещают принципиальные достижения в создании материалов и выводят ядерную энергетику на новый технологический уровень. Это могут быть ядерное топливо с повышенным энерговыделением и ресурсом, новые радиационно-стойкие конструкционные материалы, нанокompозиты для защиты от излучения и многое другое. Существует также многообещающая перспектива создания «изотопно-сконструированных» материалов для управления свойствами вещества. Материалы, содержащие единственный изотоп, имеют свойства, существенно отличающиеся от свойств смеси изотопов. Например, «изотопно чистые» алмазы намного более прочнее природных.

Таким образом, ядерные реакторы и ускорители становятся генераторами новых нужных человеку атомов изотопов, а полученные в результате работы радиоактивные «отходы» могут быть ценными продуктами, оставляемыми грядущим поколениям взамен отбираемого у них органического топлива [там же, с. 136].

Развитие производства изотопной продукции в России и его перспективы

Развитие изотопных технологий в СССР началось после окончания Второй мировой войны. В период гонки вооружений оно было связано, главным образом, с масштабным производством урана-235 и разделением изотопов тяжёлых масс для создания ядерного оружия.

Производство изотопной продукции в СССР начиналось в 50-х гг. XX в. на предприятиях Министерства среднего машиностроения СССР. В СССР была создана уникальная технологическая база и организовано производство широкой номенклатуры изотопной продукции в нескольких десятках предприятий [8, с. 13]. При этом некоторые виды изотопов, например, стабильные изотопы олова Sn-112 и Sn-114, производились только в СССР, по крайней мере, до середины 90-х гг. И до настоящего времени ни одна страна в мире не может осуществить производство такого ассортимента изотопов, как Россия.

До начала 1990-х гг. СССР занимал лидирующую позицию в мире по использованию ядерных технологий в медицине. В стране работало 650 лабораторий радиоизотопной диагностики, 20 отделений радиоизотопной терапии на 2 тыс. активных коек [9, с. 12]. Более 80 % изотопной продукции, производимой советскими предприятиями, потреблялось внутри страны [10, с. 50]. При этом вся изотопная продукция закупалась за счёт средств Министерства здравоохранения СССР и распределялась по 600 медицинским учреждениям страны.

■ Исследовательские статьи

Диагностическое оборудование в СССР не производилось, оно централизованно приобреталось за рубежом. ОФЭК-томографы производили только два предприятия, а технологии создания ПЭТ вообще не существовало.

Объём экспорта изотопной продукции был невелик, из страны вывозились в основном сырьевые изотопы, половина из которых были стабильными, а вторая – радиоактивными. Доходы от экспорта изотопов в конце 1980-х гг. составляли около 10 млн долл. в год [5, с. 4].

После распада СССР мощная научно-техническая и производственная база распалась по бывшим союзным республикам. На территории России осталось около 90% мощностей по производству изотопной продукции, а большая часть предприятий по изготовлению оборудования оказались на территориях других стран, в основном в бывших прибалтийских республиках. Потребители (больницы) и их пациенты лишились государственного финансирования. Так, к 1996 г. число медучреждений, централизованно обеспечиваемых изотопной продукцией на средства Минздрава, сократилось с 600 (в СССР) до 293 (в России). К концу 2014 г. финансировалось всего 38 учреждений Минздрава России и 11 медучреждений РАМН России. Для проведения радиоизотопной диагностики и терапии используется устаревшее оборудование, 80% которого было закуплено ещё до 1980-х гг. [10, с. 51].

Рынок потребления изотопов в стране развит очень слабо. Если в США потребление молибдена-99 составляет 5–6 тыс. Ки в неделю, то в России – менее 100 Ки/неделю, то есть отставание от США более чем в 50 раз, а от партнёра по БРИКС, развивающейся Бразилии, – в шесть раз.

В течение последние 30 лет клиники в крупных регионах (таких, как Москва, Санкт-Петербург и Татарстан) осуществляют централизованные закупки за счёт региональных бюджетов, а остальные медучреждения приобретают изотопную продукцию, исходя из собственных финансовых возможностей.

В 1990-е гг. уменьшилось число институтов, занятых исследованиями изотопов, но практически полностью сохранились предприятия по производству изотопной продукции.

Как следствие этих изменений, в стране значительно упал внутренний спрос, и российские производители изотопной продукции переориентировались на экспорт. Однако из-за отсутствия сертификации контроля качества лекарственных средств в международной системе GMP, продукция России квалифицировалась как полупабрикат и покупалась по заниженным ценам.

В данной ситуации на некоторых российских предприятиях было организовано производство отдельных источников ионизирующего излучения в виде конечной продукции, и с ней удалось выйти на международный рынок, поставляя не сырьевые, а высокотехнологичные

изделия. Это радиоактивные источники для облучательных установок на основе кобальта 60 (Россия занимает 15–20% мирового рынка), источники на основе америция 241 и цезия 137 (доля России на рынке достигает 50–60%) [10, с. 50].

При высоком мировом объёме продаж стабильных и радиоактивных изотопов, а также всех видов радиофармапрепаратов, составившем в 2015 г. 4,5 млрд долл., доля российского экспорта, как показано выше, не превышает 1%, хотя по отдельным видам изотопов наши поставщики занимают лидирующие позиции.

Предприятия Росатома имеют значительный потенциал для обеспечения медицинской отрасли всеми необходимыми для диагностики и терапии изделиями изотопной продукции. Тем не менее, будущее ядерной медицины зависит не от производителей изотопов, а от выбора стратегии развития данной отрасли здравоохранения и решений соответствующего уполномоченного ведомства по обеспечению внутреннего рынка.

В настоящее время в Минздраве России концепция развития ядерной медицины отсутствует. Например, в течение последних нескольких лет значительные финансовые средства были вложены в строительство ПЭТ-центров диагностики. Однако стоимость процедуры на ПЭТ составляет не менее 35 тыс. рублей, то есть она не является общедоступной для российского населения. В то же время процедура ОФЭКТ с применением технеция-99m обходится в семь раз дешевле. В развитых странах, несмотря на развитие ПЭТ-диагностики, ОФЭКТ также активно используется.

Одним из способов решения проблемы финансирования может стать вариант, использованный ранее в США и выбранный сейчас департаментом здравоохранения Москвы, когда средства для покупки изотопной продукции включены отдельной строкой в обязательное медицинское страхование (ОМС). Свой бюджет клиники департамента здравоохранения Москвы могут истратить только на изотопные препараты. В США благодаря применению этого способа потребление изотопной продукции медицинского назначения составляет около 40% от мирового [10, с. 51].

Развитие российского рынка серьёзно тормозит процедура лицензирования деятельности по обращению с радиоактивными изотопами для медучреждений. Такая лицензия выдаётся сроком на три–пять лет, а экспертиза стоит не менее 100 тыс. рублей. Многие больницы, особенно в регионах, не имеют таких средств. В то же время в большинстве развитых стран для медучреждений, использующих радиофармпрепараты (кроме больниц, оборудованных облучательными установками с мощными источниками ионизирующего излучения), практикуется процедура не лицензирования, а простого уведомления национального органа,

регулирующего обращение с радиоактивной продукцией. Следует изучить и применить в России практический опыт этих стран и упростить процедуру лицензирования.

Вышеприведённые меры, по мнению многих экспертов и авторов, позволят в значительной степени повысить потребление изотопной продукции медицинского назначения внутри страны. Увеличение объёмов внутреннего рынка позволит использовать производственный потенциал незагруженных ввиду отсутствия спроса российских предприятий, а также развивать собственную базу медицинского оборудования и фармацевтических препаратов, взамен импортного оборудования, стоимость которого после последней деноминации валют значительно выросла. В дальнейшем это приведёт к созданию конкурентного отечественного медицинского оборудования, что позволит увеличить долю экспортных поставок РФП на международные рынки.

В заключение отметим, что ядерная медицина, в силу своей специфики и перспективности, достойна стать национальным проектом. Известно, как широко используется ядерная медицина в США, Европе, Юго-Восточной Азии. Поэтому это направление необходимо превратить из научно-исследовательского в промышленное, общедоступное в крупных городах и любом районном центре.

Стабильные и радиоактивные изотопы вносят значительный вклад в повышение эффективности многих отраслей экономики, включая медицину, производство продуктов, контроль целостности конструкций, исследования различного рода в промышленности. Потребности расширения масштабов использования радиоизотопов очень велики.

Наиболее перспективным направлением использования изотопов выступает ядерная медицина. Это уникальная сфера деятельности, в которой гармонично сочетаются знания физики, высоких технологий и медицины. В России научными и технологическими разработками в этой сфере занимаются институты и предприятия госкорпорации «Росатом» и Минздрава России.

Ядерная медицина интенсивно развивается во всём мире. Её стремительный рост связан с тем, что благодаря развитию медицины средняя продолжительность жизни людей, особенно в развитых странах, увеличивается; следовательно, возрастает количество людей преклонного возраста, которые сталкиваются с сердечнососу-

дистыми, неврологическими, онкологическими и другими заболеваниями, присущими этому возрасту. Этот фактор, в свою очередь, приводит к росту спроса на радиофармпрепараты, источники ионизирующего излучения и изотопную продукцию. По данным настоящей работы и некоторым данным МАГАТЭ, ежегодный спрос на подобные продукты и услуги в мире будет расти на 10–12%, по крайней мере, до 2020 г.

Мировая ядерная медицина достигла значительных успехов в производстве различных радиофармпрепаратов. Объём мирового рынка радиофармпрепаратов в 2015 г. составил 4,5 млрд долл. Ожидается, что к 2020 г. он достигнет около 7 млрд долл. Доля России на нём – около 1%.

Среди радиоактивных изотопов наибольшее применение находит молибден-99 (30 млн процедур ежегодно), а среди стабильных – углерод-13. На эти изотопы существует быстро растущий спрос, поэтому необходимо увеличить объём их производства и развивать новые технологии разделения изотопов, в частности, лазерные методы, что представляет актуальную научную и коммерческую задачу.

По использованию ядерных технологий в медицине СССР занимал лидирующие позиции в мире. В настоящее время по некоторым позициям (кобальт-60, цезий-137, америций-241) российские экспортёры занимают ведущее место в мире, но на рынке радиофармпрепаратов их вклад незначителен. По уровню ядерной медицины Россия отстаёт не только от развитых стран, но и от СССР.

Чтобы кардинально изменить сложившуюся в стране ситуацию, необходимо: а) разработать концепцию развития ядерной медицины в России и создать в Минздраве отдельную структуру по проблемам радиологии, которая занималась бы формированием централизованного заказа на оборудование и радиофармпродукцию, а также вопросами подготовки специалистов для ядерной медицины; б) на федеральном уровне решить вопрос включения оплаты радиоизотопной диагностики и терапии в обязательное медицинское страхование; в) упростить лицензирование медучреждений, использующих радиофармпрепараты для диагностики. В противном случае Россия не сможет догнать развитые страны по доступности процедур лучевой диагностики и терапии, несмотря на обширную научно-производственную базу и технологические возможности.

Список литературы

1. Велихов Е.П., Гагаринский А.Ю., Субботин С.А., Цибульский В.Ф. Эволюция энергетики в XXI веке. М.: ИздАт. 2008. 160 с.
2. Данилова Т. Преодолеть дефицит молибдена-99 // Атомный эксперт. 2015. №9. С. 42-47.
3. Изотопы: свойства, получение, применения. Под ред. чл.-корр. РАН В.Ю. Баранова. М.: ИздАТ. 2000. 704 с.

■ Исследовательские статьи

4. Корсунский В.Н., Кодина Г.Е., Брускин А.Б. Ядерная медицина. Современное состояние и перспективы развития // Атомная стратегия. 2007, август. С. 4-6. URL: http://proatom.ru/files/as31_01_17.pdf (дата проверки: 25.07.2016).
5. Петрова И. Изотопы: шанс для завоевания рынка // Атомный эксперт. 2011. № 2. С. 12-14.
6. Трипотень Е., Ганжу О. Ядерная медицина: игра в долгую // Атомный эксперт. 2016. № 1. С. 12-17.
7. Южанин А., Охотина И. Как вылечить ядерную медицину // Атомный эксперт. 2015. № 1. С. 49-53.
8. Palestro C.J. Molybdenum-99. Production and Its Impact on the Medical Community. U.S.NRC, 2015. 14 p. URL: <http://www.nrc.gov/reading-rm/doc-collections/commission/slides/2015/20150414/palestro-20150414.pdf> (дата проверки: 29.07.2016).
9. Tennenbaum J. The Isotope Economy. Executive Intelligence Review. 2006. October 6. Pp. 8-37. URL: http://www.21stcenturysciencetech.com/2006_articles/Isotope_Economy.pdf (дата проверки: 29.07.2016).

Об авторах

Жизнин Станислав Захарович – д.э.н., профессор, президент Центра энергетической дипломатии и геополитики. E-mail: s.zhiznin@rambler.ru.

Тимохов Владимир Михайлович – к. ф.-м. н., Исполнительный директор Центра энергетической дипломатии и геополитики. E-mail: vl.timokhov@gmail.com.

INTERNATIONAL ISOTOPES MARKETS

S.Z. Zhiznin, V.M. Timokhov

The Center of Energy Diplomacy and Geopolitics. 119019, Moscow, Gogolevsky bulvar, 17.

Abstract: *The paper studies world markets of stable and radioactive isotopes. Isotopes have found various applications in science, industry, agriculture and other sectors of the economy, but especially - in medicine. Nuclear medicine is developing intensively all over the world thanks to the success in the treatment of various diseases with the help of radioactive pharmaceuticals (radiopharmaceuticals).*

The article uses empirical data from a forecast study of the global radiopharmaceuticals market made in 2015 by a research company «Markets and Markets» for the European, North American and global markets. The paper also analyzes the statistical data on the global export and import of natural uranium, enriched and depleted uranium, plutonium, thorium and some stable isotopes of non-medical purposes, presented by a company «Trend economy» in 2014.

Despite a unique industrial base for the production of isotopes created in the Soviet Union Russia occupies a modest position on the world market of nuclear medicine except for certain areas. More than 80% of isotopes, produced in USSR were consumed domestically, the export of the stable and radioactive isotopes was in equal proportions.

Now the country's domestic radiopharmaceuticals market is poorly developed. To radically change the situation, it is necessary to carry out reforms that stimulate the development of nuclear medicine.

Key words: isotopes, nuclear medicine, radiopharmaceuticals, chemicals, nuclear reactor, nuclear medicine markets.

References

1. Velikhov E.P., Gagarinskii A.Iu., Subbotin S.A., Tsibul'skii V.F. *Evolutsiia energetiki v XXI veke* [The evolution of energy in the XXI century]. Moscow, IzdAt Publ., 2008. 160 p. (In Russian).
2. *Izotopy: svoistva, poluchenie, primeneniia* [Isotopes: Properties, Production, application]. Ed by V.Y. Baranova. Moscow: IzdAT. 2000. 704 p. (In Russian).
3. Danilova T. Preodolet' defitsit molibdena-99 [To overcome shortage of molybdenum-99]. *Atomnyi ekspert*. 2015, no. 9. Pp. 42-47. (In Russian).
4. Korsunskii V.N., Kodina G.E., Bruskin A.B. Iadernaia meditsina. Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Nuclear medicine. Current state and prospects of development]. *Atomnaia strategii*. August, 2007, pp. 4-6. URL: http://proatom.ru/files/as31_01_17.pdf (Accessed 25.07.2016). (In Russian).
5. Petrova I. Izotopy: shans dlia zavoevaniia rynka [Isotopes: a chance to gain market]. *Atomnyi ekspert*. 2011, no. 2. Pp. 12-14. (In Russian).
6. Tripoten' E., Ganzhu O. Iadernaia meditsina: igra vdolguui [Nuclear medicine: longtime game]. *Atomnyi ekspert*. 2016, no.1. Pp. 12-17. (In Russian).

7. Iuzhanin A., Okhotina I. Kak vylechit' iadernuiu meditsinu [How to cure nuclear medicine]. *Atomnyi ekspert*. 2015, no.1. Pp. 49-53. (In Russian).
8. Palestro C.J. Molybdenum-99. Production and Its Impact on the Medical Community. *U.S.NRC*, 2015. 14 p. URL: <http://www.nrc.gov/reading-rm/doc-collections/commission/slides/2015/20150414/palestro-20150414.pdf> (Accessed 29.07.2016).
9. Tennenbaum J. The Isotope Economy. *Executive Intelligence Review*. October 6, 2006. Pp. 8-37. URL: http://www.21stcenturysciencetech.com/2006_articles/Isotope_Economy.pdf (Accessed 29.07.2016).

About the authors

Zhiznin Stanislav Z. – The Center of Energy Diplomacy and Geopolitics. E-mail: s.zhiznin@rambler.ru.

Timokhov Vladimir M. – The Center of Energy Diplomacy and Geopolitics, 119019, Moscow, Gogolevsky b-ar, d. 17. E-mail: vl.timokhov@gmail.com.

ОЦЕНКА РИСКОВ ЭЛЕКТРОСЕТЕВЫХ КОМПАНИЙ РОССИИ ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИТОРАМИ

Д.Л. Валькова

«Sberbank SIB» Корпоративно-инвестиционный бизнес Сбербанка России.
125009, Москва, Романов пер., 4.

Целью статьи является анализ воздействия текущего кризиса на оценку иностранными инвесторами электросетевых компаний России, а также перспектив привлечения иностранного капитала в отрасль.

Сложившаяся в экономике ситуация привела к существенному снижению инвестиционной привлекательности России и обострила специфические для электросетевого комплекса проблемы.

Увеличение инфляции, девальвация национальной валюты, сокращение ВВП, снижение потребления электроэнергии, кризис банковской системы являются проявлением кризиса на макроэкономическом уровне и отрицательным образом сказываются на инвестиционном профиле страны. Это влечёт увеличение премии за риск при вложении капитала иностранными инвесторами в российские активы вне зависимости от отраслевой принадлежности. Одновременно обострились и такие проблемы электросетевого комплекса, как недостатки и неопределённость регулирования, в котором происходят постоянные изменения, проблемы неплатежей, ограниченное использование современных технологий. Это не могло не оказать влияния на настроения инвестиционного сообщества.

Для повышения оценки инвестиционного профиля страны необходим комплексный подход, который будет определяться общей направленностью экономического развития и положением России на международной арене. Особая роль отводится единой стратегии и синхронизированности действий правительства и ведомств.

Что касается факторов, специфических для электросетевого комплекса, то, по мнению экспертов и ключевых участников рынка, основной предпосылкой для качественного улучшения ситуации может стать прозрачная и сбалансированная система долгосрочного тарифообразования.

Таким образом, статья рассматривает изменение восприятия иностранными инвесторами перспектив капиталовложений в электросетевой комплекс России, а также возможные последствия для развития сектора.

Ключевые слова: электроэнергетика, электросетевой комплекс, инвестиции, кризис, финансирование.

В статье рассматривается влияние кризиса 2014-2016 гг. на оценку иностранными инвесторами электросетевого комплекса России.

В научной литературе довольно широко освещён вопрос привлечения зарубежных инвестиций в российскую экономику в период 2010-2016 гг. такими авторами, как И.В. Данилин, Э.Г. Соловьёв, А.К. Ильин, А.Е. Дворецкая, С.В. Каледин.

Проблемы электросетевого комплекса, финансирование программ капитальных вложений, в том числе, также неоднократно становились предметом обсуждения специалистов. В частности, работы Н.Васильевой, Р.Непал, Н.Черненко освещают такие вопросы, как реформирование отрасли и связанные с ним проблемы, регулирование электросетевого комплекса, финансирование отрасли.

Вместе с тем непосредственное влияние текущей ситуации на финансирование электросетевых компаний иностранными инвесторами детально не рассматривалась. Данный вопрос представляет особый интерес, поскольку до начала 2014 г. отрасль представляла одно из перспективных направлений для вложения денежных средств из-за рубежа, особенно с учётом практики финансирования электросетевого комплекса частными инвесторами в странах Европы и Латинской Америки.

Основной целью исследования стал анализ воздействия сложившейся ситуации с точки зрения перспектив привлечения финансирования в отрасль, а также выработка рекомендаций по минимизации негативного влияния последствий кризиса на приток иностранного капитала в электросетевые компании.

Период 2014–2016 гг. стал непростым и для отдельных отраслей, и для российской экономики в целом. Причиной негативной динамики стал целый ряд факторов: эскалация общей геополитической напряжённости и конфликта на Украине в частности, введение экономических санкций странами Европы и США, снижение цен на нефть, девальвация национальной валюты. Обесценение рубля произошло из-за возросших политических рисков, а также из-за неблагоприятной конъюнктуры сырьевых рынков. Попытка ЦБ выровнять ситуацию на финансовом рынке и повышение ключевой ставки привело к дополнительному давлению на бизнес и производственный сектор. Как следствие, в 2015–2016 гг. наблюдался существенный отток иностранного капитала, составивший более 200 млрд долл. США.

Всё это в совокупности не могло не сказаться отрицательным образом на отдельных отраслях и на экономике в целом. По данным

Росстата, по итогам 2014 г. рост реального ВВП составил лишь 0.5% (1.3% в 2013 г.), инфляция достигла рекордных 11.4% (6.5% в 2013 г.), произошла практически двукратная девальвация рубля – с 33 руб./долл. США в январе 2014 г. до 75 руб./долл. США по состоянию на середину февраля 2016 г. Кроме того, произошло и сокращение международных резервов (с 470 млрд долл. до 368 млрд долл. на конец 2013 г. и 2015 г. соответственно) и инвестиций (-2% в годовом выражении на конец 2014 г.).¹

Существующие сегодня международные политические конфликты и усиление напряжённости в отношениях с другими странами привели к росту оценки политических рисков Российской Федерации и негативно сказались на инвестиционном климате нашей страны. Это прежде всего отразилось на оценке кредитоспособности РФ международными рейтинговыми агентствами – Standard and Poor's (S&P), Moody's и Fitch. Рейтинги этих организаций служат во всем мире одним из основных индикаторов инвестиционной привлекательности и уровня рисков для инвесторов. Так, S&P в 2014 г. изменило рейтинг РФ с BBB до BBB-, а в январе 2015 г. перевело его в так называемую «неинвестиционную» категорию, понизив до BB+. В начале 2016 г. S&P подтвердили свою оценку, сохранив рейтинг на данном уровне. Агентство Fitch снизило свою оценку на 1 ступень (с BBB до BBB-) в январе 2015 г., Moody's – на 2 ступени в течение 2014 г. (с Baa1 до Baa3 – аналог BBB- S&P), а затем и до Ba1, оставив рейтинг на пересмотре с перспективой дальнейшего понижения.

Кроме того, негативную динамику продемонстрировал и кредитный дефолтный своп (CDS) РФ – один из ключевых индикаторов оценки рисков страны международными инвесторами, отражающий дополнительную премию, которую требует рынок по сравнению с безрисковым активом. Так, с уровня в 146 б.п. в начале 2014 г. 5-летний CDS вырос до 337 б.п. по состоянию на февраль 2016 г.

Данные индикаторы свидетельствуют о явно негативном тренде в восприятии российского риска международным инвестиционным сообществом, который, в частности, нашёл отражение и в оттоке иностранного капитала. По оценкам Центрального Банка России (ЦБ), он составил 151 млрд долл. в 2014 г. и более 50 млрд долл. в 2016 г.²

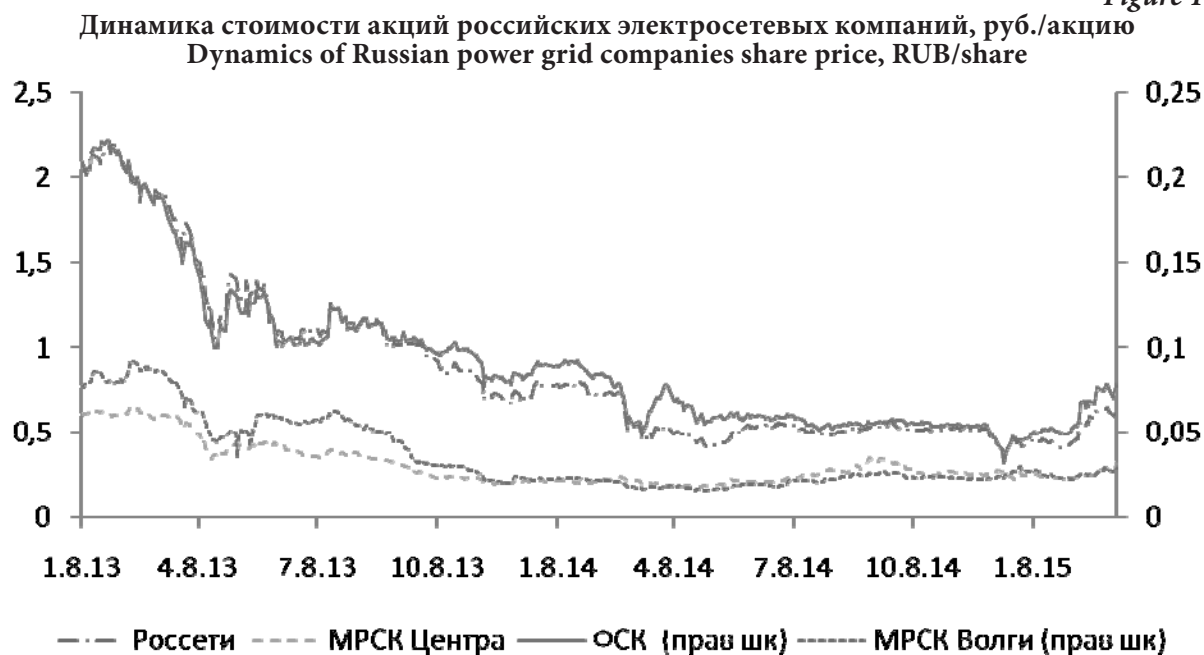
Оценим общий характер влияния изменений оценки инвестиционного климата и политических рисков РФ на показатели электросетевых компаний. Несмотря на то, что в настоящее время вовлечённость иностранных инвесторов в сектор относительно невелика, сложившаяся

¹ Данные Росстата URL: // <http://www.gks.ru/> URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (дата проверки: 2015-03-20).

² Данные ЦБ РФ URL: <http://www.cbr.ru/> URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/bal_of_payments_est_new.htm&pid=svs&sid=itm_45297 (дата проверки: 2015-03-20).

Рисунок 1.

Figure 1.

Источник: Bloomberg.

Source: Bloomberg.

ситуация оказывает как непосредственное, так и косвенное влияние на отрасль.

Неблагоприятная экономическая конъюнктура, возросшие риски и общая неопределённость развития ситуации, прежде всего, отрицательно сказались на стоимости компаний. Если в начале 2014 г. цена акций электросетевых компаний уже находилась на исторически низком уровне из-за очередных неожиданных действий регулятора по ограничению роста тарифов естественных монополий, то во второй половине 2014 г. она продолжила снижение (рис. 1).

Естественно, что в подобных условиях у собственника (в данном случае государства) окончательно исчезли стимулы для того, чтобы предпринимать дальнейшие шаги по продаже доли в дочерних обществах ОАО «Российские сети» частным инвесторам. В то же время, в текущей редакции Стратегии развития электросетевого комплекса РФ привлечение иностранного капитала, а вместе с ним и внедрение передовых иностранных технологий, значится в качестве одной из первоочередных задач.³

Ухудшение инвестиционного климата нашло отражение и в настроении потенциальных иностранных инвесторов, которые до 2014 г. проявляли интерес к отрасли. Так, например, в 2012 г. в соответствии с заключенным согла-

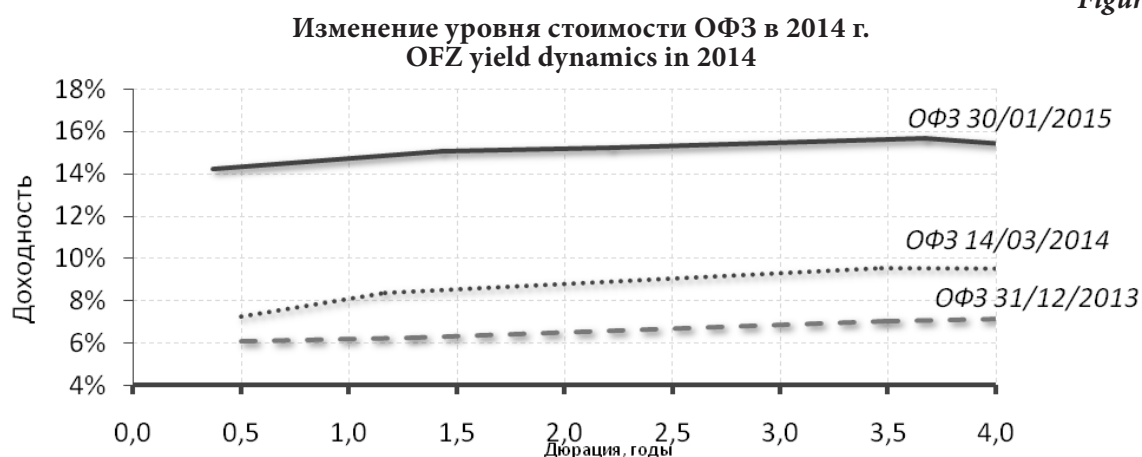
шением о сотрудничестве между компанией ERDF и ОАО «Холдинг МРСК», французским партнёрам было передано в управление ОАО «Томская распределительная компания». За два года работы иностранные менеджеры добились положительных результатов: были оптимизированы расходы (8.5% по сравнению с планом), технологические нарушения в сетях сократились на 26%, а потери в сетях – на 2.8%⁴. Кроме того, компания вышла на лидирующие позиции по срокам технологического присоединения. Таким образом, эффект от передачи компании в управление иностранным партнёрам очевиден, несмотря на то, что значительная часть проблем, таких как, к примеру неплатежи, сохраняются и не могут быть решены одной лишь сменой менеджмента.

В 2014 г. также шли дискуссии о том, чтобы передать ERDF в управление ещё одну дочернюю компанию ОАО «Российские сети», а именно, «Кубаньэнерго» или МРСК Юга.⁵ Однако, в декабре 2014 г. ОАО «Российские сети» вынесло на повестку собрания акционеров вопрос о досрочном прекращении договора с ERDF (который первоначально был заключен до 2019 г.) поскольку услуги управляющей компании стоят довольно дорого, особенно в изменившихся экономических условиях, а перспективы инвестиций с французской стороны в сложившейся ситуации практически отсутствуют. Решением

³ Стратегия развития электросетевого комплекса Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. № 511-р // Российская газета. 2013 г. № 14.

⁴ Годовой отчет ОАО «ТРК» за 2013 г. URL: <http://www.trk.tom.ru/investors/meetings/materials/23062014/2.%20Годовой%20отчет%20за%202013.pdf> (дата проверки: 2015-04-01).

⁵ Фомичёва А. Россети забросят французов на юг // Коммерсант. 2014. 12 мар. С. 7.

Рисунок 2.
Figure 2.

Источник: Московская биржа.
Source: Moscow exchange.

общего собрания акционеров от 29 июня 2015 г. договор был досрочно расторгнут.⁶

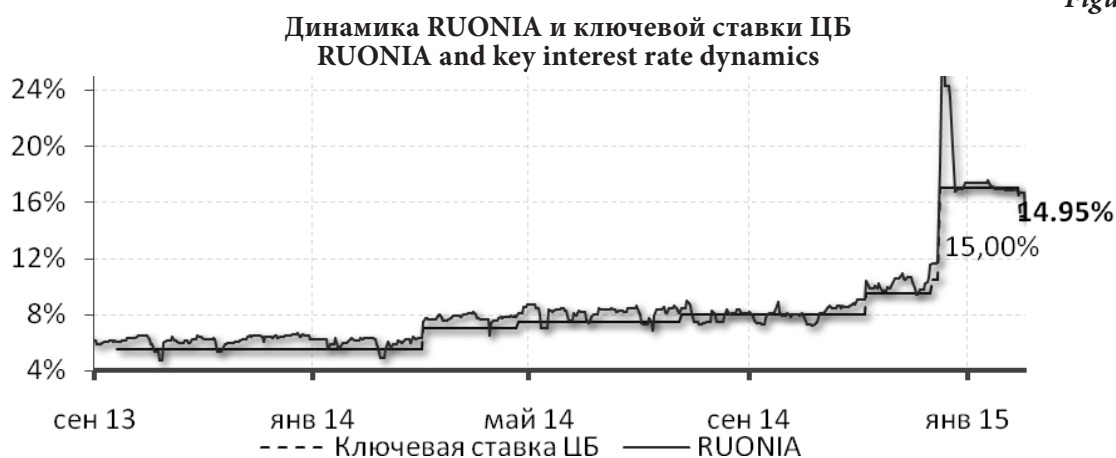
В апреле 2016 г. итальянская Enel объявила о возможном выходе из российских активов: компания рассматривает перспективы продажи принадлежащих ей конденсационных электростанций профильным инвесторам в регионах. Хотя данные активы являются генерирующими, данное решение крупнейшего международного энергетической группы также свидетельствует о негативном настрое иностранных инвесторов в отношении отрасли в целом.

Ухудшение восприятия инвесторами риска российских корпораций и рост девальвационных ожиданий в отношении национальной валюты нашли отражение не только в снижении стоимости акций, но и в изменении оценки долга компаний.

Обострение ситуации на финансовом рынке снизило доступность заёмных средств как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Если говорить о российском банковском секторе, который, помимо ключевого собственника в лице государства, является одним из основных источников заёмных денежных средств через государственные банки для российского электросетевого комплекса, то кризис оказал на него непосредственное влияние.

Из-за обострения внешнеполитической ситуации и ухудшения восприятия иностранными инвесторами заёмщиков из РФ сами российские финансовые организации столкнулись с ограничением фондирования за рубежом – как из-за санкций стран ЕС и США в отношении отдельных имён (ключевыми из которых стали «Сбербанк» и ВТБ), так и на фоне резко возросшей оценки кредитных рисков эмитентов из России, что сделало займы на международных рынках экономически невыгодными. Создавшаяся ситуация и просто неготовность иностранных инвесторов участвовать в размещениях долговых бумаг российских заёмщиков

Рисунок 3.
Figure 3.

Источник: Bloomberg, ЦБ РФ.
Source: Bloomberg, CB R.

⁶ Протокол № 16 Годового общего собрания акционеров ОАО «Томская распределительная компания» URL: <http://trk.tom.ru/upload/iblock/a1b/a1b578f15b7c053e8fbd741c60ee2b24.pdf>

■ Исследовательские статьи

также повлияла на доступность финансирования.

Помимо сложностей с получением средств внутри страны (у банков и на публичном рынке), практически исчезла возможность фондирования за рубежом для российских электросетевых компаний, особенно в рублях.

Так, один из наиболее активных кредиторов российской экономики «Европейский банк реконструкции и развития» (ЕБРР) с середины 2014 г. прекратил выдачу новых кредитов российским компаниям. Это произошло по рекомендации большинства членов совета директоров Банка, поддержавших невозможность новых вложений в российскую экономику в ближайшей перспективе. За последние 15 лет ЕБРР предоставлял кредитование таким компаниям, как ОАО «Мосэнерго», ОАО «Ленэнерго», ОАО «Системный оператор», ОАО «ФСК ЕЭС», ОАО «РусГидро» и др. [6]. В начале 2014 г. такжешло обсуждение предоставления долгосрочного финансирования банком ОАО «ФСК ЕЭС» в размере 10 млрд руб. на долгосрочный период для внедрения интеллектуальных сетей.

Помимо сворачивания прямого кредитования иностранными банками российских электросетевых компаний, из-за текущего кризиса фактически закрыта возможность размещения еврооблигаций на международных долговых рынках, особенно номинированных в рублях, для эмитентов сектора. Напомним, что до настоящего момента на международные рынки долгового капитала выходили только ОАО «РусГидро» и ОАО «ФСК ЕЭС» – в 2010 г. и 2012 г. с выпусками еврооблигаций, номинированных в рублях. Сделки оказались довольно успешными – компаниям не только удалось диверсифицировать портфель кредитов, но и зафиксировать привлекательные ставки на длительный срок за счёт более широкой, по сравнению с локальным рынком, инвесторской базы и позитивной оценки российской специфики и перспектив национальной валюты международным сообществом на момент сделок. Оба размещения стали успешными прецедентами публичного фондирования российских электроэнергетических компаний за рубежом. Однако в последующие годы подобных транзакций не произошло, в значительной степени из-за изменений оценки инвесторами российской специфики, усиления девальвационных ожиданий относительно национальной валюты.

Негативное отношение потенциальных инвесторов объясняется тесными связями государства с предприятиями отрасли – хотя ни одна из компаний не попала непосредственно в списки «санкционных» предприятий, иностранные инвесторы зачастую ограничивают перспективы предоставления денежных средств

таким заёмщикам в неформальном режиме, как это произошло, например, с ЕБРР.

Такие связи государства и электросетевых компаний РФ привели к снижению корпоративных рейтингов ОАО «ФСК ЕЭС» всеми тремя международными агентствами в начале 2015 г. до уровней BB+/Ba1/BBB- от S&P, Moody's и Fitch, соответственно, ОАО «Российские сети» до уровней BB+/Ba2 от S&P и Moody's, а также ряда ДЗО ОАО «Российские сети». Эти действия не только отражают реальную оценку динамики кредитного качества компаний в глазах инвесторов, но и, с большой вероятностью, приведут к повышению стоимости долговых заимствований в будущем, в том числе и на внутреннем рынке при прочих равных условиях.

Отсутствие доступа к международным рынкам долгового капитала для российских электросетевых компаний в ещё большей степени снижает их инвестиционную привлекательность из-за того, что для аналогичных предприятий за рубежом данный источник финансирования является одним из основных инструментов фондирования.

Ограниченные возможности привлечения финансирования извне на фоне ухудшения экономической ситуации в целом, когда происходит сокращение государственных расходов и, соответственно, возможности получения дополнительных вливаний со стороны основного акционера, большинство сетевых компаний негативно влияют на выполнение инвестиционной программы ключевыми предприятиями отрасли. Капитальные вложения в секторе имеют особое значение, когда износ основных фондов составляет порядка 70%. [5] Такая тенденция также отрицательно сказывается на инвестиционном профиле компаний, поскольку ограничивает перспективы увеличения их акционерной стоимости.

Так, сложившаяся ситуация привела к пересмотру планов по капитальным вложениям ОАО «ФСК ЕЭС» – в начале 2015 г. компания объявила о возможном сокращении инвестиционной программы на период 2016-2019 гг. практически вдвое «в связи с изменившейся финансово-экономической ситуацией в стране»⁷. От одних проектов ОАО «ФСК ЕЭС» может отказаться (таких, например, как электрификация БАМа и «Транссиба», значительную часть средств на которую предполагалось получить из ФНБ), а сроки выполнения работ по другим могут быть перенесены. Основным требованием для них теперь становится предотвращение роста аварийности. Изменения планов были вызваны не только ростом стоимости финансирования, но и прогнозируемым Минэнерго сокращением спроса на электроэнергию. ОАО «ФСК ЕЭС» не видит смысла вкладывать сред-

⁷ ФСК может сократить пятилетнюю инвестпрограмму на 40% URL: // <http://www.vedomosti.ru/> URL: <http://www.vedomosti.ru/business/news/2015/02/25/fsk-mozhet-sokratit-pyatiletnyuyu-investprogrammu-na-40> (дата проверки: 2015-03-20).

ства в строительство объектов, которые «не будут востребованы» [12].

В начале 2015 г. ОАО «Российские сети» также объявило о планах по снижению капитальных вложений. Из-за необходимости «формирования достаточного денежного потока для покрытия существующих обязательств»⁸. Новый план инвестиционной программы будет в основном направлен на повышение надёжности и выполнение обязательств по технологическому присоединению.

Помимо проблем с привлечением финансирования на выполнение инвестиционных программ электросетевых компаний, дополнительное давление также оказывает значительный рост цен на импортное оборудование из-за девальвации рубля (для ОАО «ФСК ЕЭС», к примеру, на него приходится до 50% всего объёма) [13]. Кроме того, геополитическая напряжённость затрудняет обмен технологиями, играющий ключевую роль в модернизации сетевого комплекса России и в реализации основных задач стратегии развития отрасли [9].

В дополнение к вновь возникшим сложностям, связанным с переоценкой рисков отрасли, ростом стоимости и ограничением фондирования, сокращением потребления электроэнергии, на фоне финансово-экономического кризиса обострились уже существовавшие проблемы, и в первую очередь, неплатежи и неопределённость тарифного регулирования, что также не могло не сказаться на изменении оценки отрасли иностранными инвесторами.

Регулирование российского рынка электроэнергетики предусматривает передачу сбы-

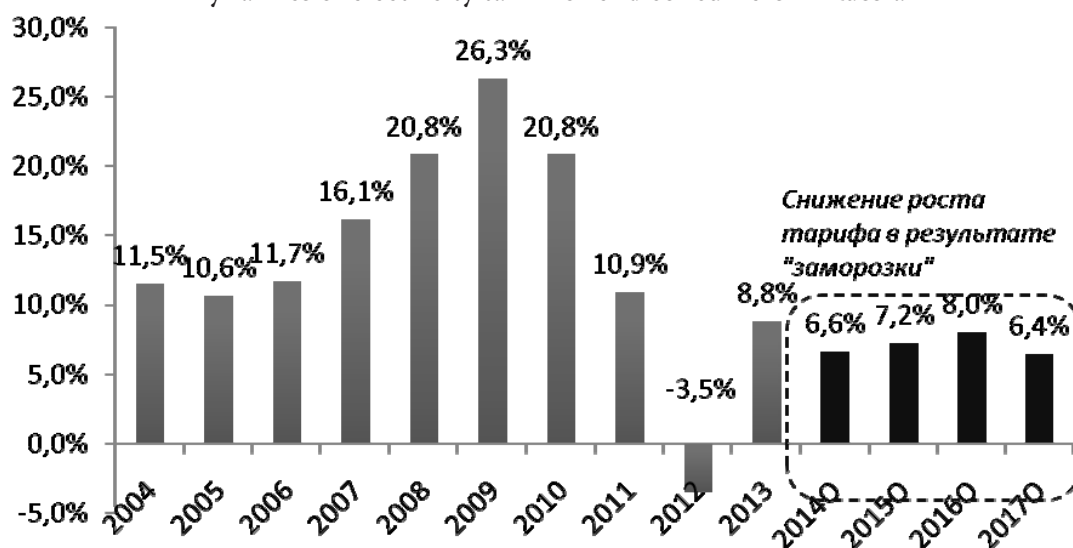
товыми компаниями средств от потребителей электросетям, а также на оптовый рынок электроэнергии и мощности. Просрочка платежа на последнем грозит административными и финансовыми последствиями вплоть до потери статуса гарантирующего поставщика. Вместе с тем эти правила не применимы к расчётам с электросетевыми предприятиями. Если ранее у сбытовых компаний была возможность закрывать кассовые разрывы из-за роста дебиторской задолженности посредством привлечения кредитов, то на фоне роста стоимости финансирования их просто стали перекладывать на электросети. Последние же вынуждены наращивать объёмы «дорогого» долга, что отрицательно сказывается на финансовых результатах и ослабляет кредитный профиль. По оценкам агентства «Эксперт», удорожание обслуживания долга электросетевых компаний может вылиться в 40 млрд руб. дополнительных затрат [10].

Что касается тарифного регулирования, которое чисто теоретически могло бы обозначить дополнительные источники доходов для электросетевых компаний в кризисное время, то здесь также имеется ряд давно существующих проблем. Ухудшение макроэкономических показателей и снижение темпов роста ВВП в последние годы стали причиной для сдерживания роста тарифов регулятором. До 2012 г. значительный рост тарифов (более 10% в год для конечных потребителей в 2004-2011 гг.) был по большей части обусловлен высокими ценами на газ и уголь (рис. 4).

Последняя же редакция прогноза социально-экономического развития Минэконом-

Рисунок 4.
Figure 4.

Динамика роста тарифа на электроэнергию для конечных потребителей в России
Dynamics of electricity tariff for end consumers in Russia

Источник: Sberbank Investment Research.
Source: Sberbank Investment Research.

⁸ «Россети» планируют сократить инвестпрограммы своих «дочек». URL: <http://ria.ru/economy/20150123/1043880851.html> (дата проверки: 2015-03-20).

развития ограничивает рост тарифов для всех категорий потребителей на уровне 10%. Кроме того, «заморозка» тарифов для естественных монополий, принятая в конце 2013 г., предполагает отсутствие их повышения с 1 июля 2014 г.

Что касается правил тарифного регулирования для ОАО «Российские сети» и их дочерних обществ, то в этой области значимые изменения происходили практически ежегодно, а непостоянство российского законодательства стало одним из ключевых рисков отрасли. В 2009 – 2010 гг. был запланирован переход на систему RAB, которая бы позволяла обеспечивать заранее установленную возвратность на инвестированный капитал и тем самым привлекать финансирование на длительный срок [13].

Впервые систему RAB применили в Великобритании в начале 1990-х гг. в результате приватизации электросетевого комплекса и реформы рынка электроэнергии. Был введен запрет на юридическое объединение и разделение компаний, доминирование какой-либо структуры на рынке. Подобные изменения произошли и в российском электросетевом комплексе. В Великобритании переход на RAB-регулирование оказался действительно эффективным: издержки регулируемых компаний снизились, а в результате сократились и тарифы на электроэнергию, но при этом инвестиции в отрасль выросли. Таким образом, система RAB стала образцом тарифного регулирования во всем мире. Примеру Великобритании в 1990-х гг. последовали многие страны, в числе которых Канада, США, Австралия, страны Западной Европы. В начале 2000-х гг. Европейский союз обязал страны Восточной Европы перейти на RAB. Особенно показательным является румынский опыт, признанный в 2006 г. на совместной конференции регулирующих органов стран ЕС, Восточной Европы и СНГ наиболее успешным. В результате реформы в отрасль привлекли сотни миллионов долларов инвестиций⁹.

Возвращаясь к развитию системы RAB в РФ, темпы роста тарифов электросетей на фоне большого количества заявок на новое строительство оказались чрезмерными, в результате чего уровень платы за услуги передачи электроэнергии ДЗО ОАО «Российские сети» корректируется каждый год, то есть в отрасли в настоящее время фактически действует система тарифообразования *price cap* [5].

Таким образом, множество электросетевых компаний получают отрицательный финансовый результат, а перспективы улучшения ситуации при сохранении текущей системы регулирования крайне неопределенны. Кроме того, негативное влияние на показатели предприятий отрасли оказывают и неподконтрольные макроэкономические факторы, такие как инфляция, девальвация рубля, в результате

которой подорожало импортное оборудование, упомянутая проблема роста дебиторской задолженности. При этом внутренних резервов ОАО «Российские сети» для выравнивания ситуации вряд ли будет достаточно – компания уже добилась оптимизации издержек в тех областях, где это ещё возможно.

Проведенный анализ свидетельствует о разностороннем воздействии кризисной ситуации на восприятие иностранными инвесторами российских электросетевых компаний, дополняя таким образом работы в области привлечения иностранных инвестиций в РФ и проблем российского электросетевого комплекса.

С одной стороны, влияние оказывают макроэкономические факторы, которые проявляются в общем ухудшении климата и переоценке кредитного риска РФ на фоне ускорения темпов инфляции, девальвации национальной валюты, снижении потребления электроэнергии, повышении стоимости и сокращения источников кредитования. Это в свою очередь приводит к ухудшению финансовых результатов и пересмотру инвестиционной программы электросетевого комплекса в сторону сокращения. В условиях значительной изношенности основных фондов такая тенденция отрицательно сказывается на акционерной стоимости компаний, а значит, и на перспективах привлечения иностранных инвесторов.

С другой стороны, на фоне кризиса обострились и специфические для отрасли проблемы, что также снизило инвестиционную привлекательность электросетевых компаний. Речь идет, прежде всего, о недостатках регулирования, где происходят постоянные изменения, проблемы платежей, затруднения в использовании и обмене современными технологиями.

Для повышения оценки инвестиционного профиля страны необходим комплексный подход, который будет определяться общей направленностью экономического развития и положением России на международной арене. Особая роль отводится единой стратегии и синхронизированности действий правительства и ведомств, а также последовательности и предсказуемости экономической политики. Только в этом случае возможно достижение положительных результатов.

Что касается специфических для отрасли факторов инвестиционной привлекательности, качественному улучшению ситуации может способствовать прозрачная и сбалансированная система долгосрочного тарифообразования, которая позволила бы обеспечить стабильную доходность на инвестиции на длительном горизонте планирования. Вместе с тем реализация подобных мер возможна только на фоне понятных перспектив улучшения макроэкономической ситуации.

⁹ Милина Я. RAB шагает по стране // Коммерсант. 2008 г. 9 дек. С. 12.

Список литературы

1. Данилин И.В., Джус И.В., Соловьёв Э.Г. Политические риски иностранных инвестиций в РФ. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 109 с.
2. Дворецкая А.Е. Инвестиционный потенциал российской экономики // Финансы и кредит. 2007, Апрель, №16. С. 2-18.
3. Ильин А. Иностранные инвестиции в России / Ильин А., Вискребенцева И. // Инвестиции в России. 2009. № 2. С. 30-31.
4. Каледин С.В. Проблемы получения внешних инвестиций для современной России // Экономикс. 2014. №2. С. 31-34.
5. Огородников Е. Электросетям нужен порядок // Эксперт. 30.03.2015. С. 13.
6. Приоритеты и деятельность ЕБРР в секторе электроэнергетики на территории России // Энергоаудит. №1 (13). 2010. С. 28-30.
7. Труфанов А. Электроэнергетика. Регулируемая привлекательность / А. Труфанов, Н. Сусеева // Sberbank CIB Investment Research. Июнь 2014.
8. Швец Н.Н., Демидов А.В. Опыт внедрения RAB-регулирования в распределительном электросетевом комплексе // Вестник МГИМО-Университета. № 1(22). 2012. С. 267-272.
9. Швец Н.Н., Колесник Г.В. Локализация производства электротехнического оборудования как фактор обеспечения энергетической безопасности государства в условиях глобального рынка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №16. С. 37-45.
10. Chernenko N. Market power issues in the reformed Russian electricity supply industry // Energy Economics. Vol. 50, July 2015. Pp. 315-323.
11. Faruqui, A & J. Palmer. Dynamic Pricing and its Discontents // Regulation, Cato Institute. Vol. 34. No. 3. 2011. Pp. 16-22.
12. Gorbacheva N.V., Sovacool B.K. Pain without gain? Reviewing the risks and rewards of investing in Russian coal-fired electricity // Applied Energy. Vol. 154. 15.09.2015. Pp. 970-986.
13. Russian electricity reform update: Laying an Efficient and Competitive Foundation for Innovation and Modernisation. IEA, 2013. Pp. 58-96.
14. Nepal R, Jamasb T. Caught between theory and practice: Government, market, and regulatory failure in electricity sector reforms // Economic Analysis and Policy. June 2015. Vol. 46. Pp. 16-24.
15. Thomas S. A perspective on the rise and fall of the energy regulator in Britain // Utilities Policy. April 2016. Vol. 39. Pp. 41-49.

Об авторе

Валькова Дарья Леонидовна – вице-президент отдела первичных размещений долговых бумаг ЗАО «Сбербанк КИБ». E-mail: daria_valkova@sberbank-cib.ru.

EVALUATION OF RISKS RELATED TO RUSSIAN POWER GRID COMPANIES BY FOREIGN INVESTORS

D.L. Valkova

CJSC «Sberbank CIB» The Corporate and Investment Banking Business of Sberbank. 125009. Moscow, Romanov per., 4.

Abstract: *The article focuses on the impact of the current crisis on evaluation of risks related to Russian power grid companies by foreign investors as well as on prospects of raising foreign capital.*

The current situation resulted in a considerable deterioration of investment climate in Russia as well as in aggravation of industry-specific problems.

Inflation growth, devaluation of the national currency, GDP decrease, drop in electricity consumption and the crisis in the banking sector negatively impact the investment profile of the country. This leads to increased risk premium for foreign capital investments in any type of Russian assets. At the same time industry-specific problems augmented as well. Those are primarily lack of transparency in regulation, which is subject to constant changes, growth in overdue receivables, limited access to modern technologies. All of the above had a considerable impact on the perception of Russian risks by international investors.

A comprehensive approach is needed to improve the investment climate in the country and this would be largely defined by the general macroeconomic development of the Russian Federation and relations

■ Исследовательские статьи

with other states. Consistent strategy and integrated actions of the Government and respective Ministries are of particular importance.

As for the industry-specific factors, transparent and well-balanced long-term tariff system is the key condition for sustainable improvement of the situation in the sector, according to the major industry participants and leading experts.

Thus, the article highlights changes in investor perception of the Russian power grid sector as well as relative impact on the industry development prospects. This analysis is the basis for further elaboration of recommendations regarding easing off of the crisis impact on the power grid companies as well as for assessment of prospects of meeting strategic industry development objectives.

Key words: power industry, power grids, investments, foreign capital, crisis, funding.

References

1. Danilin I.V., Dzhuz I.V., Solov'ev E.G. *Politicheskie riski inostrannykh investitsii v RF*. [Political risks of foreign investments to Russia]. Moscow, IMEMO RAN, 2010. 109 p. (In Russian)
2. Dvoret'skaia A.E. Investitsionnyi potentsial rossiiskoi ekonomiki [Investment prospects of the Russian economy]. *Finansy i kredit - Finansy i kredit*. 2007, April, no. 16, pp. 2-18 (In Russian).
3. Il'in A. Inostrannye investitsii v Rossii [Foreign investments in Russia]. *Investitsii v Rossii*. 2009, no. 2, pp. 30-31 (In Russian).
4. Kaledin S.V. Problemy polucheniia vneshnikh investitsii dlia sovremennoi Rossii [Problems with raising foreign investments in the modern Russia]. *Ekonomiks*. 2014, no. 2, pp. 31-34 (In Russian).
5. Ogorodnikov E. Elektrosetiam nuzhen poriadok [Electricity grids need an order]. *Ekspert*. 30.03.2015, p. 13 (In Russian).
6. Prioritety i deiatel'nost' EBRR v sektore elektroenergetiki na territorii Rossii [Priorities and activities of EBRD in the power sector in Russia]. *Ergoaudit*. 2010, no.1 (13), pp. 28-30 (In Russian).
7. Trufanov A., Suseeva N. Elektroenergetika. Reguliruemaia privlekatel'nost' [Electric power sector. Adjustable attractiveness]. *Sberbank CIB Investment Research*. June 2014. (In Russian)
8. Shvets N.N., Demidov A.V.. Opyt vnedreniia RAB-regulirovaniia v raspredelitel'nom elektrosetevom komplekse [The experience of adoption of RAB-regulation in the distribution grid complex]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2012, no. 1 (22), pp. 267-272 (In Russian).
9. Shvets N.N., Kolesnik G.V. Lokalizatsiia proizvodstva elektrotekhnicheskogo oborudovaniia kak faktor obespecheniia energeticheskoi bezopasnosti gosudarstva v usloviakh global'nogo rynka [Localization of production of electrical equipment as a factor of ensuring the energy security of the state in the age of the global market]. *atsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2014, no.16, pp. 37-45 (In Russian).
10. Chernenko N. Market power issues in the reformed Russian electricity supply industry. *Energy Economics*, vol. 50, July 2015, pp. 315-323.
11. Faruqui, A & J. Palmer. Dynamic Pricing and its Discontents. *Regulation, Cato Institute*. 2011, vol. 34, no. 3, pp. 16-22.
12. Gorbacheva N.V., Sovacool B.K. Pain without gain? Reviewing the risks and rewards of investing in Russian coal-fired electricity. *Applied Energy*, 15.09.2015, vol. 154, pp. 970-986.
13. Russian electricity reform update: Laying an Efficient and Competitive Foundation for Innovation and Modernisation. *IEA*, 2013. Pp. 58-96.
14. Nepal R, Jamasb T. Caught between theory and practice: Government, market, and regulatory failure in electricity sector reforms. *Economic Analysis and Policy*. June 2015, vol. 46, pp. 16-24.
15. Thomas S. A perspective on the rise and fall of the energy regulator in Britain. *Utilities Policy*. April 2016, vol. 39, pp. 41-49.

About the author

Daria L. Valkova – vice president of initial public offering of debt securities department, CJSC "Sberbank CIB."
E-mail: daria_valkova@sberbank-cib.ru.

СУБГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.П. Артеев

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 167001, Республика Коми, Сыктывкар.

Рецензия на книгу: О.В. Плотникова, О.Ю. Дубровина «Международные связи регионов государств: характеристика и особенности». М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 192 с.

Учебное пособие посвящено международной деятельности субгосударственных акторов международных отношений. Под субгосударственными акторами имеются в виду регионы государств. Авторы издания предлагают наряду с межгосударственными отношениями (первый уровень) и наднациональными организациями (второй уровень) выделить третий уровень международных отношений – международные связи регионов федеративных и унитарных государств. Тема весьма актуальна в силу продолжающейся перестройки архитектуры международных отношений и мировой политики. Помимо прочего, эти процессы приводят к вовлечению в международные отношения всё новых и новых акторов. В результате меняется конфигурация и роль традиционных игроков. Помимо долгосрочных эволюционных процессов, не стоит забывать и о положении России в последние несколько лет. Очевидно, что текущая мирополитическая напряженность вокруг Российской Федерации не может быть полностью устранена старыми методами. В то же время субгосударственные акторы способны гармонично сочетать в своей международной деятельности как приёмы, характерные для традиционных акторов – государств, так и наработки из арсенала нетрадиционных игроков – НКО, НПО и т.п. Позитивных результатов таким образом можно будет достичь быстрее и на межгосударственном уровне.

Ключевые слова: международные связи регионов государств, уровни международных отношений.

Международные связи регионов государств демонстрируют очевидный тренд на усиление своей роли в современном мире. В то же время «отклик» академического сообщества несколько отстаёт. Несмотря на обилие защищённых диссертаций по теме международных связей субгосударственных акторов, регулярно выходящие статьи в солидных научных периодических изданиях и наличие соответствующих дисциплин в вузах, где проводится обучения по направлению «Международные отношения», до сих пор ощущается острый недостаток именно учебной литературы по данной проблематике (впрочем, и об изобилии научных изданий также говорить не приходится). И тем примечательней выход учебного пособия О.В. Плотниковой и О.Ю. Дубровиной, посвящённого международно-деятельности субнациональных акторов.

Актуальность темы не вызывает сомнения. Более того, международно-политическая обстановка в последние несколько лет явно побуждает к поиску новых способов для решения как старых задач, так и ответа на новые вызовы. И в этом вопросе регионы государств способны сыграть весьма значимую роль.

Учебное пособие структурно разделено на введение, главы, заключение и дополнительные материалы. Первые три главы носят обобщающий характер и посвящены теоретическим, политико-правовым и институциональным основам международных связей регионов. В четвёртой главе авторы осуществляют сравнительный анализ внешних связей регионов в федеративных и унитарных государствах. Пятая и шестая главы непосредственно связаны с международной деятельностью субъектов РФ. В пятой главе представлена классификация российских регионов и развернутая характеристика правовых основ их международной деятельности. Заключительная, шестая глава, содержит информацию о федерально-региональных консультативно-совещательных структурах России.

Данная работа носит концептуальный характер, что сближает её с монографическими исследованиями. Авторская концепция заключается в делении международных отношений на три уровня, исходя из государственно-политической природы её акторов. Основным уровнем по-прежнему остаётся взаимодействие на *национальном (межгосударственном)* уровне. Межгосударственный уровень выступает в качестве осевого, первичного уровня, на орбите которого располагаются ещё два уровня международного взаимодействия – *наднациональный* и *субнациональный*. Как известно, *наднациональный* уровень международных отношений (вторичный относительно государств) получает огромное влияние со второй половины XX в. Кроме того, начиная с последней трети XX в. все большую значимость приобретает третий уровень, на котором регионы государств вы-

ступают в качестве *субгосударственных/субнациональных* акторов международных отношений (данный уровень также вторичен по отношению к государствам). Конечно, все эти уровни не являются изолированными, а подвержены взаимной диффузии. В определённом смысле такая концепция бросает вызов многим устоявшимся положениями теории международных отношений. И хотя авторы не останавливаются на этом подробно, представляется необходимым сделать некоторые пояснения. Прежде всего, данная концепция трудновместима с классическими идеями неореализма, сформулированными в трудах таких классиков как Д. Сингер и К. Уолц, что, впрочем, вполне объяснимо. Основные положения неореализма были сформулированы и представлены академическому сообществу в эпоху холодной войны, когда неореализм был наиболее востребованным в силу ярко выраженного конфронтационного характера международных отношений в глобальном масштабе. Известно, что неореализм, как и реализм, характеризуется ориентированностью на государство в качестве единственного ключевого игрока анархичных международных отношений. Именно поэтому фокус внимания неореалистов сосредоточен на анализе различных аспектов вопросов безопасности (на индивидуальном, национальном и международном уровнях). Между тем, масштабные перемены, происходившие в последней трети XX в., привели к тектоническим сдвигам в системе международных отношений. В результате произошли серьёзные структурные изменения и в составе субъектов международных отношений. Активизация международной деятельности субгосударственных игроков стала более заметной в 1990-е гг., хотя регионы Канады, ФРГ и некоторых других государств Запада к этому периоду имели уже несколько десятилетий опыта в сфере культурно-гуманитарного и научно-образовательного международного сотрудничества. Помимо субгосударственных акторов, глобализация, развернувшаяся в полную силу после прекращения существования биполярной системы, также вывела на мировую арену других участников – НКО, НПО и ТНК и т.п. Можно говорить о формировании целого класса нетрадиционных акторов международных отношений в постбиполярный период. В связи с этим объяснительный потенциал моделей неолиберального институционализма (в части понижения роли государства) и конструктивизма (особая роль культурных и социальных ценностей) является более адекватным для анализа появления субнациональных акторов и их поведения в международных делах. По всей видимости, предложенная О.В. Плотниковой и О.Ю. Дубровиной концепция тяготеет именно к этим парадигмам в ТМО. В то же время не вполне прояснённым остаётся вопрос о месте субнациональных игроков среди других нетрадиционных участни-

ков международных отношений. Основным тезисом авторов в рамках предложенной концепции можно считать идею о высокой степени специфичности субгосударственных акторов на международной арене. Действительно, среди множества других новых, нетрадиционных игроков, прочно обосновавшихся в международных отношениях во второй половине XX – начале XXI вв., положение регионов государств является весьма примечательным. По многим параметрам субнациональные акторы представляют из себя наиболее сложные объекты для научного анализа. Как уже было обозначено выше, субгосударственные акторы, с одной стороны вторичны относительно государств и это накладывает не только определённые ограничения, но обуславливает поведение, сходное с «родительским элементом». С другой стороны, регионы государств имеют возможность более активно использовать инструментарий, применяемый другими нетрадиционными акторами. Иначе говоря, субнациональные игроки являются акторами комбинированной природы.

Помимо наличия концептуальных основ с научным изданием данную работу сближает и рассмотрение такой сложной темы как политическая составляющая в деятельности субгосударственных акторов. Авторы аргументированно и взвешенно выражают свою позицию (С. 125 - 134). Они справедливо указывают на наличие и необходимость региональной компоненты во внешней политике РФ. Заслуживают особого внимания и убедительные доводы в пользу диагональных связей регионов (С. 108). Именно диагональные связи, то есть сотрудничество по линии «субъект РФ – зарубежное государство», зачастую подвергаются необоснованной жёсткой критике. Между тем, диагональные связи сами по себе не несут угрозу для Центра, зато открывают возможности для реализации масштабных проектов, которые невозможно реализовать по линии «регион государства – региона государства», но которые в то же время малоинтересны Центру.

В то же время, учебное пособие, содержит некоторые дискуссионные моменты, что обусловлено сложностью темы. Авторы считают, что регионы *не обладают международной правосубъектностью* (С. 9, 11, 14). Эта мысль представляется излишне категоричной. Некоторые отечественные учёные выдвигают немало весомых аргументов в пользу того, что регионы государств по факту являются субъектами международного права [4]. Обычно сторонники позиции о «нулевой» правосубъектности регионов государств делают ссылки на основополагающие международно-правовые акты по этим вопросам (Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция о праве международных договоров). Однако это не выглядит убедительным, ведь в период, когда эти акты создавались и вводились в действие, мирополитическая система сильно отличалась

от современной и субнациональные акторы ещё только начинали выходить на международную сцену, а сами основополагающие акты далеко не во всех случаях трактуются однозначно и содержат соответствующие запретительные нормы. В противном случае не очень понятно, каким образом заключаются успешные международные соглашения между регионами государств, где обе стороны берут на себя юридические и финансовые обязательства и несут за них ответственность. Даже если Центр будет вовлечён, например, в субгосударственный экономический спор, именно регионы будут основными участниками разбирательств. Кстати, есть соответствующая судебная практика по субъектам РФ, которая опровергает, что субъекты федерации «не могут быть участниками международного публичного права» (С. 69, при этом на С. 23 утверждается прямо противоположное). Кроме правосубъектности, нельзя обойти и тесно сопряжённый с ним вопрос о *неделимости суверенитета в федеративных государствах* (С. 68-69). Как утверждают авторы, суверенитет не может быть поделен и в этом вопросе они солидарны с многими юристами-международниками. Здесь просматривается излишняя ориентированность на нормативный идеал. Между тем в практическом плане в определённые исторические периоды суверенитет оказывался в разделённом состоянии не только в федеративных государствах (противостояние союзного и российского Центров в конце 1980-х гг., взаимоотношения Центра и регионов РФ в 1990-е гг., вольные города и державы-гаранты, особый государственно-правовой статус зависимых территорий США). Именно поэтому сегодня исследователи из самых разных областей научного знания стремятся рассматривать суверенитет не только с правовых, но и с политологических, экономических, социологических точек зрения. В результате российские, европейские и американские авторы указывают на высокую долю сложности этого явления. Суверенитет следует понимать, скорее, как многоуровневый мультиаспектный процесс, нежели как некоторый статичный результат, подчиненный бинарной логике. Помимо этого, О.В. Плотникова и О.Ю. Дубровина в своём пособии подвергают жёсткой критике такой политический механизм как *договоры о разграничении предметов ведения между федеральными и региональными властями*, который, по их мнению, «противоречит сущности истинного федерализма» (С. 71). Авторы аргументируют свою позицию тем, что в случае заключения таких договоров выпадает «главный субъект, который творит федерацию: свободные и равноправные граждане» (С. 71), а также тем обстоятельством, что такой договор «противоречит юридической природе договора: договор пригоден лишь для регулирования спора между субъектами, которые равны по своему статусу» (С. 71). Почему авторы считают граждан исключёнными из этого процесса, не-

■ Рецензии

понятно, ведь и федеральные, и региональные власти хотя бы формально, получают мандат на управление демократическим путем. Также недоумение вызывает и обязательное равенство статусов при заключении договоров, ведь неравенство ещё не означает принуждение и т.п. Кроме того, исходя из авторской концепции, несколько парадоксально и противоречиво выглядит и утверждение «государства считают свои регионы акторами международных связей, но не международных отношений» (С. 23) в то время как во Введении авторы прямо указывают на наличие «третьего уровня в системе международных отношений – субнационального» (С. 7). Видимо, данное положение нуждается в каких-то дополнительных пояснениях. О.В. Плотникова и О.Ю. Дубровина полагают, что в последние пятнадцать лет наблюдается *мощное развитие международных связей российских регионов при активной поддержке федеральных властей* (С. 151). Данный тезис выглядит излишне оптимистичным и недостаточно фундированным. Ни в тексте, ни в примечаниях и ссылках не обнаруживаются данные (в виде статистических выкладок), подкрепляющие это утверждение. Более того, можно выдвинуть противоположный аргумент. Например, не очень понятно, почему на столь благоприятном фоне сокращается количество представительств МИД РФ в регионах, а бюджетное финансирование оставшихся учреждений подвергается «оптимизации», в результате чего уменьшается численность персонала (это началось ещё до 2014 г.). По какой причине именно в 2000-е гг. многие субъекты РФ упразднили органы исполнительной власти, которые специализировались в сфере внешних связей. С высокой долей вероятности данные контент-анализа материалов региональных СМИ также покажут снижение интереса региональных властей и общества к теме международной деятельности субъектов РФ по сравнению с 1990-ми гг. Тем не менее, данные дискуссионные моменты

и возможные недочёты не умаляют научной и педагогической значимости учебного пособия.

В силу функционального назначения рассматриваемой работы – учебное пособие – необходимо охарактеризовать его и с педагогического ракурса. Пособие содержит необходимую базовую информацию по проблематике международных связей регионов в доступной форме. Авторы (в сотрудничестве с издательством) значительное внимание уделяют продуманной системе рубрикации и оптимальному визуальному оформлению текста. Помимо этого, в конце каждого параграфа имеются контрольные вопросы, которые являются хорошим способом ввести интерактивность в учебный процесс. Кроме того, в конце издания помещён глоссарий с основными терминами по субгосударственным связям. В то же время в пособии ощущается нехватка наглядного формата представления информации: отсутствуют схемы, графики, таблицы. Также в случае своего наличия полезную функцию мог бы выполнить и раздел с контрольно-измерительными материалами для оценки знаний студентов (тесты, тематика контрольных работ, вопросы для коллоквиумов и т.п.).

Несмотря на наличие ряда дискуссионных положений и выявленные недочёты, данное пособие является качественно выполненным учебным изданием. Авторы представили систематизированную, научно и педагогически обоснованную концепцию международной деятельности регионов государств. По сути, эта заявка на получение регионами государств «своего места» в российском сегменте ТМО. Также появление такой работы вносит существенный вклад в институализацию международных связей регионов в качестве важной учебной дисциплины. Кроме того, информация из пособия может пригодиться и специалистам-практикам. Структура книги позволяет эффективно использовать её в качестве удобного справочника в повседневной деятельности.

Список литературы

1. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М.: МГИМО(У) МИД России, 2005. 187 с.
2. Маркушина Н.Ю., Харлампьева Н.К. Северо-Западный федеральный округ: внешние связи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 260 с.
3. Плотникова О.В. Теория, система и практика международных связей регионов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 262 с.
4. Толстых В.Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2004. 176 с.

Об авторе

Артеев Сергей Павлович – преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55, специализация – «история международных отношений». E-mail: artsp7@yandex.ru.

THE THIRD LEVEL OF INTERNATIONAL RELATIONS: CHARACTERISTICS OF SUB-STATE ACTORS

S.P. Arteev

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin». 167001, Komi Republic, Syktyvkar, the October Avenue, 55.

Abstract: *The article is in the genre of the review for textbook O. V. Plotnikova and O. Y. Dubrovina International relations of the regions States: characteristics and features (Moscow: Norma ; INFRA-M, 2016. 192 p.). Textbook on international activities of sub-state/subnational actors in international relations. Under the sub-state/subnational actors refers to the regions of the States. The authors propose an along with interstate relations (first level) and supranational organizations (second level) to distinguish a third level of international relations – international relations of the regions in Federal and unitary States. The topic is very relevant due to the ongoing restructuring of the architecture of international relations and world politics. In addition, these processes lead to involvement in international relations new actors. The resulting configuration and the role of traditional players. In addition to long-term evolutionary processes, we should not forget about the position of Russia in the last few years. It is obvious that the current tensions around the Russian Federation may not be fully resolved with the old methods. At the same time, sub-state/ subnational actors as subjects of a combined nature, the role played by regions of the Russian Federation, able to combine harmoniously in its international activities as the techniques characteristic of the traditional actors – States and developments in the tools of non-traditional actors – international non-governmental and non-profit organizations etc. As a result of positive results can be achieved faster and at the interstate level. The review considers the subject and the relevance of the topic, presents the analysis of the content of the work. Marked strengths of the textbook, including those associated with the consideration of the diagonal ties and the political components in the international activities of the regions. In addition to the advantages, attention is paid to the analysis of controversial moments. Some authors benefits seem too rigid or insufficiently substantiated. Noted and some defects. The conclusion about the serious significance of this educational publication is not only for a student audience, but also for practitioners.*

Key words: international relations of the state regions, levels of international relations.

References

1. Alexandrov O.B. *Regiony vo vneshnei politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [Regions in Russia's foreign policy. The Role Of The North-West]. Moscow, MGIMO University, 2005. 187 p. (In Russian)
2. Markushina N.Y., Kharlampieva N. T. *Severo-Zapadnyi federal'nyi okrug: vneshnie svyazi* [The North-West Federal Okrug: external relations]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2008. 260 p. (In Russian)
3. Plotnikova O.V. *Teoriia, sistema i praktika mezhdunarodnykh svyazei regionov* [Theory, system and practice of international relations of the regions]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. 262 p. (In Russian)
4. Tolstykh V.L. *Mezhdunarodnaia deiatel'nost' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [International activity of subjects of the Russian Federation]. Moscow, International relations, 2004. 176 p. (In Russian)

About the author

Sergey P. Arteev – lecturer of the Department of history of Russia and foreign countries of the Institute of history and law of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, 167001, Republic of Komi, Syktyvkar. E-mail: artsp7@yandex.ru.